

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

*МАТЕРИАЛЫ
IX МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ*

2–3 октября 2012 г.

Москва 2012

УДК 80
ББК 80я73
С56

*Полное или частичное воспроизведение или размножение
каким бы то ни было способом материалов,
опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного разрешения авторов.*

Современная филология: теория и практика [Текст] : материалы IX
С56 международной научно-практической конференции, г. Москва, 2–3 ок-
тября 2012 г. / Науч.-инф. издат. центр «Институт стратегических ис-
следований». – Москва : Изд-во «Спецкнига», 2012. – 196 с.

ISBN 978-5-91891-202-7

Сборник докладов девятой международной научно-практической кон-
ференции «Современная филология: теория и практика» содержит научные
статьи студентов, аспирантов, соискателей, докторантов, научных сотрудни-
ков российских вузов, стран ближнего и дальнего зарубежья, отражающие
проблемы современной филологической науки, вопросы билингвизма и пере-
вода, а также проблематику подготовки филолога, формирования филологи-
ческой культуры.

Статьи окажутся полезными для филологов разных исследовательских
областей, для учителей-словесников, студентов-филологов и аспирантов.

УДК 80
ББК 80я73

ISBN 978-5-91891-202-7

© Авторы научных статей, 2012
© Спецкнига, 2012
© Институт стратегических исследований, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Abdyeva R.S., Omarova B.A.</i> THE IMPORTANCE OF STUDYING GERMAN LANGUAGE IN KAZAKHSTAN	8
<i>Аверина М.А.</i> АНАЛИТИЗМ – ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-СОЮЗОВ	11
<i>Агузарова С.В.</i> БОГ КАК ПОДАТЕЛЬ СУДЬБЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА АНГЛИЧАН.....	14
<i>Аккужина Ф.Д.</i> ПИЩА В БАШКИРСКИХ КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВЫХ ПРАЗДНИКАХ.....	16
<i>Алборов Н.М.</i> ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ НАРОДНОЙ АФОРИСТИКИ ОСЕТИН.....	18
<i>Багирова Г.А.</i> К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ БЕССОЮЗНОГО ГИПОТАКСИСА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....	21
<i>Беляева Е.В.</i> РЕЧЕВАЯ ОШИБКА В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (на материале русского и китайского языков).....	24
<i>Вавилина М.А.</i> ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В БРИТАНСКИХ И РОССИЙСКИХ ТЕКСТАХ СМИ.....	27
<i>Векишина Ю.П.</i> ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В РОМАНЕ МАЛЬКОЛЬМА БРЭДБЕРИ «В ЭРМИТАЖ».....	31
<i>Волошина Т.Г.</i> ПОЛИПРЕДИКАТВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ПАРАТАКСИСОМ И ГИПОТАКСИСОМ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЦЕНАРНЫХ ТЕКСТОВ)	34
<i>Газизулина Э.Р.</i> «СТИХИ О ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ» ВАДИМА ШЕФНЕРА: ЦИКЛ КАК ФОРМА ВОПЛОЩЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ	37

<i>Голосова Е.А.</i> «СИНЯЯ ПТИЦА» МЕТЕРЛИНКА: РОДОСЛОВНАЯ СЮЖЕТА	39
<i>Горобец Е.А.</i> НЕОМОНИМИЧНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ БИАСПЕКТИВОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	43
<i>Гущина Г.И.</i> ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ИНТЕРНЕТ- ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕНИЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ СПОРТИВНОГО САЙТА “ALLHOCKEY.RU”)	46
<i>Даренская Н.А.</i> ПРИЕМЫ ВЕЩЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ А.КАРПЕНТЬЕРА	50
<i>Ермакова Н.В.</i> ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	53
<i>Ефанова Л.Г.</i> НОРМА СТАБИЛЬНОСТИ КАК ФРАГМЕНТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ НОРМЫ	56
<i>Ефимова С.И.</i> ЖОРЖ ФЕЙДО И САША ГИТРИ – ПРОДОЛЖАТЕЛИ ТРАДИЦИИ «ХОРОШО СДЕЛАННОЙ» ПЬЕСЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЬЕС, ПОСТАВЛЕННЫХ В МИХАЙЛОВСКОМ ТЕАТРЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА).....	59
<i>Иванова В.Н.</i> ПОЭТИКА ТВОРЧЕСТВА ДАНИИЛА АГРА (А.Г. РИМАНА).....	62
<i>Иванова Е.В.</i> ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ КОНЦЕПТОВ В СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	64
<i>Иващенко А.В.</i> К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ВИДОВ КАТЕГОРИИ КОМИЧЕСКОГО	66
<i>Ивлиева П.Д.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ИНВАРИАНТЫ ОБРАЗА МЕДЕИ КАК ПРИМЕР АВТОРСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА	69
<i>Испирян А.В.</i> СОЧЕТАЕМОСТЬ В АСПЕКТЕ НАУЧНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ	74
<i>Кареева М.С.</i> ОСНОВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ТЕКСТОВ СПОРТИВНОЙ СФЕРЫ.....	76
<i>Кириллова Л.А.</i> ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ТАТАРСКИХ, РУССКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ	79

<i>Китова Е.А.</i> МЕХАНИЗМЫ ЭВОЛЮЦИИ ЗНАЧЕНИЙ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ЖИВОТНЫЕ»	81
<i>Козяревич Л.В.</i> ФАСЦИНАЦИЯ В ТЕРМИНАХ ТЕОРИИ ИНФОРМАЦИИ	84
<i>Костина И.А.</i> ГЛАГОЛЫ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	87
<i>Кривохижа И.Н.</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ. ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА	89
<i>Кузнецова Т.Г.</i> К ВОПРОСУ О ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ ЯЗЫКА	92
<i>Куликова В.С.</i> ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ СОЦИОЛЕКТАХ НАРКОМАНОВ	94
<i>Курманаева Т.А.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ ЦВЕТА “BLACK”, “WHITE” – «БЕЛЫЙ», «ЧЕРНЫЙ»	97
<i>Лаврова Н.А.</i> К ВОПРОСУ О КОНТАМИНАЦИИ И КОНТАМИНАНТАХ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	101
<i>Ладохина О.Ф.</i> ПОТОНЕТ ЛИ СУДЕНЬШКО В БРЫЗГАХ ЛАЙНЕРА? (о преодолении классикализма в филологических романах)	105
<i>Ланская О.В.</i> КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО ОБЕД КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ДОМА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л.Н. ТОЛСТОГО)	109
<i>Латушкина О.Л.</i> ИНВАРИАНТНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ КОНВЕРСИИ	112
<i>Лелаус В.В.</i> ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА «ЧЁРНЫЕ ЛЮДИ» ВС.Н. ИВАНОВА	116
<i>Майборода Р.В.</i> ОЦЕНКИ У.М. ТЕККЕРЕЕМ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	119
<i>Михлик О.А.</i> ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ)	124

<i>Муляева А.Р.</i> К ПРОБЛЕМЕ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В.П. ПОЛОНСКОГО (НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТАТЬИ В.П. ПОЛОНСКОГО В ЖУРНАЛАХ «ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ» И «НОВЫЙ МИР»)	129
<i>Носарева Т.Г.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ СТАРШЕЙ ШКОЛЫ ЧЕРЕЗ РЕАЛИЗАЦИЮ ВНЕУРОЧНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	133
<i>Нуруллина А.Г.</i> ГЛАГОЛЬНЫЕ ФЕ, КАК САМЫЙ МНОГОЧИСЛЕННЫЙ КЛАСС КОМПОНЕНТА «ДЬЯВОЛ» ВО ФРАЗЕОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	137
<i>Пронникова Н.В.</i> ТИПЫ РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫХ ФОНЕМ АНГЛИЙСКОГО И МАРИЙСКОГО ЯЗЫКОВ	139
<i>Ражева Е.С.</i> ВЛИЯНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНОГО СЛОВА И ЗВУКООБОЗНАЧЕНИЯ	142
<i>Садыхова Г.Р.</i> ОБРАЗЫ «ПЧЕЛЫ» И «МУРАВЬЯ» В БИБЛИИ И КОРАНЕ	146
<i>Сафронова А.А.</i> ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТОСТРОЕНИЯ В РОМАНЕ Е.ГРИШКОВЦА «АСФАЛЬТ»	151
<i>Селиванова С.И.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ (белый-красный-золотой)	153
<i>Соркомова А.Г.</i> РОЛЬ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ	156
<i>Старостин В.П.</i> ДУША ДОЛЖНА СОСТРАДАТЬ (ЭТИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)	157
<i>Сысоева Н.А.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «БОГ» В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА В.П. АСТАФЬЕВА	160
<i>Тайлакова Е.С.</i> АНТИНОМИЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ В.Я. БРЮСОВА	164
<i>Таркинская П.О.</i> РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	166

<i>Туманова Е.О.</i> КЛАССИФИКАЦИЯ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ НЕАФОРИСТИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....	169
<i>Филиппова М.Ф.</i> МЕТОД ПРОЕКТОВ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ УЧАЩИХСЯ.....	173
<i>Чайникова Н.Ю.</i> ФИТОМОРФНАЯ МЕТАФОРА У Ж.-Ж. РУССО НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА-ТРАКТАТА «ЭМИЛЬ, ИЛИ О ВОСПИТАНИИ»	175
<i>Шаркунова О.В.</i> ИДИОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВТОРНЫХ НОМИНАЦИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЛЕНГА В ПОВЕСТИ J.K. JEROME «THREE MEN IN A BOAT» И В РОМАНЕ P.G. WODENHOUSE «JEEVES IN THE OFFING»	181
<i>Шацкая М. С.</i> КОННОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ».....	184
<i>Шевцова А.Ю.</i> ТРЕБОВАНИЯ К СОСТАВЛЕНИЮ СЛОВАРЕЙ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СОВРЕМЕННЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ И ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПРИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ	186
<i>Шитова В. В.</i> ФАУСТИАНСКИЙ СЮЖЕТ ПОВЕСТЕЙ Н.В. ГОГОЛЯ	188
<i>Шуменко О. А.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	191

Abdyeva R.S.¹, Omarova B.A.² ©

¹Candidate of philosophical sciences, associate professor; ²senior teacher,
Kazakh National University after name of Al-Farabi

THE IMPORTANCE OF STUDYING GERMAN LANGUAGE IN KAZAKHSTAN

Nowadays more and more people study English, as it's crucial to know as we'll have a bright future speaking it. I also have to say many reasons to say that German language is very necessary in our world. Why say so? What is the importance of it?

Occupying the very center of Europe, the German-speaking peoples have for centuries played a crucial role in European and world affairs, a role involving them in many ways with the United States. The cultural ties between Kazakhstan and German-speaking Europe span centuries and are as varied as the musical themes heard in symphony halls, the literature and philosophy that help shape our lives, the architecture of our communities and societies.

At the same time, Kazakhstan is experiencing a shortfall of interculturally trained individuals capable of functioning successfully in the new world environment. This shortfall is especially crucial for relations with the German-speaking areas of Europe. The generation involved in immediate post-World War II relations with Europe is retiring from public and academic life. Existing university programs are not yet producing adequate replacements, even as the challenge to train individuals to compete successfully in international business and politics is growing. Although English is widely used in international communication, intercultural competence and the ability to speak foreign languages are essential for deeper mutual understanding and for the development of lasting relationships, both personal and professional.

German is the most widely spoken language in Europe. More people speak German as their native language than any other language in Europe. It's no wonder, since Germany's 83 million inhabitants make it the most populous European nation. But not only the residents of Germany speak German. It is also an official language of Austria, Switzerland, Luxembourg, and Liechtenstein. And it is the native language of a significant portion of the population in northern Italy, eastern Belgium, the Netherlands, Denmark, eastern France, parts of Poland, the Czech Republic, Russia, and Romania, as well as in other parts of Europe.

While learning German can connect you to 120 million native speakers around the globe, remember that many people also learn German as a second language. It is the 3rd most popular foreign language taught worldwide and the second most popular in Europe and Japan, after English

Germany has the 3rd strongest economy and is the export nation in the world. Germany has the third largest economy in the world and is the economic powerhouse of the European Union. In 2007 -- for the 5th year in a row and despite the strength of the euro currency -- the Germans were world champions in exports. The country exported 940 billion US dollars worth of goods, just ahead of the US exports. From cars to machinery and industrial equipment, from pharmaceuticals to household goods, German businesses earn 1 in 3 euros through export, and 1 in 4 jobs depends on exports. The competitiveness and desirability of German products on the market are indicated by the country's substantial trade surplus, which reached 162 billion euros (209 billion dollars) in 2006 and continues to grow every year. And don't forget that Switzerland, another German-speaking country, has one of the highest standards of living in the world.

Knowing German creates big business opportunities. Germany's economic strength equals business opportunities. Multinational business opportunities exist throughout the European Union and in the Eastern European countries, where German is the second most spoken language after Russian. Companies like BMW, Daimler, Siemens, Lufthansa, SAP, Bosch, Infineon, BASF, and many others need international partners. The Japanese, who have the 2nd most powerful economy

in the world, understand the business advantages that a knowledge of German will bring them: 68% of Japanese students study German.

If you're looking for employment in Kazakhstan or even in the United States, knowing German can give you great advantages. German companies account for 700,000 jobs in the United States, and US companies have created approximately the same number of jobs in Germany. All other things being equal, the job candidate with German skills will trump the one without such skills every time. Most surveyed companies in the United States would choose someone with German literacy over an equally qualified candidate.

Germans are innovators. The German Daniel Fahrenheit developed the mercury thermometer in 1714. From Gutenberg's printing press to Hertz' discovery of electromagnetic waves, from Ehrlich's development of chemotherapy to Einstein's theory of relativity, to Brandenburg's creation of the MP3 digital music format, throughout history Germans have proven themselves time and again to be great innovators. That trend continues today. 4 of the world's 10 most innovative companies are located in Germany and at 12.7% of the world's patent applications, the country ranks 3rd in the world. Consequently, 200,000 businesses introduce new products on the market each year.

Germans are the biggest spenders of tourist dollars in the world. While German workers are highly productive, it is clear that they know how to play just as hard as they work. With ample disposable income and an average of 6 weeks of vacation a year, Germans have the time and the means to travel, ... and they do! If you are a world traveller, you are certain to encounter Germans wherever you go since nearly 3 out of every 4 vacations by Germans are spent in other countries. In 2007, they spent a record 91 billion euros on international travel. Year after year, the residents of Germany spend more on foreign travel than those of any other nation.

Germans especially favor travel to warm Mediterranean climates, such as can be found in Spain, Italy, Turkey, and Greece, and travel to Eastern European countries is increasing in popularity. Germans also readily travel to Africa, the Far East, and the Americas. 1.2 million German tourists visited the U.S. in 2003, making Germans the third largest nationality of tourists to the United States (after the British and Japanese). The most popular U.S. destinations are California, Florida, and New York. Travel agencies, tour companies, hotels, airlines, and car rental agencies that can communicate with Germans in their own language will win their business. Floridians know this: In that state there are at least two travel magazines published in German: Florida Journal and Florida Sun Magazin.

The German presence on the Internet supercedes most others. Considering what great innovators the Germans are, it's not at all surprising that they maintain a dominant Internet presence. With 8 million Internet domains, Germany's top-level country domain .de is second only to the extension .com. That makes German domain names even more popular than those with .net, .org, .info, and .biz extensions. Even the second-place country extension .uk trails far behind at 3.7 million domain names.

1 in 10 books in the world is published in German. Customers browsing in a German bookstore. 80,000+ new titles appear in German each year.

German is not only a language of the past. As prolific researchers and scholars, German speakers produce nearly 80,000 new book titles each year. The only language markets that produce more books annually are the Chinese and English publishing industries. In number of books published, Munich is second in the world only to New York. Since only a small percentage of German books are translated into other languages (for instance, approximately 10% into Korean and Chinese, just over 5% into English), only a knowledge of German will give you access to a vast majority of these titles.

German-speaking countries have a rich cultural heritage. Goethe's Faust is one of the world's great literary masterpieces. Apart from their many contributions to American culture, the German speakers have a rich cultural heritage in their own right. Germany is often referred to as the land of "Dichter und Denker" -- of poets and thinkers. And rightly so, because German contributions to the arts and human thought have been nothing short of profound.

Johann Wolfgang von Goethe, Thomas Mann, Franz Kafka, and Hermann Hesse are just a few authors whose names and works are well-known internationally. 10 Nobel prizes for literature have been awarded to German, Austrian, and Swiss German authors. The world of classical music is inseparable from the names of Mozart, Bach, Beethoven, Strauss, and Wagner to name only a few renowned German-speaking composers. Vienna remains an international center of music today. From the magnificent architecture of medieval buildings to the avant garde Bauhaus movement, from Dürer's woodcuts to the expressionist masterpieces of Nolde, Kirchner, and Kokoschka, Germans have made substantial contributions to world art and architecture.

Knowing German allows you to access the works of these people in their original language and to fully understand the culture whence they derived. Anyone interested in these fields automatically expands her knowledge and skill by knowing German.

German is not as hard as you think. If English is your native language, or if you already know English, then you already have an advantage when it comes to learning German. Because modern German and modern English both evolved from the common ancestor language Germanic, the two languages share many similarities in both vocabulary and grammar.

In addition, German is spelled phonetically. Once you learn the system of sounds, it is easy to predict how the spoken word is written and how the written word is pronounced.

German is required or recommended by many undergraduate and graduate programs. German speakers' strong contributions in such a broad array of fields makes the language an important asset in many disciplines. At the University of California, for instance, more majors recommend a knowledge of German as an important supplement than any other language (German: 56 majors, French: 43 majors, Spanish: 21 majors, Japanese: 7 majors). These majors include a wide range of subjects -- from biology, physics, and chemistry to linguistics, religious studies, and art history.

Considering the importance of the German language in the fields of publishing and research, it's not surprising that many graduate schools want their graduates to have at least a reading knowledge of German. Knowing German gives graduates access to important research published in German books and professional journals.

Germany financially sponsors over 60,000 international exchanges each year. While promoting innovation and supporting research within Germany, the Germans also recognize that international cooperation and experience is essential to its continued success as a world leader. In the year 2001 alone, the German Academic Exchange Service supported 67,000 scholars, scientists, educators, and students in periods of international research and study. 43% of these were foreigners who were awarded financial assistance to participate in an exchange in Germany. In addition, like German students, foreign students directly enrolled in German universities pay no tuition fees. You can find a list of some of their aid programs at our pages on grants and scholarships for study abroad.

Quantitative structure of teachers of German language at republic schools - only 3683 people. Now at 12 comprehensive schools in our country German language is studied as native, profoundly, and also as foreign. At the initiative of representatives of the German national society "Renaissance" in Kazakhstan in specialized schools №18, 68 in Almaty 1-4 classes with German language of training are opened. At these schools under the direction of the adviser-methodologist of doctor Klaus of the Storm together with Republican institute of improvement of professional skill of supervising and scientific and pedagogical shots of an education system examinations on reception of the language diploma are spent. After passing examinations, pupils go abroad to Cologne (Germany). Reception of the given diploma grants the training right in high schools of Germany without delivery of additional examination in the language, provided for foreign students. In Astana one German educational complex "Vidergeburt" operates. The grammar school works under the individual curriculum in which all requirements of the state obligatory standard of the average general education are observed, and varied the part is used for profound studying of German language and other subjects in German.

To sum up, knowing German language gives many possibilities to get any job at any good salary with high prospective. While the whole world is studying English, why don't we acquire it? Kazakhstan's and Germany's relationship is very good and we should appreciate it.

Literature

1. www.astana.diplo.de
2. www.centenary.edu
3. www.vistawide.com
4. www.nomads.su
5. www.wikipedia.com

Аверина М.А. ©

Кандидат филологических наук, зав. кафедрой лингвистики
филиала Южно-Уральского государственного университета в г. Озёрске

АНАЛИТИЗМ – ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-СОЮЗОВ

Исследовательский интерес к проблеме языкового развития в аспекте типологии обусловлен стремительной перестройкой системы языка на рубеже XX-XXI вв. вследствие действия экстралингвистических факторов. Обращение к анализу активных языковых процессов важно для объективного описания современного русского языка в его динамике.

Одной из важнейших черт русского языка на современном этапе его развития большинством исследователей называется тенденция к аналитизму, проявляющаяся в раздельности выражения языковых значений и в появлении новых типологических свойств языковых единиц. Аналитизм в философском понимании предусматривает мысленное или реальное расчленение целого (вещи, свойства, процесса или отношения между предметами) на составные части, выполняемое в процессе познания или предметно-практической деятельности человека.

Настоящее исследование призвано заполнить лакуну в изучении тенденции к аналитизму в области структуры фразеологических единиц, что может обеспечить, по нашему мнению, целостный взгляд на проблему аналитизма как ведущей линии языкового развития, отражающей динамику процессов, происходящих в современном русском языке.

Объектом нашего исследования послужили неизменяемые грамматические фразеологизмы – класс фразеологизмов-союзов. Термином фразеологизмы-союзы мы обозначаем фразеологические единицы, состоящие из двух и более компонентов и соотносительные по своим семантическим и грамматическим свойствам с составными союзами. Вслед за А.М. Чепасовой [5], мы относим такие фразеологизмы к неизменяемым, к классу союзов. Наряду с термином «фразеологизм-союз» считаем уместным употребление синонимического термина «фразеологический союз». Исследуемые нами единицы считаем фразеологическими на том основании, что они раздельнооформленны, но в то же время обладают цельным значением, что соответствует признакам фразеологической единицы.

Предметом исследования являются структурные модели фразеологизмов-союзов. «Под структурной фразеологической моделью понимается тип синтаксических конструкций, по которому образуется ряд устойчивых сочетаний. Структурная модель – это каркас фразеологизма, один из факторов, обеспечивающих его устойчивость и воспроизводимость, в определённой мере даже регулирующий его семантическую тождественность» [1, с.42]. Термин «модель» служит для обозначения структуры и синтаксической схемы исследуемых

единиц. Под структурной фразеологической моделью мы понимаем тип исходной синтаксической конструкции, по которому образуются фразеологизмы и в котором преобразуются структурно-семантические свойства каждого компонента, создающего фразеологическое значение.

Синтаксическая организация фразеологизмов остаётся предметом научного рассмотрения учёных Челябинской научной лаборатории: Т.Е.Помыкаловой, Н.А. Павловой, А.Д. Соловьёвой, Т.Г. Голощаповой, Е.Ф.Габрик, Л.Д. Игнатьевой, Г.Г. Шумиловой, В.Н. Хмельовой, А.В.Свиридовой, Л.П. Гашевой и других.

Специальных исследований, посвященных описанию синтаксических моделей фразеологизмов-союзов, в научной литературе нет. Однако конструктивные свойства союзов были предметом описания в работах А.Ф. Прияткиной, Е.С. Клоповой, Л.Е. Кирилловой, Е.Ф. Троицкого, В.Т. Леонтьевой, Ю.М. Титова, В.Н. Завьялова и других учёных.

Цель данного исследования заключается в осуществлении системного анализа структурной организации фразеологизмов-союзов модели аналога сочетания слов.

Аналізу подвергнуты 380 единиц в 20 000 употреблений. Исследуемые фразеологические единицы характеризуются большим структурным разнообразием. Описываемые единицы относятся к морфологически неизменяемым, они «не имеют систем форм, свидетельствующих о наличии у таких фразеологизмов морфологических категорий. Морфологически неизменяемые фразеологизмы состоят из фразеобразующих компонентов и представляют собой «застывшие» формы компонентов закреплённых морфологических категорий или синтаксических конструкций» [6]. Фразеологические союзы характеризуются строго закреплённым порядком расположения компонентов и сильной семантической связью между компонентами.

Модель аналога сочетания слов представляет собой подчинительную синтаксическую связь, «при которой форма подчинённого компонента не зависит от господствующего компонента и не подвергается каким-либо изменениям» [5]. Такой вид подчинительной связи реализуется способом примыкания. В примыкании зависимое (подчинённое) слово «свою зависимость от господствующего слова выражает только лексически» [5].

Модель аналога сочетания слов (93 %) оказалась самой представленной, что считаем закономерным, так как фразеологизмы-союзы относятся к морфологически неизменяемым единицам. Они количественно и компонентно неоднородны, что позволяет нам выделить два структурных объединения. Под структурным объединением мы понимаем группу фразеологических единиц, имеющих один формальный признак.

Первое структурное объединение включает единицы, образованные по модели «сочетание служебных слов». Исследуемый материал даёт возможность разделить описываемые единицы на две структурные группы. Назовём **вторую структурную группу**, которая объединяет фразеологизмы-союзы, построенные по модели «лексические союзы + частица». Внутри группы мы выделяем восемь частных подмоделей. Наиболее представленные: «лексический союз + частица»: *а ведь, а не, словно бы, или же, точно бы*; «лексический союз + частица + частица»: *а не только, да не только, не просто...а, не только...но*; «частица + лексический союз + лексический союз + лексический союз»: *не то что...но, не то что...а, не то чтобы...но*; «частица + частица + лексический союз + лексический союз»: *не только...но и, не только что...а, не только что...но, не просто...но и*.

Второе структурное объединение включает единицы, образованные по модели «сочетание знаменательного слова со служебным». Исследуемый материал даёт возможность разделить описываемые единицы на три структурные группы.

Первая структурная группа объединяет фразеологизмы-союзы, содержащие структурный компонент-местоимение, организованные по модели «местоимение + служебное слово». Компоненты описываемых единиц имеют контактное расположение. Проведённый анализ позволил выделить три частных модели: «фразеологический предлог + местоимение *то* в форме Т.п.»: (*вместе с тем*); «лексический предлог + местоимение *то* в форме Д.п. + частица» (*к тому же*); «лексический предлог + согласуемый компонент (местоимение)

+лексический предлог +местоимение *то* в форме Р.п. + лексический союз»: *при всём при том и*.

Вторая структурная группа включает единицы, образованные по модели «фразеологический предлог + местоимение *то* + лексический союз». Так как лексические союзы не однородны, а местоимение *то* в составе фразеологизма-союза может быть закреплено в разных падежных формах, проделанный анализ позволил выделить пять структурных подгрупп. Наиболее представленной является **первая структурная подгруппа**, образованная по подмодели «фразеологический предлог + местоимение *то* в Р.п. + лексический союз». Так как лексические союзы не однородны, мы выделяем шесть частных подмоделей, среди которых «фразеологический предлог + местоимение *то* в Р.п. + *что*» (*исходя из того что, независимо от того что*); «фразеологический предлог + местоимение *то* в Р.п. + *как*» (*в зависимости от того как, по мере того как*); «фразеологический предлог + местоимение *то* в Р.п. + *чтобы*» (*во избежание того чтобы, во имя того чтобы, в пользу того чтобы*).

В следующих подмоделях местоимение *то* в форме Р.п. стоит внутри фразеологического предлога - между лексическим предлогом и именем существительным, является согласуемым компонентом и имеет атрибутивное значение: «фразеологический предлог + местоимение *то* в Р.п. + *когда*» (*с того момента когда*); «фразеологический предлог + местоимение *то* в Р.п. + *пока*» (*до того момента пока, до того времени пока*); «фразеологический предлог + местоимение *то* в Р.п. + *как*» (*с того времени как*).

Третья структурная группа включает единицы, образованные по модели «лексический предлог + местоимение *то* + лексический союз». Так как лексические союзы не однородны, а местоимение *то* в составе фразеологизма - союза может быть закреплено в разных падежных формах, проделанный анализ позволил выделить четыре структурные подгруппы. Наиболее продуктивной является **первая структурная подгруппа**, которая объединяет фразеологизмы-союзы, построенные по модели «лексический предлог + местоимение *то* в Р.п. + лексический союз». Проведённый анализ картотеки позволил выделить три подмодели: «лексический предлог + местоимение *то* в Р.п. + *что*» (*ввиду того что, вроде того что*); «лексический предлог + местоимение *то* в Р.п. + *как*»: (*наподобие того как, из-за того как*); «лексический предлог + местоимение *то* в Р.п. + *чтобы*» (*для того чтобы, вместо того чтобы, ради того чтобы*).

Четвёртая структурная группа включает единицы, образованные по модели «лексический предлог + местоимение *то* + имя существительное + лексический союз». Она представлена двумя структурными подгруппами. Наиболее продуктивной являются объединения, построенные по модели «лексический предлог + местоимение *то* в Р.п. + имя существительное + лексический союз». Так как лексические союзы не однородны, мы выделяем четыре подмодели: «лексический предлог + местоимение *то* в Р.П. + имя существительное + *пока*» (*до тех пор пока*); «лексический предлог + местоимение *то* в форме Р.П. ед. ч. + имя существительное + *когда*» (*с той минуты когда*); «лексический предлог + местоимение *то* в форме Р.П. мн. ч. + имя существительное + *как*» (*с тех пор как*); «лексический предлог + местоимение *то* в форме Р.П. мн. ч. + имя существительное + *когда*» (*с тех пор когда*).

Пятая структурная группа объединяет фразеологические единицы со структурным компонентом – именем числительным, организованные по модели «числительное местоимённое + служебное слово». Внутри группы мы выделяем 7 частных подмоделей. Самой продуктивной является подмодель «частица + числительное местоимённое + лексический союз» (*не столько...а, не столько...но, не столько...как*).

Шестая структурная группа объединяет фразеологические единицы со структурным компонентом – наречием, организованные по модели «Сочетание наречия со знаменательными и служебными словами». Проведённый анализ позволил выделить две структурные подгруппы, организованные по подмоделям «наречие + служебное слово» и «местоимение *то* в Т.П. + наречие в сравнительной степени + лексический союз».

Таким образом, аналитизм синтаксических моделей фразеологизмов-союзов характеризуется как типологическое свойство языковой системы. Он проявляется в морфологиче-

ской неизменяемости слов-компонентов фразеологических единиц и наличии сложных и разнообразных синтаксических конструкций.

Литература

1. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – М.: Высш. шк., 1989. – 287 с.
2. Синтаксические модели фразеологизмов: Межвуз. сб. науч. тр. – Челябинск: ЧГПИ, 1989. – 180 с.
3. Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов: Коллективная монография. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2002. – 263 с.
4. Челябинская фразеологическая школа: Научно-исторический очерк. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2002. – 304 с.
5. Чепасова, А.М. Мир русской фразеологии / А.М. Чепасова. – Челябинск: ЧГПУ, 1998. – 216 с.
6. Чепасова, А.М. Фразеология русского языка: Кн. для юношества / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2000. – 292 с.
7. Шиганова, Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: Монография / Г.А. Шиганова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001. – 454 с.

Агузарова С.В. ©

Преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Владикавказский институт управления

БОГ КАК ПОДАТЕЛЬ СУДЬБЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА АНГЛИЧАН

Люди не всегда могут делать то, что им хочется, и они знают об этом. Их жизни формируются, во всяком случае, до какой-то степени, силами, которые им неподвластны, и это представляется фактом столь же очевидным и универсальным, как то, что они должны умереть. Поэтому у нас есть основания предполагать, что концепт *Судьба* или что-нибудь в этом роде можно обнаружить во всех культурах, и что он находит выражение во всех языках. Хилас уверенно заявляет: «Подлинно идеалистическая психология должна признать опыт подчинённости, воздействие на личность потусторонних сил и ощущение, что человек вынужден делать какие-то вещи помимо своей воли. Отсюда универсальность таких понятий, как судьба, предназначение, предопределение» [1, 134].

Локк утверждал, что хотя люди свободны действовать в соответствии со своей волей, их воля детерминирована. Гоббс уверен, что, если действию может быть дано причинное объяснение, это значит, что действие не могло произойти каким-либо иным образом, чем оно произошло. «Это стечение причин, в котором каждая детерминирована подобным же стечением предшествующих причин, вполне может быть названо (поскольку все они были созданы и установлены внешней причиной всех вещей) Всемогущим Господом, Велением Божьим» [1, 134].

Судьба предстаёт перед нами как религиозное понятие, то, что предначертано человеку Богом. В следующих примерах явно видна связь судьбы и Бога: *The workings of Providence may not be apparent until long afterwards*. – Дела провидения могут становиться явными в далёком будущем. *Well, I don't fly in the face of providence, if that's what you want to know*. – Если уж вы хотите знать, я не перечу воле божьей [1, 587].

В английской языковой картине мира базовые характеристики концепта *Бог* представлены в следующем фрагменте из текста, принятого английской церковью: *I believe in one God, the Father Almighty, maker of heaven and earth, and of all things visible and invisible*. – Я верую в единого Бога, Отца Всемогущего, творца небес и земли, и всего видимого и невидимого.

Бог – это та часть картины мира, которая имеет первостепенную для человека важность. Он стоит над материальным миром, отличен от него и отделён, непознаваем и уникален.

В языке концепт *Бог* представлен:

- лексемами (*God, Lord*);
- словосочетаниями (*hearing prayers, God of Jews, God of gods*);
- фразеологическими единицами (*God's finger, for God's sake*), поговорками (*God sends fortune to fools*) [1, 384; 453; 918].

Бог видится как сила, управляющая миром, он – тот, кто управляет: *Fate, Destiny, Power, Providence, Nature*. Данные лексемы объективируют концепт *Бог* в результате метонимического переноса *God creates nature* (*Бог – создатель природы*). *And him as for a map doth Nature store, to show false art what beauty was of your*. – Его природа бережно хранит, чтоб показать красы неложный вид [4, 669].

God is a source of power (*Бог – источник силы*), *God determines and controls fortune, providence, destiny, fate* (*Бог определяет и контролирует судьбу*) – *God is Fortune, Nature, Providence, Destiny, Power, Fate* (*Бог – есть судьба*). *To fly in the face of providence* – искушать судьбу. *God lives in heaven* (*Бог живёт на небесах*) – *God is heaven* (*Бог – есть небеса*): *I pray Heaven*. – Я молюсь небесам. *Good heavens* – Боже мой; *thank heaven* – слава богу (1, 452; 847). При этом следует различать прямое и переносное употребление данных лексем: *Now, now, sir, where's thy master? – God in heaven knows. (Marlowe. Doctor Faustus)*. – Где хозяин? – Господь на небесах знает. (Марлоу. Доктор Фауст) (2). *Sophia then screamed out: Broke your arm! Heaven forbid! – I am afraid I have. (Fielding. Tom Jones)*. – Поломала руку! Господи помилуй! – Боюсь, что да. (Филдинг. Том Джонс) [3]. В первом из двух вышеприведённых примеров лексема «*heaven*» выступает в своем прямом значении: «*местопребывание бога*», а во втором – объективирует концепт *Бог* в результате метонимического переноса.

Бог также предстаёт как позитивное событие, определяющее жизнь человека – тот, кто определяет жизнь – *Fortune: to start on one's destiny* – пойти по пути, предначертанному судьбой, *he was carried along by destiny* – его вела судьба. *Fortune favours the brave* – фортуна улыбается храбрым [1, 404].

Бог является судьёй: *God is my judge* – Бог мне судья. Он дарует блага и наказывает за непослушание или совершение недостойных поступков: *a number of people have met sterner destinies* – со многими судьба обошлась ещё суровее, *day of doom* – судный день, *crack of doom* – приговор судьбы: ... *filthy hags! Why do you show me this? A fourth? Start, eyes! What! Will the line stretch out to the crack of doom?* – Гнусные старухи! К чему мне видеть их? Четвёртый! Хватит. Иль эту цепь прервёт лишь страшный суд? [1, 245].

В английском языке зарегистрированы следующие случаи эмоционального употребления концепта *Бог* в словосочетаниях: *Thank God!* – Спасибо, Господи; *Lord forbid!* – Прости, господи; *Bless me* – Благослови, господи; *God help me* – Боже, помоги; *Good heavens* – Боже мой; *God Heaven, no! We are not in love with one another!* – Боже мой, конечно мы не влюблены друг в друга. [1, 457].

Философия Нового времени приписывает деятельную энергию только человеку, чем оправдывает право человека переделывать природу и преобразовывать мир. Гоббс и Декарт считают, что первоначальный импульс к существованию и развитию мира даёт *Бог*, а впоследствии развитие мира происходит независимо от него, определяется самостоятельной творческой силой людей. *Бог* более не вмешивается в течение земных событий.

Судьба-fate всегда оставляет субъекту право «свободной воли», человек может бросить вызов и противостоять *судьбе-fate*.

Англичане следующим образом представляют себе *судьбу*:

1. Судьба – это высшая сила над людьми. Желания человека в данном случае определяются как независимые от него самого. Он полностью полагается на свою судьбу (то есть на Бога), зависит от неё: *A ball of fortune* – игрушка судьбы [1, 68]. *Man proposes, God disposes* –

человек предполагает, а бог располагает. He dances well to whom fortune pipes – кому счастье служит, тот ни о чём не тужит [1, 414].

2. Человек управляет своей судьбой – он имеет возможность переделать свою судьбу, повлиять на неё. И здесь мы видим, что судьба может полностью зависеть от человека, только он может изменить её: Every man is an architect of his own fortune – всяк своему счастью кузнец [1, 49].

3. Судьба одновременно зависит и от человека самого и от высших сил.

Trust in god but rely on yourself – на Бога надейся, но сам не плошай. God helps those who help themselves – Бог помогает тем, кто помогает себе. God is always on the side of the strongest battalions – Бог на стороне сильнейших [1, 453].

Литература

1. Вежбицкая А. Судьба и предопределение. // Путь. Международный философский журнал. – 1994. – С.134.

Список иллюстративного материала

1. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М., 1956. – 1456 с.
2. Marlowe. Doctor Faustus. – [электронный ресурс]: <http://www.bartleby.com/66/70/47.html>
3. Fielding. Tom Jones. – [электронный ресурс]: <http://www.bartleby.com/66/70.html>
4. Шекспир У. Трагедии и сонеты: Пьесы и сонеты. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – 768 с.

Аккужина Ф.Д. ©

Аспирант, Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа

ПИЩА В БАШКИРСКИХ КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВЫХ ПРАЗДНИКАХ

События, циклы жизни природы и общества регулировались специальным комплексом обрядов. Основной функцией календарных обрядов башкир является магическое воздействие на Природу, стремление общения с божествами и повлиять на урожай, на ход других жизненных явлений. Такое магическое воздействие имели в отправлении обряда место, время, пространство, костюм, пища, игры и т.д. Рассмотрим идейно-функциональные особенности обрядовой пищи в башкирских календарных обрядах.

Календарные обрядовые праздники башкир имели свою специфическую пищу: каша (□арғатуй – Грачиная каша), мясо (обряды вызывания дождя, йыйыны, Хабантуй), яйцо (во всех весенне-летних обрядовых праздниках), пшеница, просо, блины, шанежки (Науруз, Нардуган, Сумбуля), новая растительная пища, ягоды (□у□ғала□ байрамы – праздник щавеля, □ымы□лы□ байрамы – праздник кислинки, Кукушкин чай, майский чай) и т.д. Традиционные угощения в башкирских календарных обрядах приобретали новое значение, становились особыми, магически-сакральными, превращаясь в средства общения человека и Природы [2, 25]. Поэтому пища, будучи устойчивым компонентом обряда, имела специфические функции.

Так во всех весенне-летних обрядовых праздниках преобладали блюда из яровых злаков - обрядовые кушанья из проса, ячменя, дробленой пшеницы (тары бут□аһы, әүмәлә, соломай, □урмас и т.д.). Пшеница, блюда из яровых злаков символизировали благополучие, изобилие. Например, в день Науруза в каждом доме готовили специальное блюдо: варили кашу из пшеницы и раскладывали на отваренное мясо. Обрядовая каша была предшественницей хлеба, будущего урожая [3, 163] и когда варили кашу приговаривали:

Науруз йылға баш булыр,
Бой□ай аш□а баш булыр,
Йылдың башы уң булһын!
Ырizesығы мул булһын!
[1,191]

Науруз – году голова,
Пшеница – пище голова,
Пошли, Создатель, добрых дней,
Пусть будет ми в стране моей!
[2, 202]

В осенних праздниках уже готовили из первой муки - благодарили Природу за хороший урожай. Обязательными обрядовыми блюдами осеннего праздника Сумбуля были “көлсә” (лепшки, выпеченные в золе), шанежки, блины, оладушки, просыная каша. Интересна семантика лепешки. Ее обмазывают яичным желтком, смешанным со сливками или сметаной. По форме они повторяли изображение Солнца. Поэтому, угошаясь, лепешки нельзя резать ножом, разделявали только руками. Считалось, что солнышко будет недовольно. Как щедро Высшее Светило дает людям лучи свои, так и люди при разделывании лепешки, шанежки, блинов должны быть великодушными, раздающими добро [5, 180]. Этот способ угощения до сих пор устойчив в быту. Перед тем, как начинать чаепитие, хозяйки обязательно делят руками первые несколько блинов на четыре части (символизируются четыре стороны света, четыре времени года) – так велит Йола (порядок, обычай).

Обрядовая пища в календарных праздниках башкир имеет ряд особенностей:

1. Обрядовая еда готовится коллективно, т.е. необходимые продукты собирается с каждого двора, варят в общем кругу.

2. Обрядовое употребление пищи или использование имеет разные формы (поедание, раздавание, вскапывание в землю, сжигание), время (зимой, весной, летом) и место (дома, поле, в лесу, в горах) и т.д. Все эти дифференциации строго регламентируются самими функциями обрядов.

Интересны формы использования обрядовой пищи. В обрядовых праздниках башкир пища, кроме угощений, приобретает форму дара или жертвы для умиловления внешних сил. Здесь форма “жертва” и “дар” имеет общий смысл и принципов

1. Принцип обмена «Даю тебе, чтобы ты дал мне».

2. Принцип взаимного доброжелательства в отношениях людей и природных божеств, стихий.

Так, функцией дарений и жертв является установление обменных связей и получение жизненных благ. Например, в весеннем обряде “□ара ергә ба□ыу” (Наступление на черную землю) произносятся благопожеланий: “Мир пусть живет в благе и процветании! Пусть болезни и недуги уйдут! и т.д. земле оставляли кусочки хлеба, масла и уходили домой. Сливая в лунку талой воды катык или молоко, говорили: “Счастьем, урожаем, здоровьем верни!” (Һаулы□, та□алы□, иген менән □айтар!)[2, 212].

В обрядовом празднике “Каргатуй” обильная трапеза заканчивалась умиловлением птиц. Во имя благополучия года “угощают” птиц, растений: остатками каши обмазывали деревья, камни.

Ашағы□, туйығы□,

Ергә именлек, байлы□ килтереге□! [1,199]

Кушайте досыта, а как поедите,

Родимой земле благодать принесите! [2, 208]

Обрядовая каша здесь приобретает жертвенное значение.

На празднике “Кукушкин чай” первом делом под дерево, на котором сидела и куковала кукушка, сливали молоко, катык и яйца. После этого произносили благопожелания и заклинания с просьбой о благополучии земле и людям: “Пусть будут мирные годы! Пусть не будет голода!” (“Йылдар имен булһын! Аслы□ булмаһын!”)[4, 63].

Соответственно народному осмыслению семантики пищи (кусков мяса, каши, хлеба) происходит их раздача: учитывается пол и возраст адресата, его положение в обществе в роду, семье и т.д. Например, при засухе в прежние времена собирались на забивание животного. По обычаю были мужчины от мала до велика. На праздник запрещалось употребление хмельных напитков. В качестве жертвоприношения обычно забивали лошадь. Для умилоствления водной стихии голову и конечности жертвенных животных бросали в воду. Мясо готовили женщины старшего поколения, специально приглашенные для этого. Перед началом трапезы устраивали состязания в силе, скачки. Батыру-победителю преподносили лучшую часть мяса с костью, что называется в народе “һебә”.

Время и место приготовления или употребления обрядовой пищи определяется особенностями самого обряда. Например, в Зимний Нардуган в проводился одном из больших домов. Собирались гости, каждый приносил с собой угощение: мясо, масло, лапшу, пшено. Праздники “Кукушкин чай”, “Грачиная каша”, “Майское чаепитие”, “Праздник щавеля”, обряды вызывания дождя проводились на лоне природы, совместно приготовили кашу, мясо и все вместе угощались.

Таким образом, обрядовая еда является одним из важных элементов в обрядовой культуре башкирского народа. В традициях ее приготовления и угощения отражен народный быт, особенности хозяйствования. Календарных обрядах традиционные продукты питания башкир – яровые злаки (пшеница, просо, ячмень), мясо, мед, яйцо, блины, шанежки и т.д. приобретают магически-сакральное значение, являются средством общения человека с природой. Основные идеи культуры обрядовой пищи восходят к магии плодородия почвы, содействие урожаю, благоприятной погоде, благополучия в году.

Литература

1. Башҡорт халыҡ ижады. Йола фольклоры. I том. Өфө, 1995. – 560 бит.
2. Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор. XII том. Уфа, 2010. – 592 с.
3. Листова Н.М. Пища в обрядах и обычаях // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. – М., 1983. – С.161-173.
4. Нагаева Л.И. Башкирские народные праздники, обряды и обычаи. – Уфа, 1999. – 160 с.
5. Султангареева Р.А. Праздник осеннего равноденствия – Сумбуля // Ватандаш. – 2011. - № 9. – С. 175-182.

Алборов Николай Матвеевич ©

Старший преподаватель кафедры философии,
Северо-Кавказский горно-металлургического институт (ГТУ)

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ НАРОДНОЙ АФОРИСТИКИ ОСЕТИН

Возникновение человеческого общества было качественным скачком в развитии жизни на земле. Это эпохальное событие одновременно означало появление духовности. Вступив в материально-практические отношения с природой, человек отразил свою деятельность в мифах и сказках, легендах и преданиях, песнях и эпических произведениях, пословицах и поговорках, что вместе составляет фольклор – устно-поэтическое творчество народа. Фольклор – «это своеобразный накопитель народной мудрости, кристаллизующийся в течение столетий и отражающий все аспекты обывденной жизни многих поколений» [с. 113]. В пословично-поговорочном жанре отразилось как общее видение мира, так и его отдельных частей и элементов. Но самое главное, что нашло в нем отражение так это драма, даже траге-

дия рода человеческого. Темы пословично-поговорочного жанра многообразны. В них отражаются многообразные социальные отношения, эмоциональный мир человека. В данной статье же нам хочется остановиться, относительно подробно, на том как отразилась трудовая деятельность человека в народной афористике осетин. Относительность нашей статьи определяется тем, что в рамках настоящей статьи невозможно полностью охватить эту тему.

Всеобщее основополагающее значение трудовой деятельности человека теоретически доказана классиками буржуазной политической экономии А. Смитом и Д. Рикардо. Марксистская политическая экономия развила и довела до логического совершенства учение о всеобщем значении труда в жизни человека и общества. Но анализ фольклора, в частности, пословично-поговорочного фонда народов мира, дает нам основание прийти к выводу, что трудовая деятельность человека стала предметом рефлексии уже на уровне обыденно-практического сознания. На этом уровне развития сознания труд рассматривается как в его всеобщей форме, так и в его специфических проявлениях. Обыденно-практическое сознание, рассматривая труд как основу всей жизнедеятельности человека и общества, пришла к выводу: «Цард куыстёй у» [71 ф.] «**Жизнь от труда** (жизнь на труде базируется)». Более того, жизнь, сама по себе, дается человеку для того, чтобы он непрестанно трудился как на благо своей семьи, так и общества: «Цард куыстён у» [71 ф.]. «Жизнь для труда (дается)». «Народная мудрость, – писал профессор А. Хачирти, – труд рассматривает как источник его жизни и богатства, облагораживающего его как личность с богатыми, разносторонними связями и отношениями» [с. 94]. Как видим, обыденно-практическое сознание на донаучном уровне пришло к выводу, к которому пришла, правда на теоретическом уровне, классическая политическая экономия в лице А. Смита и Д. Рикардо. Разумеется, тем самым, **мы несколько не склонны уравнивать выводы обыденного сознания с выводами научного сознания**, которое не только делает определенные выводы, но определенным образом их аргументирует – доказывает. При этом необходимо отметить, что наивно-реалистическое отношение народного сознания к труду, как это ни парадоксально звучит на первый взгляд, было связано с его конкретно-исторической ограниченностью. Неразвитые общественные отношения не могли породить, например, теорию меркантилизма, так как она является продуктом первоначального накопления капитала.

Обыденно-практическое сознание под трудом понимает конкретный – живой труд человека по преобразованию природы. Несмотря на то, что оно оперирует абстрактным понятием «труд», тем не менее, оно является не конкретно-всеобщим понятием, т.е. результатом теоретического анализа, а конкретно-общим – созерцательным понятием.

Вывод народной философии о непреходящей ценности труда выражен и в других афоризмах: «Лёджы дарёг куыст у» [71 ф.] «Содержателем человека является труд»; «Цард кусёг лёджы уёхскыл бады» [71 ф.] «Жизнь на плечах человека труда сидит». Всеобщую значимость труда народная мудрость выразила и в виде отрицательных суждений: «Ёнё кусгёйё цард нёй» [71 ф.] «Без труда жизни нет»; «Чи нё кусы, уый нё цёры» [71 ф.]. «Кто не работает, тот не живет». Народное сознание, системно обобщая человеческую жизнь, в иной форме утверждает мысль об универсальном значении труда: «Лёг кусынён у» [71 ф.] «Человек для работы существует». Подчеркивая субстанциональное значение труда, народная мудрость отождествляет, частично образно, конечно, человека с трудом: «Лёг куыстёй лёг у» [71 ф.] «Человек благодаря труду человеком является». Народная афористика выявила не только основополагающую роль труда, но и установила его благотворное влияние на человека в целом. Она утверждает, что труд способствует обновлению, омоложению человека: «Куыстёй адёймаг нёуёг кёны» [71 ф.] «От труда человек обновляется (молодеет)». Его благотворное влияние проявляется еще и в том, что он способствует развитию человека – его закалке: «Лёг куыстёй ёхсиды» [71 ф.] «Человек трудом закаляется». Навыки и умения, приобретаемые в процессе трудовой деятельности, таким образом, способствуют как физическому, так и духовному развитию человека. Более того, трудовая деятельность человека способствует продлению его жизненного цикла: «Фылдёр кусёг фылдёр цёры» [71 ф.] «Больше работающий больше живет».

Народная философия в ряде афоризмов подчеркнула активный, творческий характер человеческой трудовой деятельности. Согласно ей, она носит не только пассивный – приспособительный, но активный – творческий характер: «Куыст мард у, адёймаг та арт у» «Работа – покойник, а человек – огонь». Народное сознание, утверждая, что трудолюбие является одной из важнейших качеств человека, пришло к выводу, что любой вид активного отношения антропологических человека к действительности является более благоразумным деянием, чем вообще безделье: «Ёнцад бадынёй ыстёг ыхсынын хуыздёр» [76 ф.] «Лучше грызть кость, чем сидеть спокойно».

Народная философия стремится высветить новые грани в рассматриваемом им же вопросе. Утверждая непреходящее значение труда, она одновременно заключает, что достичь какого-то результата в процессе труда достаточно трудно. Видимо, если бы это было не так, то она бы, вряд ли, уделяла ему столь пристальное внимание. Для того, чтобы чего-то добиться в жизни, полагает она, человеку необходимо очень остро чувствовать ритм времени: «Бонён изёрёй куынё тёрсай, уёд цард не ссардзынё» [72 ф.] «Если не будешь бояться, что день закончится (вечером), то жизни не найдешь». То, что упорный и настойчивый труд народным сознанием считается основой благополучной жизни человека подтверждается и другой пословицей: «Лёг хид цы куысты нё ракёна, уым сой нёй» [81 ф.] «Работа, при выполнении которой человек не вспотел – без жира».

Добывание средств жизни, вряд ли, когда-либо в прошлом, да и в наше время, было легкой деятельностью. В определенных же географических и климатических условиях (в горных условиях, например), оно является особенно трудоемким процессом, требуя от человека напряжения не только мускульных, но и духовно-волевых сил. Поэтому народное сознание, как бы заранее, настраивает человека на упорную, настойчивую, порой даже мученическую работу. На наш взгляд, подобный смысл содержит пословица «Зёххыл ёввонгёй ницы ис» [81 ф.] «На земле даром ничего нет».

Народная философия отразила противоречивое – диалектическое содержание трудовой деятельности человека и в виде антитетического параллелизма. Осознавая, что труд сопряжен порой и с мучениями, народная мудрость, тем не менее, полагает, что он человеку доставляет благополучие и душевное спокойствие: «Куыстён йё сёр сындз у, йё бын – сой» [81 ф.] «У работы начало – колючка, а дно(конец) – жир». В процессе трудовой деятельности нельзя надеяться на то, что что-то легко сделаешь: «Уёззау дурыл рог дзырдёй ысхёцён нёй» [81 ф.] «Тяжелый камень легковесными словами нельзя поднять». Если взялся за выполнение какой-то работы, то будь готов к тому, что она потребует от тебя многих усилий: «Кёсаг ку' ахсай, уёд хуылыздёй ма тёрс» [81 ф.] «Если ловишь рыбу, то не бойся намокнуть».

Народная афористика помимо того, что выявила фундаментальное значение труда в жизни общества, обратила свое внимание и на различные виды трудовой деятельности человека. Она обобщила работу скотовода, земледельца, ремесленника, ювелира и т.д. Народное сознание особо выделило место и роль пастуха в жизни общества: «Фиййау хъёударёг у» [72 ф.] «Пастух содержатель села», «Фиййау адёмён ёхсёны у» [72 ф.] Народное сознание отмечает и исключительную роль кузнеца в жизни общества: «Иу куырды хъёуён хъёсдарёг у» [73 ф.] «Один кузнец для села наковальной является. В народной афористике поэтизируется и работа ювелира: «Зёрингуырды кьухтё – сызгёрин» [73 ф.] «Руки ювелира золотом (золотыми) являются».

Народная философия, следуя наивному реализму и стихийной диалектике, раскрыла противоречивую сущность труда в антагонистическом обществе. Она раскрыла противоречия между крестьянством и земледельческой знатью – господствующим классом феодалов в Осетии. В ряде афоризмов отразились взаимоотношения между антагонистическими классами. В пословицах нашли свое место неравноправные – несправедливые отношения между богатыми и бедными. Эти отношения обобщены в некоторых афоризмах иносказательно, с использованием образов животных. В них отражен, что, само по себе, очень знаменательно, факт наличия отчуждения в обществе. Отчуждение, как социальное явление, обычно связывают с буржуазными общественными отношениями. Это явление анализировалось в фило-

софии Г.Гегеля, а К.Маркс одним из первых сделал предметом пристального анализа. Творцы народной философии и малейшего представления не имели об отчуждении при капитализме, но, тем не менее, они зафиксировали это социальное явление на донаучном уровне. Так, например, в пословице «Хёрёг бакусы, гал ёй бахёры» [76 ф.] «Осел поработает, а вол съест» прямо утверждается о наличии отчуждения и в традиционном обществе.

В своей статье мы осветили только некоторые аспекты обозначенной темы. Содержание данной темы в народной афористике намного богаче, но рамки статьи вынуждают нас ограничиться сказанным.

Литература

1. В.И.Верховин. Деньги в русском фольклоре (опыт социологического анализа). Вестник МГУ, серия социология и политология. 1997, №4.
2. Ирон ёмбисёндтё, Орджоникидзе, 1976.
3. А. Хачирти. Аланика. Мудрость народа. Владикавказ, 1999.

Багирова Г.А. ©

Кандидат филологических наук, профессор, Дагестанский государственный университет

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ БЕССОЮЗНОГО ГИПОТАКСИСА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

При изучении гипотаксиса в немецком языке особый интерес представляют бессоюзные придаточные предложения (БПП). Бессоюзный гипотаксис представляет собой сложное предложение, части которого связаны между собой по смыслу, интонационно, соотношением видо-временных форм глаголов-сказуемых и порядком расположения частей. Как отмечает Г. Хельбиг [6, 159], проблематика бессоюзных придаточных предложений начинается уже в их синтаксическом и семантическом статусе. В лингвистической литературе существует бесспорная констатация того, что бессоюзный гипотаксис возник раньше союзного. Так, М.В.Журавлёва в своём исследовании отмечает, что «немаркированный гипотаксис является первичной стадией подчинительной связи» [4, 12]. По мнению Г.Хельбига, «бессоюзные придаточные предложения представляют собой как бы «переходный тип» [6, 9] между сложносочинённым и сложноподчинённым предложениями.

Несмотря на ряд исследований по данной проблематике как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике все же остаются некоторые вопросы, связанные с бессоюзным гипотаксисом. Анализируя состояние исследования бессоюзного гипотаксиса в германистике Г.Хельбиг и Ф. Кемптер в своём монографическом исследовании «Die uneingeleiteten Nebensätze» [7, 12] отмечают, что вне поля зрения лингвистов остались семантисинтаксические признаки бессоюзных придаточных предложений, исследование возможных связей, между их отдельными структурными типами, семантических групп глаголов, прилагательных и существительных, при которых они употребляются.

В русском языкознании, как отмечает Н.С.Поспелов [5, 167], наблюдается тенденция рассматривать бессоюзные предложения как особый тип сложного предложения, который нельзя свести ни к подчинению, ни к сочинению и который имеет самостоятельный статус. Однако, по мнению Е.В. Гулыга, «бессоюзи не есть третий тип синтаксических отношений, а особый способ сочетания предложений, противопоставимый союзному и относительному способам» [3, 85]. Отношения внутри бессоюзного сложного предложения могут быть как сочинительными, так и подчинительными.

Классификация бессоюзных предложений не имеет чётко выраженного определённого основания, поскольку их смысловые и интонационные признаки могут быть недостаточно дифференцированными [2, 361].

По своей семантике бессоюзные придаточные предложения, синонимичны союзным. На этом основании бессоюзный гипотаксис долгое время трактовался как вариант союзного, а нулевая связь считалась равнозначной союзной. В последнее время бессоюзная связь рассматривается многими исследователями, особенно в русистике как третий вид синтаксической связи, что, по мнению Б.А.Абрамова, весьма дискуссионно [1, 146]. В настоящее время бессоюзное предложение рассматривается многими германистами как особая структурная разновидность, как особая модель союзных предложений, во-первых потому, что в основе бессоюзных структур, как отмечает Е.В. Гулыга [3, 86], лежит иной принцип моделирования, иная схема построения придаточного предложения, и во-вторых, бессоюзный гипотаксис имеет некоторые особенности по сравнению с союзным.

Синтаксически и семантически придаточные предложения зависят от матричного предложения и входят в его состав. Это подтверждается, во-первых, тем, что они эквивалентны соответствующим союзным придаточным предложениям (водимые, например, союзами (*dass, ob, wenn, falls, obwohl*)) и могут быть заменены ими без изменения значения.

Er behauptet, er habe ihn nie gesehen.

Er behauptet, dass er ihn nie gesehen hat.

Kommt er rechtzeitig nach Hause, leistet er uns Gesellschaft.

Wenn er rechtzeitig nach Hause kommt, leistet er uns Gesellschaft.

Во-вторых, тем, что при бессоюзных придаточных предложениях речь идёт либо о содержании, либо об обстоятельствах, которые могут быть поняты лишь в том случае, если они отнесены к матричному предложению.

В тоже время синтаксическая и семантическая зависимость у бессоюзных придаточных предложений никак не выражена, поскольку у них отсутствуют признаки характерные союзным придаточным предложениям: они не вводятся союзами или союзными словами, финитный глагол не занимает позицию в конце предложения. В бессоюзном гипотаксисе выражаются те же временные отношения, что и в самостоятельных предложениях. Исходя из этих формальных критериев W. Jung [8, 21] высказывают мнение, что бессоюзный гипотаксис представляет собой сочинение. Однако, бессоюзное придаточное предложение, хотя и является потенциально-автосемантическим, о сохранении грамматического подчинения свидетельствует синсемантическое главное предложение с лексико-грамматическим индексом – глаголами речи, чувства и мысли, требующими раскрытия, т.е. признаком структурной синсемантики [3, 89]. Кроме того, подчинение выражается также интонационно и особым порядком слов, т.е. признаками структурной синсемантики. В бессоюзном гипотаксисе, также как и в союзном, интонация повышается на главном предложении. Довольно часто главное и придаточное предложения имеют одно главное ударение и один коммуникативный центр (прежде всего у объектных бессоюзных придаточных предложений):

Er glaubt, es gibt keine Möglichkeit.

Что касается порядка слов, то в зависимости от вида бессоюзного предложения личная форма глагола стоит либо на первом месте, и в этом случае она отличается как от союзного, так и от самостоятельного повествовательного предложения, либо на втором, и в этом случае оно формально выступает как самостоятельное предложение. Г. Хельбиг называет такое бессоюзное придаточное предложение скрытым придаточным предложением «*verkappte Nebensätze*» [7, 13]. Как показывают исследования, в условных и уступительных придаточных предложениях спрягаемый глагол стоит на первом месте, а в придаточных объектных и субъектных он, как правило, стоит на втором месте:

Haben Sie nichts dagegen, brechen wir jetzt auf.

Es freut ihn, die Operation ist gelungen.

War auch das Wetter schlecht, er ging noch baden.

Er hat die Hoffnung, sie wird die Prüfung gut bestehen.

У некоторых моделей бессоюзных придаточных предложений синсемантия увеличивается также употреблением конъюнктива. Выбор наклонения в придаточных предложениях зависит от модальности высказывания: в зависимости от модальности придаточного предложения или всего гипотаксиса в целом могут употребляться как формы индикатива, так и формы конъюнктива. В некоторых типах бессоюзных предложений то или иное наклонение закрепилось, будучи связано с модальностью наклонения оно становится структурным признаком данного придаточного предложения. В объективных и субъективных БПП чаще всего употребляются временные формы индикатива с абсолютным и относительным временным значением (см. примеры выше). При употреблении конъюнктива в условном БПП следует выделить два момента:

1. Если действие относится к настоящему или к будущему, то в условном придаточном предложении, употребляется претерит конъюнктива или кондиционалис I. Как действие главного, так и действие придаточного реализуемы, но в отличие от действия, выраженного индикативом, они реализуемы с меньшей степенью вероятности. В этом случае речь идёт о потенциальном условном предложении:

Wäre das Wetter schön, ginge er baden.

Würde sein Freund kommen, gingen sie baden.

2. Если действие относится к прошлому, то в условном придаточном предложении употребляется плюсквамперфект. В отличие от действия, выраженного индикативом, действия, выраженные конъюнктивом, неосуществимы. В этом случае речь идёт об ирреальном условном предложении:

Wäre das Wetter schön gewesen, hätte er einen Ausflug gemacht.

Своеобразное употребление форм наклонения наблюдается в уступительных БПП. Для выражения уступительного значения, которое отличается неопределённо обобщающим характером, употребляется презенс индикатива, презенс конъюнктива и модальный глагол «mögen» в презенсе индикатива и конъюнктива, если высказывание относится к настоящему:

Ich lege Wert auf solches Kapitel, möge es noch so winzig sein.

В уступительных БПП часто употребляется усилительная частица «auch»:

Ist (sei) das Wetter auch kalt, wir fahren doch aufs Land.

В уступительных БПП, содержащих ирреальное условие, относящееся к прошлому, употребляется плюсквамперфект конъюнктива:

Hätten Sie mir auch geholfen, hätte ich mein Ziel doch nicht erreicht.

Следует, однако, отметить, что конъюнктив употребляется в бессоюзном гипотаксисе всё реже, и потому его применение не является абсолютным формальным критерием бессоюзных придаточных предложений.

Как в русском, так и в немецком языке косвенная речь может вводиться как союзным, так и бессоюзным придаточным предложением. Обычно они взаимозаменяемы, поскольку и те и другие передают один и тот же факт объективной действительности.

Однако, как показывают исследования, после глаголов восприятия и субъективной оценки наблюдается тенденция к использованию бессоюзного придаточного предложения. Бессоюзное предложение может появиться также, если отрицается сам факт речи: er hat nicht behauptet, er würde kommen.

Стилистическое и структурное различие союзного и бессоюзного придаточного предложения особенно ярко выступает при препозиции. Союзное придаточное предложение, содержащее косвенную речь и находящееся в препозиции, оказывается эмоционально более окрашенным. Бессоюзное придаточное предложение в препозиции отличается от союзного отсутствием эмоциональной окраски.

Литература

1. Борис Абрамов. Теоретическая грамматика немецкого языка. М.: Издательство «Владос», 1999, 382с. – С. 146.

2. Нина Валгина. Синтаксис современного русского языка. М.: Издательство «Высшая школа», 1978, 686с. – С. 361.
3. Евгения Гулыга. Теория сложноподчинённого предложения в современном немецком языке. М.: Издательство «Высшая школа», 1971, 206с. – С. 89.
4. Марина Журавлёва. Формирование и функционирование немаркированных сложных гипотактических предложений. Автореф. дисс.канд.филол. наук. Ижевск, 2005, 225с. – С. 13.
5. Николай Поспелов. О грамматической природе и причинах классификации бессоюзных сложных предложений. // Сб. Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1980, – С. 167.
6. Johann Helbig. Studien zur deutschen Syntax. Leipzig. 1983. 246с. – С.159.
7. Johann Helbig, Friedrich Kempter . Die uneingeleiteten Nebensätze. Leipzig: “VEB Verlag Enzyklopaedie“, 1981, 169 с. – С. 9,13,159.
8. Walter Jung. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1988, 912с. – С. 21.

Беляева Е.В. ©

Кандидат филологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет

РЕЧЕВАЯ ОШИБКА В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (на материале русского и китайского языков)

Современные исследования отличаются поисками «сущности» языка как пространства мысли и духа определённого народа, как некой константы национальной культуры. Результаты таких исследований могут предложить новые формы и методы обучения языку как иностранному.

В своем исследовании мы решили соединить два объекта современной лингвистики: *концепт* и *речевую ошибку*, поскольку первый (*концепт*) может раскрыть причину возникновения второго (*речевой ошибки*). При этом мы исходили из следующих утверждений:

Концепт – явление языка и культуры, это «сгусток культуры в сознании человека», ее «ячейка в ментальном мире» людей, благодаря которой человек входит в культуру. Концепт «описывает действительность, но действительность ментальную», «он не только мыслится, но и переживается» [2,43]. *Культурный концепт* – многомерное смысловое образование, в котором выделяются *ценностная, образная и понятийная стороны* [1,109].

Речевые ошибки (ошибочные речевые действия, далее РО) традиционно рассматривают как результат интерференции на различных уровнях языка (*ошибки фонетические, лексические, грамматические* и т.д.). В подобных исследованиях РО становится объектом контрастивной лингвистики. Однако студент может правильно выстроить своё высказывание, но, слушая его, мы сразу скажем, что это говорит иностранец. Такие высказывания демонстрируют важные компоненты ментального пространства другой культуры, родной для иностранного учащегося, но чуждой носителю русского языка. Подобные высказывания не нарушают коммуникацию, но «выдают» в собеседнике «чужака». Поэтому их следует, на наш взгляд, рассматривать как ошибочные, но не в рамках грамматики, а как явление лингвокультурное.

Так как *концепт* признан ментальной единицей, то мы можем рассмотреть РО через его призму, поскольку данный тип РО когнитивен по своей природе. Может ли русский школьник сказать следующее?

Я буду учительницей, только так я достойна Родины.

Пожалуй, нет. Почему? Обратимся к анализу.

Для выявления структуры концепта *учитель/jiaoshi/laoshi* в русском и китайском языках мы использовали ассоциативный эксперимент (далее АЭ), который провели среди русских и китайских студентов 1-3 курсов Сибирского федерального университета.

АЭ показал (1) частичное совпадение набора понятийных компонентов одного и того же концепта в двух языках; (2) разную степень предпочтений в выборе данных компонентов (частотность ассоциатов); (3) наличие расхождений в эмоционально-оценочном компоненте данных концептов.

Выделим компоненты культурного концепта *учитель/jiaoshi/laoshi*:

Понятийный компонент:

Язык	Результаты опроса
РЯ	субъект: ученик (5), первый учитель (2), женщина (2). объект: школа (13), урок (7), домашнее задание (6), доска (3), парта (3) классный журнал (3), цветы (3), мел (2), учебники (2). процесс: контрольная работа (2), экзамены (2), творчество, дискуссия, сочинение, перемена.
КЯ	субъект: ученики (2), одноклассники. объект: школа (2), футбол, книги. функции учителя: растит будущее страны (поколение) (4), тщательно выполняет свои обязанности, передает знания в обществе.

Когнитивный мир носителей русского языка оказался предметным (*доска, парта, классный журнал, цветы, мел, учебник*). Это период в жизни каждого человека, связанный с ученической деятельностью (*контрольная работа, экзамены, дискуссия, сочинение, перемена*). То есть учитель ассоциируется со временем, наполненным предметами (*мел, доска* и т.д.) и событиями (*контрольная, экзамен*).

В сознании китайского студента *учитель* не время, а функция, возложенная обществом на него (*растит будущее страны (поколение), тщательно выполняет свои обязанности, передает знания в обществе*).

Оценочный компонент:

Язык	Результаты опроса
РЯ	эмоции и оценка учителя по шкале хорошо/плохо: строгость (6), уважение (4), умный (3), серьезный (2), авторитет (2), терпение (2), любимый (2), образованность (2), усталый, опытный, добрый // плохой, тяжелый труд, бедный, несчастный, низкая зарплата. эмоции и оценка состояния ученика по шкале хорошо/плохо: духовный рост, прозрение, дружба, дисциплина, воспитание, ответственность // несвобода, усталость, страх, скука.
КЯ	эмоции и оценка учителя: почтение (6), уважение (2), красота, доброта, помощь, надежность, усердно, упорно, тяжело трудиться, священная профессия. черты характера учителя: строгий (4), талант к воспитанию (4), знание (4), спокойный (2), внимательный, добросовестный, высокообразованный, не злится, не раскаивается,

В русском языковом сознании *учитель* оценивается как положительно (*умный, терпение, любимый, образованность, опытный, добрый*), так и отрицательно (*плохой, тяжелый труд, бедный, несчастный, низкая зарплата*). Кроме того, важным оказывается мир ученика, который рассматривается с позиции личного опыта: для кого-то школа оказалась временем *духовного роста, прозрения, обретения дружбы*, а для кого-то временем *страха и скуки, несвободы и усталости*.

В оценке китайских студентов профессия учителя почётна (*почтение, уважение*) и заслуживает только положительной оценки (*священная профессия*). Высокая оценка роли учителя в обществе связана с возложенной на него важной миссией воспитателя, от которого

зависит будущее страны, миссией просветителя. При этом мир ученика оказывается не актуализированным.

Образный компонент:

Язык	Результаты опроса
РЯ	образ учителя: указка (3), очки (2), деспот (2), строгий костюм, вторая мама,
КЯ	образ учителя: в руках палка, строгое лицо. метафоры: садовник (7), восковая свеча (5), свеча, озаряющая будущее, масляная лампа, шелкопряд.

Русские и китайские студенты считают, что учитель должен быть *строгим*. Атрибутами этого образа являются *указка* (у русских), *палка* (у китайцев), *очки*, *строгое лицо* и *строгий костюм*.

Кроме того, в обыденной картине мира представителя китайской культуры *учитель/ jiaoshi/ laoshi* занимает важное место в иерархии социальных ценностей, восходя на уровень идеальных поэтических знаков-символов: *свеча*, *садовник*, *шелкопряд*. Данный концепт осмысливается китайцами метафорически: учитель – *садовник* (тот, кто взращивает новые цветы – новое поколение), *восковая свеча* (сгорая, дает свет другим), *шелкопряд* (даёт шёлк, а сам погибает, жертвуя собой),

Высокий статус учителя в Китае подтверждают социологические исследования, проведенные среди студентов пекинских вузов. Среди самых престижных профессий все китайские студенты назвали профессию преподавателя вуза. В половине анкет она стоит на первом месте по престижности. В русской аудитории – престижными оказались профессии менеджера, бизнесмена, государственного чиновника, адвоката и никто не указал учителя. В Китае феномен престижности в понимании студентов включает следующие элементы: хорошую зарплату, высокий профессионализм, актуальность для общества [3,177].

Таким образом, в китайской языковой культуре *учитель/ jiaoshi/ laoshi* занимает почетное место. Он является эталоном человека и гражданина, как этому учит конфуцианская традиция. Поэтому он представлен в сознании китайских учащихся только в контексте социально значимых понятий (*растить будущее страны, почет, уважение, талант к воспитанию, передавать знания* и т.п.). Поскольку социальный статус учителя в Китае высок, то на него возложены почетные обязанности члена общества, что и эксплицируют РО студентов. Данные ошибки отличает лозунговый, декларативный характер:

Учитель должен инструктировать молодежь по жизни.

Хорошая учительница должна давать ученикам не только знания по книгам, но и учить, каким быть в жизни.

Как мы видим, студенты связывают профессию учителя с категорией *долга/ yi* (*учитель должен*), а поскольку *долг/ yi* – это священная обязанность каждого гражданина Китая, то профессия учителя оказывается социально значимой, почетной в глазах общества:

Я буду учительницей. Только так я достойна Родины.

Следующая группа РО демонстрирует высокую социальную оценку деятельности учителя в китайском обществе, что не характерно для России.

У меня в душе прекрасная мечта. Я стану учительницей.

Я так считаю, преподаватель – это величайшая профессия под солнцем. Он отдает свои знания студентам.

Мечтаю стать отличным преподавателем, чтобы преподать не только знания, но и как быть человеком

Работа учителем – самая лучшая профессия.

Если бы не было преподавателей на этом свете, не было бы развития образования, не было бы улучшения человеческого общества.

Как показал анализ концепта *учитель/ jiaoshi/ laoshi*, данные РО студентов демонстрируют нарушение узуса, и это связано с:

1) содержанием *понятийного компонента* концепта *учитель/ jiaoshi/ laoshi* (для носителей русского языка концепт *учитель* связан с определённым периодом жизни ученика, процессом, это времяпрепровождение; носитель китайского языка видит в учителе прежде всего возложенные на него функции члена общества);

2) его *оценочным компонентом* (русские оценивают учителя исходя из низкого социального статуса данной профессии в обществе; для китайца профессия учителя священна, поэтому социально значима).

Таким образом, концепт может объяснить причину ошибочных коммуникативных высказываний и стать объектом изучения на уроках русского языка как иностранного.

Литература

1. Карасик В.В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: Гнозис, 2004, 390 с.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт Исследования. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997, 824 с.
3. Юй Да Хай. О лингвокультурологической специфике лексико-семантической группы названий профессий (на материале русского и китайского языков) – Русский язык как иностранный и методика его преподавания. Сборник. XXXII международная филологическая конференция. Вып.15. 11-15 марта 2003 г., Санкт-Петербург. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2003, 288 с.– С. 175-177.

Вавилина М.А. ©

Аспирант, Сургутский государственный университет

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В БРИТАНСКИХ И РОССИЙСКИХ ТЕКСТАХ СМИ

Исследование метафорического моделирования в современной когнитивной лингвистике является одним из способов отражения национального сознания, в том числе политической действительности и социальной обстановке того или иного государства.

Ученые установили, что метафорические образы заложены уже в самой интеллектуальной системе человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует. При помощи метафоры соответствующее явление подводится под категорию, что позволяет лучше определить сущность этого явления и выразить свое отношение к нему [4, 124].

Важно подчеркнуть, что реализация метафорических моделей достаточно часто происходит в таком типе дискурса как тексты массовой информации. Медиа тексты являются сегодня одной из самых распространенных форм бытования языка. В особенности это касается медиа текстов на английском языке, поскольку в силу целого ряда причин политического, экономического и социокультурного характера общий объем английских текстов СМИ на английском языке заметно превышает объем текстов массовой информации на других языках [2, 14].

Таким образом, в напряженной обстановке активного реформирования системы образования, в которую оказались вовлечены большинство цивилизованных стран мира с конца XX – начала XXI вв., для нас является наиболее актуальным исследовать категории, под которые подводится современная система образования в дискурсе российских СМИ, а также текстов СМИ Великобритании как государства, имеющего систему образования с образцовой репутацией в общественном сознании.

Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели». Например, в концептуальной ме-

тафоре ЖИЗНЬ – ПУТЕШЕСТВИЕ слово *жизнь* представляет собой источник, *путешествие* является целью (мишенью) данной проекции. Область источника в когнитивной теории метафоры представляет собой обобщение опыта практической жизни человека. Знания в области источника организованы в виде «схем образов» – относительно простых когнитивных структур, постоянно воспроизводящихся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью. К схемам образам относятся, например, такие категории как «вместилище», «путь», «баланс», «верх-низ», «перед-зад», «часть-целое» [5, 11]. Например, распространенной является модель ОБРАЗОВАНИЕ – ПУТЬ. В публицистических текстах часто встречаются следующие метафорические представления: “*a return to a rosy path that never existed*”, “*our qualifications are trailing behind the best in the world*” (The Guardian. 2012 July 21); «единственная возможность продолжить образование», «равный старт» (Аргументы и факты. Ноябрь. 2011). В том случае, когда используется более сложная когнитивная структура, это свидетельствует о творческом мышлении носителя языка, нетривиальности исследуемой сферы источника.

Метафорическая модель позволяет выделить определенный аспект проблемы, сделать его более значимым. Сопоставительные исследования процессов метафоризации способны выделить общие черты в образовательной метафорической картине мира, сходства и различия в образе мышления представителей русской и английской лингвокультур. Сопоставительный анализ также позволяет констатировать наличие базовых, универсальных метафорических моделей, каждая из которых представляет ту или иную денотативную сферу, используя при этом лексику, относящуюся в первичном значении совсем к иной сфере [3, 255].

Так, согласно нашему исследованию, в текстах российских и британских СМИ особо широкое распространение получила модель ОБРАЗОВАНИЕ – ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. Образы индустриализма объединены концептами стандартизации, механизации, утилитарности. Прагматический смысл индустриальной метафоры заключается в следующем: работники системы образования нацелены выпустить качественный продукт, который в свою очередь представлен обезличенной фигурой обучаемого.

Нами были выделены следующие фреймы индустриальной метафоры: «Структура субъекта/объекта промышленности», «Действие механизма», «Принцип работы в промышленности».

1. Фрейм «Структура субъекта/объекта промышленности»

При анализе метафорических моделей этого фрейма было выяснено, что образовательные учреждения либо органы управления системой образования отождествляются с субъектами, объектами промышленности.

Слот 1.1. Образовательное учреждение – промышленная организация

Часто школы сравниваются с заводами по принципу их структурной организации, а также по принципу управления промышленным субъектом.

... *Современные средние школы были задуманы в уходящую индустриальную эпоху. Они организованы по образу фабрик – характерными для заводов звонками, сменами и строгим цеховым разделением.* (iPad – журнал. 2012. Май).

... *В течение многих десятилетий такая фабричная модель помогала создавать столь нужные развитым странам армии рабочих и их начальников.* (iPad – журнал. 2012. Май).

... *Schools are still pretty much organised on factory lines; ringing bells, separate facilities; specialised into separate subjects.* (Changing paradigms. 2008. June 16).

... *We would not be serving the local community by insisting that we run the school.* (The Telegraph. 2012. July 24).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что структура образовательного учреждения представляется через образ промышленной организации: школьные звонки и сигнальные звонки на заводе; распределение по классам или группам и распределение по цехам; и т.д. Англо-русский словарь В.К. Мюллера среди прочих определений глагола *run* предлагает такие как *направлять, управлять (машиной); руководить, управлять, вести (дело, пред-*

приятие). Как видим, в значении управления каким-либо объектом концептуализация глагола *run* связана с управлением промышленным объектом либо субъектом. Таким образом, слово *school* (школа) отождествляется с промышленной организацией.

Слот 1.2. Субъект образования – средство/продукт индустрии

Образовательное учреждение либо сама система образования представляются как отдельные механизмы, задействованные в производстве либо готовые продукты индустрии (преимущественно мощные транспортные средства).

... *положительный эффект не гарантирован. Причина в том, что большие школы превращаются в конвейеры, обезличивающие детей.* (РИА новости. 2012. Июнь).

... *Если машина в течение 10 лет не едет, вы можете за ней бесконечно ухаживать, но она не едет уже... значит не едет.* (Поединок. 2011. Июнь).

... *The trouble is that world-class universities, be they Oxford or Cambridge, Bristol or Birmingham, Harvard or Yale, need to recruit from the top 15 per cent of the ability band. Feed them less and, like a modern jet fighter suddenly required to fly on diesel rather than high-octane fuel, they crash and burn.* (The Telegraph. 2011. October 1).

... *Britain's universities are international powerhouses of research, innovation and education – used properly they can and will sustain immediate and long term economic prosperity....* (The Telegraph. 2012. July 26).

Рассмотренные примеры показывают, что школы сравниваются с конвейерами, университеты с реактивными истребителями (*a jet fighter*), локомотивами (*a powerhouse*), а система образования в целом – с машиной.

2. Фрейм «Действие механизма»

Образовательная деятельность осуществляется по принципу действия механизма. В роли механизма может выступать как вся система образования, так и отдельные образовательные учреждения.

... *Россия признает иностранные дипломы автоматом.* (Известия. 2011. Ноябрь).

... *Известны примеры, когда и учащиеся, и учителя объединенных школ держатся обособленными группами, в одной из школ даже пришлось поделить этажи и туалеты, чтобы дети не дрались на переменах. Слияние происходит механически.* (РИА новости. 2012. Июнь).

... *The reason top British academics end up overseas is not just because they get paid so much more there, but because they are left on their own to teach what they want, how they want to, without constant interference or being forced to churn out a designated number of papers every four years for the research assessment exercise or its replacement.* (The Guardian. 2012. November 21).

Примеры данного фрейма подтверждают, что действия, происходящие в рамках системы образования, отождествляются с действиями, отражающими концепт промышленности: *автоматически, механически, to churn out* (штамповать).

3. Фрейм «Принцип работы в промышленности»

Большинство индустриальных метафор относится непосредственно к фреймовой структуре модели «Образование – промышленность», отражая принцип работы на производстве.

... *И обязательно хорошая школа должна предоставить ребёнку ресурс для самообразования (кружки, театры, экскурсии).* (Аргументы и Факты. 2011. Ноябрь).

... *МГУ готовит элиту, специалистов высшего класса с хорошим фундаментальным образованием.* (Российская газета. 2012. № 5828. Июль).

... *The system must incentivise schools to support pupils to get good qualifications in maths and English.* (BBC. 2011. November 24).

... *This rebalancing is needed urgently to ensure schools are equipping young people with the basic numeracy and literacy skills they will need to get a job.* (BBC. 2011. November 24).

Выделенные глаголы данного фрейма отражают концепт действий на предприятии: *предоставлять ресурс; готовить специалистов высшего класса; стимулировать рабочую силу (to incentivize), оснащать (to equip)*.

Итак, проанализированные примеры свидетельствуют о сложной структуре метафоризации системы образования как в российском, так и в британском дискурсе СМИ по модели ОБРАЗОВАНИЕ - ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. Нечеткие границы фреймов данной модели объясняются полисемичностью самого термина «образование». Однако примеры наглядно демонстрируют концептуализацию системы образования как отрасли хозяйства, совокупности предприятий по изготовлению продукции. Тем самым подчеркивается стандартизированный, утилитарный характер функционирования данной системы в общественном сознании.

Вопрос распространения индустриальной метафоры системы образования был изучен профессором Кеном Робинсоном, утверждающим связь между рассмотренной концептуализацией и проблемами в самой современной системе образования. В качестве решения таких проблем он предложил изменить метафорическую модель ОБРАЗОВАНИЕ – ПРОМЫШЛЕННОСТЬ на модель ОБРАЗОВАНИЕ – ЗЕМЛЕДЕЛИЕ: *«You know the way you work in an organisation is deeply affected by your feeling for it. Therefore, I think a much better metaphor is not industrialism but agriculture or an organic metaphor»* [1, 16].

Следует отметить, что индустриальная метафора системы образования гораздо чаще встречается в текстах британской прессы и других видах СМИ. Количественный анализ показал, что среди всех остальных метафор системы образования индустриальная метафора занимает 31% в британском дискурсе СМИ, тогда как в российских СМИ данная метафора встречается в 15% случаев. Для сравнения в российском дискурсе морбиальная метафора образования встречается чаще, чем в британском (11% и 3% соответственно).

Частотность употребления индустриальной метафоры системы образования свидетельствует об общей направленности мышления носителей языка тех государств, в которых эта система функционирует. Справедливо отметить, что в данном случае менталитет и концептуальные представления совпадают независимо от языковой и национальной принадлежности. Изменение метафорической модели системы образования напрямую связано с изменением самой парадигмы образования. Не исключено, что именно смена парадигмы во многом способствует изменению структуры, самой идеологии системы образования в конкретном обществе.

Литература

1. RSA / RSA Edge Lecture: Changing Paradigms, London, 2008, June 16. – 25 p. P. 16
2. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с. – С. 14
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. С. 11
4. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. Пособие / А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с. С. 124
5. Юдина О.Л. Морбиальная метафора в российском и британском управленческом дискурсе [Электронный ресурс] / О.Л. Юдина - Режим доступа: http://lib.herzen.spb.ru/text/yudina_119_254_258.pdf

Векшина Ю. П. ©

Аспирант, Оренбургский государственный педагогический университет

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В РОМАНЕ МАЛЬКОЛЬМА БРЭДБЕРИ «В ЭРМИТАЖ»

Роман «В Эрмитаж», вышедший в 2001 году, стал последним художественным творением выдающегося английского писателя, критика и литературоведа Малькольма Брэдбери. Этот роман вызвал неоднозначную реакцию. Джеймс Шапиро в «Книжном обозрении» за 2001 год назвал его прекрасным самообманом и новым словом [4]. The Guardian отозвалась о последней работе Брэдбери как о нелепом анекдоте с запутанным сюжетом (shaggy-dog story) [2]. The Observer охарактеризовал «В Эрмитаж» как гибрид, существующий «на границе между фактом и вымыслом» [3], совмещающий в себе черты эссе и романа. Видимо, эта подчеркнутая гибридность, неоднородность романа и вызвала столь разноречивые отзывы.

В романе два временных пласта, связующим центром которых становится французский мыслитель Дени Дидро. В главах, посвященных прошлому, сам Дидро предпринимает поездку в Петербург, чтобы встретиться с Екатериной Великой и понаблюдать за обустройством города, развивающегося во многом по его проектам. В настоящем же группа исследователей вместе с рассказчиком-писателем отправляются по следам Дидро в Санкт-Петербург 1993 года, чтобы изучить наследие философа и писателя.

Для постмодернистского романа, каковым является и роман Малькольма Брэдбери «В Эрмитаж», характерны эклектизм, смешение стилей, героев, сюжетных линий. Мир разнообразен и асистемен, таким же предстает перед нами постмодернистский роман. Чему же служит эта бесконечная эклектика? Помимо других, одной из важнейших функций данного смешения становится создание комического эффекта, призванного заставить читателя иронически отнестись к повествованию и самому себе, так как неотъемлемой частью постмодернистского самосознания является ирония, в том числе и самоирония. Ирония при помощи средств создания комического становится испытанием серьезности постмодернистского мира и его проблем.

Существует большое количество определений комического, история этого понятия идет еще от Аристотеля. В широком понимании, комическое - это смешное, вызывающее смех. Невозможно подобрать единственное универсальное определение комического как эстетической категории, однако различные эстетические концепции весьма удачно определяли сущность какой-либо из разновидностей комического, а через нее и некую грань комического в целом.

Приемы комического формируются, прежде всего, языковыми средствами. В романе «В Эрмитаж» можно обнаружить большое количество приемов выражения комического, но мы остановимся лишь на наиболее показательных, на наш взгляд, примерах, позволяющих ярко охарактеризовать позицию автора в контексте постмодернистского художественного сознания.

Язык повествования является закономерным отражением описываемого при его помощи мира, его парадоксальности, хаотичности и эклектизма. В связи с этим большую значимость в тексте приобретают повторы, метафоры, парадоксы и другие языковые средства, призванные передать и подчеркнуть комическую составляющую окружающего мира.

Так, весьма мощным средством для достижения комического эффекта является повтор, или тавтология.

All of them fall into such an operatic embrace that even our opera singer is put out:

'I thought one Kirov was enough,' murmurs Birgitta Lindhorst [1, 248].

И они обнимаются настолько по-оперному, что даже наша оперная певица чувствует себя смущенной.

— По-моему, одного Кировского театра вполне достаточно... — бормочет Биргитта [5, 302].

Повтор, привлекая внимание к одному и тому же признаку, концентрирует внимание читателя на определенной мысли. В результате то, что кажется маловероятным на первый взгляд, при помощи повтора подчеркивается и легитимизируется.

'And why do you think Diderot himself went to Russia in the first place?'

'To perform the task of the philosopher. Enlighten the despot, spread the rule of reason.'

'And did he? No, he came for just the same reason we do. Free ticket, free trip to Russia, free food and drink' [1, 124].

— А как вы думаете: зачем потащился в Россию сам Дидро?

— Чтобы исполнить предназначение философии: просвещать деспотов, устанавливать законы Разума.

— Да ну? Ничего подобного! Он поехал по той же причине, что и мы. Бесплатный билет, бесплатная поездка в Россию, бесплатное питание и напитки [5, 148].

Повторяемое слово может также использоваться в нетипичном сочетании, что опосредованно наделяет второе определяемое характеристиками первого:

As for me, how crazy I was to spend all that time in Stockholm trying to traffick rates of exchange with that nice blonde teller in that nice blonde bank [1, 121].

Что до меня, я понимаю, какую глупость сделал, потратив так много времени на обсуждение курсов валют с милой блондинистой кассиршей милого блондинистого стокгольмского банка [5, 144].

Характерной чертой постмодернистского романа является интертекстуальность. Скрытые цитаты и отсылки к культурным символам или историческим событиям являются неотъемлемой чертой романа «В Эрмитаж»:

Small gaming machines have somehow appeared, and goods and chattels are passing quickly every which way and that: Barbie dolls, Western CDs, mobile organizers, mobile phones, whole hams, entire cheeses, silk scarves, old socks, strangely shaped brown-paper parcels, sinister black plastic sacks, passports, stamped documents and, for all I know, lists of dead souls are trafficking from hand to hand [1, 121].

Перемещается туда-сюда, передается из рук в руки невесть откуда взявшееся разнообразное движимое имущество — куклы Барби, западные компакт-диски, портативные органайзеры, мобильные телефоны, окорока, головки сыра, шелковые галстуки, старые носки, странные свертки из коричневой бумаги, мрачные черные пластиковые мешки, паспорта, документы с печатями и, насколько я понимаю, списки мертвых душ [5, 144].

Отсылки могут относиться как к историческим, так и к современным культурным символам, которые были актуальны в изображаемой эпохе или даже во время создания самого текста.

Here again come the Washington gurus, announcing in English that Yeltsin's days are numbered, the free market era is over, and all sensible investors should start buying stock in Star Wars again [1, 89].

И опять гуру из Вашингтона объявляют по-английски: дни Ельцина сочтены, эра свободного рынка закончилась и всем разумным инвесторам рекомендуется вновь вкладывать деньги в звездные войны [5, 103].

Брэдбери постоянно проводит параллели между прошлым и настоящим как на сюжетном, так и на языковом уровне, пародируя прошлое через уменьшительное стекло настоящего. Соотносимые события, как правило, несопоставимы по масштабу и значимости, эпохальные исторические события превращаются посредством сравнения в частные анекдотические ситуации.

And so, a small band of Enlightenment pilgrims, we surge across the square, between the menacing Intourist coaches, and storm the steps of the winter Palace [1, 265].

Таким образом, мы, маленький отряд пилигримов Просвещения, пересекаем площадь, по которой курсируют автобусы «Интуриста», и штурмуем ступени Зимнего дворца [5, 323].

Часто встречающимся у Брэдбери является прием уточнения. Изображаемый предмет получает дополнительную характеристику, нередко противоречащую основной, что создает комический эффект.

So here we are: in Russia, no, in Petersburg, which is also several other cities, Pieter, Petervar, Petrograd, Leningrad [1, 245].

Теперь мы в России — нет, в Петербурге (он же: Питер, Петервар, Петроград, Ленинград) [5, 300].

Нередко уточнение напрямую строится на противопоставлении:

And few stories are greater than Anna Karenina, that wise epic book by an often foolish author [1, 93].

И мало найдется романов величественней «Анны Карениной», этого мудрого эпического творения (автор которого порой бывал глуповат) [5, 106].

Брэдбери широко использует в своих произведениях иронию и как художественный прием:

A note tells me that this is all organic produce, and all the animals involved were wonderfully happy until shortly before I chose to consume them. [1, 90].

В буклете сообщается, что все продукты изготовлены из натурального сырья и что животные, задействованные в этом процессе, были исключительно счастливы еще незадолго до того, как я решился их скушать [5, 103].

Целям создания комического также служит силлепс, или зевгма, прием, заключающийся в объединении семантически неоднородных элементов как однородных членов предложения и широко распространенный в английской литературе:

For literary purposes, I revisit the food market: cold herring, non-alcoholic beer, leggy girls [1, 90].

Из литературных побуждений я захожу на продуктовый рынок: мороженая сельдь, безалкогольное пиво, длинноногие девицы [5, 105].

При описании реалий чужой страны нередко можно встретить заимствования, переданные при помощи транскрипции или транслитерации. Однако Брэдбери использует русские слова при описании Санкт-Петербурга не для заполнения культурных лакун, а транслитерирует понятия, имеющие общеупотребительные аналоги в английском языке:

People walk everywhere doing nothing very much. Children play between the tramlines, babushkas carry wrapped bundles along rough sidewalks [1, 249].

Вокруг праздно шатаются какие-то люди, дети играют между трамвайных путей, тащатся по тротуарам babushkas с какими-то свертками [5, 304].

Этот прием создает иллюзию уникальных реалий другой страны и причастности к этим «местным» реалиям, что также служит созданию комического эффекта, хотя не всегда сохраняется в переводе.

There are more important things than papers. Shampanski, sex, history [1, 128].

Есть вещи и поважнее докладов. Шампанское, секс, история... [5, 153].

Также большое значение в романе «В Эрмитаж» имеет смешение стилей речи. При смешении стилей происходит деформация старого языкового кода (он перекраивается, перераспределяются некоторые элементы, составляющие его структуру, т.е. старый код приспособляется к выполнению нового коммуникативного задания).

Совмещение в одном контексте слов и выражений, которые принадлежат к различным стилистическим уровням, дает ярко выраженный комический эффект.

Yes, Tolstoy was an annoying old prophet, who died in his eighties at an obscure railway station, following the fate of his most famous character, as if that too were written in the Book of Destiny above [1, 93].

Да, Толстой был надоедливый старым пророком и умер, разменяв девятый десяток, на безвестной железнодорожной станции, уподобившись одной из самых знаменитых своих героинь, — как будто сам вписал строку в небесную книгу своей судьбы [5, 107].

Сочетание слов *annoying* и *prophet* подчеркивает намеренно непатетическое отношение к каким бы то ни было авторитетам, характерное для постмодернистских героев в целом и персонажей Брэдбери в частности. То же относится и к произведениям искусства: в залах Эрмитажа герои рассматривают *fleshly Rembrandt human puddings* [1, 266] (плотские человеческие пудинги Рубенса – ошибка переводчика [5, 325]).

Той же цели служат сравнения, намеренно ставящие в один ряд несоотносимые друг с другом элементы.

The lady [Catherine] bought philosophers just like she bought shoes and paintings [1, 124].

Эта мадам [Екатерина] покупала философов, как туфли или картины [5, 148].

Несуразность окружающего мира, несоответствие понятий друг другу, смешение высокого и низкого в жизни соответствует лексическому смешению и нарушению сочетаемости.

They pause, photograph the universe, than move on [1, 94].

Они останавливаются, фотографируют мироздание и снова движутся вперед [5, 109-110].

Таким образом, средства создания комического, использованные в романе Малкольма Брэдбери «В Эрмитаж», рисуют трагикомическую картину по-постмодернистски хаотичного, аморфного мира. Реальность двойственна, в ней уживаются благодеяние и порок, прогресс и отсталость. И адекватным отражением этого мира становится язык, его описывающий, противоречивый, как и действительность постмодернистского романа.

Литература

1. Bradbury M. To the Hermitage / Imprint: Picador, 2011. ISBN: 9781447205678 Format: Ebook
2. Clark A. Wiggled out. The Guardian, // Saturday 20 May 2000. Цитируется по: <http://www.guardian.co.uk/books/2000/may/20/fiction.reviews>
3. Hill T. Fantastical tsar trek. // The Observer, Sunday 4 June 2000. Цитируется по: <http://www.guardian.co.uk/books/2000/jun/04/fiction.reviews1?INTCMP=ILCNETTXT3487>
4. Veale S. New & Noteworthy Paperbacks // <http://www.nytimes.com/2002/06/09/books/new-noteworthy-paperbacks-300861.html?ref=bookreviews>
5. Брэдбери М. В Эрмитаж! : [роман] / Малкольм Брэдбери ; [пер. с англ. М. Сапрыкиной]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 544 с. — (Интеллектуальный бестселлер). ISBN 978-5-699-43311-7

Волошина Т.Г. ©

Ассистент кафедры второго иностранного языка,
Белгородский национальный исследовательский университет

ПОЛИПРЕДИКАТВИНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ПАРАТАКСИСОМ И ГИПОТАКСИСОМ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЦЕНАРНЫХ ТЕКСТОВ)

Исследование диалогической речи как естественной формы языкового общения сохраняет свою значимость для современной науки о языке, поскольку описание алгоритма построения диалога оказалось весьма непростой задачей, требующей порой не только специальных лингвистических познаний, но и сведений, полученных в результате междисциплинарных исследований.

Целью данной статьи является определение синтаксического и текстообразующего потенциала полипредикативных предложений с паратаксисом и гипотаксисом в диалогическом сценарном тексте современного английского языка.

В нашем исследовании мы исходим из системы коммуникативных единиц, разработанной Л.М. Михайловым, где основными компонентами *диалогического единства* являются *коммуникативный шаг* и *коммуникативный ход* [1, 116-176]. В данной статье рассмотрим функционирование полипредикативного предложения с паратаксисом и гипотаксисом в позиции коммуникативного шага.

Любое драматическое произведение представляет собой область функционирования различных синтаксических конструкций - простых, сложных и полипредикативных предложений разнообразной структуры. Полипредикативное предложение с паратаксисом и гипотаксисом является неотъемлемым компонентом текста киносценария, его продуктивность в диалогах киносценариев достигает 20% от всех предложений киносценарного текста.

Исходя из структурных особенностей, количества компонентов, специфики связи между ними полипредикативные конструкции с гипотаксисом и паратаксисом делятся на несколько типов предложений: минимальные конструкции, конструкции с расширенным паратактическим и минимальным гипотактическим комплексом, модели с минимальным паратактическим и расширенным гипотактическим комплексом, конструкции с несколькими гипотактическими комплексами, модели с расширенными паратактическими и гипотактическими комплексами [2, 25].

В ходе анализа сценарных текстов было выявлено, что все типы полипредикативных конструкций с паратаксисом и гипотаксисом употребляются в диалогах киносценариев, наиболее продуктивными из них являются: модели с минимальным паратактическим и минимальным гипотактическим комплексом (48%), конструкции с минимальным гипотактическим и расширенным паратактическим комплексом (23%), модели с несколькими гипотактическими комплексами (12%).

Традиционно коммуникативные шаги делят на иницирующие, или открывающие высказывания, и реагирующие, раскрывающие точку зрения адресата. Состав как иницирующего, так и реагирующего коммуникативного шага может быть представлен высказыванием любого типа – повествовательного, побудительного, вопросительного, эмоционального, восклицательного.

Полипредикативное предложение с паратаксисом и гипотаксисом, реализуясь в форме коммуникативного шага, в подавляющем большинстве примеров представляет собой повествовательную конструкцию (82% от всех полипредикативных предложений по цели высказывания) и обладает большим структурным разнообразием.

Наиболее продуктивной моделью полипредикативного предложения в позиции *иницирующего* и *реагирующего шагов* является конструкция, сочетающая минимальный паратактический комплекс и минимальный гипотактический комплекс закрытого типа (68% от корпуса примеров, функционирующих в качестве иницирующего шага), например:

EDWARD: *It was a hard period but now I know what the real life is.*

HAROLD: *Even when you're taught by misfortunes?* [Beach]

Анализируемое ядерное предложение представляет собой повествовательные высказывания, однако следует подчеркнуть, что данная конструкция передаёт небольшой объём информации: герой по имени Эдвард (Edward), утверждает, что несмотря на возможные трудности, он не боится взрослой жизни.

Одной из продуктивных конструкций полипредикативного предложения в диалогах сценарных текстов является модель с гипотактическими комплексами. Следует отметить, что для киносценарных текстов в позиции *иницирующего* и *реагирующего шагов* типичными являются двухкомплексные конструкции, состоящие из двух минимальных гипотактических комплексов закрытого типа, например:

WATSON: *He used to think over all the details himself only cause this made me thinking and when at last I got his ideas it was like a thunderstorm in summer* [The Private Life of Sherlock Holmes].

Анализируемое полипредикативное предложение занимает положение иницирующего шага и сочетает два минимальных гипотактических комплекса в инициальной и финитной позициях.

Сложные предложения, как и простые, могут обладать вопросительной формой. Однако статус этих вопросительных конструкций до сих пор не определён, не выясненным остается и соотношение вопросительности всего сложносочиненного или сложноподчинённого комплекса и его составных компонентов.

В нашем исследовании при анализе полипредикативных предложений с паратаксисом и гипотаксисом мы учитывали следующие важные особенности: все полипредикативные предложения с паратаксисом и гипотаксисом являются частично-вопросительными конструкциями; вопросительная интенция в рамках полипредикативного предложения реализуется в ограниченном пространстве и может принимать форму одной или нескольких предикативных единиц; иницирующие и реагирующие шаги, обладающие вопросительной интенцией, могут быть представлены в форме *местоименного* и *неместоименного вопросов*.

Например:

ANTONY: *I wanted to meet with my parents but can a human forgive the offense they have done to me, well I rather doubt.*

CARROL: *Don't treat them like that, they are still your parents!* [As Good as it Gets]

Анализируемый пример из киносценария «Лучше не бывает» представляет собой полипредикативную конструкцию, где вопросительная интенция приобретает форму *неместоименного вопроса* и сосредоточена в расширенном гипотактическом комплексе. Вопросительная интенция занимает позицию конечного расширенного гипотактического комплекса и состоит из трёх предикативных единиц. Особенностью этого предложения является то, что запрос информации получает непосредственную реализацию в форме ответа, не выходя за рамки полипредикативного предложения.

Полипредикативные конструкции в составе иницирующего и реагирующего шагов, обладающие *побудительной интенцией*, выраженной при помощи стандартных средств, не являются типичным явлением для диалогов киносценариев, наиболее продуктивными являются *нестандартные средства выражения побудительности*, например:

ARNOLD: *Milroy will overcome the difficulties, yeah?*

MULDOON: *He cannot finish this alone, so we will help him if we want to come back together* [Jurassic Park].

В данном примере побудительная интенция актуализируется в одной предикативной единице начального паратактического комплекса и имеет отрицательную форму.

Наиболее типичной коммуникативной средой для реализации *эмоционального полипредикативного предложения* в киносценарии является иницирующий коммуникативный шаг, например:

DAVID: *And now, you will do something, even if you have nowhere to live and there is nobody to help!*

SIMON: *The life I had is gone and I am feeling so sorry* [As Good as it Gets].

В данном диалоге в качестве инициации выступает эмоциональное высказывание (*And now, you will do something, even if you have nowhere to live and there is nobody to help!*).

Таким образом, полипредикативное предложение с паратаксисом и гипотаксисом является необходимым компонентом диалогического сценарного текста, занимая в нём в основном позицию коммуникативного шага. Все структурные типы сложных конструкций функционируют в диалогах киносценариев. С точки зрения цели высказывания, полипредикативное предложение в позиции коммуникативного шага, представлено повествовательной, вопросительной, побудительной, эмоциональной конструкциями.

Литература

1. Михайлов Л. М. Немецкий язык: грамматика устной речи: учеб. пособие для вузов. М.: Издательство «Астрель», 2003, 348 с.
2. Ракова К. И. Полипредикативное предложение: гипотактические конструкции. М.: Издательство «ВЛАДОС», 2003, 160 с.

Газизулина Э.Р. ©

Аспирант кафедры литературы, ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет»

«СТИХИ О ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ» ВАДИМА ШЕФНЕРА: ЦИКЛ КАК ФОРМА ВОПЛОЩЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ

Тяготение к циклизации есть не только характерная особенность творчества того или иного автора, форма выражения авторских интенций, но и может рассматриваться как одна из форм выражения авторского сознания, поскольку циклы представляют собой системные явления, «единство которых обусловлено авторским замыслом» [4, 130]. В свете возросшего интереса к проблеме изучения циклов в литературоведении в конце прошлого столетия существует целый ряд вопросов относительно определения самого понятия «цикл». Подобные вопросы, посвященные циклам и циклизации, поднимались в работах Л.Е. Ляпиной, И.В. Фоменко, М.Н. Дарвина и других ученых.

Цикл как группа произведений, объединенных в многокомпонентное художественное единство, подразумевает выявление ряда циклообразующих. Следуя за И.В. Фоменко, отметим, что цикл должен быть авторским, озаглавлен им самим и должен быть устойчив в нескольких изданиях. Кроме того, к циклообразующим будут относиться тематическая близость стихотворений, составляющих цикл, хронотоп, а также средства вербальной репрезентации художественного единства текстов.

Обращаясь к лирическим произведениям Вадима Шефнера, отметим, что особое место в поэтическом идиолекте автора занимает Петербург – его родной город. На протяжении многих лет поэт в своем творчестве признается в любви к Петербургу. Так, эмоции, связанные с городом, нашли воплощение и в ряде стихотворных циклов Шефнера: «Стихи о Васильевском острове», «Стены дворов», «Петербургский модерн». Говоря о данных текстах, хотелось бы уделить внимание таким циклообразующим, как время и пространство, поскольку, на наш взгляд, именно они исполняют важнейшую роль в указанных произведениях.

Так, пространство в цикле «Стихи о Васильевском острове» представлено посредством имен собственных, главное из которых в данном цикле заключено в сильной позиции текста – заглавии. Васильевский остров, по Шефнеру, – это и место действия, и источник эмоций, отраженных в трех стихотворениях цикла. В текстах можно обнаружить как конкретные названия, имена, символы города (*Васильевский, Ленинград, Петр, Балтийская волна, Воронья гора, Университет, Стрелка*), так и пласт лексики, который может рассматриваться как намек на обозначенное в заголовке пространство, как пласт петербургских ассоциаций у субъекта речи и читателя (*мачты, остров, залив, кораблестроитель, проспект, бомбежки, блокада, мосты*). Безусловно, в данном случае нельзя не отметить циклообразующую функцию лексики, поскольку «определенное слово или группа слов, объединенных каким-либо общим значением, повторяясь в отдельных стихотворениях цикла, не только ус-

танавливают между ними прочную и гибкую связь, но и влияет на идейно-художественное своеобразие целого» [3, 38].

Говоря о временном пласте в пределах цикла, следует обратить внимание на обилие глаголов настоящего времени. Город, по Шефнеру, в любой период своей истории, будь то мирное время или военное, живет настоящим: «*тянет*», «*открывается*», «*сливается*», «*лежит*», «*верит*», «*встает*», «*высится*» – эти и другие глаголы обозначают действие собственно Васильевского острова. Так субъект речи проживает историю вместе с Ленинградом и островом: «*Он, гневом и болью пронизан, / Глядит сквозь клубящийся чад – / И капли по ржавым карнизам, / Как слезы скупые, стучат*». Но, на наш взгляд, наряду с провозглашением настоящего, того, что совершается здесь и сейчас, глаголы данной формы еще и наводят на мысль о своего рода временной универсальности, постоянности, стабильности. Рассматриваемая часть Ленинграда, как и город в целом, является у Вадима Шефнера некой константой, тем, что было, есть и будет: «*Могуч, деловито-спокоен, / Балтийской волною омыт, / Кораблестроитель и воин, / Васильевский остров стоит. / Он с нами в грядущее верит, / Он нашею правдой силен, – / И трубы здесь воткнуты в берег, / Как древки победных знамен*». За некую установку на будущее, грядущее отвечают глаголы будущего времени: «*пойдем*», «*не собьется*», «*не заблудится*», «*запомнятся*», «*побродим*», «*побудем*». Отметим, что из трех стихотворений в рамках цикла именно в третьем, заключительном тексте наиболее явно выражен этот взгляд в будущее: «*Давай здесь побродим, побудем, / Под эти пойдем небеса, / Где бродят счастливые люди, / Свои растеряв адреса*».

При изучении циклов для исследователей по-прежнему остается актуальным вопрос о том, насколько сохраняет или утрачивает свою самостоятельность стихотворение, входящее в тот или иной цикл. Л.Е. Ляпина, обращаясь к истории изучения литературной циклизации, упоминает о точке зрения, посвященной рассмотрению «цикла как структуры, соединяющей целостность (и самостоятельность) каждого из составляющих цикл произведений с целостностью цикла (возникающей как результат взаимодействия его компонентов)» [2, 172]. И.Ф. Фоменко, говоря о цикле как системном явлении, отмечает, что «отношения между отдельным стихотворением и всем ансамблем можно интерпретировать как отношения между элементом и системой. Следовательно, ... содержание цикла/книги не сводится к «сумме содержаний» отдельных стихотворений, отличается от нее качественно» [4, 130]. В этом вопросе с ученым спорит другой исследователь циклов – М.Н. Дарвин, который пишет: «В частности, вызывает возражение мысль, что в лирическом цикле отдельное стихотворение якобы теряет свою самостоятельность. Ведь если бы это происходило на самом деле, то тогда цикл просто превращался бы в какой-то готовый жанр, например поэму» [1, 224]. Несмотря на справедливость во многом обеих точек зрения, рассматривая цикл как художественное авторское единство, нельзя не обращать особого внимания на те циклообразующие связи, благодаря которым становятся очевидными дополнительные смыслы, заложенные в текстах и их взаимосвязи.

Рассматривая «Стихи о Васильевском острове» Шефнера, трудно не согласиться с И.Ф. Фоменко, что «нумерация и графика полифункциональны: разделяя стихотворения, они связывают их, закрепляя последовательность и композиционно организуя цикл» [4, 131]. Так, у поэта в первом стихотворении цикла происходит своеобразное знакомство читателя с Васильевским островом. Субъект речи в данном случае пытается нарисовать портрет острова, который «*...прямоугольный и строгий / И пронумерованный весь*», где «*Прямы, как мечта геометра, / Негнувшихся улиц ряды*», где «*шум городской / Сливается с гулом залива*». Данные строчки пытаются выразить скорее физические, объективные характеристики острова. В то же время читатель не может не заметить эмоции субъекта речи: «*Незримыми тянет сетями / Любимый Васильевский нас*». В первой строфе первого стихотворения цикла Шефнер единственный раз в «Стихах о Васильевском острове» использует слово «*любимый*». Пожалуй, именно это слово может считаться воплощением лейтмотива первого стихотворения цикла.

Второе стихотворение продолжает череду геометрических ассоциаций субъекта речи с Васильевским островом. С одной стороны, он «...как шоколадная плитка, / На дольки кварталов разбит». С другой стороны, остров «На дольки разбит, как стальная / Рубашка гранаты ручной». Перед читателем уже другой, военный Васильевский, повидавший, переживший, который «выситя злой, справедливый, / Сурово терпя до поры / Ночные бомбежки, разрывы / Снарядов с Вороньей горы». Использование имени собственного – это не только оформление ленинградского пространства в тексте, но и некая историческая конкретизация, поскольку Воронья гора – это господствующая точка Дудергофских высот в районе Красного села, откуда велись обстрелы блокадного Ленинграда. Данный прием справедлив, поскольку и собственно автор, Вадим Шефнер, и субъект речи переживают историю вместе с городом, в том числе и блокадные годы. Геометрическими метафорами не только начинается, но и завершается второе стихотворение цикла: «Он снова в отменном порядке, / И чудится мне, будто он, / Как дальнего детства тетрадки, / На линии весь разграфлен».

Несмотря на пережитое городом и жителями, светлая, мирная концовка завершает тему военного Васильевского и приводит читателя на послевоенный остров. «Он прямоугольный, как прежде, / Как встарь, разлинованный весь» – эти строки практически повторяют строки из первого стихотворения цикла. Завершающий «Стихи о Васильевском острове» текст есть своего рода возвращение на круги своя как в историческом срезе, возврате к мирной жизни, так и в эмоциональном плане. «Под эти пойдём небеса, / Где бродят счастливые люди, / Свои растеряв адреса», – цикл завершается счастливым Васильевским островом.

Можно сделать вывод, что в композиционном отношении цикл опирается, с одной стороны, на индивидуальные авторские интенции, с другой – подкреплён логикой истории. Закономерности объективного течения времени отчетливо представлены в композиции цикла, кроме того, его черты закреплены в виде упоминаний исторических дат и событий. Безусловно, одной из основных циклообразующих связей в данном случае является тематика. «Стихи о Васильевском острове» – это своего рода закольцованная панорама: от мирного, «любимого» Васильевского к «бессонному», блокадному, а затем вновь к мирному, «счастливому» городу.

Литература

1. Дарвин М.Н. Изучение лирического цикла сегодня // Вопросы литературы. – 1986. – №10. – С. 220-230.
2. Ляпина Л.Е. Литературная циклизация (к истории изучения) // Русская литература. – 1998. – №1. – С.170-177.
3. Фоменко И.В. О поэтике лирического цикла // Филологические науки. – 1982. – №4. – С. 37-44.
4. Фоменко И.В. О принципах композиции лирических циклов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1986. – Т.45. – №2. – С. 130-137.

Голосова Е.А. ©

Учитель русского языка и литературы ГБОУ СОШ № 430 г. Москвы

«СИНЯЯ ПТИЦА» МЕТЕРЛИНКА: РОДОСЛОВНАЯ СЮЖЕТА

Традиция реминисцирования образа «синей птицы» в России зародилась сразу после перевода пьесы и издания ее у В.М. Саблина в 1908 году. Так, уже в 1910 году в московском журнале «Светлячок» Н. Фольбаум публикует обработку пьесы для постановки в кукольном театре, в этом же году в типографии Ф.И. Филатова выходит под тем же названием весьма далекое от пьесы произведение – сборник сатирических зарисовок и шаржей П.А. Мак-

символа. Список легко продолжить произведениями не только двадцатого, но и двадцать первого века. Однако при обзоре несметного количества одноименных литературных, музыкальных и кинематографических произведений легко заметить, что образ птицы как символа неуловимого счастья подвергается цитации несколько однопланово. Полагаем, что он должен рассматриваться намного полнее в его многомерности и «обремененности» всем тем сонмом фольклорных, литературных, общеполитических мотивов и сюжетных заимствований, которые Метерлинк сплел воедино в своей феерии.

Метерлинк часто брал в основу своих драм фольклорную сказку или сказку литературную, часто романтическую, но питаемую из того же кладезя народного творчества. Переложение же сказки в рамках поэтики символистского театра коренным образом меняло саму ее сущность. Так, в «Синей птице» есть указания на связь и с гриммовскими сказками, и со сказками Шарля Перро. Однако история «Синей птицы» лежит еще глубже. Уже в XII веке существовало переложение французской народной сказки «Синяя птица» в жанр лэ Марией Французской. Указания на это можно встретить у французского историка Жака Ле Гоффа: «В лэ об Ионеке, где особенно много места отведено чудесному, друг другу противопоставлены две страны – страна реальная, где живет злой герой, и страна волшебная, откуда приходит и куда возвращается умирать чудесный принц, отец Ионека, красивый рыцарь, обернувшийся птицей, чтобы найти свою возлюбленную (Ионек – самая древняя из известных версий Синей птицы)» [1, 273].

В статье Самарина и др. «Средневековый рыцарский роман» находим свидетельство о том, что древняя сказка – это «история любви знатной красавицы и юноши, оборачивающегося птицей, чтобы проникнуть в укромные покои замка, где ждет его возлюбленная <...> Ионек погибает, попавший в ловушку, расставленную ревнивым мужем» [3, 560]. Можно сделать вывод, что общим между сказкой Метерлинка и лэ Марии Французской, наиболее идентичной народной сказке из известных переложений, является название, мотив превращения, происходящего с главным героем, и мотив недостижимости счастья, хотя реализация последнего решена в двух сказках совершенно различными путями.

Вопрос «сказочного наследия» в творчестве Метерлинка достаточно непрост. Так, Александр Блок пишет, что «за пьесой-сказкой Метерлинка лежит длинная литературная традиция, которая тянется от народных сказок, сквозь их литературное преломление у французского сказочника *Perrault*, с одной стороны, и сквозь целую большую полосу германского романтизма, с другой» [2, 147]. И.Д. Шкунаева упоминает французскую сказку одной из современниц и продолжательниц Шарля Перро мадам Мари Катрин Д'Онуа (1651-1705) под таким же названием. В ней злая фея превращает Прекрасного принца в Синюю птицу, чтобы разлучить с возлюбленной, в счастливом финале принц обретает прежний облик, а злодейка превращается в свинью. И.Д. Шкунаева отмечает, что кроме названия общим с метерлинковской сказкой «сюжетным мотивом, основой сказочной перипетии» является то, что «внешность, физическое качество персонажа, приводится в соответствие с качеством внутренним» [4, 142].

Есть в сказке более очевидные для современного читателя прямые ссылки на связь с более поздними литературными сказками, например, есть указания в примечаниях для костюмов актеров: «Митиль – костюм Гретель или Красной шапочки». Примечательно упоминание именно этих сказок. И в сказке бр. Grimm «Гензель и Гретель», и в «Красной шапочке» Ш. Перро дети блуждают в лесу: Гензель и Гретель унесены в лес отцом по совету злой мачехи, Красная шапочка пустилась в дорогу в гости к бабушке. Метерлинк отмечает, что Тильтиль (как и его братья и сестры) должен быть «в костюме Мальчика-с-пальчик из сказок Перро». Сказка же Перро о Мальчике-с-пальчик, задолго до Гриммов, использует тот же бродячий сюжет, что и в «Гензель и Гретель». Таким образом, распространенный мотив путешествия (преодоления препятствий), причем пролегающего через полный опасностей лес, становится сюжетообразующим и в тексте сказки-феерии.

Для нас интересно то, что Метерлинк сам обнажает сходство своей сказки с другими литературными сказками, тем самым намекая на отнюдь не привычную развязку. И в

«Гензеле и Гретель», и в «Мальчике-с-пальчик» отец детей – дровосек. Отец Тиль в «Синей птице» тоже дровосек, но эта деталь задействована в сюжете по-особому – это причина войны деревьев и животных против людей (мотив покорения природы человеком). Во время переодеваний (а мотив переодевания также традиционен для волшебной сказки о преодолении героем препятствий) упоминаются многие сказки Шарля Перро – «Красная шапочка», «Мальчик-с-пальчик», «Золушка», «Ослиная шкура» и «Синяя борода». Герои в целом существуют уже в пространстве именно этих сказок: так, они начинают свой путь с дворца Синей Бороды, который достался «в наследство» фее Берилуне. «На самом дне сундука с сокровищами Ослиной шкуры» находит «платье лунного цвета» (платье цвета месяца) Душа Света. А золотое платье цвета времени Принцессы - Ослиной шкуры («платье цвета солнца» в других переводах) берет Вода. «Ливрею одного из выездных лакеев Золушки» выбрал Пес, в дополнение к платью гриммовской Гретель Митиль взяла туфельки Золушки. Берленго должна, по мнению Метерлинка, напоминать своим костюмом «нищенок из волшебных сказок». Возможно, Метерлинк отсылал воображение постановщиков к злой мачехе в образе нищенки из сказки «Белоснежка и семь гномов» бр. Гримм. Мать Тиль, отец Тиль, бабушка Тиль и дедушка Тиль могли быть одеты в «костюмы дровосеков и немецких крестьян из сказок братьев Гримм».

Стоит обратить внимание на образы некоторых второстепенных героев «Синей птицы», т.к. их «литературные прототипы» значительно расширяют представление о реминисцировании у Метерлинка. Это Хлеб, Кошка, Собака. Например, и в вариантах сказки о Гензеле и Гретель бр. Гримм, и в сказке о Мальчике-с-пальчик Ш. Перро важную роль играет понятие «хлеба насущного», в обеих сказках семье не хватало пропитания и в обеих главный герой в пути бросает хлебные крошки на дорогу. Хлеб в метерлинковской сказке тоже сопровождает детей в их трудном путешествии. Кроме сюжета о хлебных крошках, в народном сознании зародился и живет до сих пор бродячий сюжет о ссоре кошки с собакой. А своим авантюризмом Тилетта очень напоминает Кота из сказки «Кот в сапогах», хотя последний, наоборот, использует свою пронырливость в интересах хозяина. Так, она заранее договаривается с деревьями, чтобы они погубили детей, а позже говорит Тиле слова, которые гораздо искренней сказал бы Кот в сапогах маркизу де Карабасу: «Я пошла вперед, чтобы предупредить о твоём приходе <...> Положись на меня – я все улажу».

В отличие от Кошки, Пес – воплощенная преданность, что тоже характерно для изображения пса в сказках. В случае с Тило большое значение могло иметь наличие реального «прототипа» - французского бульдога Жако, жившего у Метерлинка на момент посещения последнего К.С. Станиславским [2, 224]. Есть удивительная «Сказка о Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет», в сюжете которой переплетены сразу несколько уже упомянутых нами мотивов. Отец-дровосек из-за голода вынужден оставить в лесу двух сыновей, дочку и собаку. Но собака, после давнего посещения семьи старой колдуньей, обладает волшебным даром. Она умеет говорить и способна оборачиваться сама в любые предметы и превращать детей, т.е. прослеживаются мотивы сказки о Прекрасной Жанетон и английской сказки о Молли Ваппи. Собака верно служит своим маленьким хозяевам и помогает им преодолеть сложные препятствия на пути к достижению счастья – достатка и единства с родителями. Все это становится возможным лишь благодаря тем чарам, которыми наделила ее колдунья. Собака вместе с детьми попадает к нечистому (напрашивается аналогия с владениями Ночи в «Синей птице») и побеждает его. Очевидно, что Куртийон-Куртийет Сюивон-Сюивет имеет прямое отношение к «литературной родословной» Тило.

Примечательно, что обращаясь к жанру сказки-феерии, Метерлинк через использование указаний на связь с другими сказками сразу погружает зрителей в атмосферу волшебности, а упоминание рождественской елки настраивает и на восприятие святочного рассказа, «оживление» предметов и наделение их даром речи как раз и относится к сюжетообразующим мотивам сказки и святочного рассказа. Другими жанровыми составляющими можно считать средневековые романы и интермедии Нового времени, на которые и указывает Александр Блок, отмечая особое решение Метерлинком вопроса об

аллегориях: «В этих поисках <Синей птицы> принимают участие всякие предметы, животные и растения. Все они - такие, какими только и могут быть, - «ничего особенного», как сказала Фея. Казалось бы, все это – аллегория, как в средневековых романах или старинных интермедиях; как в каком-нибудь «Романе о Розе» 13 века, где играют роль Ненависть, Низость, Скупость, Зависть, Печаль, Старость и т.д. Это было бы неинтересно и неблагодарно для исполнителей. Метерлинк сумел эти аллегории превратить в живых лиц, в прекрасные роли. Он предлагает представлять... не Коварство кота, а коварного кота, - все коты коварны; и сейчас же артисту становится не тягостно, а приятно изображать эти резкие черты, которые надо только уметь воплотить как можно разнообразнее, на все лады [2, 150]. В «Романе о Розе» Гильом де Лоррис, автор первой части, использовал форму аллегорического сна. Конечно, Метерлинк не использовал «конкретно этот роман», мы можем говорить об использовании традиции аллегорического повествования, опирающейся на такие романы, интермедии, басни и т.д., и использовании сна как приема, позволяющего перейти к аллегорическому описанию.

Сущность и аллегоричность Сахара, Хлеба, Пса, Кошки, Воды и т.д. (кроме Души Света, являющейся символом) настолько ясны даже маленькому зрителю, что на них и строится сценичность пьесы. Литературная «родословная» Души Света определяется гораздо сложнее, т.к. в ней сплелись образы многих и многих «светоносных» помощников героев сказок, в ней соединились не только образы, но и вообще та отвлеченная идея добра, помощи человеку, которая развивалась в христианской средневековой литературе.

Итак, при анализе связей сказки-феерии Метерлинка с другими сказками (как фольклорными, так и литературными, но опирающимися на фольклорную основу) мы рассматривали те сказки, на которые есть прямое или косвенное указание в самой пьесе через прямую цитацию названия или реминисцирование при описании деталей. Среди заимствованных и художественно воплощенных в сказке мотивов можно отметить следующие сюжетообразующие мотивы: мотив путешествия в опасном лесу, мотив сна, с которыми герои сталкиваются в путешествии, мотив помощи животных и предметов человеку, мотив искания счастья, мотив оставления детей родителями как следствия нужды, мотив превращения, в котором внешнее и внутреннее приходят в соответствие, мотив переодевания, мотив вражды кошки с собакой и некоторые другие.

Представляет большой научный интерес так же сравнение идейной структуры сказки с рядом философских произведений Новалиса, Рейсбрука (Рюисбрека), Карлейля, Бёме и др., но данная проблематика требует уже отдельного изучения. Не претендуя на исчерпанность темы, тем самым подчеркиваем многогранность сюжетной специфики «Синей птицы», гипертекстуальность пьесы и заведомую плодотворность исследований в данной области.

Литература

1. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. / Общ. ред. С.К. Цатуровой. — М.: Издательская группа «Прогресс», 2001.
2. Морис Метерлинк в России Серебряного века. — М.: Рудомино, 2001.
3. Самарин Р. М., Михайлов А. Д. Французский рыцарский роман // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1983—1994. Т. 2. — 1984. — С.551—562.
4. Шкунаева И.Д. Бельгийская драма от Метерлинка до наших дней. Очерки. — М.: Искусство, 1973.

Горобец Е.А. ©

Кандидат филологических наук, кафедра прикладной лингвистики,
Казанский федеральный университет

НЕОМОНИМИЧНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ БИАСПЕКТИВОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

При решении вопроса о том, насколько двувидовые глаголы стремятся утратить свою биаспективность, обретая суффиксальные и префиксальные корреляты, необходимо, в первую очередь, проанализировать основные способы образования видовых пар. Традиционно [см. 1; 2; 3; 4; 5; 6 и др.] выделяются следующие способы:

1) Имперфективация (образование глагола НСВ от глагола СВ с помощью суффиксов *-ыва-*, *-ва-*, *-а-*), например *заколдовать* – *заколдовывать*, *подписать* – *подписывать*, *развязать* – *развязывать*. К этому же типу, как правило, относятся нечастые случаи образования глаголов несовершенного вида с помощью морфа *-а-* и изменения ударения (*насы́па'ть* – *насы'пать*, *просы́па'ть* – *просы'пать*, *разре́за'ть* – *разре'зать*, *отре́за'ть* – *отре'зать* и т.п.) и случаи чередования в основе (*сжа́ть* – *сжимать*, *собира́ть* – *собрать*, *оборва́ть* – *обрывать*).

2) Перфективация

а) образование глагола СВ от глагола НСВ с помощью семельфактивного суффикса *-ну-* (*бодать* – *боднуть*, *вздыхать* – *вздохнуть*); Анна А.Зализняк и А.Д.Шмелев полагают (вопреки традиции), что это процесс имперфективации: «Глагол сов. вида включает суффикс *-ну*; соотносительный глагол несом. вида образуется отсечением суффикса *-ну-* и одновременным присоединением имперфективирующего суффикса *-а-/-я-* или *-ыва-/-ива-*, например: *крикнуть* – *кричать*, *нырнуть* – *нырять*...» [3, 70]. Мы придерживаемся традиционной точки зрения (процесс перфективации с помощью семельфактивного суффикса *-ну-* описан Ю.С.Масловым, и он убедительно доказывает наличие явного лексического различия у подобных пар [7, 5-6]).

б) образование глагола СВ от глагола НСВ с помощью префиксов (*делать* – *сделать*, *писать* – *написать*, *идти* – *прийти*, *рисовать* – *нарисовать* и пр.).

Также выделяются супплетивные пары: *брать* – *взять*, *находить* – *найти*, *ловить* – *поймать*, *класть* – *положить* и пр.

В ряду общепризнанных средств образования видовых пар наибольшие сомнения вызывает перфективация, которой посвящено немало исследований второй половины XX века и первого десятилетия XXI века; подробный перечень трудов см. в [8, 86-89].

По всей видимости, следует говорить не об образовании видовых пар префиксальным способом, а о способности префикса к чистому видообразованию, то есть о его способности попадать в такие семантические условия, в которых нивелируются все его лексические значения, кроме видового. При отсутствии сходства, семантического наложения лексическое невидовое значение префикса доминирует (и таких случаев большинство), поэтому у процесса видообразования посредством перфективации нет грамматической регулярности. Это подтверждают исследования М.А.Шелякина, Г.И.Пановой, М.Я.Гловинской, М.Гиро-Вебер, О.М.Соколова.

Считая категорию вида классифицирующей и отстаивая положение о том, что члены видовой пары – разные слова, мы учитываем одновременно как правило, выведенное А.В.Бондарко, которое заключается в признании парными только глаголов, относящихся к одному способу глагольного действия, так и практически противоположную точку зрения Ф.Лемана и С.А.Карпухина, которые полагают, что парность по виду определяется контек-

стуально и практически любые однокоренные глаголы могут оказаться в коррелятивных отношениях в зависимости от контекста.

Нашей целью являлось составление такой классификации биаспективов по наличию/отсутствию неомонимичных коррелятов, которой могли бы пользоваться как сторонники признания вида классифицирующей категорией, так и сторонники признания вида словоизменительной категорией, поскольку вне зависимости от этого двувидовые глаголы существуют и, безусловно, нуждаются в описании. Кроме того, еще Н.С.Авилова указывала на то, что сомнения в лексическом тождестве производного посредством префиксации и исходного глагола не должны «препятствовать рассмотрению префиксации в системе средств достижения бинарности видовой оппозиции» [9, 67], и в таком случае без терминологических противоречий можно признавать префиксацию основным средством формального выражения категории вида. Историю формирования префиксальных коррелятов к заимствованным глаголам с указанием приставок, принимавших основное участие в этом процессе, Н.С.Авилова подробно рассматривает в своих трудах, изобилующих доказательными примерами [9, 66-78; 10, 31-34].

В словаре «Биаспективы в современном русском языке», активная работа над которым ведется в настоящее время в Казанском федеральном университете, при описании единиц мы указываем их неомонимичные (суффиксальные и префиксальные) видовые корреляты. Так, например, неомонимичные корреляты к *деморализовать* – *деморализовывать*, *организовать* – *организовывать*, *мобилизовать* – *мобилизовывать* и пр.; неомонимичные корреляты к *визировать* – *завизировать*, *женить* – *поженить* и *оженить*, *моделировать* – *смоделировать*, *финансировать* – *профинансировать* и пр.

При такой подаче материала вопрос о перфективации как о средстве видообразования не является принципиальным. А указывать префиксальные корреляты крайне необходимо, поскольку даже Ю.С.Маслов, не считавший перфективацию средством образования видовой пары к глаголу (мало того, категорически отрицавший такую возможность) [7, 5-8], отмечал, что дефективность глаголов бывает двух типов: абсолютная и относительная. К последнему типу он относил как раз пары типа *кричать* – *закричать*, *шуметь* – *отшуметь* и т.д.

Двувидовой глагол, подвергшийся процессу перфективации или имперфективации, не перестает, как правило, быть двувидовым, и, вероятно, ошибочным было бы исключать такие глаголы из числа видовых омонимов. Противоположная точка зрения, однако, представлена в научной литературе. Анна А.Зализняк и А.Д.Шмелев утверждают: «Двувидовые глаголы в современном русском языке представляют собой периферийное явление, так как языковая система стремится к тому, чтобы грамматическим различиям соответствовали формальные... Некоторые «старые» глаголы просто выходят из употребления. Но наиболее характерная судьба двувидового глагола состоит в том, что один из двух омонимичных членов видовой пары приобретает формальные отличия» [3, 76]. В некоторых трудах подчеркивается, что префиксация в разговорной речи особенно активно служит средством лишения двувидовости [11]. О процессе уничтожения двувидовости, уточнении видовой корреляции применительно уже к XIX веку пишет и Н.С.Авилова [9, 10], однако, как следует из приводимых ею примеров, двувидовость далеко не всегда утрачивается даже при наличии широко используемого неомонимичного коррелята по виду.

Мало того, существует довольно большая группа глаголов, которые в принципе не проявляют тенденции к образованию неомонимичных коррелятов. И.П.Мучник приводит 117 таких глаголов (без *-ся*), а М.А.Шелякин насчитывает уже около 600 единиц (без *-ся*), подразделяя их на 14 семантических групп [12, 152]. Наличие семантической классификации является, на наш взгляд, еще одним дополнительным свидетельством в пользу того, что видовое значение передается не только с помощью грамматических средств, но и с помощью средств лексических.

Н.С.Авилова, посвятившая ряд работ описанию тенденций к морфологическому оформлению двувидовых глаголов, полагает, что все же в принципе двувидовые глаголы

стремятся к преодолению своей двувидовости, исключение же составляют лишь те глаголы с заимствованной основой, семантика которых не выражает стремления к достижению внутреннего предела действия, а таких глаголов немного [9, 66]. Однако если бы дело обстояло таким образом, двувидовые глаголы в таком случае не были бы двувидовыми: если семантика глагола не выражает стремления к достижению внутреннего предела, глагол, как правило, просто не имеет коррелята совершенного вида, как в случаях с *игрывать*, *хаживать* и пр. Возможность проявления совершенного вида в контексте сама по себе свидетельствует о стремлении к внутреннему пределу. Кроме того, подобное объяснение никак не может быть применено к двувидовым глаголам старославянского и древнерусского происхождения. Да и наличие неединственной соотнесенности (в качестве видовой пары могут выступать как омонимичный, так и неомонимичный коррелят, причем в течение довольно долгого времени: *жениться* НСВ – *жениться* СВ и *пожениться* СВ, *телеграфировать* НСВ – *телеграфировать* СВ и *протелеграфировать* СВ, *диагностировать* НСВ – *диагностировать* СВ и *продиагностировать* СВ и т.п.), и тот факт, что неомонимичные (даже суффиксальные) корреляты могут не приживаться (хрестоматийной является история глагола *использовывать*, который образовался от глагола *использовать* СВ, некоторое время функционировал и конкурировал с *использовать* НСВ, но уже в Толковом словаре под ред. Д.Н.Ушакова фиксируется как вариант ошибочный – все это также противоречит утверждению о непременном стремлении видовых омонимов преодолеть свою двувидовость. В литературе упоминается еще об одном способе так называемого преодоления двувидовости. Н.Н.Перевезенцева считает, что средством преодоления двусмысленности двувидовых глаголов является внутривидовая глагольная соотносительность: *брать – взять в аренду – арендовать*, *брать – взять штурмом – штурмовать* и т.п. [13, 14].

Однако все же необходимо признать, что русский язык не проявляет стремления избавиться от двувидовых глаголов. Самым ярким доказательством этого может служить отмеченное Ю.С.Масловым, Т.Н.Молошной, Л.П.Бирюковой и Г.И.Пановой образование двувидовых глаголов от глаголов несовершенного вида (*следовать – обследовать, исследовать, расследовать; действовать – воздействовать, содействовать; жаловать – обжаловать; фотографировать – перефотографировать, проектировать – перепроектировать, регистрировать – перерегистрировать, конструировать – переконструировать* и т.п.) а также двувидовых глаголов от двувидовых глаголов (*ориентировать – переориентировать, оборудовать – переоборудовать, герметизировать – разгерметизировать* и т.п.) с помощью перфективно слабых приставок в противовес традиционно описываемому образованию глаголов СВ от двувидовых глаголов. К перфективно слабым приставкам Г.И.Панова относит: 1) *пере-* в значении «заново совершить/совершать действие», 2) *пред-* в значении «заранее совершить/совершать действие», 3) *со-* в значении «совершить/совершать действие, одновременно связанное с несколькими субъектами или объектами» [14, 99]. Необходимо также принять во внимание то, что существует группа глаголов с основами, которые не являются заимствованными из других языков и от которых с помощью суффиксов *-ировать, -изировать* образуются видовые омонимы (например, *большевизировать, гостировать, яровизировать* и др.); наличие таких единиц также свидетельствует о том, что явление двувидовости необходимо относить к живым и системным.

С точки зрения наличия / отсутствия неомонимичного коррелята глаголы могут быть поделены на две большие группы: глаголы, имеющие неомонимичные корреляты, и глаголы, не имеющие неомонимичных коррелятов. Первая группа, в свою очередь, делится на две подгруппы: глаголы, имеющие неомонимичные префиксальные корреляты, и глаголы, имеющие неомонимичные суффиксальные корреляты. Неомонимичных префиксальных коррелятов у глагола может быть несколько ввиду относительной неточности определения видовой парности при префиксации. Наличие неомонимичных коррелятов не означает обязательной утери двувидовости, и глаголы, имеющие оба типа коррелятов, в словаре «Биаспективы в современном русском языке» описываются с указанием параллельного суффиксаль-

ного или префиксального партнера. Те глаголы, которые утратили омонимичный коррелят вследствие его полной замены неомонимичным, в словарь не включаются.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 12-04-00250).

Литература

1. Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1989. – 799 с.
2. Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / под общ. ред. Л.А.Новикова. – СПб., 1999. – 855 с.
3. Зализняк, Анна А., Шмелев А.Д. «Лекции по русской аспектологии»: презентация учебного пособия // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – Т.3. – С.42-49.
4. Валгина, Н.С. и др. Современный русский язык: Учебник / под ред. Н.С.Валгиной. – М.: Логос, 2001. – 527 с.
5. Ремчукова, Е.Н. Морфология современного русского языка. Категория вида глагола: учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 137 с.
6. Балалыкина, Э.А. Современный русский язык. Морфология. Часть II: глагол. Служебные части речи. Междометия. Модальные слова. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006. – 180 с.
7. Маслов, Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 39 с.
8. Горобец Е.А. «Чистовидообразующая» функция префиксов русского языка: дискуссионный вопрос // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – С.86-93.
9. Авилова, Н.С. Двувидовые глаголы с заимствованной основой в русском литературном языке нового времени // Вопросы языкознания. – 1968. - №5. – С. 66-78.
10. Авилова, Н.С. Развитие видовых соотношений глагола // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. – М., 1962. – С.34-44.
11. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М.: Наука, 1983. – 283 с.
12. Шелякин, М.А. Категория вида и способы действия русского глагола: Теоретические основы. – Таллин: Валгус, 1983. – 216 с.
13. Перевезенцева, Н.Н. Выражение аспектуальности в глагольно-именных устойчивых сочетаниях и относительных с ними глаголах // Современный русский язык: Ученые записки МГУ. – 1971. – Т.451. – Ч.1. – С.24-47.
14. Панова, Г.И. Морфологические категории в современном русском языке: аспекты формального выражения глагольного вида и рода существительных: дисс. докт. филол. наук. – СПб., 1996.

Гущина Г.И. ©

Кандидат филологических наук, доцент Кумертауского филиала Оренбургского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕНИЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ СПОРТИВНОГО САЙТА “ALLHOCKEY.RU”)

Процессы глобализации информационной среды во многом связаны с интенсивным использованием Интернета как в профессиональной, так и бытовой сферах жизни общества. Интернет является не только выдающимся техническим достижением, но и важным элементом современной культуры, отражающим очередной этап развития цивилизации. В наши дни практически каждый член общества оказывается вовлеченным в деятельность Интернета,

выступая в роли участника особого рода коммуникации. Этот вид коммуникации определяется исследователями как интернет-коммуникация, электронная коммуникация, КОК (компьютерно-опосредованная коммуникация), интернет-дискурс [1; 2; 8; 11].

Несмотря на достаточно большой объем работ, посвященных исследованию интернет-дискурса, описанию жанров интернет-коммуникации, требуется разработка процедур систематизации и обобщения знаний в этой сфере. Возникновение Интернета в конце 60-х годов привело к появлению особых виртуальных миров, сетевых сообществ и блогов, входящих в единое коммуникативное пространство; зарождению сетевой культуры и сетевого языка, обслуживающих этот, появившийся не столь давно, сегмент социальной реальности [1, 9].

Интернет как новый вид коммуникативного пространства характеризуется отличной от традиционного общения структурой коммуникативного процесса, выражаемой в особых связях и каналах взаимодействия, а также специфичности этих взаимодействий, что находит отражение в коммуникативном поведении его участников. Виртуальная реальность, конструируемая в сети Интернет, существует по определенным правилам, регулирующим коммуникативные отношения виртуальных субъектов.

Общение в сети Интернет характеризуется статусным равноправием участников, добровольностью и избирательностью контактов, а также возможностью межкультурных связей [7, 9; 1; 3; 4; 5; 6]. Однако все вышеперечисленные характеристики определяют общение в сфере бытовой социальной коммуникации. В сфере профессионального общения, например, внутри корпоративной сети, правила коммуникативного поведения соответствуют нормам традиционного речевого этикета и культуры речи.

Функционально-стилистическая разнородность языка Интернета объясняет неоднородность его жанров, использующихся в различных сферах общения внутри сети. В классификации Д. Кристала выделяются пять жанров реализации общения в сети Интернет (broad Internet-using situations): электронная почта, синхронные и асинхронные чаты, включая BBS (bulletin board system – электронная доска объявлений), виртуальные миры (MUDs), Всемирная паутина [10].

Анализировать жанры речи можно по воспринимаемым зрительно или на слух различным видам текстов (монологов, диалогов, полилогов). В среде Интернета функционируют как традиционные речевые жанры, так и исконно сетевые. К традиционным жанрам речи можно отнести статьи, очерки, романы, рассказы, учебники и учебные пособия, представляющие электронные версии печатных текстов. К сетевым жанрам относятся тексты, которые предназначены для функционирования в данной электронной среде, в связи с чем они приобретают особые формы, выполняют специфические функции. Примером таких особых текстов являются чаты, блоги, форумы, электронная переписка, веб-сайты, веб-страницы, общение в социальных сетях. Существуют также специальные правила и рекомендации создания таких текстов, например, электронных писем или блогов [9, 10]. В Интернете огромное количество текстов связаны друг с другом гипертекстовыми ссылками, темами, ключевыми словами, расположением в сети и др. [Там же].

Л.Ю. Иванов предложил собственную классификацию речевых жанров в приложении к Интернету:

1. Общеинформационные жанры или жанры новостей. СМИ в Интернете разделяются на имеющие традиционные «бумажные» аналоги и на собственно сетевые СМИ, которые на бумаге вообще не издаются.

2. Научно-образовательный и специальные информационные жанры (электронные научные и учебные издания, интерактивные учебные курсы, виртуальные факультеты и университеты и т.д.).

3. Художественно-литературные жанры присутствуют в Интернете во всем своем разнообразии. Пополнение происходит, в основном, за счет традиционных литературных произведений, которые были опубликованы на бумаге, а затем перенесены в Сеть, но существует и ряд писателей, пишущих лишь в Интернете.

4. Развлекательные жанры Интернета. Среди них – жанры, объединенные юмористической или эротической направленностью.

5. Жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение. Это, прежде всего, всевозможные дискуссионные группы, чаты или IRC в MUD. К жанрам, оформляющим неспециальное общение, относятся также гостевые книги, письма электронной почты, избранные почтовые рассылки, социальные сайты и др.

6. Деловые и коммерческие жанры (профессиональные и непрофессиональные коммерческие доски объявлений, аналитические обзоры рынков и отраслей, информационные письма, информация на сайтах крупных компаний (корпоративных сетей), имеющая не только рекламный, но и технический и познавательный характер, баннеры) [6].

В исследовании специфики языка компьютерно-опосредованного общения целесообразно обратиться к анализу исконных сетевых жанров, поскольку языковые новации распространяются сегодня в первую очередь через сети Интернета.

Н.А. Ахренова отмечает, что «характерной чертой российского Интернет-дискурса является использование участниками общения так называемого жаргона «падонков» или «олбанского» языка». Исследователь определяет этот феномен как «стиль употребления русского языка с фонетически почти верным, но нарочно неправильным написанием слов (т. н. эрративом), частым употреблением мата и определённых штампов, характерных для сленгов» [1, 18].

Приведем в пример элементы языка «падонков»: *не расстраивацо, аФтор, проява, расслабуха, звАни, ЗАвитее, верАятно, прецтавить, у мАсквичей, стремаемся уже как птицы(((, полюбасу...дог. Очевидно!!!; нас и...ут, а мы крепчаем?!) Нужно что-то менять. Ж...на какая-то.*

Комментарии посетителей Интернет-сайта к новостным сообщениям и авторским статьям выступают как разновидность жанра блога, поскольку имеют схожую с блогом структуру: текстовое сообщение, сопровождаемое рядом постов (комментариев читателей), образующих общение в форме полилога. Для анализа особенностей Интернет-коммуникации нами был выбран спортивный сайт Allhockey.ru, в котором содержатся, помимо отдельных авторских блогов и специальных разделов, блог новостей и статьи спортивных журналистов. Следует отметить, что именно раздел новостей пользуется особой популярностью посетителей, и поэтому достоин особого внимания.

В процессе обсуждения тем новостей и сообщений образуется определенное сообщество лиц, являющихся членами общей «ветки», как сами участники именуют данный раздел сайта. Иначе говоря, под «веткой» здесь понимают некое коммуникативное пространство, формируемое в момент обмена мнениями по теме предложенного сообщения, а также высказываниями личного характера по так называемым “offtop” темам.

1. Стрелка-Белка (Секта свидетелей Прошкина)

15.09.2012 17:38

To: ПГГ,

на вашем тренере ваще то тож попрпактиковались..идите уж, матюкайтесь на своих ветках.

В данном примере можно проследить, что персонаж с ником «Стрелка-Белка (Секта свидетелей Прошкина)» позиционирует себя как полноправного представителя сформированного сообщества, в которое вторгся «чужой» враждебный элемент. Коммуникативная стратегия, избираемая в общении с чужими, как правило, имеет агрессивный характер.

Комментарии к спортивным новостям могут содержать не только оценку событий, описываемых в статье, но и касаться посторонних тем, выражать мнение участников относительно социальных, экономических, исторических или политических вопросов:

2. Alkomaster

01.09.2012 13:20

To: CAPITAN_FLINT,

Вот такой вот образ жизни залазить-в долги в тяжёлые времена, а не курить бамбук всей страной в эти времена. Есть знакомые в США и если верить им то кризис 2008г на Америки сказался куда меньше чем на России, потому что наше гос-во не залазило в долги а выкручивалось за счёт наших карманов

3. Alkomaster

01.09.2012 13:33

To: caudillo,

Власов за Гитлера воевал, но после того как родное правительство кинуло его войска на верную смерть, вот теперь и думай плохой он или хороший.

Довольно часто участники интернет-дискурса в рамках обсуждения новостного сообщения затрагивают темы межнациональных отношений. При этом реплики коммуникантов в большей степени выражают интолерантное отношение к объекту высказывания.

4. CAPITAN_FLINT (Свердловская обл.) (capitan_flint@list.ru)

01.09.2012 13:27

To: Alkomaster,

*Я плакать начал??? Да ты грудью за США и их систему демократии. Е*ен одеколон. Ну это так По Еврейски. Теперь понятно, еврей решил по английски перевести все свои стрелки на Кацапа. Ну ну*

5. SIObulba

15.09.2012 16:09

To: Месье,

Уж лучше на метисок смотреть с толстыми ляшками, чем как играют две унылые команды)))

6. SIObulba

15.09.2012 16:16

To: Месье,

Если истинно казаики - то там такие крокодилы, хотя если ты такой же - то понимаю

В последнем комментарии не только не соблюдается принцип толерантности в общении, но и содержится прямое оскорбление личности адресата с ником «Месье».

Такие высказывания вызывают осуждение некоторых участников обсуждения темы, которых, к сожалению, не очень много. Как правило, кто-либо из коммуникантов выражает критическое суждение, направленное на коррекцию антиэтикетного речевого поведения.

7. ryiba

15.09.2012 16:22

To: SIObulba,

Ваш пост от 16.16 мерзость

В целом же намечается тенденция к отказу от «олбанского» языка (им не пользуется довольно большая часть коммуникантов). Возможно, это явление исчезнет со временем, как проходят многие модные веяния. Участники общения склонны к выражению критического отношения к нарушениям норм языка (хотя большинство из них сами нарушают эти нормы).

8. Зритель

21.09.2012 10:26

To: пилюлькин,

статья - полнейшая безграмотность.....автор двоечник по русскому....а содержание.....мне лично по фигу кто кому и где..зачем мне читать про атмосферу матча через третьи руки, когда сам видел....

Поскольку общение в Интернете сегодня затрагивает людей почти всех возрастов и социальных слоев, назревает необходимость исследования возможностей внедрения традиционных норм культуры речи в виртуальную сферу коммуникации.

Источники материала

1. AllHockey.ru: сайт. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://allhockey.ru>.

Литература

1. Ахренова Н.А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление): автореф. дис. ... доктора филол. наук / Н.А. Ахренова. – Москва, 2009. – 36 с.
2. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Галичкина. – Астрахань, 2001. – 198 с.
3. Горошко Е. И. Интернет-коммуникация: проблема жанра / Е.И. Горошко // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. – 2006. – С. 165-175.
4. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы / Е. И. Горошко // Жанры и типы текста в научном медийном дискурсе. – Орел: Картуш, 2007. – Вып. 5. – С. 223–237.
5. Жичкина А. Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете [Электронный ресурс]. – 1999. – URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf>
6. Иванов Л. Ю. Язык интернета: заметки лингвиста/ Л.Ю. Иванов// Словарь и культура русской речи. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 131–147. – URL: www.ivanoff.ru/rus/ozhweb.htm.
7. Казнова Н.Н. Трансформация языковой личности в интернет-коммуникации (на примере французской блогосферы): автореф. дис. ... кандидата филол. наук / Н.Н. Казнова. – Пермь: 2011. – 23 с.
8. Капанадзе Л.А. Структура и тенденции развития электронных жанров / Л.А. Капанадзе // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. М., 2001. – С. 246–255.
9. Морослин П. В. Лингвокультурологические основы теории функционирования Рунета в пространстве межкультурной коммуникации: автореферат дис... доктора филол. наук/ П.В. Морослин. – Москва, 2010. – 40 с.
10. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 272 pp.
11. Cunningham Dennis. Globalisation, languages, and technology: an agenda for action / Dennis Cunningham // Вестник МГУ. – Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 4. – С. 36-62.

Даренская Н.А. ©

Кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный аграрный университет

ПРИЕМЫ ВЕЩЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ А.КАРПЕНТЬЕРА

Художник - демиург, создающий Бытие, вернее, пересоздающий, поскольку право первенства им онтологически утрачено (приоритет, увы, принадлежит Высшему Разуму, Тезу, Богу, природе ?) Но сакральный жест наименования мира, называния вещей он всегда оставляет на свой счет, рассматривая его как прерогативу творческой самоидентификации. Назвать вещь - значит дать ей смысл, вычленив ее из хаоса, дать ей упорядоченное бытие, вписать в систему, в космическую иерархию. Вещный, предметный мир в руках Творца - архитектурный инструмент для построения мироздания. Давать имя вещам - значит осмысливать их, познавать их природу, суть, меру и значимость в пространственном мире. Поскольку человек погружен в предметный мир, то вещи - мерило человеческой идентификации, способ самоопределения, инструмент познания собственной природы.

Эти культурные парадигмы находят различное преломление в творческой рефлексии А. Карпентьера, для которого избирательность таланта, степень и мера одаренности того или иного художника, ассоциируются прежде всего с *манерой видения* и воссоздания бытия

в его детализированной, осязательно-чувственной полновесности, вещественной зримости, выпуклости. Метафора-мифологема о писателе, уподобляющегося Всевышнему-Теургу, занятого созиданием предмета и его вербализацией, как *аллюзия* пронизывает публицистику Карпентьера. В статье «Проблематика современного латиноамериканского романа» (1974) писатель приводит пространную цитату «самого барочного французского поэта» - Леона Поля Фарга, высказывание, несомненно, очень близкое собственному художественному мироощущению: «Если вам удастся описать их (предметы - прим. - Н.Д.) в нескольких словах, добиться того, чтобы я почувствовал их цвет, их материальность, их вес, размер, фактуру, вид этого предмета, то, значит, вы выполнили величайшую задачу, которая стоит перед каждым истинным писателем. *Покажите мне предмет, сделайте так, чтобы ваши слова позволили мне представить его, пощупать, ощутить его тяжесть*» (курсив - автора, прим. - Н.Д.) [1, 56]. Отсылки к библейскому мотиву сотворения вещного мира нередко возникают и прямо. Например, восхищаясь искусством гравюр Альбрехта Дюрера, в частности, - гравюрой с носорогом, Карпентьер отмечает, что тот «на своей великолепной гравюре средствами графики *дал имя* носорогу, как Адам у Уильяма Блейка в день сотворения *дает имена* животным» (курсив - автора, прим. Н.Д.) [1, 56].

Прежде всего, архетипичный сюжет о творце-теурге, «именователе» вещей, получает актуальную значимость в художественном сознании Карпентьера в контексте размышлений о необходимости национального самоопределения, - выработки латиноамериканскими писателями своего стиля, литературного метода, а также в целом, - проблемы экспансии латиноамериканской культуры в мировую: «Но оказывается, что сейчас мы, латиноамериканские романисты, должны давать названия всему, что нас окружает, всему, что деятельно играет роль контекста. Это нужно для того, чтобы включить наш мир во всеобщий обиход < ... > Наша сейба, наши деревья, цветущие и не цветущие, должны стать известны всему миру, должны быть названы точными словами, которые станут всеобщим достоянием» [1, 56-57]. Здесь мифологическая экзистенциальность (творец и пока еще не существующее бытие, а лишь присутствие, наличие самой *интенции*) приобретает черты конкретно-исторической, национально-культурной сверхзадачи с оттенком культурного волюнтаризма. Культ подробности изображения предмета в контексте, в сложных взаимоотношениях с окружающим объясняется литературной неосвоенностью латиноамериканской действительности, необходимостью «дать название» аморфному миру.

Образность стиля Карпентьера в первую очередь опирается на опыт смежных искусств - живописи, а также архитектуры и скульптуры. Собственную прозу писатель осмыслил как прозу *барокко*, понимая под этим не столько конкретный стиль или направление в искусстве, сколько способ художественного восприятия, метод трансформации реальности, рассматривая термин как «способ перевоплощения материи и ее форм, способ упорядочивания путем создания беспорядка, способ пересоздания материи». Именно проза барокко, по мысли писателя, дает предмету жизнь и форму, вес и размеры. Концепция барочности, возникшая «из необходимости давать имена вещам, пусть даже ценой отхода от модных стилей», по-разному преломляется в его художественном мире. Нередко писательская манера напоминает прием «неравномерного фокусирования», когда, например, эпический размах повествования вдруг катастрофически сужается до небольшой детали, частной зарисовки, но именно эта деталь придает повествованию живописную зоркость и запоминаемость, какой трудно достигнуть посредством пространных описаний в несколько страниц. Отмеченный прием связан с пространственной соразмерностью: так видеооператор или фотограф сначала подают обзорную панораму, а затем вдруг резко фокусируют объектив на незначительной детали наблюдаемой картины, создавая эффект смещения. Именно так в романе «Весна священная» подается Париж. Совершивший паломничество ко всем святым местам этого города - «колыбели культуры», прекрасно знающий его архитектурные памятники, герой-повествователь, тем не менее, воспринимает и живописует Париж через незначительную, на первый взгляд, прозаически банальную, архитектурную деталь, которая, гиперболизируясь в его сознании, замещает собой весь образ: Париж - «город пустынных балконов». Принцип

разнонаправленного видения обозначен и на вербально-повествовательном уровне (герой - рассказчик сравнивает собственный взгляд и взгляд своей подруги), отмечая, что «Париж не один, их два, все зависит от того, на что ты смотришь, что тебя волнует. Вот мы стоим с нею перед творением Гарнье. Но она смотрит внутрь, там расставлены декорации, звучит оркестр, движутся знакомые ей создания Стравинского, Прокофьева, Дягилева, Баланчина <...> Итак, она смотрит на то, что внутри здания, я же смотрю на него снаружи...»[2, 76]

В своей стилистике Карпентьер часто использует прием «вещественной метафоризации», который придает повествованию искомый оттенок барочности, достигаемый за счет эффекта парадоксальных образных сближений, смысловых переплетений. Так перечисление овощей, блюд, кушаний, т.е. ряд «осязаемых вещей» превращается в великолепную развернутую метафору культуры народов креольской расы, культуру «смешения вкусов в одной кастрюле». При этом обращает внимание отмеченный выше «разнофокусированный» стиль повествования: беглая неразвернутость перечислений, неосязаемость и безвкукусность (в данном случае ничего не говорящее перечисление названий национальных кушаний - тамаль, альяка, ахьяко, и пр.) вдруг сменяется увеличено-фокусированным смакованием, - попыткой героини ощутить всю прелесть бониата (одного из видов батата). Сочный эротизм этой образности не может не привлекать внимание, не завораживать. Но далее вновь происходит расфокусирование, автор возвращается к принципу панорамного обзора, принципу «невыведляемости», чтобы придать повествованию логическую смысловую завершенность.

По мнению Н. Зюковой, некоторые критики и исследователи понимают бароккизмы в произведениях Карпентьера только как изобилие деталей, затемняющее главную мысль, при этом не обращая внимания, что описательность служит средством создания «контекста» - природной или социальной среды, в которой действуют герои. «Барочность, таким образом, - отмечает исследовательница, - становится методом создания эпического»[3, 102] С этим замечанием трудно не согласиться, тем не менее, нельзя не заметить, что в прозе Карпентьера, с ее «архитектурностью», орнаментальностью, тщательным вниманием к детали, вещь, предмет, - любая материализованная деталь, служит не столько средством создания исторического правдоподобия, временного колорита, сколько авторским *приглашением* к философской рефлексии (*со-рефлексии*). Созерцание вещи, погружение в предмет - отправная точка мыслительной медитации: предмет берет на себя функцию тематической увертюры, задавая линии семантических движений. Эпичность утрачивает свою временную реальность, так как перемещается в сферу вневременного, архетипического, мифологического. Так в «Весне священной» созерцание сейбы, - «матери всех деревьев», по определению кубинских крестьян, порождает мысль о космической соразмерности мироздания, вид этого дерева, «созданного по законам архитектуры» актуализирует в сознании древние космогонические мифы, помогая созерцателю ощутить себя гармоничной частью целого. Или, в другом эпизоде романа, созерцание геометрических вещественных образов - пейзажа мексиканского плоскогорья Анауак и пирамид Теотиуакана порождает рефлексию героя не только о загадках «нерукотворной» природы и «рукотворных» древних цивилизаций, но и о современных тайнах бытия. Когда предмет помещается в центр мира, то становится важным не столько сам предмет, сколько его *идея*. Предмет в художественном сознании Карпентьера - это материализованная идея, овеществленный символ или аллегория. Так мумия, нечаянно обнаруженная в пещере полковником Хофманом («Превратности метода») преподносится как овеществленная *идея власти*, предмет выступает в роли зловещего символа вековечности (и одновременно тленности) власти.

Тема диктатуры, положенная в основу романа «Превратности метода», спродуцировала соответствующий образный ряд, скрепленный общей идеей монументальности. Власть у Карпентьера приобретает предметность, выливается в конкретную форму, воплощается в гротескных архитектурных или скульптурных образах. Это Капитолий, зловещая монументальность которого уничтожала башни Собора, казавшиеся по сравнению с ним «низкими и жалкими»; это Большой Олимпийский стадион, где повстанцев «втискивали в четырехугольные ящики и обливали цементным раствором»; это, наконец, многочисленные «статуи, бюс-

ты и головы», населявшие по официальному распоряжению Главы Нации административные заведения. Метафора власти, отлитой в форму, в культурно-семиотическом аспекте достаточно узнаваема и традиционна. Однако у Карпентьера важен *ракурс* подачи предмета. При описании гигантской статуи Республики, призванной украсить здание местного Капитолия, писатель использует «абсурдный» прием остранения - подачи предмета не цельным планом, а «кусками», по составным частям. «Разбиение на части» этого гиперболизированного гротескного тела дает пародирующий карнавальный эффект десакрализации самой идеи монументальности. Сходный прием «расчленения» используется в другом эпизоде, когда Глава Нации наблюдает сбрасывание в море «своих» статуй и бюстов. Эти опредмеченные символы власти подаются как вещи, «сваленные в кучу», «поставленные на попа» (эффект карнавальной перевернутости), либо лежащие на полу, перемешанные в хаосе.

Таковы некоторые приемы вещественной трансформации мира в творчестве писателя.

Литература

1. Карпентьер А. Мы искали и нашли себя: Худож. публицистика. - М.: Прогресс, 1984. - 416 с.
2. Карпентьер А. Весна священная. - М.: Радуга, 1982. - 480 с.
3. Зюкова Н. Алехо Карпентьер: Монография. - Л.: Худож. лит., 1982. - 168 с.
4. Карпентьер А. Превратности метода. - М.: Прогресс, 1987. - 336 с.

Ермакова Н.В. ©

Аспирантура, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

С целью рассмотрения эволюции концепта «деньги» во французском языке обратимся к этимологическим и историческим словарям.

В этимологическом словаре под редакцией Жаклин Пикош [3, 54] отмечается, что слово «argent» происходит от латинского «argentum», и что во французском языке употребление слова «argent» как «métal», «monnaie», «richesse» зафиксировано в IX веке. В словаре французского языка под редакцией Алена Рея [6, 54] уточняется, что слово «argent» встречается в значении «деньги» в 881 году в «Секвенции о Святой Евлалии» («Séquence de Sainte Eulalie»).

В энциклопедическом историческом словаре Мишеля Мурра [7, 48] и в энциклопедии Ромбальди [5, 290], отмечается, что «argent» – в значении «серебро» издревле считалось драгоценным металлом, поэтому ещё в древние века стало играть «денежную роль», то есть выполнять функции денег. Только в XIII-XIV веках во Франции наряду с серебряной монетой появилась золотая монета, поэтому серебро и золото составили основную монетарную базу. Таким образом, установилась денежная система биметаллизма, то есть такая система, в которой сосуществуют серебряный и золотой эталоны, между которыми устанавливается соотношение для обмена. С тех пор понадобилось учитывать рынок ценных металлов, внутри которого соотношение 1 кг золота за 12 кг серебра казалось вполне разумным и приемлемым. Однако такое соотношение временами изменялось, поднимаясь до 18 кг серебра за 1 кг золота, и наоборот, падая соответственно до 4 кг. [4, 11]. Постепенно ценность серебра по отношению к золоту падала. По французскому закону от 28 марта 1803 года 1 кг золота был равен 15,5 кг серебра, другими словами, эквивалентом одной золотой монеты считалось пятнадцать с половиной серебряных монет. С 1870 года в Америке увеличился объём выпуска серебряных монет в связи с обнаружением новых серебряных рудников и их интенсивной разработкой. Такое положение дел привело к дальнейшему обесцениванию серебряных монет.

В то же время страны Европы постепенно переходили на золотой монометаллизм, где центром денежной системы оказывалось золото. Но система биметаллизма продолжала существовать в Европе до конца XIX века. Что касается Франции, то ценность денежного эквивалента с 1928 года перестала выражаться серебром, и стала определяться золотом.

Несмотря на то, что денежный эквивалент перестал определяться серебром, слово «argent» – «серебро» прочно закрепилось для обозначения денег. Другими словами концепт «деньги» продолжает вербализоваться как «argent» – «серебро», а не как «ог» – «золото».

В начале XX века произошла «дематериализация» денег [7, 50], [5, 291]: то есть наряду с золотыми монетами, стали использоваться ценные билеты, бумажные купюры, которые можно было свободно обменивать в банках на золотой эквивалент. Но с постепенным переходом от металла к бумаге деньги не потеряли своего неприкосновенного и скрытного характера, но даже наоборот. [1, 966]. В дальнейшем система банковских чеков и счетов, перечислений и переводов, наконец, пластиковых банковских карт и электронных денег способствовала прогрессированию «дематериализации» денег. Именно поэтому во французском языке для представления концепта «деньги» появились такие выражения как «carte bleue», «carte de crédit», «argent plastique» и «argent électronique».

Небезынтересно отмечено, что во французском языке концепт «деньги» включает в себя наименования различных денежных единиц.

«Un aureus» существовал в правление Гая Юлия Цезаря, «un solidus (un sou)» – в правление Константина (307-337 гг.). «Un besant» обязан своим названием влиянию Византии, «un dénier» был распространён при Пепине Коротком (750-753 гг.), под арабским влиянием он преобразовался в «un dinar»; «un altin», более распространённое название которого «un séquin», был заимствован у турков [7, 52]. «Un ducat» и «un florin» появились в Дандоло и Флоренции, затем распространились в других европейских странах. В 1266 году во Франции при Людовике IX выпускается «un écu», при Филиппе IV Красивом (1285-1314 гг.) – «un agnel», при Жане Добром (1350-1364) – «un mouton» и «un franc à cheval», последний начинает выпускаться в 1360 году. В 1365 году в правление Карла V появляется «un franc à pied». При Людовике XIII (1643-1715 гг.) распространяется «un louis». При старом режиме до 1789 года использовалась такая денежная единица, ценность которой варьировалась в зависимости от времени и места, поэтому она могла выражаться посредством разновидностей монет и называлась «une livre», и наряду с ней существовала и другая денежная единица – «un franc». Впоследствии ливр был заменён франком. Необходимо отметить и то, что франк чеканился из золота и из серебра. При Наполеоне I (1804-1814 гг.) существовала монета в 20 франков, которая носила название «un napoléon». На протяжении всего XIX века франк оставался стабильной денежной единицей, значимой на мировом финансовом рынке. Однако после первой мировой войны в связи с возникшим денежным кризисом франк обесценился по отношению к доллару США. С 1928 года во Франции установилась система золотого монометаллизма, позволившая преодолеть возникший кризис. В течение XX века ценность франка то возрастала, то падала. Наконец, в начале XXI века многие страны Европы, а во Франции это произошло 17 февраля 2002 года, перешли на единый денежный знак – евро «un euro».

Чтобы представить различные способы вербализации концепта «argent», обратимся к различным словарным его дефинициям.

В толковом словаре французского языка под редакцией Алена Рея [6, 54] дано следующее определение слову «argent»: 1). une monnaie métallique à base du metal argent; 2). un moyen de paiement, monnaie; ce qui représente cette monnaie. Здесь же приводятся многочисленные и самые разнообразные словосочетания и выражения со словом «argent», что подтверждает широту его употребления в современном языке: argent accumulé – скопленные деньги; argent comptant – наличные деньги; argent frais – недавно поступившие деньги; argent improductif – непроизводительные деньги; argent liquide – наличные или свободные деньги; argent monnayé – серебряная монета; argent de poche – карманные деньги; avance d'argent – аванс денег; circulation d'argent – оборот денег; dépréciation d'argent – обесценивание денег; faute d'argent – за отсутствием денег; manque d'argent – недостаток денег; pénurie d'argent –

нехватка денег; *une pièce d'argent* – монета; *somme d'argent* – сумма денег; *trois mille francs d'argent* – три тысячи франков; *aimer son argent* – любить свои деньги; *amasser de l'argent* – копить деньги; *attendre son argent* – ждать своих денег; *avancer de l'argent* – выдавать аванс, ссудить деньги; *avoir de l'argent sur soi* – иметь деньги при себе; *compter son argent* – считать свои деньги; *dépenser son argent* – тратить свои деньги; *déposer de l'argent* – вносить деньги; *devoir de l'argent* – быть должным денег; *donner de l'argent* – дать денег; *emprunter de l'argent* – занять деньги; *entasser de l'argent* – копить деньги; *être à court d'argent* – испытывать нехватку денег; *être pourvu d'argent* – иметь деньги; *faire travailler son argent* – заставлять свои деньги работать, помещать деньги в дело, пускать деньги в оборот; *faire rentrer son argent* – возвратить свои деньги; *faire tirer argent de tout* – из всего извлекать деньги; *gagner de l'argent* – зарабатывать, выигрывать деньги; *jeter l'argent par les fenêtres* – бросать деньги на ветер; *languir après son argent* – чахнуть над своими деньгами; *manger son argent* – съедать свои деньги; *mettre de l'argent à la caisse d'épargne* – вкладывать деньги в сберегательную кассу; *payer en argent* – оплатить деньгами; *payer argent sur table* – оплатить наличными; *perdre son argent en jeu* – проиграть деньги; *prêter de l'argent* – одалживать деньги; *prodiguer son argent* – проматывать свои деньги; *recevoir de l'argent* – получить деньги; *rembourser de l'argent* – возместить деньги; *serrer son argent dans une bourse, une cassette, un coffre, un coffre-fort, un port-monnaie* – класть свои в кошелек, шкатулку, ларец, сейф, портмоне; *semer son argent* – сорить деньгами; *toucher de l'argent* – получать деньги; *se vendre pour de l'argent* – продаваться за деньги; *verser de l'argent en banque* – положить деньги в банк; *en vouloir pour son argent* – быть удовлетворенным тем, что получили за заплаченные деньги; *je ne sais de quelle couleur est son argent* – я не знаю какого цвета его деньги, т.е. мне не заплатили то, что должны были; *l'argent lui fond dans les mains* – деньги у него тают в руках; *c'est de l'argent en barre* – это деньги в слитках, это чистые деньги; *c'est un bourreau d'argent* – мот.

В аналогическом словаре французского языка Ларусс под редакцией Жоржа Ниоби [2, 69] слово «*argent*» объясняется следующим образом: «*toute espèce de monnaie*». Здесь также приводятся словосочетания и выражения со словом «*argent*». Но из этого списка считаем необходимым перечислить лишь те словосочетания и выражения, которые не встретились нам в предыдущих словарях: *avoir beaucoup d'argent* – *être aisé, fortuné, riche*; *être sans argent* – *être indigent, pauvre*; *aimer l'argent* – *être cupide*; *avoir le culte d'argent* – *adorer le veau d'or*; *amasser de l'argent* – *être avare*; *donner de l'argent* – *délier les cordons de sa bourse*; *semer son argent* – *être prodigue*.

В справочном словаре французского языка «*Le Nouveau Littré*» [8, 54] слову «*argent*» даётся следующее определение: 1) *métal précieux de couleur blanche*; 2) *monnaie faite de ce métal*; 3) *toute espèce de valeur en argent, en cuivre, en or ou en papier*; в переносном значении – «*richesse, biens, fortune*». К ранее перечисленным нами словосочетаниям и выражениям со словом «*argent*» добавим лишь следующие: *argent courant* – ходовые деньги; *argent mignon* – отложенные деньги, которыми можно воспользоваться без ущерба; *argent mort* – мертвые деньги, не приносящие доход; *argent sale* – грязные деньги; *homme, femme d'argent* – корыстолюбивые мужчина, женщина; *aller bon argent* – поступить просто, честно, искренне; *point d'argent, point de Suisses* – нет денег, (нет Швейцарцев) нет ничего.

В Тезаурусе Ларусс («*Thésaurus Larousse*») под редакцией Даниеля Пешона [10, 43] к слову «*argent*» применяются следующие характеристики: 1) *argent natif, métal blanc*; 2) *monnaie d'argent, pièce d'argent*.

В словаре синонимов, аналогий и антонимов, составленном Роже Буссино и Жаном Прювостом [9, 87] концепт «*argent*» вербализуется как «*numéraire*» – денежные средства, «*capital*» – капитал, «*finances*» – финансы, «*monnaie*» – монета, валюта, «*richesse*» – богатство, «*fonds*» – наличные средства, «*fortune*» – имущество, «*récule*» – денежные накопления, «*ressources*» – денежные средства, «*trésor*» – казна, сокровище, «*trésorerie*» – казначейство, сокровищница, «*caisse*» – касса, «*somme*» – сумма, «*chèque*» – чек, «*billet*» – купюра, «*devises*» – валюта.

Всё вышеизложенное позволяет утверждать, что концепт «деньги» во французском языке как ментальная общественная репрезентация и структурный элемент языковой картины мира носителей французского языка многообразен и сложен в способах вербализации, отсюда сложность смысловой структуры концепта «деньги».

Литература

1. Bonnel Thomas. Roger-Pol Droit (dir.). Comment penser l'argent?, Politique étrangère, 1992, vol. 57, n° 4, pp. 966-967.
2. Dictionnaire analogique Larousse sous la direction de Georges Niobey. – Paris, 2001
3. Dictionnaire étymologique du français par Jacqueline Picoche. – Paris : Robert, 1991
4. Favier Jean. L'argent. In : Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. 28e congrès, Clermont-Ferrand, 1997. pp. 9-16.
5. L'Encyclopédie 360, tome VII – Séville, l'Impronta Sévillana, 1975
6. Le Grand Robert de la langue française dirigé par Alain Rey. – Paris : Dictionnaires le Robert, 2001
7. Michel Mourre. Dictionnaire encyclopédique d'Histoire. – Paris : Bordas, 1991
8. Le Nouveau Littré. Le dictionnaire de référence de la langue française. – Paris : Éditions Garnier, 2006
9. Roger Boussinot. Dictionnaire Bordas. Synonymes, analogies et antonymes. – Paris : Bordas, 2008
10. Thésaurus Larousse : des idées aux mots, des mots aux idées, sous la direction de Daniel Péchon. – Paris : Larousse, Trésor du Français, 1992

Ефанова Л.Г. ©

Кандидат филологических наук, доцент,
Томский государственный педагогический университет

НОРМА СТАБИЛЬНОСТИ КАК ФРАГМЕНТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ НОРМЫ

Семантическая категория нормы отражает присутствующие в языковом сознании коллектива и регулярно выражаемые при помощи специализированных языковых средств стереотипные представления об основных свойствах объектов того или иного класса, принятые в качестве должного и потому положительно оцениваемого состояния для этих объектов и способные выступать в качестве средства их измерения и оценки [1,122]. Разнообразие средств выражения отношения к норме позволяет представить эту категорию в виде функционально-семантического поля (ФСП), под которым понимается «семантическая категория, рассматриваемая в единстве с грамматическими и лексическими средствами ее выражения в данном языке» [2,10]. В ФСП нормы входят отдельные слова, фразеологизмы и синтаксические конструкции, которые обозначают как явления, соответствующие представлениям носителей языка о должном, так и разного рода аномалии.

ФСП нормы семантически неоднородно и включает в себя несколько фрагментов, в число которых входят норма комплектности (напр.: *беспалый* – *шестипалый*), норма степени достижения результата (*недосолить* – *пересолить*), норма видовой идентичности (см. [1]), собственно параметрическая (*высокий* – *низкий*) и собственно аксиологическая нормы (*хороший* – *плохой*) и др. В качестве одного из фрагментов ФСП нормы может быть представлена норма стабильности.

Содержанием нормы стабильности являются представления об относительной устойчивости к преобразованиям явлений окружающего мира и о предсказуемом характере происходящих в нем изменений. Средствами выражения семантики нормы стабильности в русском языке являются префиксальные глаголы со значением возвращения объекта в нормальное состояние и другие предикаты восстановления статуса (напр.: *отвисеться*, *разогнуться*), а

также фразеологизмы (напр.: *приходить /прийти в себя <в чувство>, приводить /привести в себя <в чувство>, без пяти минут кто-л.* ‘почти (достигший нового социального или иного положения)’), *бить в одну [и ту же] точку, брать свое, на роду написано*). Семантику отклонения от нормы стабильности выражают высказывания, включающие в свой состав неопределенные местоимения (напр.: *Какой-то хлеб несвежий сегодня*), частицы *даже, уже и только* (напр.: *Он даже покраснел; Уже неделю мы не можем дозвониться; Они моются только раз в месяц*) и конструкции с союзами *а* и *но* (напр.: *Еще не наступил вечер, а (но) в воздухе уже почувствовалась сырость*), а также некоторые фразеологизмы (напр.: *погибнуть в цвете лет; по щучьему велению*).

Норма стабильности основывается на двух основных принципах, значимых для человеческого восприятия действительности и отраженных в языке. Одним из них является выделенный В.З. Санниковым *принцип статичности*, согласно которому «мир, окружающий человека, устойчив к изменениям. Исчезновение чего-то имеющегося и /или возникновение чего-то нового – ненормальность» [3,259]. В качестве основного средства выражения семантики нарушения этого принципа В.З. Санников называет конструкции с союзом *но*, например: *Весь день шел дождь, но к вечеру кончился*. Значение нарушения принципа статичности выражают некоторые фразеологизмы (напр.: *вверх тормашками* (оказываться, идти, лететь); *вверх ногами* (ставить, пойти, переворачиваться, происходить); *висеть <повисать/повиснуть, держаться> на волоске <на ниточке>* и т.д.).

Вторым из лежащих в основании нормы стабильности принципов является *принцип причинно-следственной обусловленности* происходящих в объекте изменений. Благодаря действию этого принципа норма стабильности распространяется не только на статичные объекты, но также включает в сферу своего действия явления, способные к закономерному и потому прогнозируемому развитию.

Ситуация изменения нормального положения дел вследствие нарушения *принципа статичности* может быть разрешена двумя способами. Первым из них является возвращение к исходному положению дел, для обозначения которого в языке используются так называемые предикаты восстановления статуса. Конститутивным элементом значения этих слов, как и семантики других глаголов изменения состояния, является отсылка к предшествующей ситуации. Сообщая о событии, предикаты восстановления статуса «одновременно указывают, что речь идет о восстановлении уже существовавшей ранее ситуации, ср.: *помириться, выздороветь, прийти в себя, очнуться, отдышаться, образумиться, успокоиться* и т.д. Обычно глаголы этой группы предполагают, что речь идет о возвращении к норме» [4,44]. К числу регулярных средств выражения семантики восстановления статуса относятся глаголы с префиксами *о-* и *от-* (напр.: *отпоить молоком кого-л., отрезвить, отлегло*) и с конфиксами *о-...-ся* и *от-...-ся*, например: *одуматься, опамätоваться, отлежаться, отвисеться, отдышаться, отоспаться, отпиться (кумысом)* – ‘излечиться продолжительным питьем чего-л.’, *отплакаться, отрветься, отрезвиться, отъестся, очувствоваться, оухаться*.

Вторым способом разрешения аномальной ситуации может стать ее развитие в новом направлении. Наблюдения В.З. Санникова над использованием союза *но* показали, что «если намечилось какое-то отклонение, то нормально движение в том же направлении; а возвращение к исходному положению – ненормальность» положения вещей, например: *Он заболел, но скоро выздоровел* [3,259]. Однако такая оценка становится возможной только в том случае, если описываемая в высказывании ситуация претерпела качественные изменения, т.е. сменилась иным положением дел, развивающимся уже по другим законам. Например, в приведенном примере ситуация благополучия сменилась болезнью и в качестве «точки отсчета» для развития новой ситуации выступает уже состояние болезни.

Нормативная оценка ситуаций, описанных конструкциями с союзом *но*, становится возможной потому, что представления о норме стабильности не отрицают возможности изменений в оцениваемом объекте, однако предполагает их прогнозируемое развитие. Именно с непрогнозируемым (не соответствующим обычному) развитием событий связана отрицательная нормативная оценка ситуаций, обозначенная при помощи высказываний с некото-

рыми неопределенными местоимениями и частицами *даже*, *уже* и *только*. Исследование названных языковых единиц в аспекте выражаемой ими семантики нормы осуществила Т.М. Николаева, отметившая, что во многих случаях при использовании неопределенных местоименных слов, а также «в высказываниях с частицами выражается отношение к нормативной части человеческого существования» [5,91]. В частности, в некоторых текстах, где неопределенное местоимение относится ко всему высказыванию в целом, оно передает «по сути одно значение: несоответствия, отклонения от некоторой нормы, от позитивного сценария событий» [5,55], например: *Что-то я устала*; *Что-то сон одолевает*; *Какой-то Петя неразговорчивый стал*; *Какой-то ты нелюбезный сегодня* и т.д. При этом фразы с элементом *что-то* описывают «ситуацию, генезис которой неясен и сама она еще как бы не определилась точно», а высказывания с элементом *какой-то* отражают состояние говорящего, который «не совсем уверен не только в причинах, но и в факте сообщаемой информации» [Там же]. Таким образом, семантика несоответствия норме стабильности нередко бывает связана с неспособностью говорящего объяснить причины описываемого явления и спрогнозировать дальнейшее развитие событий. Поэтому «в сообщениях о девиациях ощутима позиция обстоятельства причины. Ее нередко замещает неопределенное местоимение: *Поезд почему-то опоздал*; *Почему-то мне хочется есть, хотя еще не время обеда*» [6,4].

Высказывания с частицами *еще*, *уже*, *даже*, *хоть* и *только*, по мнению Т.М. Николаевой, выражают «три вида отношения ситуации к норме: 1) демонстрация неизбежности нормативно происходящих событий, опора на эту неизбежность: *Еще аллея не сумрачена приют...* (т.е. он будет сумрачным); 2) несоблюдение нормы, т.е. фиксирование крайности на нормативной оси: *Он шел, уже задыхаясь*; *Ну, хоть какой-нибудь еды дайте* (установка на минимум); *Он гостит у них уже третью неделю* (слишком долго, по моей оценке); 3) несоответствие норме, ее опрокидывание: *Он даже не знает, сколько стоит килограмм сахара* (а это должны знать все, по моему мнению)» [5,91].

Несоблюдение нормы, отношение к которой обозначено при помощи перечисленных частиц, может быть «связано с двумя полюсами: ‘недостаточно’ и ‘слишком’». Начиная с минимума, ‘недостаточно’, выделяются высказывания с *только*: *На небе ничего не осталось, только две белые полосы...* Следующий этап связан с сильным продвижением по шкале крайности: *На юге летом тепло, даже жарко*, при этом *даже* индуцирует на множестве подобных элементов нечто вроде градуированной шкалы». «Крайняя степень, ‘слишком’, представлена частицами *уже*, *вот уже* в соответствующих высказываниях: *Уже через пять минут он заснул*; *У него уже 38,5°*» [5,92].

Одним из способов выражения в языке семантики отношения к норме является использование антонимов. Большая часть единиц, обозначающих соответствие или отклонения от нормы в одном из фрагментов ФСП, способны вступать друг с другом в отношения антонимии. Как правило, антонимические пары, характеризующие отношение к той или иной норме, состоят из антонимов, выражающих контрадную (качественную) противоположность и вступающих друг с другом в градуальные (или ступенчатые) оппозиции (напр.: *высокий – среднего роста – низкий*), или же выражают дополнительность (комплементарность), при которой «вся шкала противопоставления представлена двумя противоположными членами, дополняющими друг друга до выражения той или иной сущности» [7,15] (напр.: *слепой – зрячий, живой – мертвый*).

Норма стабильности отличается от других разновидностей норм тем, что в качестве одного из способов ее выражения в языке является использование антонимов, выражающих векторную противоположность, т.е. противоположную направленность действий, признаков и свойств или же противопоставление между активно направленным действием (признаком) и действием или признаком с невыраженной направленностью, например: *разбирать – собирать, начинать – переставать, всего одно яблоко – целых десять яблок, еще не пришел – уже ушел*.

Семантика нормы стабильности, отражающая представления об устойчивости к преобразованиям явлений окружающего мира и о предсказуемом характере происходящих в нем

неизбежных изменений, а также разнообразие языковых средств выражения этой семантики позволяют представить рассматриваемую нами норму как относительно автономный участок функционально-семантического поля нормы, обладающий всеми свойствами этого поля, в число которых входят единство семантики и наличие лексических, фразеологических и грамматических (синтаксических) способов выражения ее в языке.

Литература

1. Ефанова Л.Г. Норма видовой идентичности как фрагмент функционально-семантического поля нормы – Сибирский филологический журнал. – 2011, № 2. – С. 122 – 129.
2. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики : На материале русского языка. – М.: Издательство «Языки славянской культуры», 2002, 736 с.
3. Санников В.З. Значение союза НО: нарушение «нормального» положения вещей – Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1986, т. 45, № 5. – С. 433–444.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Издательство «Языки русской культуры», 1999, 896 с.
5. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). – М.: Издательство «Едиторал УРСС», 2005, 168 с.
6. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») – Вопросы языкознания. 1987, № 3. – С. 3–19.
7. Новиков Л.А. Антонимия и словари антонимов. – М.Р. Львов. Словарь анонимов русского языка. – М.: Издательство «Русский язык», 1978, 400 с. – С. 5 – 27.

Ефимова С.И. ©

Французский университетский колледж (Москва), выпускник факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

ЖОРЖ ФЕЙДО И САША ГИТРИ – ПРОДОЛЖАТЕЛИ ТРАДИЦИИ «ХОРОШО СДЕЛАННОЙ» ПЬЕСЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЬЕС, ПОСТАВЛЕННЫХ В МИХАЙЛОВСКОМ ТЕАТРЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА)

«Хорошо сделанная» пьеса - понятие, сегодня изученное слабо. Его корни уходят в XVII век – век становления классической драмы, век Корнеля и Расина. «Поэтика» Аристотеля, предвестившего появление единства действия, дает толчок к формулировке и двух других единств – времени и места. «Хорошо сделанная пьеса» - это структура, в основе которой лежит классическая драма с ее требованиями экспозиции, завязки, кульминации, развязки, правдоподобия. Первоначально, это была структура драмы. В последствии, понятие разросло, вобрав в себе и другие жанры: трагедию, мелодраму и комедию. Мы знаем Жоржа Фейдо и Саша Гитри как значительнейших в истории театра комедиографов. Однако, парадокс заключается именно в том, что сквозь понятие формы «хорошо сделанной» пьесы мы обнаруживаем, что драматурги вышли далеко за рамки комедии (в частности, популярной в их эпоху «бульварной комедии»), собрав в своих пьесах настоящий драматический калейдоскоп.

Так, в пьесах Фейдо, при внимательном изучении, становится очевиден отголосок теоретиков символизма и, в частности, Метерлинка. Находим мы и нотки Чехова. Также некоторые исследователи говорят о героях Фейдо не как о живых людях, но как о марионетках [3],[4]. Однако, персонажи Фейдо на деле оказываются не такими уж и искусственными: несмотря на механичность действий и диалогов, каждый из них оказывается живым человеком, имеющим статус, профессию, собственные качества и переживания. За масками якобы кукол стоят живые люди, запрограммированные по воле автора на определенные действия, но яв-

ляющиеся зеркалом эпохи. Отметим отсутствие у Фейдо отрицательных героев: все они, даже самые отъявленные лжецы, крайне обаятельны; назвать их негодяями было бы слишком, и кроме смеха они вызывают и сопереживание. Это одна из главных черт драматургии Фейдо.

Пересечение двух культур, французской и русской, в частности, в области театра, можно наблюдать уже с 1742 года – переезда французской труппы в Санкт-Петербург [2, 7]. С 1830-х гг. французская труппа прочно обосновалась в Михайловском театре, где просуществовала до 1917 года. На протяжении многих столетий взаимосвязь художественной и интеллектуальной жизни Франции и России очевидна. В Санкт-Петербурге любовь к Франции проявлялась весьма шумно. В аристократических семьях говорили по-французски, мечтали о Париже. Талантливый актер Люсьен Гитри, отец будущего драматурга, был в Петербурге настоящей звездой петербургской сцены. Его появления ждали с жадностью, русская публика им восхищалась, устраивались ужины в его честь [5, 12].

Есть несколько моментов, сближающих французских драматургов Фейдо и Гитри. Во-первых, это тот факт, что оба они, как ни странно, забыты у себя на родине. Несмотря на то, что пьесы Фейдо по-прежнему ставятся во французских (и некоторых русских) театрах, серьезным изучением творчества драматурга сегодня практически никто не занимается. Что касается Гитри, то исследователей более интересует сторона его кинодеятельности, нежели его театрального и драматургического наследия. По некоторым источникам мы можем установить влияние Фейдо на Гитри; последний даже считал Фейдо своим учителем и наставником [6, 159]. По его мнению, один Фейдо, в отличие от остальных мастеров, обладавших даром смешить людей, умел «рассмешить неминуемо, в специально выбранный момент, и в течение определенного количества секунд. Реакция публики в его пьесах запрограммирована» [3, 210]. Во-вторых, объединяет драматургов и их популярность в России. По архивам Михайловского театра мы можем установить востребованность и успех их пьес у русской публики: у Фейдо было поставлено более десятка комедий («*Dame de chez Maxime*», «*Tailleur pour dames*», «*Fil à la pàtte*», «*Puce à l'oreille*», «*Occupe-toi d'Amélie*», «*Monsieur chasse*» и др.), у Гитри, тогда только лишь начинающего драматурга, три («*Un beau mariage*», «*Prise de Berg-op-Zoom*», «*Chez les Zoques*»). В-третьих, выбор именно этих драматургов обусловлен и биографическим моментом: оба они уже с детства находились в центре артистической среды. Так, «хорошо сделанная пьеса» в их творчестве во многом была обусловлена эпохой и явилась своего рода зеркалом времени. То есть, успех пьес у публики был вызван тем моментом, что оба драматурга жили в *свое* время. В-четвертых, сегодня существует следующий парадокс: в начале прошлого века и Фейдо, и Гитри были горячо любимы и в России, и во Франции; сегодня же в России о них практически ничего не известно (за исключением переводов некоторых пьес Фейдо рубежа 19-20 вв., переводов И.Мягковой, переводов небольшого количества пьес Гитри и переведенной О.Захаровой книги Гитри). Что касается оригинальных текстов пьес, то они в России представлены крайне скупо.

Само название «хорошо сделанная» пьеса (*pièce « bien faite »*) дал существующей ранее структуре Э.Скриб в середине 19 столетия. С этого момента в хорошо сделанной пьесе начали видеть легкую бульварную комедию. Форма была подхвачена и развита Сарду, Лесажем, Лабишем и другими. Традиции этого жанра по-своему продолжила драматургия рубежа 19-20 вв. С одной стороны, драматурги этого периода отказывались от претензий на достоверное воспроизведение действительности, избрав путь условного театра; с другой же – на примерах пьес Фейдо и Гитри мы можем видеть совмещение театральной условности и гипертрофированности, но при этом максимальную достоверность и правдоподобность. С пьесами Фейдо за структурой еще больше закрепилось название комедии, Гитри же вывел ее ближе к философской притче. Фейдо, мастеру *quiproquo*, удалось добиться математической точности в построении пьес. Для него наука смешить – точная наука. Гитри сравнивал водители Фейдо с часами [3, 210]. У Фейдо не существует «лишних» слов или ситуаций. Каждая реплика в его пьесах работает. Каждое слово находит резонанс. «Что меня удивляет больше всего, - писал критик и журналист Франсиск Сарсе, - это то умение, благодаря которому все

урегулировано, объяснено, оправдано в его (Фейдо. – С.Е.) экстравагантном паясничестве. Недоразумения происходят без остановки, но нет ни одного такого, которое потом бы не приводило к развязке» [11, 189]. Отдельную роль в структуре пьесы Фейдо занимает рассказ: то есть, невозможность рассказа (в конце 2 акта «*Puce à l'oreille*» центральное недоразумение было бы разрешено, если бы у Люсьен было время объяснить, что это не она отправила любовное письмо Шандебизу; в «*Tailleur pour Dames*» невозможность рассказа достигает своего пика в роли Бассине, которому так и не дают рассказать историю про портниху). Современники говорили, что после Мольера Фейдо – самый великий комик [12, 12]. Гитри же называли Мольером, Бомарше 20 века [1, 13]. Смех – сильнейшее оружие: это понял пятилетний Гитри, находясь с отцом в Петербурге. Реакция взрослых на детскую оплошность – смех (из воспоминаний об ужине с Александром III). Гитри считал, что страшиться иронии – это все равно, что бояться разума, что легкомыслие – первый шаг к мудрости.

Фейдо, писал Клод Дамьен, один из лучших комических натуралистических авторов. Его герои – аферисты, промышленники, средние буржуа, окруженные своими каждодневными делами. Эти герои не говорят стихами, они общаются на обычном языке с элементами арго (напр., «*Dame de chez Maxime*») [6, 3]. Фейдо явился предшественником авангардистского театра и – театра абсурда. Так, в пьесе «*On purge Bébé*» ситуация очевидно доходит до абсурда: жена явно дает понять мужу, что ему надо бы не забывать о том, что он отец, и проявить волю, чтобы их капризный 7-летний сын принял слабительное. Семейная сцена, как это часто бывает у Фейдо, разыгрывается на глазах у гостя – делового партнера мужа, и в результате слабительное принимают сам отец и гость. То есть изначально-то ничего абсурда не предвещало: но жизнь настолько непредсказуема в своих проявлениях, как бы говорит нам Фейдо, что абсурд является ни чем иным, как самой этой жизнью в самом простом ее бытовом проявлении.

Театр «хорошо сделанной» пьесы изображал на сцене богатеньких буржуа, бесстыдных журналистов, те забавные типажи, которые были столь характерны для середины 19 века. Комизм правды жизни – то, что удалось достичь и Фейдо, и Гитри: действия и сюжеты пьес полностью черпались драматургами из жизни и окружающей действительности.

Пьесы обоих драматургов – ярчайшие примеры качественной бульварной драматургии, столь популярной у публики рубежа 19-20 вв. Важно здесь слово «качественная». Традиционная бульварная комедия – это буффонада и грубоватый юмор, приемы внешнего комизма, прославляющие легкомыслие и изворотливость. Герои пьес – образы-маски, лишённые индивидуальных черт. Традиционный набор масок: муж-изменник, глупый муж, ревнивая/сварливая жена, жена ветреница, кокотка, «друг» семьи – все они с определенным и завидным постоянством кочуют у Фейдо и Гитри из одной пьесы в другую. Однако, у обоих драматургов маски преобразуются в реальных людей. Легкие, вызывающие неудержимый смех, их комедии являются плодом серьезной работы опытных знатоков театра. Французские историки театра отмечают легкость, блеск, непринужденность диалогов в пьесах Гитри, позволяющего себе простые и легкие шутки, игру слов, но никогда не впадающего в вульгарность [12, 22].

Продолжая бульварную традицию 19 века, Фейдо и Гитри пишут сотни комедий. Оба они признавались, что единственное их занятие – лишь забавлять публику, не претендуя ни на морализм, ни на сатиру, ни на глубокие обобщения. Однако, будучи комедиографами, они идут гораздо дальше. Так, можно наблюдать загадочное, почти мистическое происхождение смеховой природы пьес Фейдо. Отметим умение драматурга взять банальную и пошлую ситуацию и постепенно преобразовать ее в бредовую, доведя до предела, до абсурда [3, 210]. Первые комедии Гитри («*Le page*», «*Nono*», «*Veilleur de nuit*» и др.) открывают дверь Фантазии. Они расширяют горизонт жанра. Вместе с рафинированным юмором мы улавливаем и нотки грусти (напр., «*Deux couverts*», «*Un soir quand on est seul*», «*Un home d'hier et une femme d'aujourd'hui*»).

Фейдо довел до совершенства структуру «хорошо сделанной пьесы». Используя прошлый опыт, он создал свой мир, в то же время являющийся отражением мира реального.

Конструкция, лежащая в основе его пьес, просчитана до мельчайших деталей. Гитри, используя в начале структуру пьес Фейдо, укрепив, стал создавать свою форму. Структура «хорошо сделанной пьесы» много веков лежит в основе великих трагедий и комедий; с появлением кино это устройство ложится в основу киносценария. Более того, успешный сценарий – это продолжение структуры «хорошо сделанной пьесы».

Литература

1. Гитри Саша. «Мемуары шулера» и другое. Сост. и пер. с франц. О. Захаровой. – М., Искусство, 1999 г. – 494 с.
2. ОТ ТЕКСТА-К СЦЕНЕ: Российско-французские театральные взаимодействия XIX-XX вв. СБОРНИК СТАТЕЙ/СОСТ.Е.Д.ГАЛЬЦОВА. – М., О.Г.И., 2006 г.
3. Мягкова Ирина. Инженер смеха // Современная драматургия, 2005, №2
4. Попович Марианна. Французская труппа в Санкт-Петербурге в 1880-1890 (la thèse de candidat de critique d'art sous la direction de Lev Guitelman): 17.00.01, l'Académie de l'art de théâtre de Saint-Petersbourg (SPbGATI), Saint-Petersbourg, 2002. - 236 p
5. CASTANS Raymond, Sacha Guitry, Paris : Éd. de Fallois, 1993 - 467 с.
6. DAMIEN Claud, Georges Feydeau le maître du naturalisme absurde // Paris-théâtre, 1959, №150.
7. DESANTI Dominique, Sacha Guitry : Cinquante ans de spectacle. - Paris : Grasset, 1985. – 512 p.
8. HEYRAUD Violaine, Le récit chez Feydeau: impossible et nécessaire (dans Loxias, en ligne) <http://revel.unice.fr/loxias/index.html?id=961>
9. LANDIS Johannes, Le désordre du drame bernsteinien : une écriture pragmatique, L'Annuaire théâtral : revue québécoise d'études théâtrales, n° 43-44, 2008, URL <http://id.erudit.org/iderudit/041713ar> Document téléchargé le 13 septembre 2012
10. PANDOLFI Vito, Histoire du théâtre: [Trad. de langue ital.]. - [Verviers : Gerard, 1968-1969]. T. 4: Vaudeville ; Theatre social ; Regionalisme et universalisme. - [1969]. -366 p.
11. SARCEY Francisque, Quarante Ans de Theatre : (Feuilletons dramatiques). - Paris : Bibliothèque des Annales, 1900.
12. VERSINI Georges, Le théâtre français depuis 1900, Paris : Presses univ. de France, 1970. 128 p.

Иванова В.Н. ©

Самарский государственный университет,
научный руководитель – проф. С.А. Голубков

ПОЭТИКА ТВОРЧЕСТВА ДАНИИЛА АГРА (А.Г. РИМАНА)

Арнольд Георгиевич Риман родился в Ленинграде 30 декабря 1937 года. Окончил Куйбышевский индустриальный институт им. В.В. Куйбышева, механический факультет по специальности инженер-технолог. С 1962 года работал на Куйбышевском авиационном заводе, одновременно посещая литературный кружок под руководством В.Н. Бондаренко. 1978 – 79 гг. – зам. директора по учебно-производственной работе СГПТУ. С 1980 года – работал в службе охраны склада геофизики вахтово-экспедиционным методом. Преподавал в Куйбышевском общественном институте патентоведения при областном совете ВАИР. С 1998 года – пенсионер, читает циклы учебных лекций в ДЮЦ «Творчество» и «Университете Нянойвой». За последние годы имеет публикации в сборниках Самарского отделения Литфонда России («Разнотравье», «Опять душа встревожена», «Заводское шоссе» и др.), а также в 1997 году в издательстве «Федоров» вышла книга Даниила Агра «Сказочный задачник» [1].

Творчество Д. Агра ориентировано на широкий круг читателей, но главным направлением являются художественно оформленные загадки и задачи. По словам писателя, ему никогда не нравились задачи в школьных учебниках – они были построены неинтересно. Хо-

рошая задача должна быть не только увлекательно сформулирована, но и иметь не один вариант решения. Здесь творческие поиски писателя смыкаются с ТРИЗом (Теорией решения изобретательских задач). Главная идея, лежащая в основе ТРИЗа, заключается в признании существования объективных и познаваемых законов развития различных систем, в том числе технических, научных, общественных и других, и возможности использования этих законов и разработанных на их базе конкретных инструментов и информационных фондов для целенаправленного поиска новых идей в разных областях человеческой деятельности [2, 6].

Книга «Сказочный задачник» представляет собой сборник историй, стихов, загадок в которые органично вплетены разнообразные задачи, таким образом, целью книги является тренировка и развитие умственных способностей ребенка в игровой и занимательной форме. Состоит задачник из отдельных историй-задач, в конце каждой главы сформулированы конкретные вопросы, над которыми читатель должен подумать. Названия многих глав уже подразумевают задачу, например, «Многоликий гость», «Как перевоспитать стеклянную банку», но многие являются, прежде всего, историями в которых присутствуют как традиционные сказочные персонажи: Печь, так и вымышленные, сконструированные с помощью литературных тропов (олицетворения, метонимии): льдины, многоликий гость, буквы-гномы, также в книге появляются персонажи из книг Э. Успенского и Б. Заходера. Таким образом, творческий метод Д. Агра с одной стороны имеет корни в историко-фольклорном обряде инициации – решение каждой задачи, которое облегчает присутствие волшебных помощников, является собственно одной из ступеней инициации, с другой стороны смыкается с современным течением *Fanfiction*, с его характерными чертами – использование персонажей-доноров, создание альтернативной версии или продолжения истории.

Инициация вплетена и в сами задачи – персонажи постоянно ее проходят. Например, цикл историй о маленьком ежике по имени Удивленный глаз – в первой истории ежик делает настоящее открытие, осознавая законы перспективы и относительности (большое может казаться издали маленьким, но при этом реально не теряет своих размеров и свойств). В истории «Опасное место» ежик учится остерегаться лисы, которая может прикатить его в некое «опасное» место, где иголки не смогут защитить его от лисьих когтей и зубов – здесь уже подразумевается множественность решений, к которым должен прийти читатель. Некоторые задачи имеют не только множественность решений, но и разные их пути от математических до условно-практических, например, задача «Двое в колодце, не считая Улитки» суть которой состоит в том, чтобы посчитать через сколько часов доползет капризная улитка до края колодца с вестью об узниках (Буратино и Винни-Пухе). Время может быть рассчитано математически или же с помощью рисунка колодца и траектории передвижения Улитки.

Расширенная версия «Сказочного задачника» - «Замкнутая откровенность» пока существует в виде рукописи. Название придумано с помощью сенектики (метод в ТРИЗе) - определяемое слово и определение противоречат друг другу по смыслу и в них можно заключить очень широкий спектр значений. «Откровенность» и «замкнутость» – противоположные вещи и если попытаться сформулировать идеи решения какой-либо задачи в самом общем виде – получается «замкнутая откровенность». Бытовыми примерами «замкнутой откровенности» является зеркало, стекло, собственно, вопрос и ответ. Своеобразной задачей-конструктором является и псевдоним писателя – фамилия «Агр» представляет собой реальные инициалы автора.

Итак, творческие поиски Д. Агра имеют, прежде всего, учебно-образовательную направленность, что делает произведения автора существенным вкладом в область детской литературы. Обращение к практике ТРИЗа расширяет творческо-изобретательский потенциал задач и решений. Присутствие в историях разнородных персонажей от древних фольклорных образов до авторских героев и реальных людей вписывает их структуру в широкий литературно-исторический контекст.

Литература

1. Агр Д. Сказочный задачник. – Самара: Федоров, 1997. - 96 с.

2. Альтшуллер Г.С. Найти идею: Введение в теорию решения изобретательских задач. – Новосибирск: Наука, 1986. – 182 с.

Иванова Е.В. ©

Аспирант кафедры русского языка,
Ставропольский государственный педагогический институт

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ КОНЦЕПТОВ В СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Вопрос о типологии концептов является одним из первых теоретических вопросов, поставленных когнитивной лингвистикой в процессе ее становления. И в настоящее время проблема типологии концептов представляется весьма сложной и не до конца разработанной. Следует отметить, что в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии существует определенное различие в понимании концепта. С позиций когнитивной лингвистики концепт – это *«оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике»* [7, 90]. Данное определение отражает сохранение и структурирование в сознании индивидуума специфической информации о мире и о самом себе, представленной в виде определенных структур представления знаний и оценок. Так В.И. Карасик отмечает, что *«концепты, идеи независимы от языка, неслучайно только часть их находит языковую объективацию, однако самые важные концепты кодируются именно в языке»* [6, 36].

С точки зрения лингвокультурологии, концепты характеризуют культуру как совокупность достижений человека во всех сферах жизни. В «Словаре русской культуры» Ю.С. Степанова находим следующее определение концепта: *«сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека..., и то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»* [10, 43].

А.Я. Гуревич делит культурные концепты на две группы категорий:

- 1) «космические», философские категории, или универсальные категории культуры (пространство, изменение, движение, время, причина);
- 2) социальные или культурные категории (право, справедливость, свобода, труд, богатство) [5, 82].

Некоторые исследователи (В.И. Маслова, А. Вежбицкая) считают целесообразным выделение еще одной категориальной группы концептов – категории национальной культуры. Анна Вежбицкая пишет: *«...в наиболее полной мере особенности русского национально-го характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры. Я имею в виду такие понятия как, ДУША, СУДЬБА И ТОСКА, которые постоянно возникают в повседневном речевом общении, к которым неоднократно возвращается русская литература»* [4, 33].

Таким образом, концепты представляют собой индивидуальные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность. А культурные концепты – это ментальные образования, которые фиксируют своеобразие соответствующей культуры.

В.И. Карасик противопоставляет все концепты на параметрические и непараметрические ментальные образования. К параметрическим исследователь относит концепты, выступающие в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, количество, время, качество. К непараметрическим относятся концепты, которые имеют предметное содержание [6, 36].

Непараметрические концепты ученый подразделяет на регулятивные и нерегулятивные. К регулятивным относятся ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент ('счастье', 'долг', 'щедрость'), к нерегулятивным – синкретичные ментальные образования разного характера ('путешествие', 'подарок', 'здоровье'). Регулятивные концепты представляют наибольший интерес для выявления особенностей ментальности определенного народа или иной группы в его составе [6, 39].

Наиболее распространенной в современной лингвистике является типологизация концептов по *когнитивному* принципу. Суть данного принципа заключается в том, что основанием для типологизации концептов становятся особенности отображающих их ментальных единиц и способ познания, который лежит в основе процесса концептуализации.

По когнитивному принципу строится типология А.П. Бабушкина. Ученый отмечает, что концепты, обозначенные вербальными единицами, являются разными структурами, которые известны в когнитологии как мыслительные картинки, схемы, гиперонимы, фреймы, сценарии [3, 43].

По типу соотносимых с концептами ментальных структур З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют следующие типы концептов:

- *представления (картинки)* – обобщенные чувственно-наглядные образы предметов или явлений;

- *схема* – концепт, представленный некоторой обобщенной пространственно-графической или контурной схемой; это гипероним с ослабленным образом; это промежуточный тип концепта между представлением и понятием, определенный этап развития абстракции;

- *понятие* – концепт, состоящий из наиболее общих, существенных признаков предмета или явления, результат их рационального отражения и осмысления;

- *фрейм* – мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении;

- *сценарий (скрипт)* – последовательность нескольких эпизодов во времени; фактически это фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, элементов, этапов;

- *гештальт* – комплексная функциональная мыслительная структура, которая упорядочивает многообразие отдельных явлений в сознании [9, 117].

К данным разновидностям концептов В.И. Карасик добавляет лингвокультурный типаж как обобщенный образ представителя определенной социальной группы в рамках конкретной культуры, которая становится узнаваемой по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации [6, 40].

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, следует различать актуальные и неактуальные концепты. Актуальные концепты регулярно вербализуются, поскольку они нужны и для мышления, и для коммуникации. Неактуальные концепты редко вербализуются, так как они нужны в основном для мышления [8, 46].

Н.Ф. Алефиренко рассматривает гештальт, фрейм-структуру, концептосхему и скрипт как структурные разновидности концепта. Для определения типов концептов ученый использует термины *концепты-универсалии* и *концепты-уникалии*; концепты-уникалии подразделяются на

- 1) этноэидемы – «концепты мировидения»;

- 2) эидемы – дистинкторы (ономатопозитические представления) [1, 71].

Еще один способ типологизации концептов основан на выделении уровней концептуализации по признаку первичности-вторичности. В соответствии с этим принципом выделяются базовые концепты [2, 45]. По уровню концептуализации выделяются метаконцепты, которые реализуют рефлексия носителя языка по поводу знаковой деятельности, объектом или субъектом которой он является [11, 103].

Обобщая сказанное, следует отметить, что в современной лингвистической науке проблема типологии концептов остается одной из самых актуальных. В последнее время наметилось стремление к объединению различных типологий концептов, поскольку существующие классификации являются в целом приблизительными, не охватывают всех типов концептов и смешивают принципы их выделения.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Этнодеймический концепт и внутренняя форма языкового знака // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - № 1. – с. 70-81.
2. Алимуратов О.А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций: Автореф. дисс. ...докт. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 45 с.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике. – Воронеж, 1996.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура, познание. М., 1997.
5. Гуревич А.Я. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. – М., 1990.
6. Карасик В.И. Определение и типология концептов //Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Сб. научных трудов. – Владикавказ, 2005. – Вып. VII. – С. 34-41.
7. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Т., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Изд. 2-е. Воронеж, 2002.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007.
10. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.
11. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004.–340 с.

Иващенко А.В. ©

Магистр специальности «Филология», Белгородский государственный университет

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ВИДОВ КАТЕГОРИИ КОМИЧЕСКОГО

Комическое определяют как критическое отношение к «внутренней пустоте и ничтожности, прикидывающейся внешностью, имеющей притязание на содержание и реальное значение». [13, 86] В структуре комического необходимо различать виды комического как эстетического отношения и его формы (приемы, способы выражения). К первым относят юмор, иронию и сатиру, а ко вторым - шарж, карикатуру, бурлеск, травестию, пародию, гротеск.

Категория комического обозначает широкий круг явлений, способных вызвать смех или улыбку. По словам академика П.В.Симонова, «смех возникает произвольно и не требует логического уяснения субъектом, почему смешное - смешно. Будучи положительной эмоцией, смех возникает по универсальной схеме рассогласования между прединформированностью (прогнозом) и вновь полученной информацией. Но в случае смеха поступившая информация не просто превосходит существовавший ранее прогноз, а отменяет, перечеркивает его. Классический пример тому - структура любого анекдота, всегда состоящего из двух частей - ложного прогноза и отменяющей его концовки. Мотивационную основу юмора составляют потребности познания и экономии сил. Остроумный ход ищущей мысли не только приближает к истине, но и ведет к решению логической задачи неожиданно коротким путем. В юморе всегда торжествует превосходство нового знания над несовершенством, громоздкостью и нелепостью устаревших норм» [11, 21].

Смех как эмоция возникает по разным причинам. Его источником могут быть щекотка или радость от неожиданного удовольствия или подарка. Смех как чисто человеческая, животным не свойственная реакция вызывается особым ценностным отношением к некоторым предметам или феноменам. Она требует определенного уровня культуры и чувства юмора.

Смех - типично иррациональный феномен, ибо лишает мир однозначных причинно-следственных отношений, разрушает обыденную логику, взрывает чопорный мир фальшивых приличий. Как отмечал Г. Спенсер, обычно причиной смеха полагают сознание несообразности или чувство превосходства над несовершенством других людей. Смех может вызывать и то, что субъект комического отношения оценил как нечто малоценное. Прежде он уважал, боялся, страшился чего-то и вдруг узнает, что у этого страха и уважения не было достаточных оснований, что предмет, вызывавший страх, ничтожен, безобиден и жалок. Именно это вызывает смех. Человек смеется над своим недавним страхом, вытесняя этой реакцией стрессовое напряжение. По определению Р. Гамана, «комическим будет нечто такое, что чревато на вид важными последствиями, но затем познается как ничтожное». При столкновении идеального с реальным, реальное терпит поражение, разоблачается и критикуется с позиций идеала. [9, 3]

Формами комического являются: остроумие, юмор, ирония, сарказм, гротеск, сатира. Остроумие, как отмечалось выше, есть неожиданное обнаружение сходства несходного. Юмор заключается в добродушном, снисходительном изображении недостатков как нелепостей. Ирония выражается в мнимой похвале того, что заслуживает уничтожения и разрушения, но еще цепляется за жизнь и внушает страх. Приемом гротеска часто пользуется сатирик, стремясь сделать порок более ярким и наглядным, показать его нелепость и подвергнуть смеховому отрицанию и очищению. Сарказм - это злорадная насмешка, а сатира - гротескное преувеличение разоблачаемых недостатков. Благодаря разнообразным формам, смех (комическое) - замечательный инструмент культуротворчества, переоценки ценности, ибо амбивалентность смеха отрицает устаревшие ценности, помогая рождению новых. М. М. Бахтин обращал внимание на различие глупости и тупости. Глупостью называют невежество, незнание, от которых можно избавиться, тупость - это неспособность понимания. Если глупость амбивалентна, то тупость, по его мнению, «однозначна». [9, 4]

В эстетике, как правило, недооценивается роль иронии в структуре комического. Смеховая реакция реципиента обуславливается максимальным остроумием, неожиданностью и удачностью выявления в осмеиваемом феномене слабых мест, определяющих утрату ценности в свете новых требований. Однако объект не всегда предоставляет подобные возможности, поэтому распространенной реакцией реципиента на комические явления выступают ирония, ироническая улыбка, «редуцированный смех». [1, 371]

Сравним иронию с некоторыми другими формами комического. В фарсе комическое, по словам Н. Г. Чернышевского, «ограничивается одними внешними действиями и одним наружным безобразием». [13, 279] Здесь простое преувеличение до нелепости отдельных частей тела или их функций вызывает непосредственную комическую реакцию. «Лица, которые выводятся в фарсе, смешны сами, но не знают о том, что они смешны». [13, 279] Ироническое отношение направлено на сущность явления.

Гегель так характеризовал сущность остроумия: «Остроумие схватывает противоречие, высказывает его, приводит вещи в отношение друг к другу, заставляет «понятие светиться через противоречие», но не выражает понятия вещей и их отношений». [6, 489] Здесь выделяется формальная сторона остроумия, которое стремится не столько критиковать, сколько забавлять. Остроумие построено на неожиданности сравнения, будучи повторенным, оно умирает. Ирония менее зависима от неожиданности сравнения и не страдает от повторения. Когда она неожиданно схватывает противоречие - она становится остроумной, когда остроумие приобретает ценностный характер, оно может стать ироничным, при условии, что будет скрывать оценку того, что противоречиво.

Гротеск - одна из форм сатиры - характеризуется чрезмерным искажением негативных элементов действительности, доводящим до абсурда противоречие изображаемого явления и обыденного здравого смысла. Как отмечают исследователи, «в иронии выдвигается на первый план специфическое переживание; артистическая настроенность духа, в гротеске же главную роль играет конструктивная форма эстетического предмета. Там и здесь - единство противоположностей: когда ироническое сознание говорит «да», это «да» надо понимать как

«нет»; и когда гротеск доводит ужасное и уродливое до крайней степени, то оно тоже переходит в свою противоположность и становится смешным». [9, 10]

Шарж основан на преувеличении и заострении некоторых существенных черт внешнего облика, выражающих внутренние качества человека. Шарж тяготеет к юмору, сатире, ирония в шарже используется меньше. [9, 10]

Самой близкой к иронии формой комического является пародия. Прием пародирования основан на подражании, стилизации с усилением наиболее характерных, существенных черт, доведением их до гротеска, до границы меры данного явления, чтобы выявить, разоблачить утрату этим явлением положительной ценности. Обычно пародия направлена против формы и выражает ироническое отношение к ней, благодаря чему дискредитируется и содержание, утратившее ценность, с точки зрения новых ценностных смыслов. Здесь подражание подается и рассматривается как положительное отношение к объекту, негативное отношение раскрывается после выявления абсурдности основных принципов объекта пародирования. Это противоречие вызывает комическую реакцию. Ирония в наиболее распространенной форме приписывает объекту несуществующие положительные качества и в связи с ними дает ему высокую оценку, но через намек, «знак иронии», указывается на мнимость данного утверждения и на контекст, позволяющий правильно понять подлинную оценку. Это противоречие называется ироническим отношением. [9, 11]

Иронии среди видов комического определяют место «где-то между юмором и сатирой», хотя, как отмечал немецкий литературовед Б. Аллеман, юмор и сатира имеют определенный характер, тогда как для иронии характерна неокончателность и динамичность. [9, 11]

Юмор - это насмешка и сочувствие, сатира - это злорадный, уничтожающий и разоблачительный смех, ирония - это скрытая насмешка и чувство превосходства.

В смехе различают две стороны: критическую и утверждающую, что обозначается термином «амбивалентность». «В насмешливом смехе, - писал В. Я. Пропп, - нас радует победа морального характера, в радостном смехе - победа жизненных сил и радость жизни... Смеется всегда только победитель, побежденный никогда не смеется. Моральный, то есть обычный здоровый смех нормального человека есть знак победы того, что он считает правдой». [10, 152] В соответствии с этими двумя сторонами в основных видах комического можно заметить преобладание того или другого начала. В юморе критическая сторона не очень сильна, она подчинена утверждающей, в сатире, наоборот, утверждающе-ликующая сторона смеха подчинена критической. Ирония, соединив в себе ту и другую стороны, сближается в одних своих разновидностях с юмором, в других - с сатирой, но она имеет и специфические черты, выделяющие ее из ряда «юмор - сатира». [10, 152] Так, А. Бергсон полагал юмор противоположным иронии в направленности соотношения должного и действительного: ирония выдает должное за действительное, юмор - действительное за должное. [3, 117] Гегель, рассматривая специфичность иронии в отличие от комического в целом, говорил о существовании «трагической» и «комической» иронии. Различие иронии и комического, по его мнению, заключается в неодинаковом характере критики действительности. Комическое должно разрушать пустое, ничтожное, освобождать от них мир. Ирония имеет своей задачей как бы проверку, испытание личности, ее идеалов и ценностей на прочность и жизненность.

Если комическое можно образно определить как отношение к «мнимой величине», то ирония - это отношение к величине, «мнимость» которой еще не очевидна, ирония раскрывает, усиливает и разоблачает «мнимость» и ничтожность, пустоту и бессодержательность предмета, внешне еще сохраняющего свою величину и значительность и требующего к себе прежнего отношения.

Ценностная структура комического характеризуется диалектическим противоречием двух планов - отрицания и утверждения - и общей направленностью от субъекта к объекту. Эта амбивалентность смеха в иронии осложняется двумя направлениями выражения иронии (интровертным и экстравертным). Поэтому ценностная структура иронии включает в себя три плана: 1) внешнее утверждение; 2) внутреннее отрицание и 3) конечное утверждение, а

также характеризуется двунаправленностью: на объект и на себя (на субъект). Из явлений комического такая двунаправленность свойственна еще юмору. Трехплановость же характерна лишь для иронии. [9, 20]

Ирония (в узком смысле) есть выражение иронического отношения (оценки) в конкретной форме; ироническое - это категория, обозначающая процесс иронизирования от предварительного познания и осмысления к суждению (иронической оценке) и до выражения иронического отношения в конкретной форме. Иронией мы называем, таким образом, выражение эмоционально-ценностного, эстетического отношения, которое, будучи видом комического, характеризуется трехплановой структурой выражения при относительной равноправности этих планов, амбивалентностью, возможностью двунаправленности (интровертной и экстравертной) и специфическим переживанием. [9, 21]

Таким образом, сущность иронии как эстетической категории проявляется также через отношения ее с другими видами комического (юмором и сатирой) и с основными категориями: прекрасным, возвышенным, трагическим. Ироническое отношение является связующим звеном между трагическим и комическим, а также парной категорией и противоположностью возвышенного и патетического. Как и другие виды комического, ирония опирается в своей критике объекта на определенное представление об идеале, на представление о наивысшей гармонии социального функционирования.

Литература

1. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Белинский В.Г. Собр. Соч.: В 9 т. Т. 7. М., 1981.
3. Бергсон А. Смех в жизни и на сцене. СПб., 1990.
4. Боров Ю.Б. Комическое. М., 1970
5. Гаман Р. Эстетика. М., 1913.
6. Гегель Г.В. Эстетика: Собр. Соч.: в 4 т. Т. 4.
7. Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических категорий. М., 1965.
8. Морозов А. Пародия как литературный жанр // Русская литература. 1960. №1.
9. Пивоев В. М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000.
10. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М., 2010
11. Симонов В.П. Теория отражения и психофизиология эмоций. - М.: Наука, 1970
12. Спенсер Г. Физиология смеха. СПб., 1881.
13. Чернышевский Н. Г. Избр. Философ. Соч. Т. 1. М. 1950

Ивлиева П.Д. ©

Аспирант, преподаватель английского языка
(кафедра английского языка для естественнонаучных специальностей)

СОВРЕМЕННЫЕ ИНВАРИАНТЫ ОБРАЗА МЕДЕИ КАК ПРИМЕР АВТОРСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА

Интерес, который уже на протяжении нескольких десятилетий проявляют писатели к мифу и мифологическому сюжету, не угасает и по сей день. За всю историю развития литературы в разное время и с разными намерениями авторы регулярно обращались и продолжают обращаться к античному миру, воспроизводят в своих литературных сюжетах мифологические мотивы, переосмысливают образы мифологии. Причина такого пристального внимания к мифу заключается в его многоплановой многоуровневой и полисемантической природе, поскольку он стимулирует процесс творческого поиска и позволяет автору по собственному желанию и в связи с поставленными целями трансформировать сюжеты и образы ми-

фологии и интерпретировать их нравственно-этическую основу. Античные сюжеты и мифологические образы используются реалистами и символистами, неоромантиками и неоклассиками, экспрессионистами, экзистенциалистами, писателями социалистической ориентации, а также авторами «женской литературы». К числу последних относятся, например, немецкие писательницы Ирмтрауд Моргнер и Криста Вольф, которые внесли свой вклад в развитие рецепции античности в Германии.

По мнению Е.Г. Прошиной [1], современная научная мысль выделяет около пяти значений термина «миф». В. М. Пивоев в книге «Мифологическое сознание как способ освоения мира» формулирует их следующим образом: «1) древнее представление о мире, результат его освоения; 2) сюжетно оформленная, персонифицированная основа религии; 3) используемые в искусстве древние мифы, превращенные, по сути, в художественные образы; 4) относительно устойчивые стереотипы массового обыденного сознания, обусловленные недостаточным уровнем информированности и достаточно высокой степенью доверчивости; 5) пропагандистские и идеологические клише, целенаправленно формирующие общественное сознание». Однако сегодня, говоря о мифе, мы зачастую имеем в виду не миф в его первоизданном необработанном виде, но феномен *авторского мифологизирования* (мифотворчества) или, другими словами, интерпретации. Это одно из ведущих направлений современного литературного процесса. Авторы изменяют сюжетные линии, любовные перипетии и судьбы героев, под иным углом показывают поступки и характеры, иначе трактуют содержание крупных мифологических циклов. Сюжеты и образы античной мифологии выступают в качестве элементов, скрепляющих повествование, и в качестве определенной базы для создания философской концепции бытия. На основе вышесказанного можно сделать вывод, что **миф – это наследие, порожденное коллективным разумом и сознанием, а авторский миф – индивидуальным.**

Характерным примером авторского мифотворчества являются интерпретации образа античной Медеи. Рассмотрение инвариантов сюжета невозможно вне античного мифа о Мееде из Колхиды. Существуют разные варианты и трактовки одного и того же сюжета. Согласно поэме Евмела, Медея прятала своих детей в святилище Геры, которая в благодарность Мееде за то, что та отвергла Зевса, обещала сделать их бессмертными. В одноименной трагедии Еврипида героиня предстает носительницей яростных и страстных черт настоящей вакханки, эгоистичной, ревливой женщиной, готовой ради мести на убийство собственных детей. Сюжет о Мееде, Ясоне и аргонавтах, лежащий в основе многих произведений, встречается неоднократно в мировой литературе. Такие авторы как Еврипид, Аполлоний Родосский, Чосер, Корнель, Уильям Морис, Жан Ануй, Хайнер Мюллер, Том Лануа и другие подвергали переосмыслению и интерпретации образ Медеи в своих литературных изысканиях. Каждый из писателей вводит новые оттенки в перипетии судеб отдельно взятых мифических героев, изменяет их поведение, черты характера и зачастую адаптирует персонажей к современности в рамках системы произведения новейшего времени. Так, интерпретация сюжета о Мееде насчитывает более трехсот вариантов [2]. К примеру, у Ф. М. Клингера есть пьеса "Медея на Кавказе" (1791), в которой, главная героиня сочетает в себе два противоположных начала: темное, демоническое и светлое. Медея, хоть и тщетно, пытается нравственно и диалогически воздействовать на людей-варваров, в чьем обществе ей суждено было оказаться. Она всеми силами старается создать свободное счастливое (демократичное) общество, где все были бы равны. Однако, взывание к голосу разума членов племени не дало результатов, и героиня осталась неслышанной, что роднит ее с образом Медеи, созданной К. Вольф [3].

Еще одним примером так называемого авторского «произвола» является пьеса Тома Лануа «Мама Медея» (Mamma Medea, 2011), представляющая собой «ремикс двух произведений - трагедии Еврипида и эпоса Аполлония Родосского, в которой смысловой трансформации подверглись все классические образы древности» [4]. Что касается образа Медеи, то он заметно «измельчал» по сравнению с другими вариантами мифологического сюжета, когда либо ставившегося на театральной сцене. Даже место жительства героини подчеркнуто прозаично – это обыкновенный современный панельный дом, а по соседству в коммунальной

квартире обитают опустившиеся безвестные аргонавты. Атмосфера произведения отчетливо коррелирует с пьесой М. Горького «На дне».

Французскому драматургу, сценаристу, деятелю литературы XX века Жану Ануя удается создать один из самых черных вариантов Медеи («Медея», 1946). «Среди десятков известных интерпретаций древнего сюжета героиня Ануя - единственная убийца в полном смысле этого слова, одержимая идеей мести, вызванной прежде всего удивительным эгоцентризмом её натуры: она «из расы тех, кто судит и решает, не возвращаясь более к принятым решениям» [5].

В статьях Т.Н. Васильчиковой [6], посвященных драматургии Ханса Хенни Янна, немецкого прозаика, посвященных в частности и его пьесе «Медея» (1926) - вершине драматургии писателя – на первый план выходит расовый конфликт, поскольку она писалась в период становления нацистских идей. Поэтому не случайно, созданная Янном Медея представлена как чернокожая. По заявлению автора пьесы, для сегодняшних европейцев негры и китайцы являются теми же дикарями, что и когда-то варвары для греков. Чтобы подчеркнуть этот современный конфликт и отразить проблему более масштабно, Ханс Хенни Янн выводит на сцену женщину-негритянку. Так называемый расовый вопрос взаимосвязан с любовной проблемой, которая отмечена писателем не иначе как «черный эрос». Отношения Ясона и Медеи пропитаны трагедией – в трактовке Янна Медея добровольно отдает свой дар бессмертия и вечной юности (она внучка бога Гелиоса) в обмен на земную любовь, сама при этом безвозвратно старея и увядая. Так, главные герои разлучены и отдалены друг от друга не только изменой Ясона, но и временем. По соображениям Васильчиковой, «страсть к Ясону – абсолютное чувство, ради которого она не только предала, убила брата, но пожертвовала даром бессмертия. Если в классической традиции любовь проверялась смертью, герои Шекспира Ромео и Юлия выдерживают эту проверку - ни один не захотел жить без другого, то в «Медее» Янна любовь проверяется бессмертием, эту проверку выдерживает только героиня, за любовь отдающая Ясону свое бессмертие. Медея хочет реализации абсолюта любви, как не подверженного власти времени, противопоставляя ее страсти временному и преходящему.

Что касается непосредственно сюжета, то автор не следует традиционной, античной канве, вводя собственные мотивы и сцены. Таким образом, Янн привносит особую деталь, которой нет ни в одной другой трактовке данного сюжета. Согласно мифу, Медея всегда улетает на колеснице, запряженной драконами, присланной за ней ее дедом, богом солнца Гелиосом. Но у Янна этот эпизод обыгран иначе. Появляется колесница, запряженная белыми кобылицами, на нее мать-убийца бросает тела собственных детей и исчезает вместе с ними. Мать, любившая детей безумной любовью, больше жизни, убивает их собственной рукой, пока это не успели сделать другие. Этот момент в частности и произведение Ханса Хенни Янна «Медея» в целом, пронизаны скорбью и трагичностью в высшей степени ее проявления.

Людмила Петрушевская, российский прозаик, поэтесса и драматург, создает в 2001 году в контексте блока рассказов (реквиемов) свою «Медью». В рамках диалога, буквально на двух-трех страницах Петрушевской удалось отразить трагедию матери и ребенка, которая вполне сопоставима с масштабом и мощью античной трагедии. Аллюзии на мифологические, фольклорные и традиционно-литературные сюжеты и образы возникают в прозе Петрушевской на самых разных уровнях, в данном случае это проявилось в названии рассказа. Действие происходит в салоне автомобиля. Женщина, поймавшая такси, жалуется водителю на безалаберность и безответственность таксиста-шофера, чья заказанная заранее машине не явилась, и никто даже не предупредил. Таксист, как и положено, защищает коллегу, говоря, что мол, всякое бывает. Обмен репликами осуществляется на двух уровнях: каждому из героев хочется выговориться, но при этом участникам диалога не так важно быть услышанным и понятым. Поэтому «действующие лица» отвечают невпопад, «стройность» беседы утрачивается. За счет этого автором изображаются две реальности: более мелочный мир женщины, мысли которой настолько заняты исключительно неудобоваримым, на ее взгляд, поведением

неявившегося таксиста, что она не может прочувствовать всю безвыходность и безысходность положения таксиста-попутчика, рассказавшего ей по пути к ее дому случившуюся с ним недавно историю. Женщина пребывает в шоке от услышанного, но лишь спустя время ей удастся осознать, насколько страшной была эта жизненная история, сквозь призму которой проблемы пассажирки кажутся шоферу «ровно ничего по сравнению с тем, что бывает». И действительно, по сравнению с проблемой таксиста, такое сопоставление делает историю женщины еще более несуразной, а ее переживания безосновательными. Собственно, его история заключалась в следующем: «месяц назад умерла моя четырнадцатилетняя дочь»; «я виноват, много себе позволял»; «жена в психушке, дочку зверски убили»; «это моя жена убила дочь. Она сидит в тюрьме, в Бутырках. Там есть отделение для сумасшедших»; «она пришла сама в милицию и принесла окровавленный нож и топор...»; «мы с дочкой... Не думали ни о чем... Я много себе позволял, вот что. Я виноват. Сидит одна в безумии в тюрьме, ожидая казни» [7]. Литературный прием градации только усиливает тяжесть впечатления, производимого рассказом. Ключ к интерпретации сюжета заключается уже в самом названии произведения, в заглавие которого вынесено имя. Так, имя «Медее», вынесенное в заглавие, но ни разу не встречающееся в рассказе, побуждает искать объяснение в тексте, а затем и в общем культурно-мифологическом контексте. Оно представляет собой своеобразную метафору, в которую заключена вся сюжетная линия, «зашифрован» конфликт, распределены роли.

Следующим примером авторского мифологизирования являются романы Л. Улицкой «Медее и ее дети» и уже упомянутый «Медее. Голоса» К. Вольф, которые не только раскрывают тему женского бытия, но и на материале античности, как на явлении вневременной духовной и культурной реальности, поднимают актуальные для своих современников политические, социальные и социокультурные вопросы.

Роман «Медее. Голоса» («Medea. Stimmen», 1996) обладает общеполитическим звучанием. Это усиливает актуальность и востребованность произведения в атмосфере объединенной Германии в свете господствовавших в то время проблем. Как подчеркивают специалисты [8], роман имеет явную политическую подоплеку. Роман Л. Улицкой «Медее и ее дети» (1996) так же имеет прямое отношение к историческому процессу, хоть и не столь ярко выраженное и бросающееся в глаза. Главная героиня Медее предстает перед читателем не как борющаяся за равноправие женщина, а как сплывающая вокруг себя свою многочисленную семью «мать», вопреки всем житейским трудностям и жизненным перипетиям. Качества не случайны, так как радость материнства Медее Синопли познать не дано, что отличает ее от древнегреческого прототипа и вольфовского варианта героини. Однако это не единственное их различие. Так, ни одним из упомянутых авторов не используется классический сюжет о детоубийстве, лежащий в основе известной всем мифологемы. Медее Улицкой, наоборот, собирает вокруг себя детей и внуков своих братьев и сестер, занимается их воспитанием и окружает всех нерастрченной материнской любовью, так как главными ее жизненными приоритетами, а также смыслом существования являются дом и семья.

К. Вольф иначе расставляет акценты в семейно – этических вопросах сюжета. Ее Медее была разлучена с матерью, что приобрело на страницах произведения символическое звучание, а именно постоянное обращение и апелляция к голосу матери, как к хранилищу мудрости и воплощению женского начала. В «Медее» голос матери становится как бы внутренним собеседником главной героини, демонстрируя нерасчленимое «я/ты» матери и дочери, где идентичности не сливаются, но переплетаются и взаимодействуют. *Вот тут, мама, ты сидела надо мной, и когда я поворачивала голову, как сейчас, я видела проем окна... Ты, мама, знала, что тосковать можно и по дереву, я была еще девочкой, почти ребенком, в первый раз закровоточила... Мама, ты и в этом была права; я одна была полна самых недобрых предчувствий... Одна - кроме тебя, конечно, мама; ты дала мне понять, что одобряешь мой поступок* [3,5; 3,16]. Поэтому линия материнско – дочерних отношений является одной из ключевых в романе, так как служит важным штрихом к созданию нравственного и психологического портрета героини.

И Медея Евмела, и Медея Еврипида являются носительницами яростных, страстных, эгоистичных черт, ревливой женщиной, готовой на все, даже на убийство собственных детей. К. Вольф создает более мягкий вариант Медеи, которая так же обладает страстным и сильным началом и мощным неистовым источником внутренней энергии, который, однако, не столь разрушителен и направлен на предотвращение духовного и морального упадка Коринфа.

Медея, созданная Л. Улицкой, является настоящим антиподом своей прародительницы, своеобразной анти-Медеей – персонажем, сочетающим в себе черты христианина: любовь к ближнему, терпимость к судьбе, лишившей ее потомства, снисхождение к предавшей ее сестре, способность прощать и любить унизившего ее супруга. Так, разрушительная идея варварства, которую несет в мир Медея из Колхиды, посредством авторского мифологизирования трансформируется в главный принцип христианства – непротивление злу насилием. Речь здесь идет не о физически нанесенной обиде, а о моральной, в частности об измене мужа Медеи, который вступил в близкие отношения с ее сестрой Сандрочкой. В результате на свет появляется девочка Ника. Но даже в этой трагичной ситуации Медея Синопли не уподобляется своей предшественнице из трагедии Еврипида. В отличие от Медеи из Колхиды, которая, будучи не в силах перенести нанесенного оскорбления, мстит своим обидчикам, героиня Улицкой проявляет мудрость, присущую святой Софии, и это помогает предотвратить хаос в доме, восстановить гармонию человеческих отношений и уравновесить национальную и религиозную разномысленность семьи.

Беря за основу мифологический сюжет обе писательницы в большей или меньшей степени демифологизируют его. Криста Вольф лишает Богов и Олимп своего сакрального содержания, а события, кажущиеся на первый взгляд чудесными, получают вполне логичное объяснение. Так, дар Медеи к врачеванию объясняется не умением колдовать, а знанием целебных трав, правил гигиены и здорового образа жизни. Демифологизируя события в своих произведениях, К. Вольф все же сохраняет основных мифологических героев и сюжетные ситуации, изменяя при этом образную систему в романе. Теперь в центре созданного Кристи Вольф мифа находится женский персонаж, а не мужской, а проблема героя сменяется проблемой героини. Данное утверждение справедливо и по отношению к каждому из рассмотренных здесь произведений, в которых авторы «своих» Медей также сделали женщину главной героиней. Тексты объединяет и тот факт, что К. Вольф, Л. Улицкая, Ж. Ануй, Т. Лануа, Л. Петрушевская и другие вынесли в заглавие романов имена доминирующих женских персонажей, тем самым уже с первых страниц затронув проблему гендера, где женщина является точкой пересечения романских координат, а художественная действительность создается через обращение к образу женщины, через показ ее судьбы.

В атмосфере современной эпохи, в социокультурном контексте XX-XXI веков витают новые проблемы и конфликты бытия, где отношение к мифу и античной культуре в целом амбивалентно. С одной стороны, миф обесценен и обезличен наукой. Но с другой стороны, в современной, в частности женской литературе, мы неоднократно встречаем такую сюжетную особенность, как использование мифа в сюжете, лежащего в основе произведения. Яркое тому подтверждение – инварианты образа Медеи, которая посредством авторского творческого произвола переосмысливается, дополняется новыми реалиями современной жизни, иными трактовками хорошо знакомых и привычных мифологических образов. Так, благодаря авторскому мифотворчеству, мы имеем дело с особой мировоззренческой парадигмой, которая сочетает в себе известные мифологические мотивы и образы, сквозь призму современных конфликтов вновь и вновь демонстрируя их вневременность и актуальность.

Литература

1. Прощина Елена Геннадьевна. Романтическая концепция мифа и ее отражение в малой прозе Фридриха де ла Мотт Фуке : Дис. ... канд. филол. н. : Н. Новгород, 2004 171 с.
2. Подробно об этом: Mythos Medea. Herausgegeben von Ludger Lütkehaus. Leipzig, 2001
3. Вольф Криста. Медея: Пер. с нем. М. Рудницкий // Иностранная литература. 1997. №1. С. 5-79.

4. Шарыпина Т.А. Том Ланой "Мама Медея": бельгийский вариант в немецком контексте // Вестник ННГУ: Серия Филология. - Выпуск 1(7). - Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006.
5. Шарыпина Т.А. Медея XX века: русские версии в европейском контексте // "Россия и Греция: диалоги культур": Материалы 1 международной конференции. Ч.2. с/215-220. Петрозаводск, Петр Гу, 2007.
6. Васильчикова Т. Н. Дис Драматургия Ханса Хенни Янна и типология немецкой экспрессионистической драмы д-ра филол. наук. Ульяновск, 2006. 431 с.
7. Людмила Стефановна Петрушевская. Реквиемы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gramotey.com/?open_file=1269023812 (дата обращения 11.09.2012).
8. Воротникова А.Э. Мифорецепция в романе К. Вольф «Кассандра»: монография / А.Э. Воротникова. – Воронеж: ВГПУ, 2007. 150 с. / Валисова Т. Г. Немецкая историческая проза 70-80-х гг. XX века. Поэтика жанров: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2005. 204 с.

Испирян А.В. ©

Аспирант и преподаватель, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы,
г. Гродно, Республика Беларусь

СОЧЕТАЕМОСТЬ В АСПЕКТЕ НАУЧНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Для того чтобы процесс коммуникации на том или ином языке состоялся, для успешного его протекания одного только знания слов, правил их формирования и соответственно правил распознавания их смысла явно недостаточно. Ведь слова в предложении связаны друг с другом грамматически и по смыслу. Необходимо также знание правил использования слов, т.е. правил их сочетания в потоке речи. Сочетаемость, как и значение, является неотъемлемой стороной слова. Вместе со значением и звуковой оболочкой она придает слову качественную определенность, входит как составная часть в его характеристику.

Каждая часть речи характеризуется своими сочетательными возможностями, т.е. способностью входить в разного рода словосочетания. Выделяют синтаксическую и лексическую сочетаемость.

При синтаксической сочетаемости учитывается синтаксическая функция ключевого слова или словосочетания по отношению к семантически реализуемому слову. В случае лексической сочетаемости показателем значения семантически реализуемого слова является семантика ключевого слова.

По Г.В. Степановой изучение разных видов сочетаемости слова, его валентностных свойств предоставляет следующие возможности.

Во-первых, в результате действия закона семантического согласования мы получаем информацию об актуальной семе, входящей в значение одного из сочетающихся слов, и о потенциальной семе значения другого сочетающегося слова.

Во-вторых, расширяются наши сведения об объеме и содержании значения изучаемого слова, на поверхность всплывают глубинные ассоциации, вызываемые употреблением слова, получают обоснование имеющиеся у слова переносные значения и т.д.

В-третьих, различия в сочетаемости позволяют довольно четко и весьма объективно определить, сколько значений имеет многозначное слово. На этом этапе анализа мы еще не получаем содержательной интерпретации значений, но их количество, границы между ними устанавливаются с достаточной мерой точности.

В-четвертых, исходя из гипотезы о сходности синтагматических показателей у членов одной парадигмы, мы можем на основе анализа сочетаемости проверять, входит данное слово в данную парадигму или нет [4, 325].

Теория сочетаемости слов уже давно является предметом пристального внимания лингвистов. Тем не менее, в интерпретации основных понятий этой теории - понятий валентности и сочетаемости - нет терминологической ясности. Нередко валентность и сочетаемость отождествляются. Многие авторы воспринимают только термин «валентность», другие лингвисты, наоборот, ограничиваются термином «сочетаемость».

Валентность в языкознании, потенциальная сочетаемость языковых элементов (фонемы, морфемы, слова и т.д.), определяющая способность вступать в комбинации с другими языковыми элементами, преимущественно того же уровня. Валентность является категориальной или индивидуальной в зависимости от того, подразумевается ли сочетаемость целых классов слов (например, глаголов-сказуемых с существительными-подлежащими) или отдельных слов (например слова «знобит» с одушевлёнными существительными в винительном падеже) [3, 33].

Способность единиц связываться в речи осуществляется в определённых условиях, называемых обычно контекстом или окружением. Появившееся в американской дескриптивной лингвистике понятие дистрибуции означало сумму всех окружений, в которых встречается данный элемент языка.

Г. Глисон рассматривал дистрибуцию как реализованный линейный ряд, не предусматривающий парадигматического аспекта [1].

Позднее термин «дистрибуция» стал употребляться в структурном языкознании: его развитие прослеживалось также в трудах З. Харриса. Исследователь понимает дистрибуцию лингвистического элемента как сумму всех (различных) его позиций относительно других элементов [5, 15].

Особую распространённость данное понятие получило в 40-60-е годы XX в. в период интенсивного развития прикладного языкознания: автоматического анализа и машинного перевода текста. Тогда главный акцент в работах российских и зарубежных лингвистов ставился на поиске точных и эффективных методик исследования языкового материала и описания языкового строя языка [2].

Понятие дистрибуции лежит в основе дистрибутивного анализа языковых фактов - метода лингвистического исследования, при котором классификация языковых единиц и изучение их свойств производится исключительно на основе распределения рассматриваемых единиц в потоке речи, т.е. на основе их сочетаемости с другими единицами, т.е. окружением, или контекстом, рассматриваемых единиц.

Следовательно, можно сделать следующий вывод по этим трем понятиям: термин «валентность» обычно употребляется для обозначения потенциальной сочетаемости слов, заложенной в языковой системе и определяемой категориальной принадлежностью слова. Тогда между валентностью и сочетаемостью устанавливается такое же отношение, как между возможностью и действительностью. Понятие дистрибуции шире понятия валентности, так как оно включает в себя все элементы актуализации слова в речевом окружении.

Литература

1. Глисон, Г. Введение в дескриптивную лингвистику (пер. с англ.) / Г. Глисон. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. - 339 с.
2. Карельская, И. М. Термины «сочетаемость», «валентность», «дистрибуция», «синтагматика» в научной и учебной литературе / И.М. Карельская // Термины в научной и учебной литературе. - Горький: Изд-во Горьковского государственного университета, 1988. - С. 40-47.
3. Лейкина, Б. М. Некоторые аспекты характеристики валентностей / Б.М. Лейкина // Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. - М., 1961. - Вып. 5. - с. 31-33.
4. Степанова, Г.В., Шрамм А. Н. Введение в семасиологию русского языка: уч.пособие / Г.В. Степанова, А.Н. Шрамм. - Калининград: КГУ, 1980. - с. 325.
5. Harris, Z. S. Methods in structural linguistics / Z. S. Harris. - Chicago: The University of Chicago Press, 1951. - p. 15-16.

Каребина М.С. ©

Соискатель кафедры немецкой филологии, преподаватель кафедры,
Кубанский государственный университет

ОСНОВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ТЕКСТОВ СПОРТИВНОЙ СФЕРЫ

Известная смена приоритетов в современной лингвистике, связанная с парадигмальной заостренностью на антропоцентрическом аспекте, определяет востребованность исследований, в которых собственно лингвистический анализ сочетается с коммуникативно-прагматическим: анализируется человек в языке и язык в человеке, поскольку, по словам И. А. Бодуэна де Куртэне, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [2, 71].

Однако язык является лишь механизмом, способствующим кодированию и трансляции фактов и событий, передаваемых текстом. Истинными хранителями информации являются тексты, хотя мы живём в мире сообщений. Текст, по мнению Г.Г.Почепцова, представляет собой более стандартизованный и отфильтрованный культурой или временем тип сообщения. Из-за этого одновременно вырастает его длина, объём, возникает тенденция к решению стратегических, а не тактических задач с помощью текста, а не сообщения. «Текст в этом плане является стратегической коммуникацией, а не тактической» [7, 184].

Последние лингвистические исследования социокультурного феномена «Спорт» и его устных и письменных источников посвящены, в основном, изучению спортивного дискурса (Б.А. и А.Б. Зильберт, О.А. Панкратова, К.В.Снятков и др.). Так К.В. Снятков, исследующий коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса, рассматривает его как разновидность устной публичной речи, находящейся на ее периферии, чем обусловлено наличие в дискурсе черт разговорности. По мнению учёного, коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса разделяются на две группы: универсальные - актуальные не только по отношению к телевизионной, но и к любой другой разновидности спортивного дискурса; частные - те, влияние которых значимо именно для его телевизионного подтипа. «К «частным» коммуникативно-прагматическим характеристикам телевизионного спортивного дискурса относятся: массовость аудитории, отсутствие полноценной обратной связи с адресатом, взаимодействие видео-, аудио - и речевого рядов передачи информации в процессе порождения и восприятия телевизионного сообщения» [8, 7].

Исходя из выводов автора, можно предположить, что спортивный теледискурс является, скорее сообщением, чем текстом, поскольку часто рождается спонтанно, неподготовлено, прямо с места событий, и «влияние коммуникативно-прагматических характеристик обнаруживается в речевом поведении субъектов телевизионного спортивного дискурса, которое представляет собой последовательность речевых ходов, служащих для реализации коммуникативной стратегии» [8, 7].

Необходимо отметить, что областью наших научных интересов является не спортивный теледискурс, а тексты спортивной сферы, для которых, следуя мнению К.В. Сняtkова, свойственны универсальные, а не частные коммуникативно-прагматические характеристики, а также коммуникативные стратегии, лежащие в основе появления такого текста.

Вопрос о выделении спортивного текста из огромного множества текстов относится к проблеме классификации и типологии. Обычно в классификациях выделяются тексты оп-

ределенного стиля и описываются их характеристики. Среди них упоминаются, прежде всего, специфические черты письменной речи: определенная структурная развернутость, т.к. письменная речь должна отличаться полнотой и конкретностью; формальная сжатость и лаконичность, с которой связана грамматическая обусловленность письменной речи; строгое следование нормам литературного языка; принадлежность к определенному стилю и жанру (контексту культуры); индивидуальный стиль автора, обеспечивающий избирательность и последовательность стилей; планирование, которое создает композиционную и логическую выдержанность письменной речи и проявляется в ретроципании (мысленному возвращению к уже написанному) и антиципации (предвосхищению содержания и формы дальнейшего изложения). Специфическими чертами письменных литературных текстов считаются: способ изложения – описание, повествование, рассуждение; степень полноты изложения – краткость, сокращенность, полнота, развернутость; уровень обобщения в зависимости от характера адресата.

Наиболее интересным для исследования жанром нам кажется спортивная статья (статья-репортаж, статья-повествование). 1. Статья – репортаж описывает индивидуальный опыт автора, побывавшего на определенных соревнованиях и делящегося своими впечатлениями с читателями. 2. Статья – повествование обычно создаётся одним автором или коллективным автором, представляющим какой-то коллектив или команду и поэтому ведущим речь от имени команды. Например:

УРОКИ ИСПАНСКОГО

«3 сентября российское футбольное хозяйство обретёт нового начальника.

Пока спортивное сообщество готовится к выборам главы РФС и думает, как России выиграть домашний чемпионат-2018, «АиФ» решил прослушать курс «золотого» футбола. При помощи Дмитрия ЧЕРНЫШЁВА, работавшего тренером в Испании, мы попытались понять, откуда у победителей «ноги растут»...» [1, 20].

Если бы не подзаголовок, то исходя из названия, можно подумать, что речь идёт об образовании, а именно, изучении испанского языка. Антиципация содержания проявляется уже в названии текста, потому что далее речь пойдёт действительно об образовании, но спортивном.

«...20 лет назад, когда страна не сумела попасть на чемпионат Европы... Тогда испанцы сделали своей главной задачей популяризацию футбола. Стали организовывать детские курсы, стелить поля. Сейчас у местных мальчишек есть все условия для занятия футболом....» [1, 20].

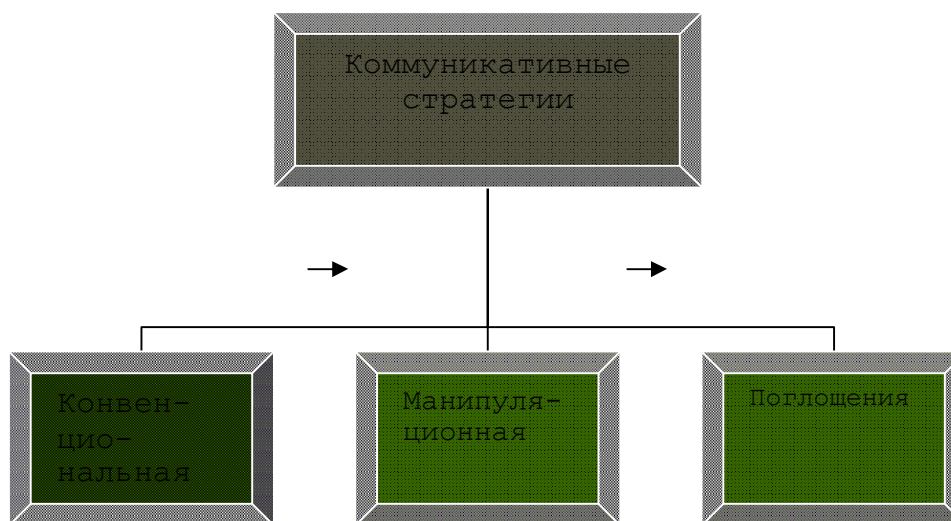
Как показывает наблюдение, статья - повествование предусматривает включенность в процесс коммуникации различных участников, расширяет возможности изучения данного аспекта – от типично разговорных форм диалога к типично монологическим – с традиционной точки зрения – текстам.

Принадлежность текста к определенной предметной сфере, по мнению Н.Н.Мироновой, в нашем случае к спортивной сфере, зависит от коммуникативных стратегий, которые лежат в основе появления текста. При этом под коммуникативной стратегией понимается «совокупность способов, приёмов по извлечению, хранению, использованию информации, направленная на достижение определенных целей в плане достижения каких-то результатов» [4, 38].

Коммуникативная стратегия оказывается зависимой от содержательного оформления коммуникативного-прагматического пространства в тексте, которое определяется соотношением паралингвистического контекста (в нашем примере - выделение жирным и заглавным шрифтом, подчёркивание) и языкового содержания (лексического и грамматического).

Тексты спортивной сферы всех типов представляют собой сложные семантические структуры, в основе которых лежат «отражаемые в языке соответствия между представлением о мире, его культурном пространстве (с доминированием семиотико - языковых структур) и репрезентацией этого представления в языке с помощью следующих стратегий: конвенциональной, манипуляции, поглощения» [3].

ОСНОВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ТЕКСТОВ СПОРТИВНОЙ СФЕРЫ

По мнению О.Е.Черновой, особенности коммуникации текстового автора и его гипотетического адресата анализируются в трех направлениях, следовательно, и «коммуникативную функцию речи можно более детально рассматривать как реализацию трех функций: контактоустанавливающей, информативной и регулятивной» [9, 193]. Следовательно, важно различать коммуникацию понимания и целевую коммуникацию.

В коммуникации понимания главным условием является взаимопонимание участников. В целевой коммуникации главным условием является достижение внешней для коммуникации цели. Целевая коммуникация и коммуникация понимания, где помимо любых внутренних или внешних для коммуникации целей выполняется условие достижения взаимопонимания участниками коммуникации, является конвенциональной коммуникацией [5, 254–279]. Целевая коммуникация, где внешняя для нее цель не объявляется открыто, или, более того, скрывается специальными средствами и ведет к изменению смысловой, целевой или ценностной идентификации того, на кого она направлена, является манипуляционной коммуникацией. (Речь идет о конвенциональной и манипуляционной стратегиях, потому что коммуникационная стратегия является более универсальным определением коммуникации, нежели коммуникация понимания или целевая коммуникация).

Под коммуникативной стратегией понимается спланированное воздействие на знания (когнитивный уровень), отношения (аффективный уровень) и намерения (конативный уровень) адресата в нужном для адресанта направлении. Термин «коммуникативная стратегия» уточняет конкретный характер и способ воздействия: воздействие на сознание путем выстраивания рациональной аргументации (убеждение), или воздействие на сознание через эмоциональную сферу, или воздействие на подсознание (суггестия), воздействие с помощью вербальных (речевое воздействие) или невербальных средств.

Например, в начале анализируемой нами статьи происходит воздействие на адресата на когнитивном (**чемпионат-2018**) и аффективном уровне (комплимент – **курс «золотого футбола»**), что свидетельствует о наличии конвенциональной коммуникативной стратегии, которая постепенно перерастает в манипуляционную: *«Тогда испанцы сделали своей главной задачей популяризацию футбола. Стали организовывать детские курсы, стелить поля....»*. Основная мысль заявлена, и далее адресант, сообщая о том, что *«...в 2003 г. «Реал» купил Дэвида Бекхэма за 34 млн евро...»* и о том, что *«...в России в нынешнем сезоне смягчили лимит на легионеров...»*, периодически возвращается к главному: *«Опять же детский*

тренер в Испании может...смотреть на работу лучших специалистов, анализировать...**Обучение** – это, пожалуй, **ключевое слово**. Мальчишкам надо развивать мышление...»[1, 20].

В заключительной части автор снова возвращается к началу (налицо – ретроципация), уже полностью убедив адресата в острой необходимости футбольного образования: «Пример «Барселоны», которая десятилетиями выстраивала **собственную академию**, доказывает: можно обходиться силами **своих воспитанников**. В нашем случае это актуально, как никогда, ведь есть сейчас в России **талантливые юноши**, на них и надо делать ставку... **Задача достойно выглядеть на чемпионате мира-2018 стоит**. Аршавин, Павлюченко не молодеют» [1, 20].

Итак, репрезентация спортивной информации предусматривает как соблюдение определённой последовательности её предъявления, так и репрезентацию положительной вербальной информации с определённой повторяемостью, а также лингвистический приём – остранение. При этом конвенциональная речевая стратегия текстов спортивной сферы может переходить в стратегию манипуляции, которая в этом случае предусматривает логико-структурное и языковое оформление текста, связанное с поглощением.

Коммуникативная организация спортивного текста опирается на возможности взаимодействия с адресатом в средствах массовой информации посредством повествования, способного воздействовать на когнитивно-ментальную сферу читателя, потенциального спортсмена или любителя спорта.

Литература

1. «Аргументы и факты», №35, 2012.
2. Бодуэн де Куртэне И.А. Язык и языки. - Избранные труды по общему языкознанию. Том второй. - М.: издательство Акад. наук СССР, 1963, 391с.
3. Денисюк Е.В. Феномен манипуляции: речедетальность интерпретация. Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий. Под ред. И.Т. Вепревой. - Екатеринбург: издательство УрГУ, 2000, 209 с. - С. 66 -68
4. Миронова Н.Н. Дискурс – анализ оценочной семантики.- М.: издательство НВИ, 1997, 158с.
5. Монтегю Р. Прагматика. - Семантика модальных и интенциональных логик. Пер. с англ. под редакцией В.А.Смирнова. - М.: издательство «Прогресс», 1981. - С. 254–279
6. Панкратова О.А. Лингвосемиотические характеристики спортивного дискурса. - Дис. ... канд. филол. наук. - Волгоград, 2005, 223 с.
7. Почепцов Г.Г. Семиотика. – Москва: издательство «Рефл-бук», 2002, 430с.
8. Снятков К.В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Вологда, 2008, 24с.
9. Чернова О. Е. Прагматическое значение слова как фактор коммуникативного влияния. - Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Выпуск шестой.- Екатеринбург, 2003. - С. 192-198

Кириллова Л.А. ©

Преподаватель английского языка,
Сургутский институт мировой экономики и бизнеса «Планета»

ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ТАТАРСКИХ, РУССКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ

Изучение объективации концепта оценки является одной из актуальных задач современной лингвистики. «Концепт оценки характеризуется сложной структурой, которая включает градуированную аксиологическую шкалу реальности, концепты языковых средств ее выражения, два полюса активности «хорошо» и «плохо» [1, 176].

Для обогащения речевой культуры человека необходимым становится исследование объективации концепта оценки в художественных произведениях, в которых оценки выстроены согласно мировоззренческим идеалам автора и его идиостилистическим особенностям.

Идиостиль понимается как «индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным способам автопрезентации средствами идиолекта, которая проявляется в использованных единицах, формах, образных средствах в тексте» [2, 40].

В художественных текстах особую значимость приобретает субъективная оценка, так как ее понятие «определяется как индивидуальное суждение о каком-либо предмете, его свойствах и признаках, а также действии или состоянии, которое влечет положительное или отрицательное отношение к этому говорящего и сопровождается разнообразными эмоциями» [3, 9].

Наиболее представительным уровнем, репрезентирующим оценочную семантику, является лексический, поскольку именно «лексическое значение слова отображает и закрепляет в сознании представление о предмете, свойстве, процессе, явлении» [4, 9].

В нашей работе рассматриваются языковые представления концепта, при помощи которых дается оценка личности на материале трех языковых культур: татарском, русском и английском. Примеры для практической части были взяты из произведений авторов современной литературы: Т. Галиуллина (на татарском языке), С. Кузнецова (на русском языке), С. Кинга (на английском языке).

На лексическом уровне характеристика личности с точки зрения выражения оценочных значений «хорошо / плохо» выступают имена существительные, и прилагательные (хороший – плохой), глаголы.

Среди имен существительных доминируют лексемы со значением одного лица, либо совокупности лиц:

1) с положительной оценкой

а) в татарском языке: *куштан мәчем, балам, таң кызым, матурым*:

«Юк, **матурым**, синең күзләр яшел, минем – корыч соры». [5, 10];

б) в русском языке: голубчик, милочка: "**Милочка**, а раньше там нельзя постоловаться? Меня ведь голод уморит до вечера-то ждать", - расстроилась Мария Степановна. (С. Кузнецов, с. 33).

2) с отрицательной оценкой:

а) в русском языке: *фраер, твари, псих, шушера, шибзик*:

"**Ублюдки!** – прохрипел он и закашлялся"; "Смотри! Смотри! Вон тот **лох**овоз! Вишь?" Ну, о чем они могут говорить, эти **старперы**? [6].

Прилагательных с оценочной лексикой гораздо больше, это связано с тем, что прилагательные наделяют предметы, объекты определенными характеристиками и свойствами:

1) с положительной оценкой.

а) в татарском языке: *Тормышчан, ышанычлы* егет [5, 15].

б) в русском языке: *ослепительная, миниатюрная, обворожительная, божественная*: Сквозь эту кутерьму он почувствовал, как **божественная** Сара одной рукой приобняла его и положила голову на плечо, позируя репортерам [6].

в) в английском языке: good, giggly: because the wine made Mom sort of **giggly** and she would tell stories about her girlhood [7].

2) с отрицательной оценкой

б) в русском языке: *растерянный, раздавленный*: **Раздавленный и жалкий**, он пошарил рукой по крышке тумбочки [6];

в) в английском языке: *His Gramma was huge and fat and blind*) [7].

Глаголы мнения, чувства, восприятия, обозначающие оценочное отношение говорящего, наряду с другими частями речи входят в состав оценочной лексики:

а) в татарском языке: **Тырышты**. Колхоз агрономы гына булса да [5, 38]. Гриша, рәхмәт сиңа, **булдырдың!**[5, 49];

б) в русском языке: Николай Петрович **любил** дорогу [6]. А она, глупая, до сих пор еще **не может смириться** с тем, что между ними стена[6].

б) в английском языке: He **wasn't scared** of Gramma anymore. [7]. I **love** you, Georgie [7].

Глаголы выражают различные ракурсы человеческих взаимоотношений, наделяя объект оценки определенными качествами, характеристиками.

Сравнительно-сопоставительный анализ фрагментов художественных текстов современных татарских, русских и англоязычных авторов показал, что оценочные суждения включают в себе набор языковых средств, выражающих соответствующие эмоциональные проявления при оценке личности.

Так, выявлено, что речь современных авторов насыщена агрессивными звуками в оценочных суждениях, преобладание жаргонизмов, вульгаризмов является отражением современной действительности, когда негативное воспринимается человеком острее, чем положительные факторы.

При рассмотрении примеров выявлено, что характерным способом выражения оценки личности в трех языках является использование относительных прилагательных, которые передает признак, присущий изображаемому объекту оценки.

Подводя итог, необходимо отметить, что языковые представления оценки личности оказывается наиболее выраженными при лексическом анализе. Исследование оценочных значений представляет особый интерес на современном этапе развития лингвистической науки. В данной работе была сделана попытка рассмотреть представление об оценке личности, выявить отдельные элементы оценочных отношений.

Литература

1. Шпякина О.А. Структура языкового концепта оценки в современном английском языке (на материале оценочных глаголов): Дис. - Архангельск, 2005. – 210 с.
2. Леденева В.В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. – 2001. - № 3. – С. 36-41.
3. Шейдаева С.Г. Категория субъективной оценки в русском языке: Автореф. дис. - Н. Новгород, 1998. – 42 с.
4. Авазбакиева Ф.Р. Лингвоаксиологический аспект семантики прилагательных, характеризующих человека по уровню воспитанности (на материале татарского, русского и английского языков): Автореф. дис. - Тобольск, 2012. - С. 9.
5. Галиуллин Т.Н. Тәүбә: Роман. –Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. – 240 б.
6. Кузнецов С. Житейские рассказы (Сборник рассказов) [Электронная библиотека] // <http://www.twirpx.com/file/775271/>
7. King S. Gramma. [Электронная библиотека] // <http://www.twirpx.com/file/121838/>

Китова Е.А. ©

Аспирант, Ленинградский государственный университет им А.С. Пушкина

МЕХАНИЗМЫ ЭВОЛЮЦИИ ЗНАЧЕНИЙ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ЖИВОТНЫЕ»

Возникновение дополнительных значений имен существительных в английском языке может быть обусловлено многими факторами. На примере лексико-семантической группы (ЛСГ) «Животные» рассмотрим, как приобретаются дополнительные значения при полном сохранении формы лексемы. Для этого нами были отобраны безаффиксальные лексемы, которые позволяют избежать влияния аффиксов на семантику слова.

Механизм эволюции значений выявлен и описан в работах многих исследователей. Например, О.И. Просяникова отмечает, что существует два основных механизма развития значений:

1. по сходству - задействуется в ходе чувственного опыта;
2. по функции - возникает в результате предметно-практической деятельности человека, задействуется в поиске в окружающем мире других предметов с такой же функцией.

Человек, встречаясь в природе с живым существом, отмечает не все его характеристики, а только наиболее яркие, отличающие от других (например, у крокодила большая пасть, комар маленький). Дальнейшее взаимодействие или наблюдение позволяет обнаруживать другие качества, постигать разнообразие их свойств (например, обезьяна кривляется, улитка медленно передвигается). Отсюда развивается способность человека наделять знакомыми свойствами новый предмет, а так же замечать ранее знакомые похожие качества в новом объекте.

Рассмотрим, как в ЛСГ «Животные» реализуется механизм возникновения дополнительного значения *по сходству*. Можно выделить несколько разновидностей:

1. *Сходство по внешнему виду*: **Pig** (свинья) приобретает значение – «неряха», «грязнуля»; **Toad** (жаба) – «отвратительный, мерзкий человек»; **Worm** (червь) – «жалкое существо, ничтожный человек», «презренная личность»; **Zebra** (зебра) – «растение, животное или минерал с полосатой окраской».

2. *Сходство по форме*: **Cochlea** (улитка) – «передняя часть ушного лабиринта», «раковина улитки»; **Capuchin** (капуцин (Американская обезьяна с длинными волосами на голове, образующими подобие капюшона)) – «капуцин» (монах римско-католического нищенствующего францисканского ордена, носящий плащ с остроконечным капюшоном), «настурция» (растение, цветок которого напоминает капюшон).

3. *Сходство по размеру*: **Insect** (насекомое) – «ничтожество»; **Pony** (пони, малорослая лошадь) – «стопка для спиртного», «небольшой стакан для пива», «маленькая танцовщица», «небольшой автомобиль»; **Whale** (кит) – «нечто выдающееся» (по величине или качеству).

Наблюдая за животным миром, человек отмечал для себя не только характерные черты внешности представителей последнего, но и особенности их поведения, движения, повадки. Затем эти характеристики могли быть перенесены на человека, другие живые или неживые объекты. Так сформировались дополнительные значения слова, основанные на сходстве по функциям. Функция, как пишет О.И. Просяникова, в данном случае рассматривается формально, поскольку лишь приписывается животному человеком, а само животное этими чертами не обладает.

Обратимся к особенностям семантики некоторых слов. Например, **Badger** (барсук) имеет значение «житель штата Висконсин». Это значение возникло из-за сходства поведения людей и животного: в XIX веке некоторые жители штата Висконсин в США работали на Иллинойских свинцовых рудниках и, в отличие от всех остальных шахтеров, жили не в домах, а в пещерах на склонах холмов. И такие «дома» очень были похожи на барсучьи норы. Таким образом, самих жителей стали называть «барсуками». Второе значение этого слова - «ерш», вероятно, появилось по сходству формы хвоста барсука, из которого, в том числе изготавливают щетки и кисти и этого предмета. У слова **Alligator** (аллигатор, крокодил) два дополнительных значения («щековая камнедробилка», «автомобиль-амфибия»), которые появились в результате сходства по функции: работа лопастей камнедробилки схожа с открыванием пасти крокодила, а автомобиль-амфибия, так же как и крокодил, может плыть под водой. Слово **Albatross** («альбатрос, тяжкая ноша, помеха») произошло от арабского слова al-qadus- ведро для переноски воды, а альбатрос, как известно, в клюве переносит еду. Значение «трудно

устраняемое» препятствие возникло в XXIII вв. Считалось, что птица альбатрос приносит удачу морякам, а убивший альбатроса должен был носить его тушу на себе.

Сходство по выполняемым функциям мы видим и в значениях лексемы **Аре**, которая переводится как «обезьяна, кривляка, мужлан; хам». Известно, что мимика некоторых животных схожа с мимикой человека, а частую, намеренно осознанную, смену мимики на лице человека мы называем кривлянием.

Слово **Barnacle** изначально имело значение «усоногий рак, щипцы», но потом оно дополнилось следующими коннотациями: «неотвязный человек»; «банный лист». Это обусловлено тем, что рак физически прицепляется к объектам, а человек навязчиво пристаёт, до такой степени, что трудно оторвать-открепить. Страусом (**Ostrich**) стали называть человека, который занимается самообманом. Это значение слова появилось в результате копирования поведения страуса при опасности: он прячет голову в песок, то есть избегает проблем. **Cock** – «петух», «флюгер», «драчун», «забияка». Помимо сходства по действию или поведению драчливого петуха, интересным видится история появления значения флюгер. Оно появилось с IX века, когда по указу Папы Римского шпиль каждого церковного храма должно было венчать изображение этой птицы – эмблема апостола Петра, который, по преданию, отрекся от Христа трижды, прежде чем петух успел прокричать два раза. Таким образом, постоянное присутствие петуха на флигеле дало дополнительную коннотацию слову петух.

Hare – «заяц», «безбилетный пассажир». Устойчивое выражение «ехать зайцем» подчеркивает проворство этого животного, его прыткость и прыгучесть. В обиходной речи зайцами стали сначала называть зрителей-безбилетников, ухитрившихся прошмыгнуть в театр мимо зазевавшихся билетеров. Потом так стали называть и безбилетных пассажиров. Учитывая особенности поведения овцы (**Sheep**), так, в переносном или ироничном значении, стали называть робкого, застенчивого человека, ограниченного и безвольного. Уже в древности овца рассматривалась как неразумное, хотя и безобидное, создание, нуждающееся в постоянной защите, опеке и руководстве. С этим фактом связано появление религиозного значения семантемы «овца» - «народ, **паства**» - рядовая верующая толпа миряне.

Развитие новых значений на основании функции прослеживается и в следующих примерах: **Grampus** – «дельфин-косатка» и «пыхтящий, тяжело дышащий человек»; **ferret** – «хорёк» и «упорный исследователь, сыщик»; **foal** – «жеребёнок; ослёнок» и «мальчик у шахтёрской вагонетки», который носит тяжести; **fox** – «лиса» и «хитрец»; **hawk** – «хищная птица, сокол, ястреб» и «обманщик, мошенник», «сторонник жёсткой политики»; **leech** – «пиявка медицинская» и «кровопийца, вымогатель»; **locust** – «саранча» и «жадный, прожорливый человек»; **magpie** – «сорока обыкновенная» и «болтун, собиратель ненужного хлама, «барахольщик»; **squirrel** – «белка обыкновенная» и «собиратель, запасливый человек»; **snake** – «змея» и «подлец, гадина, тварь, ничтожество»; **wolf** – «волк», «жестокий», «безжалостный или жадный человек».

Отдельно можно выделить подгруппу существительных, где дополнительные значения появились в результате сходства по манере передвижения: **Caterpillar** – «гусеница, гусеничный ход, гусеничный трактор!; **slug** – «слизняк, слизень», «увалень, лентяй, медленно передвигающееся животное или экипаж, тихоход» и др. Манера передвижения может стать источником дополнительного значения и в том случае, если понимается в переносном смысле. Так **Kangaroo** – «кенгуру», «биржевики, спекулирующие на этих акциях». На первый взгляд, второе значение не родственно первому, но, если вспомнить ту функцию, которую выполняет биржевик, спекулирующий на акциях, можно проследить, что котировки акций, то растут, то опускаются - «прыгают», а вместе с ними «прыгает» и работник биржи.

Формирование новых значений может происходить как на основе сходства формы (внешнего вида), так и по функции. Например, **Goose** – «гусь», «дурак», «простак» (сходство поведения), «портновский утюг» (внешнее сходство). **Bird** – «птица», «летательный аппарат», «самолёт», «управляемая ракета», «заклочённый», «арестант»; «преступник», «спутник Земли весом в 100 фунтов» (внешнее и функциональное сходство), «волан» (*в бадминтоне*), «тарелочка» (*мишень при стрельбе*). **Monkey** – «обезьяна», «шалун», «проказник» (сходство по-

ведения), «глиняный кувшин с узким горлышком» (внешнее сходство), «клещевой захват» (сходство движения). **Spider** – «паук», «кровопийца», «эксплуататор» (сходство поведения) «чугунная сковородка», «штурвал», «звезда», «крестовина» (внешнее сходство). **Snail** – «улитка», «тихоход»; «копун»; «увалень», (сходство движения), «спираль», «улитка» (сходство формы).

На примере ЛСГ «Животные» мы проследили, как работают механизмы эволюции значений существительных в английском языке на основании чувственного восприятия (по сходству) и на основании «функций» выполняемых животными, их манерой поведения или передвижения. Данные механизмы позволяют не только структурировать лексико-семантические группы, но и понять причины развития новых, часто неожиданных значений лексем.

Литература

1. Архипов И.К. Когнитивный и логический анализ в лексикографической практике //Человеческий фактор в языке: учеб.-метод. Пособие (Материалы к спецкурсу). – СПб.: Невский институт языка и культуры, 2001.
2. Просяникова О.И. Эволюция значения синкретических форм типа существительного/глагол в английском языке: моногр. – СПб.: ЛГУ им.А.С Пушкина, 2011.- 136с.
3. Большой англо-русский словарь = New English Russian Dictionary: в 3т./[Ю.Д. Апресян и др.]; под общ. рук. Ю.Д. Апресяна, Э.М. Медниковой. -2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1997.

Козяревич Л.В. ©

Кандидат филологических наук, доцент,
Киевский национальный лингвистический университет

ФАСЦИНАЦИЯ В ТЕРМИНАХ ТЕОРИИ ИНФОРМАЦИИ

В ходе коммуникации говорящие обмениваются между собой различными представлениями, идеями, интересами, настроениями, чувствами, установками, эмоциями и пр. Теория информации все это рассматривает как информацию [5]. В ракурсе данной теории представлена лишь формальная сторона коммуникации, а именно передача информации (сигнальные способы связи у животных, мысли в процессе жизнедеятельности людей). Однако, считаем, что общение нельзя рассматривать только как отправление информации какой-то передающей системой или как прием ее другой системой потому, что в отличие от простого движения информации между двумя устройствами здесь мы имеем дело с отношением двух индивидов, каждый из которых является активным субъектом. Взаимное информирование их предполагает налаживание совместной деятельности. В условиях человеческого общения информация не только передается, но и формируется, уточняется, развивается. Поэтому, не исключая возможности применения некоторых положений теории информации при описании коммуникативной стороны общения, необходимо четко расставить все акценты и выявить специфику даже в самом процессе обмена информацией, который, действительно, имеет место и в случае коммуникации между людьми.

Поэтому в коммуникативном процессе и происходит не простое движение информации, но как минимум активный обмен ею. Особую роль играет для каждого участника общения значимость информации. Эту значимость информация приобретает потому, что люди не просто обмениваются значениями, но, стремятся при этом выработать общий смысл [1, 12]. Это возможно лишь при условии, что информация не просто принята, но и понята, осмыслена.

Человеческое общение – специфическая коммуникация, т. е. обмен идеями, мнениями, сообщениями, чувствами, переживаниями, соображениями, настроениями, желаниями и т. п. [2, 17]. В чем состоит специфика человеческой коммуникации?

1. Активность субъектов общения – в ответ на посланную информацию будет получена новая информация, исходящая от партнера.

2. Характер обмена информацией определяется тем, что посредством системы знаков партнеры влияют друг на друга. Коммуникативное воздействие в данном случае есть психологическое воздействие на поведение партнера с целью изменения этого поведения. Эффективность коммуникации измеряется именно тем, насколько удалось это воздействие. Ничего похожего нет в собственно информационных процессах.

3. Коммуникативное влияние как результат обмена информацией возможно лишь тогда, когда человек, направляющий информацию (коммуникатор), и человек, принимающий ее (реципиент), обладают единой или сходной системой кодификации и декодификации. Это особенно важно потому, что коммуникатор и реципиент в коммуникативном процессе постоянно меняются местами. Любой обмен информацией между ними возможен лишь при условии интерсубъективности знака, т. е. при условии, что знаки и, главное, закрепленные за ними значения известны всем участникам коммуникативного процесса. Только принятие единой системы значений обеспечивает возможность партнеров понимать друг друга.

4. В условиях человеческой коммуникации могут возникать совершенно специфические коммуникативные барьеры. С одной стороны, такие барьеры могут быть обусловлены тем, что отсутствует понимание ситуации общения, а также различиями более глубокого плана, существующими между партнерами. С другой стороны, барьеры при коммуникации могут носить и чисто выраженный психологический характер: они могут возникнуть или вследствие индивидуальных психологических особенностей общающихся (например: чрезмерная застенчивость одного из партнеров, скрытность другого, присутствие у кого-то черты, получившей название «некоммуникабельность»), или в силу сложившихся между общающимися особого рода психологических отношений – неприязни по отношению друг к другу, недоверия [2, 14].

Распространение информации происходит через своеобразный фильтр «доверия» и «недоверия». Этот фильтр действует так, что абсолютно истинная информация может оказаться непринятой реципиентом, а ложная – принятой. Важно выяснить, при каких обстоятельствах тот или иной канал информации может быть блокирован этим фильтром.

Существуют средства, помогающие принятию информации и ослабляющие действия фильтров. Совокупность этих средств называется *фасцинацией* (*fascination* – очарование). В качестве фасцинации выступают различные сопутствующие основной информации средства, создающие некоторый дополнительный фон, на котором основная информация выигрывает, поскольку фон частично преодолевает фильтр недоверия [4, 9].

В процессе межличностной коммуникации информация может теряться и искажаться. Информация, имеющаяся в психике А, всегда отличается от той информации, которую он высказывает.

Фасцинация способна управлять вниманием. Внимание может привлекаться внешними и внутренними факторами. Внешние – это новизна (неожиданность), интенсивность и физические характеристики сигнала. Внутренние – это те, которые определяются актуальностью, значимостью, важностью сигнала для человека в зависимости от его намерений и целей в данный момент.

В ходе нашего исследования мы обнаружили следующие **фасцинирующие приемы привлечения внимания** в коммуникативном процессе:

1. Прием «нейтральной фразы». Суть его сводится к тому, что в начале выступления произносится фраза, прямо не связанная с основной темой, но зато наверняка по каким-то причинам имеющая значение, смысл, ценность для всех присутствующих. Первые слова должны зацепить внимание. Этих зацепляющих крючков – вступлений может быть очень много: что-нибудь из жизни, что-нибудь неожиданное, какой-нибудь парадокс, какая-нибудь

странность (внутренние факторы). Однако привлечение внимания может опираться и на внешние факторы – на новизну, неожиданность, интенсивность начала. Это могут быть слова, сказанные намеренно громко или «чужим» голосом, могут быть и действия, привлекающие внимание своей экстравагантностью. Постукивание карандашом по столу, по графину с водой или даже кулаком по столу... – тоже прием, называемый приемом «нейтральной фразы», действующий за счет использования интенсивности стимула в привлечении внимания.

2. Прием «завлечения». Говорящий вначале произносит нечто трудно воспринимаемое окружающими образом, например: очень тихо, очень непонятно, слишком монотонно или неразборчиво. Слушающему приходится предпринимать специальные усилия, чтобы хоть что-то понять, а эти усилия и предполагают концентрацию внимания. В результате говорящий «завлекает» слушающего «в свои сети». В этом приеме говорящий как бы провоцирует слушающего самого применить способы концентрации внимания и потом их использует. В данном случае при «завлечении» используются внешние факторы – интенсивность (громкость) голоса.

3. Установление зрительного контакта между говорящим и слушающим. Очень многие пользуются этим приемом, зная его силу: они «обводят аудиторию взглядом», смотрят пристально на кого-нибудь одного, фиксируют взглядом нескольких человек в аудитории и кивают им и т. д. Пристально глядя на человека, мы привлекаем его внимание [3, 7]. Постоянно «уходя» от чьего-то взгляда, мы показываем, что не желаем общаться. Любой разговор начинается со взаимного зрительного контакта. Зрительный контакт используется не только для привлечения внимания, но и для его поддержания в самом процессе общения.

Фасцинирующие приемы по поддержанию внимания.

Вторая задача по управлению вниманием – поддержание его во время всего общения.

Первая группа приемов поддержания внимания сводится к тому, чтобы по возможности исключить все посторонние воздействия, максимально «изолироваться» от них, – приемы «изоляции». Когда мы хотим спокойно поговорить с кем-то, мы отводим его в сторону (от возможных отвлекающих воздействий), уединяемся (чем меньше людей вокруг, тем больше мы можем уделить внимания друг другу). Поэтому все конкретные способы «изоляции» в целом повышают эффективность общения.

Еще одна группа приемов поддержания внимания – это приемы «навязывания ритма». Внимание человека постоянно колеблется, как бы мерцает, и если специально не прилагать усилий к тому, чтобы все время его восстанавливать, то оно постоянно будет ускользать, переключаться на что-то другое. Особенно способствует такому отвлечению монотонное, однообразное изложение. Преодоление такого рода препятствий заключено в попытке говорящего «взять в свои руки» колебания внимания слушающего. Именно здесь и применяются приемы «навязывания ритма». Постоянное изменение характеристик голоса и речи – наиболее простой способ задать нужный ритм разговора. Говоря то громче, то тише, то быстрее, то медленнее, то выразительнее, «с нажимом», то скороговоркой, нейтрально, говорящий как бы навязывает слушающему свою последовательность переключения внимания, не дает ему возможности расслабиться на монотонном отрезке и что-то пропустить.

Следующая группа приемов – так называемые «приемы акцентировки». Они применяются в тех случаях, когда надо особо обратить внимание партнера на определенные, важные, с точки зрения говорящего, моменты в сообщении, ситуации и т. п.

«Приемы акцентировки» условно можно разделить на прямые и косвенные. Прямая акцентировка достигается за счет употребления различных служебных фраз, смысл которых и составляет привлечение внимания таких, например, как «прошу обратить внимание», «важно отметить, что...», «необходимо подчеркнуть, что...» и т. д. Косвенная акцентировка достигается за счет того, что места, к которым нужно привлечь внимание, выделяются из общего «строя» общения за счет контраста. Они «организуются» таким образом, чтобы контрастировать с окружающим фоном и поэтому «автоматически» привлекать внимание.

Положительная самопрезентация говорящего с демонстрацией общности интересов решает вопрос о доверии к собеседнику, от которого, в свою очередь, зависит эффективность

коммуникации. Чем больше человек доверяет собеседнику, тем больше его надежность [6, 10].

Не только внешние условия важно учитывать в поисках основ доверия слушающего к говорящему, но и то, насколько слушающий соотносит говорящего с собой, насколько считает его своим, представителем своей общности. Представляется, что это вообще является наиболее важным условием преодоления любого барьера.

Таким образом, в процессе коммуникации можно выделить преимущественно информативный и фасцинативный компоненты. Информативное содержание легко расширяется и сжимается, его ценность при вторичном предъявлении снижается. Фасцинация - очарование - обнаруживает неразрывную связь формы и содержания текста и при вторичном предъявлении увеличивается.

Литература

1. Добрович Анна. Систематика общения. Анатомия диалога // Психология влияния. - СПб.; М.; Харьков; Минск, 2000 – 200 с.
2. Морозов Владимир. Искусство и наука общения: Невербальная коммуникация. - М., 1998 – 126 с.
3. Ниренберг Джон, Калеро Г. Невербальная коммуникация: Составляющие жестов // Психология влияния. - СПб.; М.; Харьков; Минск, 2000 – 300 с.
4. Соковнин Владимир. Фасцинология / В. Соковнин. – М.: РГУ, 2009. – 400 с.
5. Файнштейн Ларри. Основы теории информации. Изд-во иностранной литературы, 1960.
6. Шепель Владимир. Имиджология: Секреты личного обаяния. - М., 1996. - 236 с.

Костина И.А. ©

Ассистент, филиал Уфимского государственного авиационного технического университета, г. Стерлитамак

ГЛАГОЛЫ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

«Человек в русской языковой картине мира предстает, прежде всего, как динамичное, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые. Ему свойственны определенные состояния – восприятие, желания, знания, мнения, эмоции и тому подобное. Наконец, он определенным образом реагирует на внешние и внутренние воздействия»[1, 352]. Такое воздействие оказывает внешний мир на органы восприятия человека. Именно с этой точки начинается познание. Восприятие – это те процессы, которые дают связность и единство сенсорному входу. Это наиболее общее значение термина, охватывающее всю последовательность событий – от представления физического стимула до феноменологического его переживания. Сюда входят физические, физиологические, неврологические, сенсорные, когнитивные и эмоциональные компоненты[2]. Восприятие человеком какой-либо информации извне происходит в несколько этапов: обнаружение объекта в воспринимаемом поле, различение определенных его признаков и их синтез. В нашем исследовании мы рассмотрим только физическое восприятие, которое, безусловно, является неотъемлемой составляющей познания в целом. Чувственное восприятие – это результат прямого воздействия на органы чувств, оно является основой чувственного или эмпирического познания, это самый элементарный вид восприятия, присущий всему живому. Физиология этого процесса предусматривает наличие органов чувств. Принято считать, что у человека всего пять органов восприятия, а соответственно пять чувств: зрение, обоняние, осязание, слух и вкус, но некоторые ученые выделяют также шестое чувство – это чув-

ство равновесия за которое отвечает вестибулярный аппарат. Его также можно отнести к органам чувств, так как он дает нам информацию об окружающем мире, не только чувство равновесия, но информацию о положении тела в пространстве.

Английские глаголы физического восприятия образуют лексико-семантическое поле с архисемой «чувствовать» - «feel», каждое из пяти микрополей (шестое чувство, чувство равновесия мы не рассматриваем из-за недостаточной выраженности глагольной лексикой) имеет свою сему соответственно: «видеть», «слышать», «чувствовать кожей», «слышать запах» и «чувствовать вкус». See, look, hear, listen, touch, feel, taste, smell - эти глаголы являются центром или ядром лексико-семантического поля английских глаголов восприятия, остальные глаголы составляют периферию, они то и несут дополнительные значения уточняющего характера. Возникает тесная связь с семантическими полями глаголов, обслуживающих системы интеллектуальной, оценочной деятельности, эмоциональной системы, системы различных действий. Английские глаголы физического восприятия делятся на глаголы активного и пассивного восприятия или результирующей и не результирующей семантики, например: See – look; hear – listen и прочее.

I saw a man go past, but I didn't look at him.

Я видел, что какой-то человек проходил мимо, но не посмотрел на него.

Глагол saw здесь пассивного, а look активного восприятия. То же и в следующем случае: listened – активное, heard – пассивное восприятие.

We listened carefully, but heard (could hear) nothing.

Мы слушали внимательно, но ничего не могли услышать (нельзя было расслышать)[3,156].

Рассмотрим на следующих примерах различия глаголов результирующей и не результирующей семантики:

1. Do you smell something burning? Чувствуете, пахнет гарью?

2. Can you smell an escape of gas? Вы чувствуете утечку газа?[3, 156].

Как пишет Палмер, в первом случае чувства не зависят от человека, они являются средством накопления информации и опыта об окружающем мире. Человек неосознанно воспринимает информацию извне.

Passive perception → Experience

А во втором, восприятие является осознанным действием, направленным на получение информации путем перцепции.

Active perception → Activity

Но Роджерс выделяет также третью группу глаголов это глаголы, чей объект стимулирует факт перцепции или flip verbs.

Mary looked happy. Мери выглядела счастливой.

The food tasted good (of garlic). Еда была приятной (со вкусом чеснока).

Flip verbs → Percept [6, 206].

Виберг различает эти три типа следующим образом: в первых двух случаях глаголы связаны с агенсом, т.е. с воспринимающим, а в третьем с пациенсом, т.е. с воспринимаемым. Основываясь на такой классификации, можно составить следующую таблицу наиболее часто употребляемых глаголов физического восприятия [4, 45].

SENSE MODALITY	EXPERIENCE	ACTIVITY	PERCEPT
VISION	<i>See</i>	<i>Look</i>	<i>Look</i>
HEARING	<i>Hear</i>	<i>Listen</i>	<i>Sound</i>
TOUCH	<i>Feel / Touch</i>	<i>Touch / Feel</i>	<i>Feel</i>
SMELL	<i>Smell</i>	<i>Smell / Sniff</i>	<i>Smell</i>
TASTE	<i>Taste</i>	<i>Taste</i>	<i>Taste</i>

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография М.: Языки русской культуры, 1995, 767с.- С. 252-356
2. Оксфордский толковый словарь по психологии Электронный ресурс. / под. ред. А. Ребера. — 2002. Режим доступа <http://vocabulary.ru/dictionary/487/word>
3. Хорнби А.С. "Конструкции и обороты английского языка".- М.: АО "Буклет", 1992, 336 с.- С. 155-158
4. B. Iraide Ibarretxe-Antunano «Polysemy and metaphor in perception verbs: a cross-linguistic study», University of Edinburgh, 1999, – 235p. pp.45-56
5. Palmer, F. R. «A Linguistic Study of the English Verb». London: Longman, 1966, p.268
6. Rogers, A. 'Three kinds of physical perception verbs'. Chicago Linguistics Society 7, 1971, pp.206-223.
7. Viberg, A. 'The verbs of perception: a typological study' In B. Butterworth, B. Comrie and O. Dahl (eds.) Explanations for Language Universals. Berlin: Mouton de Gruyter, 1984, pp. 123-162.

Кривохижа И.Н. ©

Учитель русского языка и литературы,
Муниципальное бюджетное образовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 20»,
Республика Хакасия, г. Абакан

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ. ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА

Данная статья посвящена анализу фразеологических единиц качественной характеристики человека по его внешности в русском языке.

Фразеологическая система языка - явление неоднородное и многомерное, что предполагает возможность разных аспектов ее рассмотрения. В свое время академик В.В. Виноградов писал: «Фразеология исследует наиболее живой, подвижный и разнообразный отряд языковых явлений» [3, 45]. Интенсивное развитие исследований в области фразеологии создало необходимые предпосылки для выявления и описания фразеологической системы русского языка.

Как отмечает В.А. Золотова, человеческий фактор в языке никогда не отрицался, а, напротив, постоянно подчеркивалась необходимость его учета и анализа в конкретных исследованиях. Особенно актуален этот фактор в настоящее время, когда лингвистика получила четко выраженную направленность, что в значительной степени предопределило обращение к человеку. Во всей системе языка, а во фразеологии особенно, прослеживается четко выраженная антропоцентрическая направленность, что является новым направлением в лингвистике.

Из фразеологических словарей русского языка путем сплошной выборки были извлечены около 170 фразеологизмов качественной характеристики человека по его внешности и сгруппированы в более узкие в смысловом отношении группы. В скобках указано количество фразеологизмов, относящихся к данной группе.

I Фразеологизмы, характеризующие состояние человека, отражающееся на его лице (25): как в воду опущенный - о подавленном чем-либо человеке, имеющем унылый вид; ни жив ни мертв - об очень испуганном человеке, о человеке в состоянии ужаса; сделать кислую мину - выражать свое неудовольствие, огорчение; делать большие глаза - выражение очень сильного удивления, недоумения; сверкать глазами - выражать глазами чувство гнева, раздражения; хлопать глазами — растерявшись или не понимая, бессмысленно смотреть, моргать; глядеть бирюком - иметь угрюмый, замкнутый вид; смотреть волком - смотреть недружелюбно, враждебно; с безумных глаз — в состоянии крайнего возбуждения, помешательств-

ва; смотреть именинником - иметь радостный, счастливый вид; выжатый лимон - сильно уставший, измотанный человек; меняться в лице - утрачивать обычное выражение лица; как глиста в обмороке - побледневший, жалкий, струсивший; надувать губы - сердиться, обижаться, делая при этом недовольное лицо.

II Фразеологизмы, характеризующие человека по конституции тела (23):

В составе этой группы выделяется три подгруппы:

а) особенности тела человека: косая сажень в плечах - о человеке богатырского телосложения, широкоплечем; грудь колесом - выпуклая грудь, грудь с сильно развитой мускулатурой; шея, как у быка хвост - тощая шея; как пивной котел - о большой голове.

б) полнота человека: наедать будку - поправляться, толстеть, жиреть; рубенсофские формы - полная, пышная женская фигура; толстый как бочка - об очень толстом, тучном человеке; лопаться от жиру - сильно полнеть, жиреть при праздном образе жизни; наедать холку - поправляться, полнеть; поперек себя толще - об очень толстом, тучном человеке; входить в тело - полнеть; наедать ряху - толстеть.

в) худоба человека: кожа да кости - крайне худой, изнеможенный; спадать с тела

- худеть; спадать с лица - осунуться; растрясти жир - сбросить лишний вес, похудеть; спасть с лица - сильно похудеть, осунуться; худой как щепка - очень худой; худой как спичка - очень худой; тает как свечка - худеет; пуп к позвоночнику прилип - кто-либо очень истощал; живые мощи - очень худой, изможденный человек; плевком перешибешь

- о щуплом, хилом человеке.

III Фразеологизмы, характеризующие человека по цвету его лица (20):

В составе этой группы выделяются следующие подгруппы:

а) покрасневший цвет лица: бросает в краску - кому-либо становится стыдно, неловко; (покраснеть) до корней волос - очень сильно покраснеть; кровь бросилась в лицо

- кто-либо покраснел от смущения, стыда досады; наливаться кровью - краснеть от прилива крови (о глазах, лице); залиться краской - покраснеть; краска заливает лицо - кто-либо покраснел; красный как рак - сильно покрасневший; зардеться как маков цвет - покрыться румянцем; стать красным как пион - покраснеть от смущения; покраснеть как тюльпан - густо покраснеть от стыда, смущения; покраснеть как индюк - побагроветь от злобы.

б) побледневший цвет лица: бледен как смерть - утративший, краски живого лица; краска сошла с лица - кто-либо очень побледнел; ни кровинки в лице - о сильной бледности; бледный как мел - сильно побледневший; белый как стена - очень бледный, смертельно бледный; белый как бумага - мертвенно белый; бледный как полотно - мертвенно бледный; бледный как мертвец - очень бледный.

в) здоровый цвет лица: кровь с молоком - о человеке физически здоровом, цветущем, с румянцем; в самом соку - в полном расцвете сил.

IV Фразеологизмы со значением красоты / некрасивости человека (20):

В составе данной группы выделяют три подгруппы:

а) красота человека: писанная красавица - об очень красивой девушке, женщине; как картинка - очень красивый; баба как клюква ~ красивая, приятная, цветущая женщина; гений чистой красоты - поэтический образ прекрасной дамы; ангел во плоти - идеал красоты; красная девица - красивая девушка; девушка как ягодка - об очень красивой девушке; картина писанная - об очень красивой женщине.

б) некрасивость человека: гроб поваленный - человек, внешность которого скрывает что-либо вызывающее отвращение; ни кожи, ни рожи - кто-либо очень некрасив, худ, уродлив; кувшинное рыло - безобразное, вытянутое вперед лицо; козья морда - человек с отталкивающей внешностью; кирпича просит - о безобразной, вульгарной физиономии; страшный как ночь - о безобразном человеке; страшен как ведьма - о некрасивом человеке; на всех зверей похож - об очень некрасивом человеке.

в) особенности красоты тела человека: губки бантиком - о маленьком ротике, преимущественно женском, с резко очерченной линией верхней губы; ноги до ушей - о длинных стройных женских ногах; ноги от плеч растут - о длинных стройных женских ногах; ноги от

ушей - о длинных, стройных ногах.

V Фразеологизмы, характеризующие человека по возрасту (19):

В составе этой группы ФЕ можно объединить в две подгруппы:

а) молодой возраст: желторотый птенец - очень молодой, неопытный; нежный возраст - младенческий, детский; нос не дорос - молод или недостаточно опытен для чего-либо; в пеленках - в младенчестве, в раннем детстве.

б) средний и пожилой возраст: не первой молодости - не молодой, пожилой; не первой свежести - уже не молодой; бальзаковский возраст - возраст женщины от 30 до 40 лет; до седых волос - до преклонных лет, до старости; старый гриб - старик; седой (белый) как лунь - о совершенно седом человеке; в годах - о пожилом, немолодом человеке; старая калоша - пожилая не красивая женщина; старый пенек - старикашка; старый пень - старик; старая перчатка - старуха, старик; старая песочница - старый, дряхлый, никчемный человек; на склоне лет - в старости, при приближении старости; на старость лет - в пожилом, преклонном возрасте; старый хрен - старик.

VI Фразеологизмы, характеризующие рост человека (13):

В составе этой группы можно выделить две подгруппы:

а) человек высокого роста: коломенская верста - человек очень большого роста; пожарная каланча - об очень высоком человеке; дядя Степа - о очень высокого роста; ростом с Ивана Великого - об очень высоком человеке; телеграфный столб - очень высокий человек; телевизионная башня - о высоком человеке.

б) человек маленького роста: от горшка два вершка - о человеке очень маленького роста; метр с кепкой - о человеке очень маленького роста; чуть от земли видать - очень маленького роста; с булавочную головку - очень маленький; аршин с шапкой - мал ростом; от земли не видать - очень маленького роста; мальчик с пальчик - очень маленький.

VII Фразеологизмы, характеризующие внешний вид человека (12):

затрапезный вид - о внешнем виде неопрятного, неряшливого или плохо одетого человека; чучело гороховое - смешно, нелепо, безвкусно одетый человек; шут гороховый - о человеке, одетом смешно, нелепо, безвкусно; белая ворона - человек, резко выделяющийся чем-либо, не похожий на других; в костюме Адама (Евы) - нагишом, без всякой одежды; в чем мать родила - нагишом, без всякой одежды; свалиться с плеч - износиться, стать совсем ветхим; с иголки - во всем новом, только что сшитом; о человеке, одетом по моде.

VIII Фразеологизмы, имеющие значение схожести человека с кем-либо (10):

как две капли воды - кто-либо очень похож на кого-либо; на одну колодку - одинаковы, похожи; живой портрет - человек, совершенно сходный с кем-либо; одного замеса - одинаковы; капля в каплю - совершенно, очень сильно похожи; под одну масть - очень похожи друг на друга; на один покрой - одинаковы, похожи; одного поля ягода - похожи друг на друга, принадлежат к одной компании; одного помета - одинаковы, похожи; птицы одного гнезда - похожи друг на друга.

IX Фразеологизмы, характеризующие выражение глаз (9):

строить глазки - игриво, кокетливо поглядывать на кого-либо; стрелять глазами - бросать короткие, быстрые взгляды; играть глазами - смотреть с живостью, делать выразительные взгляды; сверкать глазами - взглядывая, выражать чувство гнева, раздражения; мерить глазами - пристально оглядывать глазами кого-либо, как бы оценивая его; наострить глаза - внимательно, с интересом, неотрывно смотреть на кого-либо; продавать глаза - бросать призывные или кокетливые взгляды; раскидывать глаза - кокетливо поглядывать на кого-либо; есть глазами - пристально или подобострастно смотреть на кого-либо.

X Фразеологизмы, характеризующие положение тела человека (8):

как аршин проглотил - о человеке, застывшем в неестественной позе, который держится неестественно прямо; как истукан - совершенно не подвижно, подобно изваянию; как соляной столп - неподвижно, замерев; столбняк напал - кто-либо оцепенел, застыл, замер; как изваяние - не подвижно, не шевелясь; как вкопанный - замерев на месте, неподвижно; сидеть как пень - неподвижно, ничего не понимая, отупев; стоять столбом - стоять

неподвижно, без действия.

XI Фразеологизмы, характеризующие состояние здоровья человека (7): в чем душа держится - о хилом, слабом человеке; еле-еле душа в теле - еле живой, очень слабый, больной; как огурчик - здоровый, крепкий, свежий на вид; краше в гроб кладут - очень плохо выглядит, сильно похудел, побледнел, имеет очень болезненный вид; здоров как бык - об очень крепком, здоровом человеке; хоть поросят на лбу бей - об очень здоровом, крупном, физически сильном человеке; как штык - в отличной форме, здоров, бодр.

Представленный материал позволяет сделать вывод о том, что наиболее часто употребляются фразеологизмы, характеризующие по состоянию человека, отражающемся на его лице (25); конституции тела (23); цвету его лица (20); красоте / некрасивости (20). По-видимому, это связано с тем, что именно эти качественные характеристики внешности человека чаще всего подвергаются оценке.

Литература

1. Новый фразеологический словарь русского языка: более 8000 фразеологизмов / А.Д. Курилова. - М.: Русский язык - Медиа; Дрофа, 2009. - 777 с.
2. Жуков В.П. Русская фразеология: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. / Жуков В.П. - М.: Высшая школа, 1986. - 310 с.
3. Фразеологическая система языка: [сборник статей] / Челяб. гос. пед. ин-т; [Отв. ред. Л.Б. Гарифулин, А.М. Чепасов]. - Челябинск: Челяб. пед. ин-т, 1976 С. - 175 с.
4. Фразеологический словарь русского языка/ сост. Л.А. Субботина. - Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. - 320 с.
5. Фразеологический словарь русского языка/ сост. Н. Ф. Татьянченко. - М.: Издательский дом «Диалог», 1998. - 540 с.
6. Фразеологический словарь русского языка/ под ред. А.И. Молоткова. - М.: «Русский язык», 1986-543 с.
7. Универсальный фразеологический словарь русского языка. - М.: Вече, 2001. - 464 с.
8. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». - М.: Высшая школа, 1985. - 160 с.

Кузнецова Т.Г. ©

Кандидат философских наук, доцент Института филологии и журналистики
Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского

К ВОПРОСУ О ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ ЯЗЫКА

Одной из глобальных проблем современности является проблема общения, взаимопонимания между людьми, преодоления отчуждения в сфере межличностной коммуникации. Следуя из самой ситуации современности, проблема языка стала объектом исследования на различных уровнях и различных концептах: лингвистическом, психологическом, философском, культурном, социологическом и т.д.

Поворот от философии трансцендентального сознания, характерного для классической "парадигмы", сказался расширением коммуникативно-прагматического аспекта языка и опосредованного практикой диалога, направленного на достижение межличностного взаимопонимания. Именно эту ориентацию, связанную с дискурсом коммуникативного сообщества, обосновывает известный немецкий философ Карл-Отто Апель.

По своей сути философия Апеля является лингвистической версией трансцендентальной философии и в ней особенно важна роль языка. Язык рассматривается не только в

качестве необходимого условия трансцендентально-прагматической рефлексии, но и как всеобщее и обязательное средство для формулирования ее результатов и их передачи в процессе коммуникации. При изучении феномена языка философ исходит из априорного условия универсальности и прагматики всех языков. Предпосылкой всякого субъектно-объектного отношения, по К.-О. Апелю, является существование коммуникативного сообщества. Не обходит молчанием он также другую существующую сегодня "парадигму", которая рассматривает коммуникацию как "приватное кодирование" (говорящим) и "приватное декодирование" (слушателем) сообщений о состоянии вещей в том виде, в котором они могут быть представлены благодаря онтологической идентичности для всех структур языка.

Философ строит «трансцендентально-герменевтическую» концепцию языка, основывая ее, с одной стороны, на признании того, что «язык является трансцендентальной величиной» [1, 76], а с другой, стремится фиксировать своего рода априорность его статуса как «условия возможности диалогического взаимопонимания и понимания самого себя». Как видим, он предлагает тем самым анализировать роль языка не только в герменевтических процедурах «понятийного мышления, предметного познания и осмысленного действия», протекающих в рамках субъектно-объектного отношения, но – в первую очередь – в контексте субъект-субъектных отношений. Эти отношения трактуются К.-О. Апелем как *интерсубъективная коммуникация*, которая в принципе «не может быть сведена к языковой передаче информации», но «является одновременно процессом достижения согласия».

Язык в философии К.-О. Апеля представляется как реально-историческая языковая взаимосвязь, из которой её участники не могут выйти, в какой-то мере, он есть аналог идеальной взаимосвязи понимания в идеальном коммуникативном сообществе [2, 74]. Поэтому язык выступает как средство реального синтеза *телесного априори* и *априори сознания*.

Следуя этому, он подчеркивает, что в речевом поведении носителей языка всегда возможно указать особую *трансцендентальную языковую игру*, которая служит основанием всем остальным формам жизни в качестве метаправила, заключенного в каждом словоупотреблении. Эта импликация обосновывается, прежде всего, необходимостью решения философской проблемы "внешнего наблюдателя".

Следует также отметить, что в основе проекта трансцендентальной прагматики К.-О. Апеля лежит фундаментальное представление о неразрывной связи рациональности и социальности [3, 218]. Философ считает, что нет разума вне социума и нет социума без разума. Он полагает также, что социальность и рациональность невозможны без языка и наоборот – что языковое выражение не может являться таковыми вне и помимо коммуникативного сообщества. А это значит, что в трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля, которая исходит из *единства трансцендентального и эмпирического*, предпринята попытка синтеза указанных выше подходов, в результате которого коммуникативное сообщество рассматривается в двух измерениях – как реальное и идеальное коммуникативное сообщество. Реальное сообщество – то, членом которого индивид становится в процессе социализации. Идеальное коммуникативное сообщество – воображаемый конструкт такого сообщества, в котором мог бы быть адекватно понят смысл любого аргумента и, могла бы быть определена его правильность. В идеальном сообществе, которое играет роль *идеального априори* как процесса коммуникации в целом, так и исторически сформировавшихся жизненных форм реального коммуникативного сообщества, содержатся все нормы коммуникативной этики. К.-О. Апель подчеркивает, что всеобщие принципы справедливости всегда должны иметь приоритет перед конкретными этическими принципами реальных коммуникативных сообществ. Отсюда следует, что трансцендентальная языковая игра идеального коммуникативного сообщества является условием возможности любых реальных языковых игр. А это значит, что условия возможного знания, и условия возможного действия сводятся в трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля прежде всего к условиям возможности интерсубъективного понимания.

Как видим, в трансцендентальной прагматике понимание языка раскрывается в трех измерениях. Язык выступает а) в качестве среды, в которой происходит трансцендентально-прагматическая рефлексия, б) в качестве средства такой рефлексии, и одновременно с) как

средства формулирования результатов познания и их сообщения партнерам по коммуникации. Соотнесенность реального сообщества участников коммуникации с идеальным коммуникативным сообществом позволяет преодолеть релятивизм в оценке реального и идеального достижения понимания.

Отношение же своеобразной напряженности между идеальным и реальным коммуникативным сообществом, с точки зрения К.-О. Апеля, разрешается в процессе их исторического сближения и конструирования *общей предметности* в процессе познания. Интерсубъективность в осмыслении и оценке его результатов играет также не последнюю роль. Как отмечает философ, это оказывается возможным «благодаря действительному достижению философии, а именно благодаря пониманию трансцендентальной значимости языка, и тем самым коммуникативного языкового сообщества» [4, 78].

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что реконструкция трансцендентальной установки, осуществленная современной критической теорией, состоит в том, что, предположительно, априорные структуры, организующие наш опыт, понимаются в трансцендентальной прагматике языка, прежде всего эмпирически как воплощенные в практиках, включающих в себя не редуцируемый материальный компонент. Ставя вопрос о природе коммуникации, о природе языка, трансцендентальная прагматика исследует правила употребления языка, представляя их в категориальной форме и рассматривая употребление языка во взаимосвязи социума и социального действия. В концепции К.-О. Апеля таковым выступает само коммуникативное сообщество.

Литература

1. Апель К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 76-92.
2. Назарчук А. В. Язык в трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля. Вопросы философии. № 1. - 1997. - С.74.
3. Апель К.-О. Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук // Апель К.-О. Трансформация философии. - М., - 2001. - С. 218-222.
4. Апель К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // Вопр. Философии. - 1997.- №1. - С.78.

Куликова В.С. ©

Аспирант, Череповецкий государственный университет

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ СОЦИОЛЕКТАХ НАРКОМАНОВ

Проблема цвета всегда представляла значительный интерес для ученых; в ходе многочисленных исследований было выявлено, что за цвет у каждого человека отвечает 10 пигментных генов, составляющих определенный набор, но этот набор индивидуален, поэтому цвет одного предмета разные люди могут воспринимать по-разному. Кроме того, было выявлено, что в разных культурах цвета могут вызывать разные реакции [2, 112]. Описательное значение цветообозначений более непосредственно связано с внеязыковой деятельностью, с которой человек сталкивается каждый день, чем слова из других семантических полей [1, 278].

Каждый язык располагает определенным набором слов, позволяющих говорящему обозначать определенные участки визуального континуума. Во всех языках цвета разбиваются на две группы: базовые и небазовые. К базовым относятся: белый, черный, красный,

зеленый, синий, коричневый и т.д. Небазовые (или второстепенные) – бирюзовый, ярко-красный, красновато-коричневый и т.д. [3]. Следуя этой концепции, мы разбили слова по группам, соответствующим определенным цветам, а сами группы объединили по критерию «базовый цвет – небазовый цвет».

Обратимся к выделенным нами цветообозначениям в английском и русском социолектах наркоманов. Следующие цвета выявлены как в английском, так и в русском социолектах наркоманов:

Базовые цвета в социолектах наркоманов

Белый цвет

Выборка показала, что белым цветом обозначаются вещества, которые действительно имеют белый цвет (то есть не происходит метафорического переосмысления): средства либо в таблетированной, либо в порошкообразной форме.

Английский социолект наркоманов:

Blanco – героин; white – амфетамин; white ball – крэк; white boy – героин; white cloud – дым от крэка; white cross – 1) метамфетамин, 2) амфетамин; white dust – ЛСД; white fluff – ЛСД; white ghost – крэк; white girl – 1) кокаин, 2) героин; white horizon – РСР; white horse – кокаин; white junk – героин; white lady – кокаин; white lightning – ЛСД; white mosquito – кокаин; white nurse – героин; white powder – 1) кокаин, 2) РСР; white stuff – героин; white sugar – крэк; white tornado – крэк.

Русский социолект наркоманов:

Беленькая – наркотическая таблетка; *белое* – 1) амфетамин, 2) фенамин, 3) психотропные препараты; *белый* – 1) кокаин, 2) героин; *беляк* – кокаин; *беляшка* – 1) морфий, 2) кокаин, 3) омнопон.

Черный цвет

Использование черного цвета объясняется цветом наркотического вещества в случаях номинации опиума, марихуаны, гашиша, крэка, амфетамина (данное вещество часто используется в форме таблеток, которым могут придаваться различные цвета). Что касается других наркотических и психотропных средств, а именно ЛСД, героина, РСР, депрессанта, то использование данного цвета является метафорическим переосмыслением, придание слову дополнительного значения «смерти».

Английский социолект наркоманов:

Black – 1) опиум, 2) марихуана; black acid – ЛСД; black and white – амфетамин; black bart – марихуана; black beauties – 1) депрессант, 2) амфетамин; black birds – амфетамин; black bombers – амфетамин; black button – шарик крэка; black gold – марихуана высокого качества; black hash – опиум и гашиш; black moat – марихуана высокого качества; black mollies – амфетамин; black mote – смесь марихуаны и меда; black pearl – героин; black pill – опиум; black powder – черный гашиш перемолотый в порошок; black rock – крэк; black Russian – смесь гашиша и опиума; black star – ЛСД; black stuff – героин; black sunshine – ЛСД; black tabs – ЛСД; black tar – героин; black whack – РСР.

Русский социолект наркоманов:

Чернота (*черная, чернуха, чернушка, черняшка*) – опий-сырец; *черный* – 1) опий-сырец, 2) кристаллический йод; *черняга* – 1) некрепкий морфий, слабая доза морфия, 2) опий.

Красный цвет

Красный цвет – это цвет опасности и активного действия. Именно поэтому при метафоризации в английском социолекте он используется. Исключениями являются лексические единицы red devil (депрессант) и red & blue (депрессант): в данном случае цветообозначение имеет реальное обоснование – цвет таблетки препарата. То же самое и в русском социолекте.

Английский социолект наркоманов:

Red – наркотическое опьянение; red bullets – депрессант; red caps – крэк; red cross – марихуана; red chicken – героин; red devil – депрессант; red & blue – депрессант.

Русский социолект наркоманов:

Красный – красный фосфор для изготовления первитина.

Зеленый цвет

В английском и русском социолектах наркоманов зеленый цвет – это цвет наркотических веществ растительного происхождения (марихуана, сырец гашиша), продиктованный реалиями. В английском социолекте наркоманов данный цвет используется также для обозначения купюр (доллары имеют зеленоватый цвет). Что касается наименования наркотических средств, не имеющих в своей первоначальной форме зеленого цвета, то в данном случае это цветообозначение относится к материалам (листок бумаги, марка, балластное вещество), при помощи которых становится возможным употребление того или иного вида наркотика.

Английский социолект наркоманов:

Green – марихуана крайне низкого качества; green button – свежие шишки пейота; green cigarette – сигарета с марихуаной; green dragons – депрессант; green frog – депрессант; green goddess – марихуана; green gold – кокаин; green goods – банкноты; green leaves – РСР; green tea – РСР; green wedge – ЛСД; green stuff – банкноты.

Русский социолект наркоманов:

Зелень – сигарета с наркотическим веществом; *зеленка* – сигарета, начиненная марихуаной; *зеленое* – высококачественный сырец гашиша.

Небазовые цвета в социолектах наркоманов

Розовый цвет

Розовый цвет продиктован окраской готового «продукта» (таблетка или марка), содержащие указанное вещество (в английском социолекте) и цветом медицинского бланка (русский социолект).

Английский социолект наркоманов:

Pink blotters – ЛСД; pink hearts – амфетамин; pink ladies – депрессант; pink robots – ЛСД; pink witches – ЛСД.

Русский социолект наркоманов:

Розовый – рецепт, бланк рецепта (для транквилизаторов и снотворного).

Помимо общих для обоих социолектов нами были выявлены цвета, присутствующие только в английском социолекте:

Базовые цвета в английском социолекте наркоманов

Синий цвет

Обоснование использования синего цвета в номинации – очевидно: форма наркотических средств, представленных ниже – это таблетка, которая может быть окрашена в любые цвета, в том числе и синий.

Blue – 1) депрессант, 2) крэк; blue acid – ЛСД; blue angels – депрессант; blue birds – депрессант; blue boy – амфетамин; blue bullets – депрессант; blue caps – мескалин; blue chairs – ЛСД; blue cheers – ЛСД; blue devil – депрессант; blue dolls – депрессант; blue fly – ЛСД; blue heaven – ЛСД; blue madman – РСР; blue microdot – ЛСД; blue mist – ЛСД; blue moons – ЛСД; blue sage – марихуана; blue star – ЛСД; blue tips – депрессант; blue vials – ЛСД.

Коричневый цвет

Героин в чистом виде – вещество белого цвета, но из-за примесей, которые используются для его разбавления, он становится серовато-коричневым, что объясняет цветообозначение ряда лексических единиц этой группы. Что касается марихуаны и ЛСД, то первая используется в высушенном виде и ее цвет зелено-коричневый, а коричневый цвет ЛСД – это цвет «марки».

Brown – 1) героин, 2) марихуана; brown bombers – ЛСД, brown crystal – героин; brown dots – ЛСД, brown rhine – героин, brown sugar – героин.

Фиолетовый цвет

См. комментарий к синему цвету.

Purple – кетамин; purple barrels – ЛСД; purple haze – ЛСД; purple hearts – ЛСД; purple flats – ЛСД; purple ozoline – ЛСД; purple rain – РСР.

Желтый цвет

См. комментарий к синему цвету.

Yellow – 1) ЛСД, 2) депрессант; yellow bam – метамфетамин; yellow bullets – депрессант; yellow dimples – ЛСД; yellow fever – РСР; yellow jackets – депрессант; yellow sunshine – ЛСД.

В русском социолекте наркоманов нами был выявлен следующий цвет:

Небазовые цвета в русском социолекте наркоманов

Золотой цвет

Золотой цвет – это цвет богатства, роскоши, но при метафоризации он приобретает значение «важности», «высокой цены» (для жизни). Таким образом, золото и золотой укол (доза) – та высокая цена, которую платит наркоман употребляя вещества и губя свою жизнь.

Золото – абстинентный синдром; *золотой укол (золотая доза)* – введение смертельной дозы наркотика с целью суицида.

Итак, проведенное нами исследование на предмет выявления цветообозначений в английском и русском социолектах наркоманов показал, что существуют общие цветовые группировки и специфичные для каждого из социолектов, а цвета принадлежат к базовым и небазовым. При этом, группа «черный цвет» наиболее продуктивна для обоих социолектов, наименее продуктивна – «розовый цвет».

Литература

1. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс. Пер. с англ. И.А. Муравьевой, Е.Г. Устиновой. – М.: УРСС, 2004, 320 с.
2. Малышева С.С. Англоязычный театральный социолект в статике и динамике (социолексикологический подход): Дис... канд. филол. наук. – Череповец: ЧГУ, 2012, 197 с.
3. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms. – Berkley: University of California Press, 1969, 245 p.

Курманаева Т.А. ©

Преподаватель английского языка ФГКОУ,
«Оренбургское президентское кадетское училище»

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ ЦВЕТА “BLACK”, “WHITE” – «БЕЛЫЙ», «ЧЕРНЫЙ»

Изучение всей фразеологической системы может быть успешным лишь при тщательном анализе ее отдельных микросистем. С учетом этого для анализа отобрана многочисленная подсистема фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках. Выбор в качестве объекта изучения данной подсистемы не является случайным. Во-первых, как отмечает А. Д. Райхштейн, фразеологическая система в

целом отчетливо демонстрирует двойной антропоцентризм - происхождения и функционирования, т. е. семантическую ориентированность на человека, как составляющих лексем - компонентов, так и особенно совокупных ФЕ в их значении [9,92]. Во – вторых, именно данная фразеологическая система является наглядным примером действия не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов в языке. И действительно, в обоих сопоставляемых языках фразеологические единицы данной подсистемы покрывают сферы общей понятийной соотнесенности: при их анализе выявляются как общие черты, присущие человеческому коллективу независимо от языковой принадлежности, так и специфические особенности, обусловленные чисто экстралингвистическими факторами. Наиболее типичными микро-системами ФЕ, содержащих в своем составе «белый» и «черный» цвета, являются:

1. ФЕ, обозначающие лицо или совокупность лиц:

White trash – «белая шваль» (презрительное прозвище, данное плантаторами беднякам из белого населения); *white man* – порядочный, благовоспитанный человек; *lily white* – состоящий только из белых, не имеющий в своем составе ни одного негра, только для белых:

“Particularly contemptible was the Jim Crow attitude of the southern white churches, which evidently looked forward to a “lily-white” heaven”. (W. Foster, “History of the Communist party of the United States”, ch. 8)

«Особенно презрительно относилась к неграм церковь для белых на юге. Она, видимо, надеялась на то, что доступ в царство небесное открыт только белым» [7, 864].

Black flesh/stock – черные рабы; *black foot* – сват, сваха; *black hat* – недавно прибывший эмигрант; *black shirt* – чернорубашечник, фашист; *a black sheep* – «паршивая овца», позор семьи (фразеологизм является частью пословицы “*There is a black sheep in every flock*”, что в русском языке звучит как «*В семье не без урода*»):

“... like her father, she was, she said, the religious black sheep of the family.” (Th. Dreiser, “A Gallery of Women”, Rona Martha)

«... она говорила, что подобно своему неверующему отцу, она была паршивой овцой в семье» [7, 864].

В русском языке ФЕ данной группы почти не встречаются:

Черная кость – человек незнатного происхождения:

«Душа его горела ненавистью к старой жизни, резко делившей человечество на людей черной и белой кости. Первым - все, они командиры жизни; а вторым уготована одна общая участь: гнуть спины, работать на богатых» [5, 147].

2. Выражающие физическое состояние человека

A black eye – «синяк под глазом»; *black and blue* – живого места нет, весь в синяках и ссадинах:

“I spent that night in hospital and was released the next day with minor head and neck injuries. My face was black and blue” [4, 231].

В русском языке ФЕ данной группы не встречаются.

3. Выражающие психическое состояние, настроение человека

White fury – жгучая ярость, дикое бешенство;

Black dog – плохое настроение, уныние; *the black dog is on his back/ he has the black dog on his back* – он хандрит; *to be in a black mood* – быть в плохом настроении; *black in the face* – багровый от гнева:

“Your Foggartism’s going to need money in every direction. You may swear till you are black in the face that 10 or 20 years hence it’ll bring fivefold return: nobody will listen” [2, 146].

«Ваш фоггартизм требует денег без конца. Можете кричать до изнеможения, что через 10 или 20 лет вы им вернете впятеро больше – никто не станет слушать.»

В русском языке ФЕ данной группы практически нет: *белая горячка*.

4. Выражающие положительные черты характера человека

Black hen lays a white egg – о человеке, который отличается красотой душевной, несмотря на свой внешний, пусть и не привлекательный облик.

В русском языке обнаруживаются следующие ФЕ с таким же значением: *черна корова, да бело молочко; черная курица несет белые яйца; черен мак, да бояре едят*.

5. Выражающие отрицательные черты характера человека

To present/call/make white black (turn white into the black) – называть черное белым, толковать что-либо наперекор очевидности; *white crow* – белая ворона, редкое явление; *white liver* – трусость, молодухи; *whited sepulchre* – гроб повапленный (в современном языке фразеологизм прижился в значении «лицемер, двуличный человек»); *white lie* – ложь «во спасение»:

“She could not afford to have her little white lie come out until she was definitely settled.” (S. Heim, “The Crusaders”, book VI, ch. 4).

«Ее невинная маленькая ложь не должна быть обнаружена, пока ей не удастся устроить достаточно прочно свои дела» [8, 548].

Black ingratitude – черная неблагодарность; *black thoughts* – темные мысли; *black sarcasm* – черный юмор; *in black and white* – очень простой способ трактовки, когда вещи представляются совершенно положительными либо совершенно отрицательными; *the kettle calling the pot black* – «оба хороши; когда котел горшок сажай корил»; *black man* – злой дух, дьявол:

“Rich as Croesus and as wicked as the black man below.” (G. Meredith, “Evan Harrington”, ch. III)

«Богат как Крез и порочен как Сатана» [7, 583].

В русском языке:

В черном цвете – хуже, чем есть на самом деле (представлять); *с черного хода* – нечестным путем (добиваться ч.-л.); *рубашка беленька, да душа черненька, черную душу и мылом не отмоешь* – о человеке коварном, способном на низкие, предосудительные дела, поступки; *черная душа*:

«Душою черной зло любя, колдунья старая, конечно, возненавидит и тебя; но горе на земле не вечно...» (Пушкин. Руслан и Людмила)

6. Выражающие действия человека

To turn up the whites of one's eyes – закатить глаза; *to provoke to a white rage* – вывести из себя; *bleed someone white* – обобрать до нитки, выкачать из кого-л. все деньги = обескровить; *to show/to wave the white flag* – белый флаг, флаг парламентария (сигнал о капитуляции)/выбросить белый флаг:

“German industrial concerns are able to put relentless pressure on the press to distribute their advertisements. The trade union weekly had experienced that kind of boycott, and its editorial board could do nothing but show the white flag.”

«Путем распределения рекламных объявлений германские промышленные концерны имеют возможность оказывать серьезное влияние на прессу. Именно такому бойкоту подвергся профсоюзный еженедельник, и его редакции ничего не оставалось как выбросить белый флаг» [6, 347].

Paint a black picture – рисовать в черном цвете; *to work like a black* – «работать как негр», выполнять тяжелую и трудную работу, работать очень много; *to give a black eye* – подбить глаз, поставить фонарь, дать отпор, нанести сильный удар.

В русском языке:

Выбросить белый флаг – дать сигнал о капитуляции; *делать (что-либо) в белых перчатках*; *довести/доводить до белого каления* – вывести из себя:

«А Лизка считала себя виноватой: она ввечер своими глупыми слезами довела брата до белого каления» [3, 246].

“Liska felt she was to blame having provoked her brother to a white rage the day before with her silly tears” [1, 259].

Отложить на черный день – отложить (деньги) на непредвиденный случай:

«Сонька не считала денег, не копила их на черный день, и жила в свое полное удовольствие» [6, 147].

7. Выражающие материальное положение человека

Be in the black – быть в прибыли, быть платежеспособным:

“Last year, the company was back in the black, showing a modest pre – tax surplus of \$ 4, 6 million” [4, 232].

В русском языке ФЕ данной группы нет.

8. Выражающие место работы, должность человека

White – collar worker (амер.) – служащий; *white wings* – метельщики, уборщики, дворники; *white – collar job* – работа в конторе:

“You might get to be a former. That pays higher than most white white-collar jobs you’d likely wait years for.” (J. Conroy “The Disinherited”, part II, ch. X)

«Вы можете стать мастером, эта должность оплачивается значительно выше, чем любая канцелярская работа, которую, к стати сказать, вы, вероятно, не получите в течение ряда лет» [7, 233].

Black coat – священник; *black – coat brigade* – конторщики, канцелярские работники; *black gang* – кочегары, группа рабочих, разгружающих уголь.

В русском языке ФЕ данной группы встречаются реже: *белые воротнички*, *чёрная сутана*.

9. Выражающие сферу искусства человека

White magic – белая магия (чародейство с помощью «божественных сил»);

Black magic – черная магия (чародейство с помощью «нечистой силы»); *the black art* – черная магия, чернокнижие:

“Sir Anthony. ...Have I a thousand daughters, by Haven! I’d as soon have them taught the black art as their alphabet!” (R. Sheridan, “The Rivals”, act I, sc. 1)

«Сэр Энтони. ...Да будь у меня тысяча дочерей, богом клянусь, я бы их скорее чернокнижию обучал, чем азбуке» [7, 48].

В русском языке, ФЕ выражающие сферу искусства человека, представлены полными эквивалентами английских: *белая магия*, *черная магия*.

Сопоставительный анализ ФЕ, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках выявил значительное их сходство. Различия проявляются, в основном, в количественном соотношении (в английском языке намного больше ФЕ, семантически ориентированных на человека (Приложение 1), т. е. выделяется ограниченный ряд фразеосемантических групп, характерных лишь для одного из сопоставляемых языков.

Литература

1. Abramov F.A. Two winters and three summers. Transl. George Feifer. London: Hodder and Stoughton, 1972. – 360 p.
2. Galsworthy J. The Forsyte Saga. The Silver Spoon. – М.: Прогресс, 1976 г. – 279 p.
3. Абрамов Ф.А. Две зимы и три лета. – Вагриус, 2004. – 320 с.
4. Англо-русский словарь устойчивых словосочетаний=Collins Cobuild Dictionary of Idioms. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 751 с.
5. Данилевский Г.П. Беглые в Новороссии. – М.: Правда, 1983. – 424 с.
6. Кузьмин С.С. Русско-английский фразеологический словарь переводчика. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 776 с.
7. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. Изд. 3-е испр., в двух книгах. М., «Советская Энциклопедия», 1967. – 1264 с.

8. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь/Лит. Ред. Литвинова М.Д. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. Рус. яз., 1984. – 944 с.
9. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. - М.: Высшая школа, 1980. - 150 с.

Приложение 1.

Количественное распределение фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, по группам.

Группы ФЕ, семантически ориентированных на человека	Количество ФЕ	
	В английском языке	В русском языке
1. ФЕ, обозначающие лицо или совокупность лиц	8	1
2. Выражающие физическое состояние человека	2	0
3. Выражающие психическое состояние, настроение человека	5	1
4. Выражающие положительные черты характера человека	1	3
5. Выражающие отрицательные черты характера человека	12	5
6. Выражающие действия человека	7	4
7. Выражающие материальное положение человека	1	0
8. Выражающие место работы, должность человека	6	2
9. Выражающие сферу искусства человека	3	3

Лаврова Н.А. ©

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лексики английского языка,
Московский педагогический государственный университет

К ВОПРОСУ О КОНТАМИНАЦИИ И КОНТАМИНАНТАХ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Контаминацию, или блендинг, нередко описывают как результат «функциональной синонимичности» двух единиц [5], приводящей к возникновению контаминированных лексем, представляющих собой либо слова-оговорки, либо окказионализмы, либо неологизмы. С данным утверждением, однако, вряд ли можно согласиться полностью, так как корпус многочисленных работ по контаминации ясно показывает, что значительное количество контаминантов состоят из элементов, находящихся между собой в разнообразных отношениях, в том числе в гиперо-гипонимических, контрагентивных (взаимоисключения), предмета и его признака и т.д. По-видимому, говорить об отношениях функциональной синонимичности можно в том случае, если имеется в виду теоретическая возможность замены в контексте одного слова-источника на другое без значительного ущерба для смысла.

С точки зрения возникновения контаминанты принято разделять контаминанты на две большие группы – оговорки (детские или в речи взрослых носителей языка) и контаминанты,

созданные целенаправленно (о мотивах создания контаминантов подробно написано в других работах автора, см., например, Н.А. Лаврова, 2009, 2010). В качестве примеров контаминантов, возникающих как следствие оговорок, можно привести слова “*herrible*” (*terrible* + *horrible*), “*shromkin*” (*Fromkin* + *she*) (примеры В. Фромкиной [1]). Можно видеть, что первый контаминант создан с наложением общих частей друг на друга, второй – без наложения. Существует гипотеза, согласно которой контаминированные оговорки, созданные без наложения общих частей друг на друга, возникают на более раннем этапе порождения речи – на этапе выбора понятия, которое говорящий имеет целью передать. Этот этап известен как этап *макропланирования* [4]. Контаминированные оговорки, созданные с наложением элементов друг на друга, возникают на более позднем этапе порождения речи, а именно на этапе выбора, или подбора, нужной лексемы, то есть на этапе *микропланирования* [4;3]. Не беря на себя смелость поддерживать или опровергать данную гипотезу, отметим только, что данная гипотеза может быть справедливой только в том случае, если на этапе микропланирования слова-источники имеют общие фонемы; если же таковых не имеется, то очевидно, что возникновение амальгамированных (с наложением) контаминантов оказывается невозможным даже теоретически.

При осознанном или бессознательном (случайном) выборе компонентов контаминанта определенную роль играют не только такие факторы, как семантическое, фонологическое и графическое подобие компонентов контаминанта, но и (1) частотность каждой из мотивирующих лексем, (2) валентностно-сочетаемостные способности той или иной единицы, в результате чего появление одних элементов оказывается более ожидаемым, предсказуемым, чем других, (3) контекстуально-стилистические особенности слов-источников, влияющие на выбор того или иного слова.

Принято различать две основных разновидности интерференции слов в процессе возникновения контаминированной оговорки – *понятийно-концептуальную и ассоциативную* [4]. Концептуально-понятийная интерференция при образовании контаминантов имеет место в том случае, когда одновременно активизируются два понятия, каждое из которых стремится занять определенный слот. Ассоциативная интерференция имеет место в том случае, если отобранная лексема или лемма (семантико-синтаксический образец лексемы) вызывает ассоциации с другими лексемами или леммами. В отдельную группу можно выделить интерференцию в результате так называемой дистракции (термин Г. Мальстрема и К. Парадис), когда внимание декодирующего непроизвольно переключается на другое понятие, нередко лишь отдаленно, в подсознании связанное с целевой лексемой. Такой вид контаминированных оговорок также известен как «оговорки по Фрейду», поскольку именно З. Фрейд подробно описал эту разновидность оговорок.

При образовании контаминированных оговорок в большинстве случаев удастся распознать целевое слово и слово-дистрактор (слово, отвлекающее внимание): акцентно-слоговая структура контаминанта совпадает с акцентно-слоговой структурой целевого слова. Если же акцентно-слоговая структура слов-источников одинакова и в свою очередь совпадает с акцентно-слоговой структурой контаминированной оговорки, то идентификация слова-цели может вызвать определенные затруднения. Первый тип оговорок принято называть недвусмысленными, второй – двусмысленными, так как оба прочтения оказываются равновероятными. В приведенных в начале статьи примерах – *herrible u shromkin* – первая оговорка является двусмысленной, так как оба слова равновероятны в качестве слов-источников; второй пример сохраняет акцентно-слоговую структуру имени собственного «*Fromkin*», которое и является целевым словом.

При наличии внушительного корпуса работ по исследованию структуры и семантики контаминантов, имеется некоторый пробел в исследовании соотношения структурных типов контаминантов и их семантики. Одним из исследований, восполняющих этот пробел, является работа А. Лаубштайн [3], в которой автор проводит эксперимент с носителями языка, выявивший любопытную особенность семантики амальгамированных и неамальгамированных контаминантов: автор приходит к выводу, что контаминированные слова, созданные с нало-

жением общих элементов, обнаруживают меньшую близость семантики, чем контаминанты, созданные без наложения общих частей друг на друга. К сожалению, автор не предлагает объяснения этому феномену. Можно предположить, что указанная закономерность обусловлена одной из двух причин: 1) контаминанты, созданные с наложением общих элементов априори обладают хотя бы в минимальной степени фонографическим подобием; 2) такие контаминанты могут создаваться в целях экономии пространства и времени и часто восходят к атрибутивному словосочетанию. Необходимым условием компрессии такого словосочетания до контаминанта является графическое подобие или совпадение конца первого слова (атрибута) и начала второго слова (главного слова). Значительную часть корпуса словаря Д. Тернера составляют именно такие контаминанты, например: *Breathingirdle* (*foundation garments*), *bratitude* (*the stubborn and ill-mannered behavior of adolescents*), *bullionaire* (*bullion + billionaire: one who has become wealthy by dealing in the gold market*), *Candelicious* (*candy + delicious: candy*), *Charmaternity* (*charm + maternity: nursing and maternity bras*) [8].

Описание контаминированных слов (оговорок или целенаправленных авторских образований) невозможно без упоминания основных структурных типов контаминантов. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что неоправданно отождествление контаминации и словосложения, что, однако, нередко имеет место быть, например: “We understand blends as deliberate creations that follow the structure of compounds” [6]. Принципиальная несводимость контаминации к словосложению обусловлена преобладающим, прототипическим типом контаминантов, а именно таких, которые совмещают в себе субморфемные элементы: начальную, центральную или конечную часть слога или слог, который может как совпадать, так и не совпадать с морфемой.

Специфика контаминации как словообразовательной модели заключается в ее несистемном, но прагматически и коммуникативно оправданном характере (имеются в виду контаминанты, созданные целенаправленно). Как справедливо указывают А. Ралли и Дж. Ксидополос, авторские контаминанты всегда создаются с целью создания определенного эффекта – иронии, аллюзии, загадки, словесной игры и т.д.: “...speakers form blends in order to create a special effect in specific situations, something which is not possible with regular compounds. For instance, with the use of “lighter” or “stronger” form reduction, they may express irony or mystery, define a playful situation, convey an allusive message, etc.” [6].

При описании стилистической принадлежности контаминированных слов приходится констатировать, что большинство из них относится к стилистически маркированной лексике, а именно – к сленгизмам, жаргонизмам, терминоидам и терминам. Наибольшие трудности, однако, возникают при идентификации терминологических контаминантов по причине того, что по некоторым показателям они не удовлетворяют требованиям, предъявляемым к классическому, «образцовому» термину. В частности, речь идет о метафорическом оттенке контаминанта и о наличии оценочного и эмотивного компонента в его семантической структуре. Кроме того, не всегда можно четко определить, к какой области знания и к какой терминосистеме относится предполагаемый терминологический контаминант. По этой причине представляется более адекватным отнесение подобного рода контаминантов к терминоидам. Терминоидный характер контаминантов проявляется и в том, что, как правило, они описывают формирующиеся понятия, носящие эмергентный характер; по этой причине статус таких слов и понятий, которые они выражают, не всегда определен для носителей языка. Подобного рода контаминанты содержатся в работе Дж. Китса “*Virtual Words. Language on the Edge of Science and Technology*” [2]. Само название работы отражает как бы футуристический характер представленных в ней слов. Приведем некоторые примеры таких контаминантов и попытаемся определить, может ли определенный контаминант рассматриваться в качестве термина: *memristor* – *memory + resistor: a resistor with memory: “The memristor gets its name from an unusual characteristic. Resistance increases as current flows through in one direction and decreases when the current is reversed. If current is cut off, the memristor preserves, or “remembers” the level of resistance reached when current last passed through it”* [2,49-50]. Существование резистора, способного «запоминать» уровень сопротивления, было предсказано в

1970 году молодым инженером Л. Чуа, однако исследования ученого в этой области не вызвали большого резонанса, поскольку оставалось неясным, какова же практическая польза такого прибора. С развитием молекулярной электроники практическая ценность «резистора с памятью» оказалась более очевидной. В 2001 году ученые Г. Снайдер и С. Уильямс усовершенствовали этот прибор, показав, что он способен сохранять значительный объем информации без потери энергии. В настоящее время происходит активная разработка микросхем с применением подобного рода резисторов, однако некоторый недостаток прибора заключается в том, что он подходит только для аналоговых (но не цифровых) компьютеров, поэтому прогнозы относительного такого резистора остаются амбивалентными. Указанные особенности термина “memristor” свидетельствуют о том, что он пока не стал частью устоявшейся терминологии компьютерной терминосистемы, поэтому корректнее было бы рассматривать его в качестве терминоида.

Отнесение другого контаминанта – “flog” (flack + blog) – к разряду терминов оказывается затруднительным по другой причине: лексема-источник “flack” представляет собой сленгизм – слово с преобладающим эмоционально-оценочным компонентом значения. Словари определяют это слова как «агент по рекламе», «пресс-агент» (АВВУУ Lingo 12) с пометой «разг. сленг». Речь идет о сетевом журнале, содержащем информацию, которая выставляет определенный товар или услугу в выгодном для заказчика свете. При этом заказчиком выступает определенная фирма, которая платит автору сетевого журнала за распространение выгодной, но в целом неправдоподобной информации. Вообще, контаминанты сферы компьютерных технологий, содержащие лексему “blog”, – весьма распространенное явление. Другие примеры подобных контаминантов: blook – book + blog: a book derived from a blog; splog – scam + profiteering + blog: a profiteering Internet site posing as a blog (примеры взяты из работы Т. Торна “Shoot the Puppy. A Survival Guide to the Culture of Modern Life”, 2006 [7]). Особенность сетевого журнала, в котором размещается художественное произведение, заключается в том, что, во-первых, главы книги появляются в журнале по мере их написания автором и, во-вторых, в том, что читатели журнала могут принимать активное участие в написании книги, внося изменения по своему усмотрению. В целом можно отметить почти ладинообразный характер контаминантов, одним из компонентов которых является компьютерный термин “blog”. Представляется, что с некоторой осторожностью можно отнести подобного рода контаминанты к разряду терминов терминосистемы интерактивной коммуникации.

Наличие антропоморфной метафоры в контаминанте “sheeple” (sheep + people) (пример Т. Торна, 2006), употребляющемся в значении «доверчивые люди», а также шутливое употребление этого слова, не позволяет рассматривать его в качестве термина.

Несмотря на наличие звукоподражательного “blob” в структуре контаминанта “blobitecture” (blob + architecture), представляется возможным его отнесение к разряду терминов архитектурно-строительной терминосистемы, поскольку данный контаминант признается не только журналистами, которые и ввели его в активное употребление, но и самими архитекторами. Речь идет о необычных, миниатюрных конструкциях с мягкими, обтекаемыми формами, напоминающими естественные формы, встречающиеся в природе: “The label seeks to characterize toy-like structures and amoeba-shapes in public buildings and interior design and accessorizing based on soft-edged as opposed to hard-edged forms and/or textures with ‘natural’ finishes” [7,19]. Отметим, что в настоящее время наблюдается увеличение контаминированных образований в терминосистеме «архитектурное дело». Вот лишь некоторые примеры: barkitecture (bark + architecture): дизайнерский подход к строительству домов для собак; starchitect – star + architect: популярный архитектор; boatel – boat + hotel: отель на воде; windowall – window + wall: окно по длине, форме и функциональной нагрузке, совпадающее со стеной.

В терминосистеме «бизнес и предпринимательство» появился ряд контаминантов, характеризующих специфику современного потребителя. Это такие контаминанты, как, например, transumers (transient + consumers) и sellionaires (selling + millionaires). Как объясняет Т. Торн, первый контаминант употребляется по отношению к непостоянному потребителю,

который не обнаруживает приверженности к какой-либо марке или к одному производителю. Второй контаминант, возникновение которого датируется 2005 годом, употребляется в значении «молодой, обеспеченный предприниматель, решивший продать все свое недвижимое имущество с тем, чтобы потратить деньги на путешествия и развлечения».

Итак, можно видеть, что изучение контаминации продолжает оставаться актуальным в силу ряда причин: во-первых, до сих пор не описаны все возможные структурные типы контаминантов в английском языке, а также не раскрыты причины преобладающих типов; во-вторых, необходимо более точно определить место контаминации в морфологии современного английского языка, в частности, остается нерешенным вопрос о том, является ли контаминация как словообразовательная модель системным или асистемным морфологически феноменом; в-третьих, можно ли говорить о контаминации как о единственной словообразовательной модели, маркированной с точки зрения прагматики, используемой говорящим в особых коммуникативных целях, среди которых главной является выражение определенного отношения к предмету сообщения.

Литература

1. Fromkin V. Speech Errors as linguistic evidence. – The Hague: Mouton & Co. NV Publishers, 1973. – P. 215-242
2. Keats J. Virtual Words. Language on the Edge of Science and Technology. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2011. – 177 p.
3. Laubstein A. Experimental Evidence for Serial Models of Lexical Access: A Judgment Task / Brain and Language 81. – pp. 424-431
4. Levelt V. Speaking: From Intention to Articulation. – Cambridge, Massachusetts: the MIT Press, 1989. – 566 p.
5. Malström H., Paradis C. Modelling speech production – evidence from Swedish blends [electronic source] / URL: <http://www.sol.lu.se/fileadmin/media/forskning/workingpapers/engelska/vol03/MalmstromParadis-Modellingspeechproduction.pdf> (date of reference 25.08.2011)
6. Ralli A., Xydopolous G.J. Blend formation in modern Greek / in V. Brenner, F. Maniez & P. Arnaud (eds.) Cross-disciplinary perspectives on lexical blending (Trends in Linguistics). – Berlin: Mouton de Gruyter, 2011 [electronic source] / URL: <http://www.sol.lu.se/fileadmin/media/forskning/workingpapers/engelska/vol03/MalmstromParadis-Modellingspeechproduction.pdf> (date of reference 25.08.2011)
7. Thorne T. Shoot the Puppy. A survival guide to the curious jargon of modern life. – London: Penguin Books, 2006. – 330 p.
8. Thurner D. Portmanteau Dictionary. Blend Words in the English Language, Including Trademarks and Brand Names. – North Carolina, London: McFarland & Company, 1993. – 174 p.

Ладохина О.Ф. ©

Кандидат филологических наук, доцент,
Московский городской педагогический университет

ПОТОНЕТ ЛИ СУДЕНЫШКО В БРЫЗГАХ ЛАЙНЕРА? (о преодолении классикализма в филологических романах)

Актуальная литература, зародившаяся в эпоху буржуазных революций на Западе и выступившая символическим «зеркалом» его модернизации, выносила на обсуждение интеллектуальных групп общества наиболее острые проблемы: социальное расслоение, предельные ситуации (войны, эпидемии и т.п.), духовные поиски в период религиозного плюрализма, гендерные отношения и др. Произведения, имеющие надвременное значение, определялись как классика и понимались национальными элитами как зона их ответственности, а их

пропаганда и поддержка становились одним из способов формирования национальной культуры и национального престижа.

Но, вместе с тем, этот несомненно закономерный и положительный для формирования национальной самоидентификации процесс стал приобретать со временем и черты закатенности и застоя. Там, где ориентация на норму и рецепт стала определяющей, как, например, в годы доминирования соцреализма в СССР, тенденция следования лучшим образцам стала превращаться, по словам Б. Дубина, в «классикализм», когда «литература как предмет общественной дискуссии, как модный образец, как новаторский сдвиг нормы и ее конструктивное нарушение остались в прошлом, были публично диффамированы, вытеснены, физически уничтожены, стерты из коллективной памяти...» [3, 9].

Преодоление «классикализма», попытки отразить интеллектуальные поиски динамичных общественных групп и движений, ориентированных на повышение смысла собственных действий – на наш взгляд, один из ключевых признаков актуальной литературы, вызывающей интерес читательского сообщества. Для филологического романа эти попытки имеют свою специфику, выраженную в бегстве автора от писательских штампов и эстетических канонов, его особой чуткости к динамике языковых норм, стремлении к генерированию новых словесных форм и литературных приемов.

Попробуем исследовать, как преодолевается классикализм в двух филологических романах начала XXI века: в романе «Неверная» Игоря Ефимова (о судьбе эмигрантки из России, читающей лекции по ручкой литературе для американских студентов) и в романе «Марбург» Сергея Есина (в котором московский профессор приезжает в немецкий университет рассказать о знаменитых выпускниках этого старейшего учебного заведения – Ломоносове и Пастернаке).

Начнем с актуальных вопросов общества, отраженных на страницах «Неверной». Такое впечатление, что из эмигрантского «далёка» Россия видится И. Ефимову, как в телескопе: выпукло и ярко, а современные события отчизны автор пытается рассмотреть через призму представлений богини истории Клио. Вот что, например он пишет о том кошмаре, который начался в России в 1917 году после того, как в стране победили лозунги Французской революции: *Liberte* (свобода), *Egalite* (равенство), *Fraternite* (братство), и что «приходит в жизнь людей, когда из нее удаляют ключевые, порой мучительные, но такие необходимые ограничения: «мое – твоё», «повелеваю – подчиняюсь», «родные – чужие», «можно – нельзя» [5, 73]. Не менее горькими словами писатель характеризует и современные особенности революционной борьбы, имеющей уже в основном не классовую подоплёку, а религиозную, и толкающую современную молодежь на совершение террористических актов: «Палестинские, чеченские, афганские подростки обвязывают себя динамитными шашками и взрывают автобус, кафе, вагон поезда» [5, 369]. Не мог оставить без внимания И. Ефимов и такую «модную» тему, как права человека, но подает ее в саркастическом ключе: «Мы будем защищать права человека независимо от того, хочет он этого или нет, Мы жизни не пожалеем на это благородное дело! Своей жизни! А уж его жизни – тем более. Пусть хотя бы умрет в ореоле своих прав!» [5, 439].

Несколько другие, но не менее актуальные вопросы «бытия», волнуют автора «Марбурга». Восхищенный бережным отношением жителей Германии к истории своей страны и сохранением ее культурного наследия и предметов старины, С. Есин выносит приговор въевшейся в кожу многих «строителей коммунизма» «совковости» и беспамятства воинствующего атеизма: «Мы-то, русские, в свое время рубили тяжелые славянские шкафы с массивными тумбочками, сдавали в переплавку через «Вторсырье» бабушкины чугунные и работающие на древесном угле и дедушкины сохи и однолемешные плуги, а бережливые немцы все хранили по чердакам и подвалам и сейчас выставили в своих кафе и лавках антиквариата» [4, 252]. Продолжая тему «совковости», писатель отмечает такие специфические черты русской жизни, как нерасчетливость и бытовой инфантилизм: «мы плохо считаем быт, разгульны по натуре и хорошо помним, сделав чуть ли не основным, евангельскую заповедь: Бог дал день, Бог даст пищу» [4, 181]; воспитание, оторванное от жизни: «Ох уж эта интелли-

генция в первом поколении! Это тебе не воспитание английских принцесс, которых среди прочего учили и штопать носки и пришивать пуговицы» [4, 41]; вороватости и бесстыдства армии чиновников: «Это у нас начальник ДЭЗа на свою нищенскую зарплату покупает для своего расторможенного и неунывающего сына дорогой двухместный БМВ – полуночный автомобиль» [4, 35].

Вместе с тем, стремление писателей превозмочь штампы и наслоения классикализма не ограничиваются попытками заострить насущные социальные и мировоззренческие проблемы общества. Их поиски лежат и в плоскости обновления литературных приемов, разработки новых точек зрения на существующие эстетические каноны, противопоставлении авторской концепции бытия общепринятым литературным образцам. Эти креативные усилия автора подчас напоминают схватку Давида и Голиафа, так как свежая авторская разработка кажется беспомощной перед мощным исполином литературной традиции, сильной повсеместным признанием. Особенности этой бескомпромиссной схватки образно называет Л. Чернецкая: «в романе “Золотые плоды” Саррот освященная традицией поэтика изображения человека выступает в роли огромного лайнера, победоносно шествующего по волнам океана, а авторская концепция воплощается в образе маленького суденышка, которое тонет в брызгах, поднятых этим лайнером» [6, 118].

Объем статьи не позволяет подробно остановиться на всех направлениях литературных инноваций авторов «Неверной» и «Марбурга» (а таковые, на наш взгляд, имеются в достаточном количестве). Обозначим лишь две из них: смещение границ, отделяющей хранимую культуру от профанной действительности и художественное отражение тенденции создания героем эпохи постмодернизма внутри себя некой охранной зоны, служащей защитой от притязаний внешних субстанций. Нарождающийся тренд смещения границ между валоризованной культурой и текучей действительностью был отмечен философом и искусствоведам Б. Гройсом в 1993 году в книге «Утопия и обмен»: «Произведение искусства прекращает быть чем-то существенным и качественно отличным от любой другой вещи, все традиционные критерии «сделанности красоты», выразительности отменяются» [2, 160]. Существование этих динамичных, можно наверно сказать «мерцающих» пограничных столбов между искусством и реальной жизнью, позволяет интерпретировать их как знак полной свободы автора-постмодерниста включать в художественный контекст и тем самым валоризовать все что угодно.

В «Неверной» И. Ефимов преодоление границы между культурой и действительностью использует, как автор именно филологического романа, для валоризации обычного слова из повседневного лексикона, т.е. придания языковой единице смысловозначительной, подчас даже метафорической значимости, Это может быть слово «нож»: «Его ножик сработал, как шприц с обезболивающим, как скальпель. Удаление опухоли стыда» [5, 16] (об осознании главной героиней своего необычного отношения к понятию «верность» после удара ножом студентом-«воздыхателем»). Годится и старинная «ладья»: «Павел Пахомович ездил с ней в селения, помог довести до станции долбленную ладью, купленную у лопарей за ящик водки. Так, с этой ладьи, и началось их плаванье по жизни» [5, 152] (о первом знакомстве одного из главных персонажей романа – П.П., со своей будущей женой). Для поэтизации описываемого эпизода писатель не отказывается и от такого, казалось бы насквозь изученного атмосферного явления, как «молния»: «Молния сама осветит и пейзаж, и себя в нем, над ним. Она попадет на пленку, как рыба в расставленную сеть. Или как небесный гость, которого надо ждать с открытой дверью» [5, 280] (о том, что при фотографировании молнии аппарат всю ночь держат с открытым затвором).

Аналогичный прием использует и С. Есин в романе «Марбург». Его фантазией обычно печальная инвалидная коляска превращается: «В дверном проеме стояла роскошная, вся в никеле и хrome, сверкающая как античная колесница, до изумления дорогущая инвалидная коляска» [4, 259] (о встрече главного героя с бывшей знакомой, знаменитой актрисой, разбогатевшей после переезда в Германию). Не менее удивительные метаморфозы происходят с привычным дорожным аксессуаром: «Ничего от тебя не требую, ты просто как чемодан с

моими воспоминаниями. Я хочу, чтобы этот чемодан стоял у меня под кроватью» [4, 287] (о предложении бывшей театральной дивы профессору переехать в Европу). И совсем уж необычный кульбит совершает культовый русский напиток на свадьбе в далеком гарнизоне: «Я, естественно, тоже зацепил стопку, и Соломея, выдавая свои первородные привычки, тоже цапнула розовый лафитничек. Самогон мягко, как первый снег на еще не вполне остывшую землю, лег на первоначальный утренний и дневной коньяк» [4, 127].

«Мерцающие» пограничные столбы между культурой и бытом, постоянное смещение границ искусством и реальной жизнью в эпоху постмодернизма тесно соприкасаются с такой специфической проблемой современного человека, как размывание нравственных и эстетических ориентиров, покрытие туманом энтропии таких привычных мифологем, как Бог, Природа, Душа, Сущность. Сопrotивляясь этим вызовам этического хаоса и массовой культуры, думающая личность пытается создать внутри себя некое незаполненное пространство, неприкосновенную зону, которая позволяет видеть себя со стороны. Этот внутренний оптический прибор, по выражению О. Ванштейн «чистый холодный сектор зеркала служит защитой от притязаний субстантивизма в любых формах, будь то апелляция к религиозному сознанию, или политическая ангажированность, предвзятость суждений по какому-либо поводу» [1, 15].

В романе «Неверная» защитное зеркало души может уподобляться то сейфу: «ему кажется, что у меня внутри спрятан небольшой, но прочный сейф для своих и чужих секретов» [5, 50] (мнение отца главной героини об особенностях ее внутреннего мира), то кингстону: «Глубоко в трюмах корабля есть люк, который называется кингстон. Это далеко не самый важный судовой узел. Но если его открыть, корабль пойдет на дно. Глубоко-глубоко в трюмах сознания каждый из нас хранит, замирая от стыда и страха, какую-нибудь тайну. Это тоже не самая главная и не последняя правда о нас. Но если она откроется, мы погибнем» [5, 136] (из записок Павла Пахомовича, друга героини).

По существу весь путь главной героини романа – это нелегкий каждодневный труд выстраивания охранной зоны ранимой души в окружении предрассудков и гранитных табу. Но когда силы иссякают, она, всю жизнь окруженная книгами-друзьями, пытается найти ответы у любимых поэтов. У Некрасова – о непозволительности уныния и пессимизма: «Поражена потерей невозвратной,/ Душа моя уныла и слаба:/ Ни гордости, ни веры благодатной - / Постыдное бессилие раба!» [5, 25]. У Блока – о каменистом пути к доброте и прощению: «Я и сам ведь не такой – не прежний,/ Недоступный, гордый, чистый, злой./ Я смотрю добрей и безнадежней / На простой и скучный путь земной» [5, 269]. У Маяковского – о рецептах творческой акупунктуры: «А я вместо этого до утра раннего,/ в ужас, что тебя любить увели,/ метался и крики в строчки выгравировал,/ уже наполовину сумасшедший ювелир» [5, 372].

Актуальные подсказки для создания охранного чистого зеркала души ищет в текстах почитаемых классиков и московский профессор из романа «Марбург». «Не проси ни о чем» - говорит Ломоносов стихотворением «Кузнечик»: «Ты ангел во плоти, иль лучше, ты бесплотен!/ Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,/ Что видишь – все твое; везде в своем дому,/ Не просишь ни о чем, не должен никому!» [4, 204]. «Не доверяй благополучным» - высказывает парадоксальную мысль Пастернак в «Докторе «Живаго»: «Я не люблю правых, не падших, не оступившихся... Их добродетель мертва и малоценна... Красоты жизни не открылась им» [4, 141].

Но не менее важны для автора «Марбурга» и свои, выстраданные охранные рецепты души и памяти художника. Не скрывая секретов писательской кухни, Есин пишет о мышлении филолога: «Лирическое раздумье укрепляет сознание, делая его более гибким, многовариантным, и точнее формулирует духовные параметры. А с чего, по правде сказать, мы кормимся? Только с собственной души, с того, что пережили и зафиксировали в себе, чтобы потом одарить, ну не мир, а хотя бы научное сообщество» [4, 114]. Хочет он понять и такие периоды в жизни художника, когда время «вмещает, уплотняя в себе, массу событий, а потом как бы распускает случившееся в памяти. Если бы все прожитое нами обладало таким же

свойством, то в один прекрасный день память разорвало бы, как дачную бочку с водой, которую забыли с осени слить» [4, 69].

Итак, каковы прогнозы тотализатора: потонет ли маленькое суденышко новой авторской концепции в брызгах огромного лайнера литературной традиции, приведет ли дорога преодоления «классикализма» к современному читателю? Ответ не очевиден, по попытки литературного креатива сами по себе вызывают уважение и внушают оптимизм. И не стоит забывать, что забронзовевшие сейчас тексты классиков когда-то сопровождались бурными филологическими дискуссиями и яростными спорами.

Литература

1. Ванштейн О. Знакомьтесь: Homo dekonstructivus: философские игры постмодернизма // Апокриф, 1996. №1. С.12–29.
2. Гройс Б. Утопия и обмен.– М., издательство «Знак», 1993, 374 с.
3. Дубин Б. Другая история: культура как система воспроизводства. // Отечественные записки. 2005, № 4, с. 25–43.
4. Есин С. Марбург // Ах, заграница, заграница... М., издательство «Дрофа», 2006, 432 с.
5. Ефимов И. Неверная. СПб., Издательский дом «Азбука Классика», 2006, 448 с.
6. Чернецкая Л.А. Мировая культура XVII-XVIII веков как метатекст: дискурсы, жанры, стилистика// Материалы международного научного симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». Серия «Symposium», выпуск 26. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С.115–118.

Ланская О.В. ©

Кандидат филологических наук, г. Липецк

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО ОБЕД КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ДОМА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л.Н. ТОЛСТОГО)

Слово *обед* по-особому характеризует пространство дома, раскрывает взаимоотношения людей, обычаи и традиции народа. Данная лексическая единица связана со словом *обѣдать* в значении «ѣсть за обѣдомъ, въ урочную пору среди дня; столовать, застольничать» [1, II, 638], а также со словом *обѣдня* в значении «церковная служба послѣ утрени, литургія» [1, II, 639]. С пометой *тульское* слово *обѣдникъ* имеет значение «бѣлая половина избы, б.ч. холодная, черезъ сѣни, отъ черной или жилой; лѣтомъ тамъ обѣдаютъ» [1, II, 639]. Данные слова восходят к значениям «нищета», «свой», «чужой», «обычай» и др., например: «Всякому нужен обед и ужин», «Ужин не нужен, был бы обед», «Худ обед, коли хлеба нет» [2, 186], «Не радостень чужой обѣдь, какъ своего дома нѣть», «Сытень чужой обѣдь, а все только на однѣ сутки!», «Невпору обѣдь, какъ хлѣба дома нѣть» [1, II, 639]. В целом данные лексические единицы восходят к смыслам «бытовое» и «бытийное», «реально-физическое» и «сакральное», имеют семы 'пища', 'время', 'пространство', 'дом', 'храм', 'благополучие семьи', 'взаимоотношения между людьми', а также 'жизнь' и 'смерть'.

В произведениях Л.Н. Толстого слово *обед* по-особому раскрывает характеры героев, выполняет определённую композиционную функцию. Данная лексическая единица употребляется в тексте в таких значениях, как: «обѣдь, обѣденный столъ, пища, блюда», «пора, время, когда обѣдаютъ» [1, II, 639]. У крестьян *обед* – это не только пища, но и «пора ѣды вообще» [1, II, 639].

В повести «Детство», так же как и в других произведениях писателя, слово *обед* связано с особым ритуалом, с его неизменной обязательностью: «Мама уже не было, а жизнь

наша шла все тем же чередом: мы ложились и вставали в те же часы и в тех же комнатах; утренний, вечерний чай, *обед*, ужин – все было в обыкновенное время» [3, I, 99]. Автор отмечает ожидание обеда, начало, продолжение и конец этого действия: «*Обед* клонился к концу»; «*Обед* кончился» [3, I, 28 – 29].

Во время обеда происходят события, которые оказывают влияние на судьбы героев, раскрываются взаимоотношения, сложившиеся в семье, вспоминаются семейные предания. Так, юродивый Гриша предсказывает смерть матери Николеньки, что зафиксировано в словах – символах *голубь*, *небо*, *могила* и *камень* («"Жалко!.. улетела...улетит *голубь* в *небо*...ох, на *могиле* *камень*!.." и т.п.» [3, I, 26]). Наталья Николаевна вспоминает, что другой юродивый, Кирюша, предсказал смерть её отцу: «Кирюша день в день, час в час предсказал покойнику папеньке его кончину» [3, I, 28].

Во время обеда выясняется разное отношение родителей повествователя к Божьим людям. Мать героя верит в предсказания, отец нет. Отсюда употребление номинаций с семами 'чувство', 'раздражение', 'недовольство', 'презрение', вступающих в антонимические отношения: «Матан с утра была *расстроена*»; «– Нет, меня *сердит*, – продолжал папа, взяв в руку пирожок, но держа его на таком расстоянии, чтобы матан не могла достать его, – нет, меня *сердит*, когда я вижу, что люди умные и образованные *вдаются в обман*» [3, I, 27 – 28]. При этом слово *пирожок*, словосочетания *держа его на таком расстоянии*, *не могла достать его* приобретают отрицательные коннотации, на что указывают семы 'неуважение', 'непонимание', 'отсутствие милосердия'.

Важно отметить, что вместе, в одной столовой, обедают юродивый и семья помещика, что старший Иртенев мирится с желанием жены помогать Божьим людям, её стремлением сохранить традиции дома.

«В лексико-тематическую группу «обед / пища / напитки», кроме номинации *пирожок* («– Передай мне, пожалуйста, *пирожок*, – сказала она (мать Николеньки. – О.Л.)» [3, I, 27], входят номинации *суп* («<...> сказала она, подавая отцу тарелку с *супом*» [3, I, 27]) и *квас* («За обедом, наливая себе *квасу*, я уронил графин и облил скатерть» [3, I, 47]), а также номинации *изюм*, *пшено*, *сахар*, *кутья* с семой 'поминки' (в значении «каша съ сытою, изюмомъ изъ обдирнаго ячменя, пшеницы, рису, изъ толстой крупы, приносима въ церковь при поминкахъ и подаваемая за упокойнымъ столомъ» [1, II, 227]): «– *Изюму* полтора, *сахару* четыре фунта и сарачинского *пшена* три фунта для *кутьи*-с» [3, I, 102]. Через данные номинации слово *обед* приобретает не только семы 'традиции' и 'жизнь', но и семы 'горе', 'смерть', 'поминание' и 'память' (См у В.И. Даля «*поминный* или *поминковый* обльдь, *поминочный* и *поминальный*, къ помину, поминанью относщс.» [1, III, 273].

В лексико-тематическую группу «пища» входят также номинации *сливы*, *персики*, *мороженое* и *фрукты*: «Буфетчик Гаврило <...> достал из коробочки завернутые в листья *сливы* и *персики*»; «Когда нас оделили *мороженым* и *фруктами*, делать на ковре было нечего» [3, I, 34 – 35].

В рассказе «Утро помещика» через лексику *обед*, которая входит в лексико-тематическую группу «пища», зафиксировано трагическое положение крепостного крестьянина. В данную лексико-тематическую группу входят существительные *хлебушек*, *снютка*, *квас*, *щи*, *лук*. При этом ключевое слово *хлеб* символизирует труд, гостеприимство, достаток семьи, счастье и радость. В тексте данная лексическая единица имеет ряд толкований. «1. Продукт, выпекаемый из муки» [4, XVII, 171]: «сильно пахло только что испеченным *хлебом*» [3, II, 363]; «– Дай мне горячего *хлеба* кусочек, я его люблю, – сказал он...»; «Карпова хозяйка отрезала большой кусок *хлеба* и на тарелке подала его барину» [3, II, 364]; «2. Зерно, которое перемалывается в муку для выпечки *хлеба*» [4, XVII, 173]: «– Ну, как же тебе не совестно, – начал Нехлюдов, – середь белого дня спать <...> когда у тебя *хлеба* нет?...»; «Чей *хлеб* я тебе дам?... Ты отвечай: чей *хлеб* я тебе дам? – упорно допрашивал Нехлюдов» [3, II, 348 – 349]; «3. Пища, пропитание» [4, XVII, 174]; «4. Средства к существованию, заработок» [4, XVII, 175]: «когда мать или отец сыну хозяйство передали, то уж хозяин сын и сноха, а старуха уж должна свой *хлеб* зарабатывать по силе и мочи» [3, II, 346].

В номинациях *хлебушек*, *снытка*, *квас*, *щи*, *лук*, вступающих в тексте в антонимические отношения, имплицитно представлено значение «отсутствие хлеба», которое, в свою очередь, восходит к смыслам «горе», «несчастье», «нищета», «голод» и «смерть». Так, слово *обед* (в значении «пища, кушанья, приготовленные для такой цели» [5, II, 525]) становится синонимом слов *хлеб*, *лук*, которые, в свою очередь, выступают в роли гиперонимов по отношению к существительному *пища* с определением *мужицкая*. На то, что хлеб и лук не являются обедом, указывает вопросительное предложение «— Какой обед, кормилец?», а также слова, которые определяют душевное состояние крестьянки, говорившей об обеде: «— Какой обед, кормилец? — *тяжело вздыхая*, проговорила баба. — Хлебушка поснедали — вот и обед наш» [3, II, 333].

Нельзя назвать полноценным обедом и другую пищу, которую употребляли крестьяне: щи со сныткой. Слово *снытка* (*сnyderка*, *сnyderка*) — это «общее название для нескольких съедобных трав (дягилица, борщевник, ягилица и др.). Снитные щи — ботвинья» [6, 667].

В день же посещения Нехлюдовым Ивана Чуриса, в воскресенье, в праздник, в семье крестьянина не было и этой пищи: «За сныткой нынче ходить неколи было, так щец сварить не из чего, а что квасу было, так ребятам дала» [3, II, 333]. Отсюда вывод: слово *квас* (в значении «русский напиток» [1, II, 102]) в тексте приобретает дифференциальные семы 'обед', 'для детей' и 'нищета'.

Таким образом, в праздничный день, в воскресенье, в доме Ивана Чуриса не было даже самой простой еды, а словосочетания *что квасу было*, *ребятам дала* символизируют крайнюю нищету семьи крестьянина.

Слово *обед* обладает также семой 'пост'. Слово же *пост* (в значении «предписываемое церковными правилами воздержание от скоромной пищи, а также период такого воздержания» [5, III, 321]) предполагает употребление *рыбы* и *грибов*, но и этой пищи у крестьян Нехлюдова не было.

По-новому в тексте через определение *голодный* (пост) высвечивается противопоставление «строгий пост — нестрогий пост». Известно, что летом, после Троицы в честь равноапостольных Петра и Павла, пост нестрогий. Семья же Ивана Чуриса в это время питается только хлебом, то есть бедствует. Положение других крестьян хуже. В начале лета у них уже нет ни хлеба, ни лука: «Еще слава ти господи, *хлебушка*-то у меня, по милости вашей, по сю пору хватило, а то сплошь у наших мужиков и *хлеба*-то нет. *Луку* нынче везде незарод. У Михайла-огородника, анадьсь посылали, за пучок по грошу берут, а покупать нашему брату неоткуда. С пасхи почитай что и в церкву божью не ходим, и свечку Миколу купить не на что» [3, II, 333 — 334]. То есть словосочетания *покупать нашему брату неоткуда*, *сплошь у наших мужиков и хлеба-то нет*, *за пучок по грошу берут*, *луку нынче везде незарод*, *свечку Миколу купить не на что*, глагол *не ходим* фиксируют тяжелое экономическое положение крестьян Нехлюдова и восходят к противопоставлениям «помещики — крестьяне», «крестьяне — церковь». Выявляется зависимость крестьян от климата, от их экономического положения в обществе. Отсюда использование существительного *грош* (в значении «два копейки» [1, I, 399]), которое в тексте восходит к значению «дорого», использование глаголов *покупать*, *берут* (в значении «покупать, приобретать» [5, I, 113]), существительного *незарод* (в значении «недород — то же, что неурожай» [5, II, 490]).

Таким образом, слово *обед*, выполняя в художественном тексте определённую композиционную функцию, по-разному раскрывает характеры героев и приобретает значения, восходящие к реально-физическим, бытовым и сакральным смыслам. С помощью данной лексической единицы раскрываются особенности национального характера, создаётся языковая картина мира в произведениях второй половины XIX века, принадлежащих перу великого русского писателя Л.Н. Толстого.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. — М.: Рус. яз. Медиа, 2006.

2. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. / В.И. Зимин, А.С. Спирин. – Ростов н / Д.: Феникс, Москва: Цитадель-трейд, 2005.
3. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. – М.: Худож. лит., 1979 – 1985. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.
4. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под ред. В.В. Виноградова. – М. – Л.: Наука, 1948 – 1965. (БАС).
5. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1985 – 1988. (МАС).
6. Соболев Л.И. Примечания // Толстой Л.Н. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 3. – М.: Худож. лит., 1989. С. 639 – 657.

Латушкина О.Л. ©

Ассистент, Магнитогорский государственный университет

ИНВАРИАНТНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ КОНВЕРСИИ

Конверсия является широко изученным явлением в лингвистике, начиная с XIX века. В английском языке конверсия рассматривается в трудах Г. Свита, О.Есперсена, В. Н. Ярцевой, А.И. Смирницкого, Дж.Уорда, А. Бейна, Е.С. Кубряковой и др. В истории английского языка первые случаи конверсии появляются в XIII веке в результате распада флективно-синтетического строя. Впервые конверсия зафиксирована в лексико-грамматической паре ‘hammer’ – ‘to hammer’ по модели Verb – Noun.

Несмотря на оживлённый интерес к данному явлению, ученые так и не смогли прийти к единому мнению, что является ее источником. В специальной литературе, посвященной изучению конверсии, существует две основные точки зрения на сущность этого явления: с одной стороны, конверсия рассматривается как употребление одного и того же слова в функциях разных частей речи (П.М. Фогель, А.Кеннеди, Р.Уодделл, К.Поллок и др.); с другой, конверсия признается способом словообразования (А.И. Смирницкий, П.А. Соболева, В.Н.Ярцева).

Г. Суит обращает внимание на то, что хотя конвертированное слово сохраняет значение исходного, тем не менее, в дальнейшем происходит семантическое расхождение между ними [7, 9]. Кубрякова Е.С. также указывает на то, что особенность данного явления видится не в расширении и не в сужении мотивирующей основы, а в ее переосмыслении, в «повороте» основы и ее рассмотрении под новым углом [2, 290-291]. Другими словами, ученые сходятся во мнении, что конвертированное слово не идентично исходному, более того, в ряде случаев, оно может обладать значениями, которые не наблюдаются у его источника.

Задача данной статьи состоит в рассмотрении явления конверсии в связи с инвариантом. Мы предполагаем, что определение инварианта существительного и производного глагола способно пролить свет на дилемму: являются ли они одним и тем же словом, выполняющие разные функции в предложении, или разными словами. Если исследование покажет, что данные слова совпадают по семантическим компонентам, это будет служить доказательством того, что они связаны между собой, то есть являются по сути одним и тем же словом, но выполняют разные функции.

Инвариант, как предполагается, существует на языковом уровне в виде «абстрактной языковой сущности, включающей совокупность семантических компонентов, которые в одной из своих конфигураций лежат в основе ряда ЛСВ, составляющих семантическую структуру слова, в соответствии с интуицией среднего носителя языка» [4, 89]. Каждое же конкретное значение, по нашему мнению, находится на речевом уровне, актуализируясь на уровне контекста. Множество полисемантов, которые обогащают английский язык, являются

конверсообразующими. В данной статье будет приведен разбор существительного «root» в сопоставлении с образованным путем конверсии глаголом «to root», определены их инварианты с целью сопоставления и сравнения семантических компонентов, связывающих основы данных лексем.

Для того, чтобы определить инвариант, необходимо проанализировать его лексико-семантические варианты (ЛСВ). Методика определения инварианта, разработанная С.А. Песиной, базируется на компонентном анализе по «нетривиальным» семантическим признакам [3; 4]. Задачей начальной стадии анализа является формулировка номинативно-непроизводного значения (ННЗ), которое первым возникает в сознании носителя при предъявлении ему соответствующей словесной формы. Так, на основе 16 толковых словарей нами было выведено ННЗ существительного «root», включающее наиболее частотные признаки: *«the underground part of a plant that takes necessary things from the surrounding soil and serves as anchorage»*. На основе данного НН значения образованы такие ЛСВ, как ‘tree root’, ‘to dig up one’s roots’, etc. У глагола ‘to root’ семантика не настолько обширна, как у существительного (его семантическая структура включает порядком 7 ЛСВ). НН значение глагола выглядит следующим образом: *«To grow or take root»* (e.g. root chrysanthemum cuttings in sand and peat). ННЗ показывают, что семантика данных слов связана общим компонентом «root». Это доказывает тот факт, что конверсообразующее слово является базой для создания нового, поэтому основной компонент обязательно должен присутствовать в новом слове, иначе речь пойдет об омонимии.

Другую группу составляют метафорические выражения. Процессы метафоры и метонимии идут по линиям замены дифференциальных сем исходного значения на дифференциальные семы нового значения на основе общей семы. При этом общая сема может входить в ядро значения и иметь ранг дифференциальной семы, либо находится в импликационале (в ранге потенциальной семы) [1, 68]. Таким образом, одной из главных задач нашего исследования является выделение признаков, которые связывают метафорические переносы с НН значением. Для этого приходится прибегать к интроспекции, чтобы увидеть сходство с «корнем» по функциям или по внешнему виду.

Рассмотрим, какие семантические компоненты лежат в основе выражения ‘to have a good root round’ (Alice had a root around in her desk drawer for a pen). Единственный признак, который может отнести данное выражение к первому значению ‘root’ – это признак наличия чего-то скрытого от постороннего глаза. Переосмысленный таким образом семантический компонент НН значения ‘underground’ может быть выражен как ‘unseen’. Как мы видим в метафорическом значении глагола «to root about», который означает «рыться, искать что-либо беспорядочно» (E.g. I’m rooting about for ideas for a novel), речь идет о поиске чего-то как конкретного (pen), так и абстрактного (e.g. ideas), которые также не осознаваемы до тех пор, пока они не возникают у кого-то в голове после долгих раздумий и их поисков. Поэтому, на наш взгляд, компонент *unseen* отражает принцип «скрытого» и «неосознанного» (unperceivable) в приведенных ЛСВ. Таким образом, в глаголе мы выделяем семантический компонент: *to look for, something unseen*. Таким образом, явная связь существительного и глагола компонентом «unseen» также подтверждает семантическую связь существительного и глагола.

Значения «to root out / about / through» обозначают «переворачивать что-либо (с корнем) или рыть мордой» (E.g. stray dogs rooting around for bones and scrap) является метафорой и обозначает процесс поиска чего-либо, при котором, например, собака роет землю мордой в поисках зарытых костей. Очевидно, что нечто скрытое от глаз и хорошо спрятанное (например, кости) тяжело сразу найти, поэтому в данном значении можно также отметить компонент *unseen*, отмеченный нами ранее.

Представляет интерес значение полисеманта, реализованное в следующем выражении ‘to fix or implant by **or as if** by roots’ [MW]. В прямом значении данного глагола обнаруживает себя общий компонент, отмеченный у существительного (serves as anchorage). Отме-

ченное словарями словосочетание «*or as if by roots*» дает основание предположить, что данное значение может быть употреблено метафорически (прикреплено, словно корнями), то есть что-либо невидимое оказывает поддержку или закрепляют, словно корни дерева или растения (e.g. *fear rooted him to the ground*). Таким образом, в прямом значении необходимо отметить компонент «*to fix firmly*», что является одной из основных функций корня – прикрепление к поверхности. В переносном значении речь идет о невидимой основе, которая служит опорой / поддержкой для чего-либо, следовательно, семантические компоненты выглядят следующим образом: *something unseen, to fix firmly, to support something, base*. Подобные компоненты встречаются у существительного 'root of a weld seam', 'grass roots' etc.

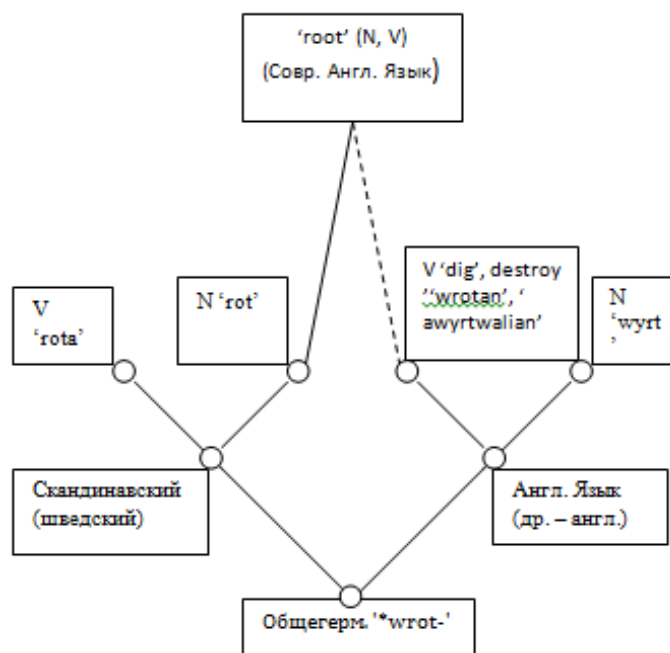

Рис. 1.

Следующие значения на первый взгляд не имеют ничего общего с корнем растения «to root for somebody» (громко хлопнуть кому-либо или поддерживать команду / участника): e.g. *I'm rooting for my cousin's team*; «to root somebody on» (желать успеха или оказывать кому-либо поддержку (Сев. Ам. Разг.): e.g. *his mother rooted him on enthusiastically from ringside*. Поскольку основной функцией корня растения является не просто впитывание необходимых веществ из почвы, но также и осуществление поддержки всему растению, можно сделать вывод, что именно данная функция лежит в основе метафорического переноса данных значений. Следовательно, они основаны на следующем компоненте: *to support somebody*. Следует отметить также ЛСВ «to root out / uproot» в значении «уничтожить, избавиться от основания чего-либо» (e.g. *racism cannot be rooted out without strong government actions*), который является метафорическим переносом, означающим избавление от чего-либо основательно. Если человек, к примеру, выдергивает дерево с корнем, то оно погибает, так как он (человек) нарушает или разрушает прочную связь, которую осуществляют корни этого дерева. Данное значение актуализирует компонент *to destroy the base, unseen*. Однако, данный компонент (to destroy) встречается у полисеманта глагола только один раз, поэтому является дифференциальным. Примечательно, что на данном примере, мы видим, каким неоднозначным является лексема «to root», которое может означать как поддержку, так и избавление от чего-либо. Это объясняется с помощью этимологического анализа. Значения 'to root out / through', 'uproot', которые имели первоначальное значение «рыть мордой», восходят к древнеанглийскому корню 'awyrtwalian', 'wrotan'. Древнеанглийский корень сохранил эти признаки, а существительное 'wyr' было заменено на скандинавское 'rot', которое обладало своими семантическими компонентами, не совпадающими с признаками, имевшими место в

глаголе. Таким образом, семантические компоненты не обнаруживают общего, хотя и находятся в тесной связи, так как и древнеанглийские, и скандинавские формы восходят к общегерманскому этимону **wrot-* (см. рис.1).

Все проиллюстрированные примеры ЛСВ объединены общим компонентом «unseen base», который доказывает, что производный глагол основан на семантике существительного, но у глагола появляются свойственные ему признаки: «to look for», «to support somebody or something». Это свидетельствует о том, что при конверсии происходит обогащение содержания понятия (добавляются новые семы) [1, 34-35]. Следует привести инварианты исследуемых лексических единиц, которые выглядят следующим образом: сущ. «*something like a root (origin of something that is important, **basic** and **unseen**)*»; гл. «*to fix firmly or support somebody or to look for something **unseen***».

Таким образом, инвариант доказывает, что лексема не может быть полифункциональной, то есть быть одновременно и существительным, и глаголом. Из сопоставительного анализа видно, что за одной и той же формой могут стоять «не одинаковые по своей сложности когнитивные / концептуальные структуры» [2, 33-36], раскрывающие всю сложность и богатство естественного языка.

Следует отметить, что становление прагматического значения идет преимущественно по линии метафорического переноса за счет актуализации имплицитных компонентов [5]. Другими словами, образованный на основе существительного глагол должен иметь общий компонент, который бы указывал на его связь с существительным. Это подтверждает, что новая часть речи на базе известного слова не теряет общие признаки, а сохраняет их и формирует новые значения вокруг базового элемента. Таким образом, семный анализ конвертированных слов с целью определения их инвариантов способен доказать тот факт, что конвертированные слова не могут являться одним и тем же словом, в противном случае мы наблюдали бы тождественные семы и значения. Также базовый компонент указывает на их связь, что подтверждает тот факт, что они не являются разными словами. Отсюда следует вывод, что конверсия обогащает семантику слова, расширяя его границы за счет образования новых частей речи, но не с целью дублирования значений, а с целью расширения потенциала слова.

Литература

1. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 126 с.
2. Кубрякова Е.С., Гуреев В.А. Конверсия в современном английском языке // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2002. № 2. – С.33-38
3. Песина С. А. Полисемия в когнитивном аспекте: Монография / А.С. Песина. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 327 с.
4. Песина С.А. Слово в когнитивном аспекте: монография / С.А. Песина. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 344 с.
5. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименований) / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1977. – 375 с.
6. Харитончик З.А. Лексикология английского языка: Учеб. пособие / З.А. Харитончик. - Мн.: Выш. шк., 1992. - 229 с.
7. Sweet H. New English Grammar. Logical and Historical / H. Sweet. – London : Oxford University Press, 1930. – 499 p.

Лелаус В.В. ©

Кандидат филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА «ЧЁРНЫЕ ЛЮДИ» В.С.Н. ИВАНОВА

Роман В.С.Н. Иванова «Черные люди» писался в шестидесятых годах XX века, неоднократно перерабатывался автором, настолько претерпел изменения, что целые главы были убраны из первоначального варианта. Сегодня произведение занимает достойное место в исторической романистике XX века. Начиная со времени издания, неоднократно вставал вопрос о его жанровой принадлежности, разные исследователи придерживались совершенно противоположных точек зрения. Данная проблема напрямую связана с художественной структурой, эту тему и хотелось затронуть в данной работе.

Повествование не как жанр, а как способ организации речи в произведении является главной формой и представляет собой широкий эпический разворот эпохи. Изображая огромное количество действующих лиц и событий, воссоздавая полную картину XVII века, В.С.Н.Иванов создает своеобразную композиционную структуру, в которой диалог как способ организации речи отходит на второй план, преобладает описание событий, которое пронизывает внутренняя диалогичность, активнее используется внутренний монолог, несобственно-прямая речь как основное средство раскрытия характера героя:

«- Рассказывай! - говорил Ртищев.

А чего рассказывать-то? Велик ли он, протопоп, со всеми его делами?... У боярина дела на всю землю. Государственные. А протопоп он с народом, он мужичий, а народ что пух весной на тополе – летит, одно семя землю засекает, а тьмы тем гибнут... Улыбается даже протопоп. Ну что ему рассказать...» [2,470]. Мастерски используется довольно подробная портретная характеристика, прямая авторская и косвенные характеристики:

После одиннадцати лет ссылки протопоп вновь встречается с царем, и облик «тишайшего» Алексея дается через восприятие Аввакума, который видит «тучного золотого чело-вечка на слабых ногах», с «опухшим, хмурым лицом», с «кариками, острыми, изучающими, холодными, усталыми глазами» [2,476-477]. После того как царь Алексей одел корону, восприятие происходящего, пронизанное внутренней диалогичностью, дается то с точки зрения самого царя, то Аввакума, то перемежается с авторской речью: «А на него смотрела *подобострастная* толпа - меховая, *волосатая* в золотных да бархатных шубах, гул *льстивых* одобрений носился по палате...

Он был *пьян* от роскошного зрелища, *упоен лестью*, захвачен видениями будущего...

Радость жгла душу царя, не давала дышать. Он снял с себя золотую шапку и надел ее на царевича. Маленькое бледное личико скрылось в ней, *тонкая шейка мотнулась* жалостно» [2,480] (Выделено нами-Л.В.).

Внутренние монологи персонажей и авторские характеристики в одних случаях отделены друг от друга, а в других как бы сливаются с несобственно-прямой речью. Это авторская речь, пронизанная лексикой, конструкциями речи персонажа, его чувствами и мыслями:

«И милости впрямь сыпались на протопопу, как белый пушистый снег, что кроет теплым покровом поле, где дремлют пока что силы вечной жизни, выжидая, чтобы восстать им весной в вечном воскресении» [2,490].

В несобственно-прямой речи воссоздаются речевые приемы того, о ком говорится в третьем лице. Автор как бы приспосабливает свою манеру высказывания к речи героя:

«Натянув кафтанец на посконное полосатое исподнее, встал протопоп на молитву - сна ему никак нет.

Нет, никак. Все слышится тихий голос, немногие слова, зовущие во вдовью обитель... Неужто кинуть опять Москву на издевки, мытарства? Ту Москву, что приняла протопопа словно ангела божия?» [2,491].

Такая эмоционально-вещная, органичная форма повествования позволяет художнику проникать во внутренний мир персонажей через действия, поступки, жесты. Используя прием психологического анализа, писатель создает колоритные художественные образы, в частности Аввакума.

Так, Аввакум попадает в царские покои и рассказывает боярыням, затворницам, «рабыням своих жестоких мужей» о своих злоключениях: «Какие красавицы улыбаются ему в парчах, в шелку, в драгоценных мехах», они с жадностью внимают каждому его слову, для них он словно «глоток свежего воздуха» их далекого мира, чувствует Аввакум и внимание, и «блаженство славы» [2,489].

«Женщины ловили каждое его слово» (там же), но, главное, он сам испытывает внутреннее смятение, симпатию:

«И увидел протопоп тут одни такие женские глаза, от которых *задохнулось, остановилось сердце, утонул в них* протопоп, - глаза бездонные, словно серебряное озеро Китежское, всклянь налитое тихим жаром » [2,488]. (Выделено нами - Л.В.).

Огромную роль играет в романе описание вещного мира - это достоверно воссоздаваемые детали быта XVII века. Известно, что Вс.Н. Иванов хорошо рисовал, и в Хабаровском краеведческом музее хранятся подробные рисунки, планы изображаемых в романе мест.

Не только сама речь героев содержит архаичную лексику, диалектизмы, но и повествовательная манера перекликается с некоторыми фольклорными формами - поэтическими песнями и сказками, она словно «пересыпана» пословицами и поговорками.

Так, поэтична колоритная портретная характеристика Ерофея Хабарова: «... по горнице от замерзшего окошка мечется богатырь в синем кафтане на белую рубаху, русобородый, могутный, и говорит, говорит - ровно летит» [2,232].

Язык большинства героев – народный язык, основой его является «стихия» народной речи, для него характерны яркость, сочность и богатство красок. Например, речь Аввакума отличается особенной поэтичностью (здесь сказалось творческое исследование жития огнепального протопопа):

«Придет время, все пустыни будут возделаны, зашумят хлебами. Нарциссом расцветет земля необитаемая. Крепкие руки нужны нам, чтобы трудиться... Кто робок из нас - стань твердым. Пусть хромой вскочит как олень, пусть радостно поет язык немого... Утешись: там, где сегодня только марево, завтра будет озеро свежих вод. Воды напоят жаркую землю, землю покроют деревья и травы, и цветы будут там, где ныне воют шакалы» [2,500].

Многое роднит это произведение с романом А.П. Чапыгина «Разин Степан», и это не только одинаковая тематика: Соляной бунт, восстание Степана Разина, но и изображение народной массы как основной силы русской истории.

Структура жанра романа «Черные люди» напрямую связана с изображаемой картиной мира, представленной в нем обширной сложной и противоречивой картиной развития русской нации в XVII веке, здесь одно из важнейших мест занимает обрисовка массовых сцен: разгром боярских палат, жестокие расправы стрельцов, стихийное возмущение народа: «Народ рвался один через другого, люди падали, вставали, оставаясь лежать растоптанные толпой, кони храпели, трясли головами, выбирая, где ступить между сбитых людей. Люди стояли на коленях, крестились, рвали отчаянно на груди рубахи и кафтаны в свидетельство своей правды, открывая саму душу, плакали громко» [2,152]. Здесь и трагедия народной жизни, трагедия русской нации.

Народ представлен не столько разноликой разноголосой массой, сколько единым собирательным образом:

«Народ теснился вдоль Кремлевской стены, надо рвом, жалостно кричал стрельцам(...)

Народ с площади торговался с ними [2,153].

Народ кипел, метался кругом, смятенный, кричал» [2,154].

И одновременно писатель обнажает страшную жестокость русского народа, почти звериную дикость, насилие как следствие нужды, неустройства и зависимости его от жестокой власти бояр:

«Народ ревел, словно море в бурю; бесчисленные москвичи, все, кто стаивал на плещеевских правежах, загудели, ринулись вперед, разбросали стрельцов, вырвали Плещеева у палача и батогами забили его до смерти. Голое тело Плещеева волочили из конца в конец по всей Красной площади» [2,161].

Стихийная жестокость народа – тема достаточно сложная и неоднозначно решаемая, о ней спорили великие классики, вспомним картину богучаровского бунта у Л.Н.Толстого, о противоречии национального характера писали неоднократно и философы, и писатели (Н.Бердяев, М.Горький и др.). Страх, и, как следствие, стихийная жестокость, и даже властный деспотизм рождены многовековой покорностью, почти рабской трусостью, поскольку жестокие общественные построения диктовали определенные нормы поведения, а может быть, многовековое монголо-татарское иго оставило неизгладимый след в душе русской нации?

Однако сильнейшее анархическое, стихийное начало обрисовано в произведении необычно даже для того времени - «хрущевской оттепели». Историю у Вс.Н. Иванова движет народ, - это несомненно, но народ творит зверские расправы, крушит, сметая все на своем пути:

«С рыдающей Анны Ильиничны сорвали драгоценности, топтали, дробили их обухами топоров, перемяли весь, усыпавший полы жемчуг, перебили все немецкие и итальянские зеркала, перерубили всю золотую и серебряную утварь, скатерти, пологи, полавошники, одеяла, шкафы, столы, даже иконы в богатых окладах... Вытащили из клетки жалованную царем серебром окованную карету, изрубили ее топорами и, слушая, как звенели хрустальные стекла, смеялись:

-Любо! Любо!» [2,159].

Об анархизме русской нации писали и Н.О.Лосский и Н.А.Бердяев, у последнего идея сильного государства, тема власти неразрывно связаны с анархическим началом русского человека: «Русский народ – самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю» (Бердяев, 1997.С.228). «У народа анархического по своей устремленности было государство с чудовищно развитой и всевластной бюрократией, окружавшей самодержавного царя и отделявшей его от народа» [1,125], «анархизм есть, главным образом, создание русских» [1,124].

Русское сознание всегда существовало в тесной взаимосвязи с общим сознанием, с миром, через живое восприятие чужой жизни, в сопричастности с нею. Национальное начало выразилось в полной мере у таких художников слова, как Ф.М.Достоевский и Л.Н.Толстой, а также в идее соборности С.Трубецкого и Н.Бердяева.

Идея сопричастности отдельной жизни с жизнью всех соприкасается с идеей этнического равенства с другими нациями, с психологическим пониманием других национальностей. Русской нации дано благотворно влиять на развитие всего человечества. «И Россия, занимающая место посредника между Востоком и Западом, являющаяся Востоком – Западом, призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству» [1,242].

Иная концепция и другое видение исторического развития Сибири, скорее как ученого, заставляет Вс.Н.Иванова выделить иные черты: не случайно Тихон и в жены выбирает дочку тунгусского князька Тасея. Так, писатель выдвигает на первый план исконное русское равноправие с другими нациями, уважение к другой культуре:

«Хоть и чужой красотой, так была красива эта лесная царевна, что дрогнуло сердце Тихона... Недобро человеку единому быти. Княжне тоже приглянулся богатырь Тихон с выпуклой грудью под красной рубахой, золотобородый, с высокими сильными плечами, с глазами добрыми и серыми» [2,229]. Ценит Тихон ее как хорошую жену, ни на миг не возникает

у него мыслей о том, что она принадлежала к другой, более низкой культуре, нет высокомерного отношения к чужой нации. Для него важно другое, что он не любит ее как Аньшу, которую не может забыть: «И оттого, что ли бывает так до сих пор, что не спится ночами Тихону, мстятся ему другие серые очи - светлые, верные до конца» [2,230].

Можно предположить, что роман «Черные люди» представляет сложную полифоническую структуру, включающую в себя некоторые элементы жанра исторического повествования, поскольку многоголосье романа иногда заглушается эпическим повествованием, то и начинают преобладать слово автора и описание как способ повествования, в целом жанр объективнее определить как форму романного типа.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. - М: «Сварог», 1997. – 541с.
2. Иванов Вс.Н. Чёрные люди. - Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. 607с.

Майборода Р.В. ©

Преподаватель, Николаевский национальный университет имени В.А. Сухомлинского

ОЦЕНКИ У.М. ТЕККЕРЕЕМ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

У.М. Теккерей – ключевая фигура викторианской поры, творчество которого и сегодня современно и актуально. Философско-эстетические взгляды писателя формировались во многом под влиянием идей и концепций известных философов и мыслителей Августина, Д. Юма, М. Монтеня, Дж. Локка, Т. Карлейля писателей и литературных критиков - Г. Филдинга, В. Скотта, Ч. Диккенса, Т. Маколея, Э. Бульвера-Литтона, Д. Мэссона.

С 1830 годов, проживая в Германии и читая немало произведений современных ему писателей Запада, У. М. Теккерей размышлял о литературе и искусстве, об их задачах и целях. Именно в Германии начали формироваться эстетические взгляды молодого писателя. Здесь им были высказаны первые суждения о классической и современной литературе. А познакомившись позже с литературной жизнью в Париже, молодой критик отмечает пристрастие современных французских писателей к сенсации, описанию убийств и преступлений. В «Парижских письмах» У.М. Теккерей отмечает: «Ноябрьские самоубийства у нас на родине – главный источник вдохновения французских юмористов; они убеждены, что Лондонский мост только для того и построен, чтобы с него бросались в Темзу, а фонарные столбы расставлены на улицах нашей столицы вместо виселиц» [11, 217 - 218].

Подчеркнем, что собственная эстетическая система складывалась у У.М. Теккерея в процессе осмысления соотношения реального факта, истории и вымысла. Как не раз подчеркивает автор «Ярмарки тщеславия», художественное произведение (fiction) дает больше представлений о жизни, нравах и поведении людей определенного времени – прошлое в таком случае как бы вновь оживает. Приводя в пример роман В. Алексиса «Берлинский бургомистр», писатель утверждает, что «... читатель найдет для себя много интересного в этом романе, со страниц которого ему предстанет весьма своеобразная и подробно выписанная картина жизни Германии пятнадцатого столетия. Немецкие бюргеры с их ссорами и пирушками; немецкие князья, к которым автор полон чисто немецкого почтения; доблестные немецкие рыцари, грабящие проезжих на большой дороге. Вся эта странная, буйная и забытая жизнь Германии средних веков воскрешена с истинно немецкой добросовестностью и немалой долей юмора... Роман ... нелегко читать, но он открывает совершенно новую страну и знакомит с новыми людьми, обычаями, образом мыслей» [9, 438 - 439].

Так, сравнивая сухую историю с историческим художественным произведением, У. М. Теккерей отдает предпочтение последнему. По мнению писателя, подлинным историческим романом является роман, в котором есть и война, и любовь, и веселые пирушки, и любовные сцены, и интриги, и побеги, и восстания. Из всего этого, как отмечает писатель, он выносит не менее точное впечатление о жизни того времени, о нравах, о поведении людей, чем из исторического документа. «Может ли самый солидный историк дать мне больше?» [4, 584] – спрашивает У. М. Теккерей и далее продолжает: «Когда мы читаем чудесные номера «Болтуна» и «Зрителя», прошлый век возвращается вновь, Англия наших дней оживает» [4, 584].

У. М. Теккерей подчеркивает, что роман есть в некотором роде беседа с глазу на глаз между автором и читателем, и естественно, что беседа эта часто не клеится, часто становится скучной. Непрерывно поддерживая разговор, писатель не может не обнаружить своих слабостей, чудачеств, суетных устремлений. «И как о характере человека мы после долгого знакомства судим не по одной когда-либо высказанной им мысли, не по одной с ним беседе, но по общему направлению его поступков и речей, так и о писателе, который волей-неволей отдает себя в ваши руки, вы спрашиваете: «Честен ли он? Говорит ли в основном правду? Вдохновлен ли желанием понять ее и выразить? Или он – шарлатан, подделывающий чувства, стремящийся своими разглагольствованиями пустить пыль в глаза? Ищет ли он заслужить похвалу с помощью трескучих фраз и прочих ухищрений?»» [6, 6].

Таким образом, в характерной для XVIII века форме авторского комментария У. М. Теккерей видит отнюдь не средство руководства читателем, позволяющее направить работу его мысли, а способ органического «врастания» фигуры автора в ткань повествования, подчинения ее (этой фигуры) законам воплощения реальности в художественном произведении, главнейшим из которых для У. М. Теккерей является правдивость создаваемой картины [1, 484].

Одним из основных требований, предъявляемых У.М. Теккереем к искусству слова, было требование правдивости, «бескомпромиссного реализма» [3]. В письме к литературоведу Д. Мэссону У. М. Теккерей отметил: «...искусство романа заключается в том, чтобы изображать природу и воплощать с возможно большей силой ощущение жизни...» [12, 258]. Он осуждает в искусстве не только то, что полностью противоречит правдивому отражению жизни, отступление от Природы, но даже то, что раскрывает явления действительности только наполовину, смягчает и сглаживает ее противоречия.

По своему воспринимая сущность правдивого изображения реальности в художественном произведении, У.М. Теккерей озабочен социальной значимостью искусства. Настоящее произведение искусства, как он полагал, должно быть одинаково горячо принимаемым «и широкой публикой, и самыми утонченными знатоками» [5, 232]. Он соглашается с доктором Джонсоном, который утверждает, что ни одну книгу не следует называть скверной, если из нее можно извлечь что-нибудь полезное или приятное [13, 177].

Эстетические принципы У.М. Теккерей формировались и в полемике с авторами так называемых «ньюгейтских» романов, и с создателями «светской литературы».

Создатель «Книги снобов» активно участвовал в той борьбе, которую вел журнал «Фрезерс» с уголовным романом школы Бульвера-Литтона, критикуя все проявления мистицизма, иррационализма и формализма в искусстве. Романы о грабителях и убийцах с точки зрения У.М. Теккерей антихудожественны, потому что эстетическая основа их фальшива. Авторы подобных романов рисуют не типичное, а случайное, отнюдь не считаясь с элементарной убедительностью изображаемого. У.М. Теккерей утверждает: «Нынешняя ... литература насквозь фальшива и по большей части никуда не годится именно в силу этого заблуждения – писатели делают привлекательными разных монстров и (не говоря уже о пристойности и морали) эти образы не имеют ничего общего с действительностью» [7, 269].

В центре философских и эстетических размышлений У.М. Теккерей – роль человека в обществе. Ведь лицо любого человека хранит печать и прошлого, и будущего. Для писателя-викторианца важны «не камзолы и парики, не кринолины и мушки, но бессмертные души

людей и страсти, которые их волнуют» [8, 332]. Он подчеркивает, что человек всегда и при любых обстоятельствах заслуживает пристального и глубокого изучения, а «изучая оступившегося человека, мы наталкиваемся на поразительные по своей важности открытия» [13, 241]. Подчеркивая популярность так называемых «Ньюгейтских романов», У. М. Теккерей спрашивает: «Кому охота расписывать какие-то там чувства, скучную добродетель, дурацкую невинность, когда известно, что лишь порок, пленительный порок привлекает внимание читателей романов?» [8, 206].

Писатель твердо уверен, что негодяев в романах следует изображать негодьями, а честных людей – честными людьми. Он считает, что пора б4 уже изобразить их такими, каковы они есть по своей сути и поступкам, не идеализируя и не приукрашивая их; рассказать, если возможно, как они воспитывались, в какой среде росли, какие соблазны побудили их впервые встать на путь преступлений, припомнив также все те обстоятельства, которые могли бы усугубить или смягчить их вину [8, 242]. Следовательно, У. М. Теккерей говорит о роли общества и обстоятельств, играющих важную роль в судьбе любого человека (на примере пародийных очерков «Записки Желтоплюша», «Девник Кокса», «История Сэмюэла Титмарша и большого бриллианта Хоггарта», «Книга снобов», повести «Кэтрин», романа «Барри Линдон», «Ярмарка тщеславия» и др.).

У. М. Теккерей обращается к уголовному роману в своем произведении «Кэтрин». Его цель – вызвать у читателя чувство отвращения, гнева, презрения к негодьям, ворам, негодьям, убийцам. А если английские читатели утратят вкус не только к мерзавцам, но и к литературным мерзавцам вообще, то У. М. Теккерей «сочтет себя удовлетворенным и, схлопотав себе у правительства пенсию, удалится на покой с сознанием исполненного долга» [8, 229].

Таким образом, У. М. Теккерей безжалостно снижал в своих пародиях образ благородного разбойника, возмущался не только откровенной развлекательностью этих книг, но и отмечал их общественную вредность, проявляющуюся в пагубном, развращающем воздействии на нравы (повесть «Кэтрин», «Размышления по поводу истории разбойников», «Как из казни устраивают зрелище»).

С сожалением У. М. Теккерей констатирует, что нынешний читатель романов менее всего склонен к размышлениям. Он предпочитает книги, которые как можно меньше заставляют думать. «Как правило, отмечает писатель, раздумья не свойственны романам; создается впечатление, что их авторы не хотят утруждать размышлениями ни себя, ни читателей, а наоборот, стремятся погрузить их ум в состояние блаженной дремоты и забытья» [9, 438].

К романтикам его отношение почти неизменно отрицательное, к какому бы лагерю романтизма они не примыкали (пародия на роман В. Скотта «Айвенго» - «Ревекка и Ровена», на Дюма «Легенда Рейна»). Неприятие романтического в искусстве было проявлением непримиримого отношения У. М. Теккерей ко всякому преувеличению, ко всякой эмоциональной напыщенности в искусстве. Он во многом не согласен с таким творчеством, которое, по его мнению, «не отражает должным образом природу» [11, 258]. Он считает, что «искусство романиста в том и состоит, чтобы изображать природу и воплощать с возможно большей силой ощущение жизни; в трагедии, в поэме или в высокой драме писатель хочет пробудить иные чувства, там и поступки, и слова действующих лиц должны быть героическими, тогда как в бытовой драме сюжук – всего только сюжук, а кочерга не более, чем кочерга и, по моим понятиям, ничем другим им быть не следует: ни затканной узорами туникой, ни грозным, раскаленным жезлом, из тех, что служат в пантомимах средством устрашения» [12, 258].

Свое особое отношение к романистам (мисс Лендон Летиция Элизабет, леди Блессингтон Маргарет, Кэтрин Гор), принадлежащим к школе «серебряной вилки» У. М. Теккерей выражает довольно определенно: «Серебряная вилка, эка важность! Она годится лишь на то, чтобы поддеть кусочек колбасы или вонзить ее в жареную картофелину, но упаси вас бог употребить еще когда-нибудь этот термин, говоря о романах, в которых изображается изящная жизнь. После такого все кажется жалким и неблагодарным» [10, 251]. Далее он продолжает: «... неужели этот род литературы будет и впредь процветать в нашей стране? Неужто

каждый год будут печатать у нас новый вздор, чтобы глупые родители могли дарить его глупым детям; чтобы тупицы могли жевать и пережевывать его, пока не прозвонит обеденный гонг; чтобы на столике в гостиной у миледи и в книжном шкафу у мисс стало еще больше хлама» [10, 252].

Высказываясь о произведениях школы «серебряной вилки», У.М. Теккерей не скрывал своего отвращения к их тематике, к выбору персонажей в этой литературе, к «подвигам» и «душевному потрясению» светских бездельников, которые в них описывались. В своих пародиях («Романы прославленных сочинителей»), используя методы преувеличения и концентрации типического, он показал «всю абсурдность и пошлость этого популярного и совершенно бездарного чтения» [2, 83].

На фоне критического отношения У. М. Теккерей к литературе романтизма и творчеству современников заметен его интерес к эпохе Просвещения. 50-годы – период, когда писатель почти всецело живет мыслью в XVIII столетии. Именно к этому времени относится его высказывание, которое цитирует Ля Вернь в своей работе «Теккерей человек, мыслитель, моралист»: «Я прихожу к тому, что чувствую себя так же свободно в XVIII веке, как и в XIX. Оксфорд и Болингброк интересуют меня так же, как Россель и Палмерстон. Иногда я даже себя спрашиваю, к какому веку я сам принадлежу – к XVIII или XIX. Я провожу день в одном, а вечер в другом столетии» [17, 156].

У. М. Теккерей называет Г. Филдинга, яркого представителя эпохи Просвещения, одним из величайших сатириков, писавших на английском языке, чьи издания произведений стали общедоступными. Вряд ли, по мнению У. М. Теккерей, кто-либо из английских писателей может соперничать с Г. Филдингом в проникательности и неподдельном остроумии и подчеркивает, что вместе с Хогартом они дали читателям любопытную картину нравов своей эпохи. Г. Филдинг дает правдивую картину жизни, и когда он рисует добро, оно сияет особенным блеском по контрасту с пороком, изображенным им столь же правдиво. Он старается по мере своих сил и возможностей рассказать всю правду о человеческой природе, и добро и зло в характерах его героев одинаково жизненны: «Он (Филдинг) наделен от природы замечательной любовью к правде, острой безотчетной неприязнью к лицемерию, изумительным сатирическим талантом высмеивать и вызывать презрение. Его талант необычайно мудр и прозорлив; он освещает мошенника и выхватывает из темноты негодяя, словно фонарь в руках полисмена... он всем своим существом восхищался хорошими и добродетельными людьми, не снисходил до лести, не таил злобы, презирал всяческие уловки и вероломство, честно выполнял свой долг перед обществом...» [16, 687].

В своем произведении «Сочинения Филдинга» давая оценку «Истории Тома Джонса» Г. Филдинга, У. М. Теккерей отмечает, что в этом произведении все события неразрывно связаны друг с другом, от первой до последней страницы, и «просто диву даешься, с каким искусством автор построил заранее весь костяк романа в своем мозгу, чтобы потом перенести его на бумагу» [15, 300]. Писатель-викторианец отмечает, что ни в одном из героев Г. Филдинга нет ничего болезненного и слезливого, нет истерических воплей самобичевания, столь характерных для псевдовысоконравственных романов сентиментального направления. Нет и попыток найти ложные оправдания своим героям [15, 301]. У. М. Теккерей подчеркивает, что в честных и открытых книгах Г. Филдинга порок никогда не выдается за добродетель. Писатель не боится называть вещи своими именами, и порок у него неизменно бывает наказан.

Таким образом, благодаря Г. Филдингу, а также Дж. Аддисону, Р. Стилю, Дж. Свифту, Д. Дэфо сформировались эстетические взгляды У. М. Теккерей относительно человека как смеси героического и смешного, благородного и низкого, ведь человеческая природа бесконечно сложна. А писатель, по мнению У. М. Теккерей, в свою очередь, должен не упрощать природу на потребу толпе, но по мере сил и таланта показать ее многообразие и все ее противоречивые проявления. Ироническое отношение к действительности, формы и приемы комического, концепция игры, театральность и театрализация – все это стало основой творческого метода писателя-викторианца.

Теккерей полагал, что «лучшим материалом для романиста является быт и нравы» [14, 443]. Но, чтобы читателю не было скучно и чтобы обнажить эту скрытую драматичность обыденной жизни, писателю лучше всего обращаться к юмору, юмористическому стилю.

В «Английских юмористах» У. М. Теккерей формулирует задачи писателя-юмориста именно как морализатор: «Писатель-моралист стремится будить и направлять в людях любовь, сострадание, доброту, презрение ко лжи, лицемерию, лукавству, сочувствие к слабым, бедным, угнетенным и несчастным. В меру своих сил и способностей он откликается едва ли не на все поступки, чувства в человеческой жизни. Он, так сказать, берет на себя роль будничного проповедника» [4, 507-508].

Настоящая юмористическая книга вызывает смех лишь время от времени. По мнению У. М. Теккерей, «лучшими образцами юмора ... восторгается и публика, и утонченные ценители» [7, 232]. Вспоминая творчество Дж. Свифта, Дж. Аддисона, Д. Стиля, Г. Филдинга, Теккерей подчеркивал их мастерство не только в том, чтобы смешить нас, но и затрагивать в душе читателя другие струны.

Еще одним писателем, который оказал огромное влияние на творчество и на эстетические принципы Теккерей, является В. Скотт. Писатель-викторианец любил В. Скотта, охотно и с восхищением читал и перечитывал его произведения, однако, отмечая их достоинства, всегда находил их слишком «романтичными» и недаром пародировал «романтические излишества» В. Скотта в более поздние годы («Ребекка и Ровена», 1849).

Основной принцип, который сформировался у У. М. Теккерей при изучении творчества В. Скотта, - это положение о том, что частная жизнь вымышленных героев находится в прямой зависимости от жизни общества и его истории. Требования В. Скотта к верности натуре, т. е. правдивому изображению действительности, сохранение связи былого с настоящим, т. е. внимание к исторической преемственности нашли свое отражение во взглядах писателя-викторианца.

В очерке «Новые романы» У. М. Теккерей признается, что Ч. Диккенс является величайшим из ныне живущих английских юмористов, который сразу занял главенствующее место в их племени и с тех пор ни разу не уступал пальму первенства. По мнению У. М. Теккерей, Ч. Диккенс научил англичан ценить добрый юмор и откровенную, мужественную, человеческую любовь [9; 439]. У. М. Теккерей восторженно отзывался о реалистическом мастерстве Ч. Диккенса. Однако в творческом методе даже такого реалиста, как Ч. Диккенс, У. М. Теккерей видел отступление от правдивости, за которую он сам так страстно боролся [12; 258]. Он беспощаден к нему, когда замечает в его книгах сентиментальную фальшь в характерах героев, идеализацию отношений между людьми. Правда, ироническое отношение У. М. Теккерей к сентиментализму и мелодраматизму произведений Ч. Диккенса не мешали У. М. Теккерейу признавать в нем большого художника и гуманиста.

В своем творчестве У. М. Теккерей вел литературный спор с творчеством Ч. Диккенса. Так, например, в повести «Кэтрин» У. М. Теккерей ведется открытая полемика с «Оливером Твистом» Ч. Диккенса, где в центре внимания – влияние среды на формирование личности. Кэтрин, героиня одноименной повести, выросшая в воровской среде, в отличие от диккенсовского Оливера Твиста, чудодейственным образом сохранившего незапятнанной свою душу в притоне Фейджина, оказывается воровкой и убийцей. Такая неумолимая логика правды и закон реалистического видения жизни у У. М. Теккерей.

Каждый из этих писателей утверждал свою правду. Ч. Диккенс создавал гротески добра (Пиквик) и зла (Квилп), а У. М. Теккерей видел мир не только в черно-белом варианте. По его мнению, каждому человеку присущи положительные и отрицательные качества, а среда, в которой проживает человек, оказывает на него соответствующее внимание.

Таким образом, У. М. Теккерей является не только известным викторианским писателем, проявившим себя великим экспериментатором и новатором с точки зрения викторианской морали и повествовательной структуры своих произведений, но и профессиональным литературным критиком со своим суждением относительно состояния современной ему литературы. Его литературно-критические статьи, литературные пародии, эссе, повести и ро-

маны свидетельствуют о том, что он хорошо понимал природу художественного творчества и ясно отдавал себе отчет в том, что именно в английской литературе больше всего мешало развитию подлинно реалистического искусства в период зарождения и формирования реализма в Англии.

Литература

1. Английская литература от XIX века к XX, от XX к XIX. Проблема взаимодействия литературных эпох. – М.; ИМЛИ РАН, 2009. – 568 с.
2. Вахрушев В. С. Творчество У. М. Теккерея. – Саратов, 1984.
3. Егунова Н. А. Теккерей в полемике с Диккенсом // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Заруб лит. – 1959.
4. Теккерей У. М. Английские юмористы XVIII века. / Собр. соч. в 12 т. – М.: Худ. лит-ра, 1975. – Т. 7. – С. 507 - 736.
5. Теккерей У. М. Из «Очерка о гениальности Крукшенка»/ У. М. Теккерей. Творчество. Воспоминания. Библиографические разыскания. – М.: Книжная палата, 1989. – 488 с.
6. Теккерей У. М. История Пенденниса, его удач и злоключений, его друзей и его злейшего врага // Теккерей У. М. Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. - М.: Худ. лит-ра, 1975. – Т. 5. – 430 с.
7. Теккерей У. М. Как из казни устраивают зрелище. / Собр. соч. в 12 т. – М.: Худ. лит-ра, 1975. - Т. 2. – С. 259 - 276.
8. Теккерей У. М. Кэтрин. / Собр. соч. в 12 т. – М.: Худ. лит-ра, 1975. - Т. 1. – С. 201 - 482.
9. Теккерей У. М. Новые романы. / Собр. соч. в 12 т. – М.: Худ. лит-ра, 1975. - Т. 2. – С. 421 - 442.
10. Теккерей У. М. О наших ежегодниках. / Собр. соч. в 12 т. – М.: Худ. лит-ра, 1975. - Т. 2. – С. 246.
11. Теккерей У. М. Письмо Дэвиду Мэссону/ У. М. Теккерей. Творчество. Воспоминания. Библиографические разыскания. – М.: Книжная палата, 1989. – 488 с.
12. Теккерей У. М. Парижские письма. / Собр. соч. в 12 т. – М.: Худ. лит-ра, 1975. - Т. 2. –с. 217 – 224.
13. Теккерей У. М. Размышления по поводу истории разбойников. / Собр. соч. в 12 т. – М.: Худ. лит-ра, 1975. - Т. 2. – С. 225.
14. Теккерей У. М. Сибилла, сочинение Дизраэли / Собр. соч. в 12 т. – М.: Худ. лит-ра, 1975. - Т. 2. – С. 443 - 455.
15. Теккерей У. М. Сочинения Фильдинга. / Собр. соч. в 12 т. – М.: Худ. лит-ра, 1975. - Т. 2. – С. 300.
16. Теккерей У. М. Хогарт, Смоллет и Фильдинг/ Собр. соч. в 12 т. – М.: Худ. лит-ра, 1975. - Т. 7. – С. 662 - 697.
17. Las Vergnas. Thackeray: 1 Homme, le Penseur, le Moraliste P., 1932. - P. 156.

Михлик О.А. ©

Старший преподаватель кафедры романо-германских языков,
Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ)

Аннотация

В статье рассматриваются факторы, позитивно влияющие на усвоение учебного материала. Их рациональная связь способна успешно соединить уровень владения иностранным языком с социально-культурными ценностями.

Summary

The article examines the factors which influence favourably the consolidation of educational material. Their efficient relation can successfully combine the level of foreign language competence and socio-cultural values.

Ключевые слова: иноязычное высказывание и его ориентированность, осознанность дидактических шагов, структура учебной коммуникации, риторическая основа учебной коммуникации.

Keywords: foreign language utterance and its orientation, realization of didactic steps, rhetoric for academic communication.

Актуальность предлагаемого материала рассматривается как необходимость акцентирования внимания на повышении качества устной коммуникации на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе.

Целью данной статьи является рассмотрение конкретных факторов, влияющих на успешность обучающей коммуникации.

Изложение основного материала. Расширение и активизация международных связей Украины поставили на повестку дня повышение роли иностранного языка в системе образования страны и, соответственно, совершенствование его преподавания.

Рыночная экономика заставила также специалистов различных узкопрофильных областей переосмыслить свою зависимость от уровня

подготовленности в сфере гуманитарных знаний и, в частности, по иностранному языку. Примечательно при этом, что эффективность сотрудничества в международной кооперации во многом определяется не только знанием языков, но и наличием знаний о социальных и культурных ценностях партнёров. Поэтому нельзя обойти тот факт, что «если рассматривать язык как неотъемлемый фактор культуры, то становится очевидным, что процесс перевода фактически является процессом взаимообмена культур» [4, 204].

Из этого следует, что культурологические и поведенческие моменты должны обязательно присутствовать на занятиях со студентами при подготовке их к инокультурному мировосприятию [8].

Общеизвестно, что усвоение учебного материала в значительной степени зависит от личности преподавателя, его умения вызвать интерес к предмету, преподнести его в доступной и увлекательной форме. Работая в аудитории, преподаватель объясняет материал в среде из нескольких людей, находящихся в одном и том же месте, в одно и то же время. Задача, которую ему приходится решать, сводится к основному вопросу: как достичь желаемого результата за определённое время. Решение её зависит от многих составляющих. К наиболее значимым из них следует отнести, как нам представляется, реализацию установки на лингво-социальный аспект. Понимание необходимости решения этой проблемы на каждом занятии будет, по нашему мнению, вести к накоплению гуманитарных, в том числе и лингвистических знаний, сделает усвоение учебного материала динамичным и интересным.

Возникает вопрос: что нужно сделать, чтобы реализовать эту установку? Как нам кажется, необходима определённая методика. Учитывая большое число факторов, определяющих результативность усвоения учебного материала (значительная часть которых не поддается формализации), следовало бы, возможно, остановиться пока на риторической основе декларируемой дидактической установки, которую составляет совокупность вопросов: кто говорит, кому, как, что, зачем, при каких обстоятельствах/условиях? Именно риторическая основа, как думается, даёт возможность уже с самого начала рационально связать уровень владения иностранным языком с социально-культурными ценностями, которые он манифестирует.

Итак, первую часть риторической основы составляют вопросы: «кто говорит?» и «кому говорит?» Очевидность учебной ситуации предполагает ответ: коммуникантами являются преподаватель и студент, т.е. два человека, известные друг другу. Уже на одном из

первых занятий, когда вводится тема «Знакомство», можно было бы привести ряд лексических единиц, относящихся к понятиям «преподаватель» и «студент», например: *die Lehre, der Lehrer, die Lehrkraft, der Lehrkörper, der Dozent/der Lektor; der Studiker, der Studiosus*, объяснив при этом культурологическую специфику отдельных слов.

Для того чтобы сделать более рельефным лингво-социальный аспект очередного тематического словника, необходимо, на наш взгляд, вводить в речь студентов также и разговорно-окрашенную лексику, которую постоянно используют носители языка. Так, например, здесь можно было бы упомянуть выражение «взять в оборот кого-либо – *j-n hart in die Lehre nehmen*», (*Den Jungen müssen Sie hart in die Lehre nehmen, sonst fängt er wieder an zu bummeln*). Если же язык преподается на экономическом факультете, то целесообразно было бы дать выражение «поплатиться, научиться на горьком опыте – *Lehrgeld zahlen*» (*Er hatte Schuld an dem Unfall und musste für seine Unvorsichtigkeit bitteres Lehrgeld zahlen*). Студентам интересно было бы узнать и новое слово *der Studiker, der Studiosus* (уст. шутил. студент).

Подобная практика будет мотивировать студентов к изучению иностранного языка. Однако нельзя не согласиться с вполне обоснованной мыслью В.Д. Девкина о том, что обиходная речь иностранца не должна быть ни официально-книжной, ни слишком небрежной и фамильярной. Учёный подчёркивает, что даже в условиях совершенно идентичных жизненных ситуаций допустимое для носителя языка оказывается непозволительным для иностранца, естественное для одного становится странным, необычным и иногда даже комичным для другого. «При официальном общении с носителем языка вкрапление фамильярных слов может быть воспринято как вызов, как непозволительное, неуместное панибратство. Чрезмерная нормативность и подчёркнутая литературность речи человека, выучившего чужой язык, всегда обращают на себя внимание. И в этом нет ничего плохого. Это гораздо лучше, чем неудачные попытки обеспечить естественность речи» [6, с.5-6]. Поэтому при дополнении студенческого словника разговорными выражениями необходимо соблюдать меру.

Разумеется, основу дихотомии «преподаватель-студент» составляют их отношения, которые образуют структуру совместной деятельности. Эта структура включает вербальные и паралингвистические знаки. Они «всегда обращены на партнёра и являются конкретными носителями социального характера совместной деятельности» [7, 124]. Элементом этой деятельности выступает граница высказывания, т.е. его завершенность. Говоря о совместной деятельности коммуникантов, надо подчеркнуть, что она является многоуровневой и отмечена отношениями трансформации. Собственно, к структуре деятельности коммуникантов нужно отнести любой знак, «обращенный к «другому», вызывающий ответное действие, служащее завершением данного действия» [7, 126].

Итак, взаимосвязанные высказывания преподавателя и студента образуют завершенную систему.

Высказывание имеет своё начало и конец, т.е. ограничено во времени и, следовательно, имеет свои границы. «Границы каждого конкретного высказывания как единицы речевого общения определяются сменой речевых субъектов, т.е. сменой говорящих....Диалог по своей простоте и чёткости – классическая форма речевого общения» [2, 250].

Рассмотрим следующую пару вопросов, относящихся к риторической основе учебной коммуникации, а именно вопросы «как говорится?» и «что говорится?».

Исходя из вышесказанного, отметим, что отношение между коммуницирующими субъектами могут быть различными: напряженными, индифферентными, доверительными, небрежными и т.п., иначе говоря, несущими положительную или отрицательную эмоциональную окраску. Для того чтобы добиться желаемого результата преподавателю необходимо стимулировать прежде всего положительную реакцию со стороны обучающихся. Поэтому отрезок реальности, именуемый учебным часом, должен быть максимально использован для достижения данной цели. В этом случае важным являются как впечатление, которое производит преподаватель на студентов своей внешностью и манерами, так и убедительность в подаче учебного материала. Мы исходим из того, что отношение субъекта к субъекту не может быть одинаковым. Здесь коммуниканты во многом подчиняются интуиции. Но од-

но несомненно: подаваемые ими вербальные знаки должны быть положительно ориентированы. Самопредставление участников диалога может быть неудачным, если они неверно оценивают своего партнёра по коммуникации.

Несомненную значимость в связи с постановкой вопроса «как?» приобретает убедительность изложения учебного материала. Она, в свою очередь, не раскроет себя, если не будет в полной мере проявлен интерес к изучаемому со стороны аудитории. Поэтому на вопрос «как?» следовало бы ответить: не скучно.

Вопрос «что?» предполагает подачу определённого объема учебного материала, который, по возможности, должен опираться не на отвлечённые понятия (что часто имеет место на занятиях), а на конкретные образцы, примеры, которые воспринимаются непосредственно, т.е. на наглядность. «Принцип наглядности обеспечивает в учебном процессе связь между научной теорией и материальной действительностью. Он основывается на сущности диалектического хода познания» [3, 128]. Следует заметить, что наглядность может быть разнообразной: визуальной и аудитивной, она может быть самодельной и обеспечиваться суперсовременными техническими средствами. Однако мы разделяем точку зрения Архангельского С.И. о том, что широкое применение ТСО никогда не заменит непосредственного общения, и роль преподавателя останется в учебном процессе ведущей. [1].

Нельзя забывать и о том, что для успешного усвоения учебного материала необходима его чёткая и доходчивая подача, которая обеспечивает сведение к минимуму переспросов. Это будет вести к экономии времени, которое может быть использовано для более тщательной тренировки языковых и речевых образцов и для расширения страноведческого кругозора обучающихся. Приведем пример. На начальном этапе обучения вводится вопрос: *Wie geht es?* Мы не раз наблюдали, что студентами используются, как правило, два-три варианта ответа: *gut, nicht schlecht, soso lala*. На наш взгляд, палитра ответов должна быть намного шире, она должна учитывать возможность как положительных, так и отрицательных оценок: *ausgezeichnet, super, Klasse, normal, prima, perfekt; es ist denkbar schlecht, immer schlimmer, scheißegal* и т.д. Причём необходимо акцентировать внимание на том, что слова *super* и *Klasse* носят фамильярную, а слово *scheißegal* даже вульгарную окраску.

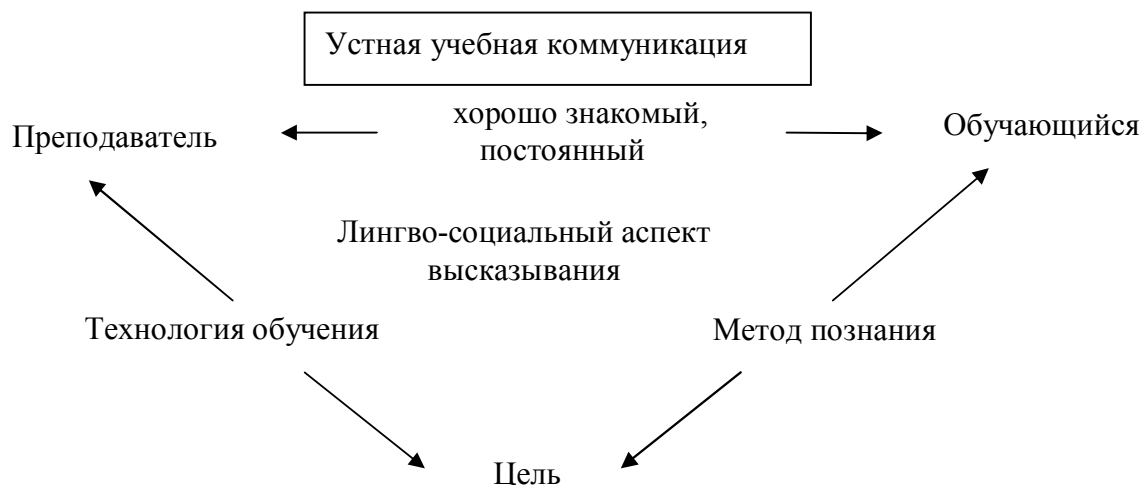
Необходимо также особо подчеркнуть, что на каждом занятии нужно внимательно следить за правильностью родного языка, поскольку это способствует улучшению иностранного языка [5]. Причем это касается всех участников учебной коммуникации.

Вопрос «зачем?» подразумевает, прежде всего, максимально ясное представление о намерении, цели каждого высказывания, каждого вида тренировки (как занятия в целом). Цель должна постоянно находиться в поле зрения преподавателя и студентов. Студенты должны усвоить два принципа: 1. я говорю, читаю, пишу, потому что хочу достичь чего-то конкретного, определённого, в рамках данного предмета; 2. моя мысль должна быть чёткой, я не должен отклоняться от темы. Не трудно понять, что «использовать языковой материал в точном соответствии с темой и ситуацией общения является необходимым условием функциональной эффективности речи студентов» [8, 229].

Последнее звено в риторической основе занимает вопрос «при каких обстоятельствах/условиях?». Обстоятельства создают говорящие, два или более человека. Они влияют друг на друга. Чем больше участников пытаются говорить одновременно, тем больше теряется времени. С другой стороны, посредством дискуссии можно быстрее прийти к истине.

То, что для одного участника общения может рассматриваться как подходящее условие/обстоятельство, для другого – как нежелательное. Например, программа выделяет на усвоение темы «Квартира» четыре учебных часа. Преподаватель при распределении материала ориентируется на данный объём времени. Для студента это обстоятельство/условие может быть не совсем комфортным, т.к. он (студент) сознаёт, что ему для реализации своей мотивации этого времени не достаточно. В данном случае важно найти гармоничное решение этой проблемы, устраивающее обе стороны.

Как думается, общий исходный базис устной учебной коммуникации можно изобразить с помощью следующей схемы:

Выводы. Подводя итоги, ещё раз кратко обобщим, от чего зависит, прежде всего, качество устной учебной коммуникации. К факторам успешности учебной коммуникации на занятиях по иностранному языку мы относим следующие:

1. Убедительность изложения учебного материала: преподавателю необходимо быть убедительным и при этом тщательно выстраивать доброжелательные отношения.

2. Доступность, чёткость и наглядность изложения учебного материала; желательно заранее предугадывать все вопросы, которые могут быть заданы обучаемыми.

3. Учёт обстоятельств обучаемого, меры его готовности к восприятию учебного материала.

4. Ориентированность преподавательского высказывания в ходе учебной коммуникации на уровень собеседника: преподаватель всегда хочет достичь положительного результата, поэтому формулировать своё высказывание необходимо так, чтобы обучающемуся не составляло бы большого труда его понять; аргументы должны быть информативно достаточными и опираться на предыдущие знания обучающегося.

5. Осознание каждой стороной, участвующей в обучающей коммуникации, своего места и роли относительно «риторической основы» данного процесса, а также механизмов, обеспечивающих эффективность подачи и, соответственно, восприятия учебного материала.

6. Целенаправленность высказываний как обучающего, так и обучаемых: необходимо чётко определить, что является целью высказывания и эту цель постоянно держать в поле зрения.

Реализация на занятиях по иностранному языку перечисленных факторов способствует частичному решению задачи, связанной с обучением речевому поведению как важному компоненту иноязычной коммуникативной компетенции.

Возможность дальнейших наблюдений в затронутом аспекте мы связываем с расширением и углублением исследования риторической основы обучающей коммуникации, что должно способствовать повышению качества преподавания и овладения иностранным языком.

Литература

1. Архангельский С.И. Лекции по теории обучения в высшей школе/ С.И.Архангельский. – Москва: Высшая школа, 1974. – 183 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества/ М.М. Бахтин. – Москва: Русский язык, 1979. – 418 с.
3. Джиджева В. Использование принципа наглядности в процессе обучения/ В. Джиджева //Вопросы психологии. – 1983. - №6. – С.128-129.

4. Дьяконов Г.П. Культурологический аспект подготовки переводчика/ Г.П. Дьяконов// Матеріали XII Міжнародної конференції «Франція та Україна, науково-практичний досвід у контексті діалогу національних культур». – Дніпропетровськ, 2007. – С.204
5. Мирам Г. Профессия: переводчик/ Г. Мирам. – К.: Эльга. Ника Центр, 2004. – 160 с.
6. Немецко-русский словарь разговорной лексики. [состав. В.Д. Девкин]. – Москва: Русский язык, 1994. – 769 с.
7. Радзиховский Л.А. Деятельность: структура, генез, единицы анализа/ Л.А. Радзиховский//Вопросы психологии. – 1983. - №6. – С.121-127.
8. Чепига Э.Н. Письменная речь как основа обучения устному высказыванию: Матеріали XI Міжнародної конференції «Франція та Україна, науково-практичний досвід у контексті діалогу національних культур»/ Э.Н.Чепига. - Дніпропетровськ, 2006. – С.229-230.

Муляева А.Р. ©

Аспирант, Национальный исследовательский Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

К ПРОБЛЕМЕ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В.П. ПОЛОНСКОГО (НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТАТЬИ В.П. ПОЛОНСКОГО В ЖУРНАЛАХ «ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ» И «НОВЫЙ МИР»)

Обращение к сложной и во многом противоречивой эпохе 1920-х годов обусловлено, в первую очередь, тем, что именно в этот период были сформулированы и претворены в жизнь ключевые постулаты советской идеологии. Первое постреволюционное десятилетие породило неимоверное количество авторов совершенно разного толка, и неизменный интерес исследователей вызывают сотни художественных и публицистических произведений этой эпохи, до сих пор не известных широкому читателю. Сегодня большая часть текстов этого времени доступна только в архивах и на журнальных страницах, что препятствует полноценному изучению богатого наследия эпохи 1920-х годов.

Не исследован в полной мере архив известного критика, публициста, журналиста и редактора революционной эпохи В.П. Полонского, в 1920-е годы редактировавшего ведущие журналы Советской России: «Печать и революция» и «Новый мир». Впоследствии работы критика дважды переиздавались: в 1968 году вышел сборник публикаций Полонского «На литературные темы» под редакцией А. Г. Дементьева [1], а в 1988 – сборник под редакцией В.В. Эйдиновой [2]. В сборники вошли наиболее известные литературно-критические и теоретические статьи критика, однако большая часть работ Полонского до сих пор не опубликована. Между тем их изучение и публикация позволит внести значительный вклад в историографию советской литературы, критики и журналистики. Сложность изучения наследия Вяч. Полонского состоит в фрагментарности изучаемых материалов: за редким исключением все его публикации рассыпаны по журналам и газетам первого революционного десятилетия. Их изучение, собирание и полная публикация – одна из важнейших задач современных текстологов.

Объектом исследования стали публикации В.П. Полонского в рубрике «Листки из блокнота», опубликованные в редактируемых им журналах, но не вошедшие в основные сборники его работ, и архивные материалы, посвященные работе над этим циклом [3]. «Листки из блокнота» были опубликованы в разное время и в разных изданиях, однако их комплексное изучение позволяет утверждать, что эти разрозненные заметки представляют собой цикл литературно-критических публикаций, дающий полноценную картину литературной жизни 1920-х годов. Публикация «Листков из блокнота» – важный шаг в литературоведении: они не только характеризуют литературный процесс эпохи, но и дают представление о жур-

налистской и редакторской работе самого Полонского. Целью работы является анализ социокультурной ситуации 1920-х годов, отраженной в неопубликованных текстах выдающегося литературного критика эпохи. Всесторонний анализ комплекса текстов позволит рассмотреть литературную ситуацию 1920-х годов в новом ракурсе.

Первое послереволюционное десятилетие было ознаменовано ожесточенной борьбой различных школ и направлений в литературе и литературной критике. Набиравшее силу государство постепенно создавало инструменты для регуляции свободной поначалу полемики, что к концу 1920-х годов привело к «явной унификации общественно-литературной идеологии» [4, 180]. В условиях становления нового монистического мира труднее всего приходилось тем деятелям искусства, которые делали попытки отстоять точку зрения, отличную от уже наметившегося соцреалистического метода. Одним из таких литераторов был Вяч. Полонский, который, несмотря на свой непререкаемый авторитет марксистского критика и успешного редактора, в конце 1920-х годов вынужден был публично признавать свои «правооппортунистические ошибки», а позднее был отстранен от работы в «Печати и революции» и «Новом мире». Несмотря на достаточно тяжелое положение, Полонский продолжал борьбу за сохранение и повышение уровня культуры во всех сферах советской жизни, орудием этой борьбы стали его публикации под названием «Листки из блокнота», выходявшие в 1928-1929 гг. в журналах «Новый мир» и «Печать и революция».

«Листки из блокнота», безусловно, важный документ эпохи 1920-х годов, в них запечатлены острейшие проблемы советской литературной критики и печати. Чрезвычайно сложно определить жанр «Листков», представляющих собой собранные воедино разрозненные высказывания на злободневные темы. Объединение кратких записей в один раздел расширило диапазон затрагиваемых критиком тем и вопросов и позволило значительно конкретизировать их. Сам автор обозначает «Листки» «материалами для статьи» или «мелочами и фактами из литературного быта», намеренная размытость подобного определения позволила Полонскому в одной публикации сочетать элементы дневниковых записей, журнальных рецензий, сатирических высказываний и критических заметок. «Листки из блокнота» — это, в том числе, площадка для ответа на критику в свой адрес самого Полонского: «Не хочешь полемизировать, но как избежешь? Они приписывают мне то, чего я не говорил и не делал, обвиняют во всех смертных грехах. Извратят, исказят, оболгут...» [5, 108].

Интерес В.П. Полонского сосредоточен на современности, именно поэтому «Листки из блокнота» крайне злободневны и представляют собой оперативный отклик на происходящее в литературе, журналистике и критике. Экспериментальный формат, выбранный Полонским, подразумевает обращение к мельчайшим деталям литературного быта. Автор не считает зазорным посвятить отдельный «листок» одному высказыванию или ошибке: «В нашем молодом обществе приходится иногда доказывать вещи как будто самоочевидные» [6, 97]. Подобная детальность делает «листки» максимально конкретными, а зачастую адресными, обращенными к определенному человеку, изданию или литературной группе: «Ах, Селивановский!» [7, 96], «Ну-ка, мужественные напостовцы» [8, 98], «Мало вам этого, Чип?» [9, 87] и так далее.

Выбранная Полонским форма общения с коллегами: прямое обращение в сочетании с откровенно сатирическим тоном — возмутили многих его современников. Чаще других «героями» «Листков из блокнота» становились авторы журнала «На литературном посту» и газеты «Читатель и писатель», и именно они резче других откликнулись на критику Полонского. «Читатель и писатель», например, назвал «Листки» «беспримечательным явлением в истории нашей марксистской критики» и «двенадцатью страницами бездоказательных обвинений и домыслов» [10, 9]. Напостовцы определили «Листки» как «вольную вариацию на письма Хлестакова к «душе Тряпичкину» и «нечистоплотную сплетню желтого газетчика» [11, 8, 11].

Необходимо отметить, что язык «Листков из блокнота» действительно оскорбителен. Вяч. Полонский, великолепно владеющий русской речью, умышленно использует изрядное количество просторечий: «уважаемый — надули вас!» [12, 97], «задов своих от сафьяна ото-

рвать не можете» [13, 99], «думается, - американцы не выдержат: кишка тонка!» [14, 244], «вот язык без костей» [15, 106] и так далее. Встречаются в публикациях и прямые оскорбления: «Селивановский, разумеется литературное ничто» [16, 97], «Человек явно представляет собой образец отъявленного болтуна, к тому же лишенного стыда» [17, 96]. Нарочитая просторечность «Листков» заставляет читателя поверить, что записки фактически вырваны из блокнота и помещены на страницах журнала. Однако Вяч. Полонский, известный как требовательный и внимательный редактор, не мог допустить в печать текст, не отвечающий его принципам.

Вяч. Полонский намеренно выбирал такие выражения, которые позволили бы привлечь наибольшее внимание к вопросам, затрагиваемым в «Листках из блокнота». Например, в неопубликованном «Листке», посвященном О. Брику, видна редакторская работа Полонского: первый вариант: «Так пишет Брик. Ах, Осип Максимович. А ведь не так давно были грамотным писателем», исправленный - «Осип Максимович! Заразительна, однако, болезнь безграмотности» [18, 23].

Архивные материалы подтверждают тот факт, что Полонский тщательно прорабатывал содержание «Листков» перед публикацией. В фонде критика сохранилось более двадцати карточек [19, 78-101], на которых обозначены темы, которые Полонский намеревался осветить в «Листках из блокнота». Карточки содержат очень краткие записи о советском литературно-критическом процессе. Логично предположить, что эти карточки и дали название циклу публикаций. Следующий этап работы на «Листками» был сбор материала для каждой из тем: Полонский составлял перечни «Ляпсусов», допущенных в различных изданиях и различными авторами, подбирал цитаты из классики на тему, заявленную в «Листке», создавал несколько вариантов одного «листка», оставляя самый хлесткий. Множество готовых «Листков» так и остались неопубликованными по неизвестным причинам. Таким образом, становится ясно, что «Листки из блокнота» - это не случайные записи, а детально проработанные публикации.

В каждом из «листок» Вяч. Полонский поднимает важнейшие проблемы советской литературной жизни: здесь пунктиром обозначены те вопросы, над которыми он работал в течение всей жизни. Традиционно большое внимание Полонский уделяет вопросам литературной критики, причину неудач которой он видит в низком культурном уровне критиков и критикуемых, что сводит ее к бесцельному пустословию. Его беспокоят низкая культура ведения полемики и укоренившиеся методы травли неугодных писателей или литературных групп. Несмотря на сложную обстановку конца 1920-х годов, критик делал попытки установить «правила» культурной полемики, борясь с «ужасающими литературными нравами» эпохи, от которых была неотделима его собственная деятельность. Он неоднократно повторял, что главной целью его «Листков» является «борьба с малограмотностью, литературным бандитизмом, некультурностью» [20, 87].

Резкость, которая отличает «Листки из блокнота», Вяч. Полонский объясняет потребностью литературы и журналистики в «суровой, жестокой критике» [21, 112]. Сам он неоднократно повторяет мысль о том, что литературной критикой должны заниматься профессионалы. Этот вопрос затрагивается как в опубликованных, так и в неопубликованных «Листках»: «Критика требует больших знаний, серьезной работы, настоящей учености – не говоря о таланте и вкусе, без которых критика не может существовать вообще» [22, 25].

Вяч. Полонский подчеркивал огромную роль, которую играют печатные издания в становлении советского государства. Повышение уровня советской литературной критики и журналистики – важнейший вопрос, занимающий Полонского в «Листках из блокнота». Рецензируя советские журналы и газеты, он отмечает их слабые и сильные стороны, дает рекомендации, приводит в пример свой опыт. Редактор двух ведущих журналов страны многократно подчеркивает, что «нельзя работать без плана, без лица, без понимания, без умения» [23, 89]. По его мнению, главный враг критики и журналистики – безграмотность в широком смысле этого слова, его едкая критика в «Листках из блокнота» направлена на борьбу за повышение уровня советской прессы. Вяч. Полонский формулирует в «Листках» концепцию

«правильного» советского журнала. Востребованное издание должно открывать пути к массовому читателю, быть привлекательным и ясным. Однако, настаивает Полонский, главное для журнала – это его лицо, четкая линия, проводимая изданием, всесторонняя грамотность и ответственность за все опубликованные материалы. Именно за пренебрежение этими обязательствами Полонский чаще всего критикует многие советские издания.

Вопрос взаимодействия литературы и журналистики, являвшийся в 1920-е годы предметом ожесточенных дискуссий, нашел отражение и в «Листках из блокнота». Здесь В.П. Полонский излагает свою концепцию сосуществования двух словесных искусств. Идее сращения литературы и журналистики, популярной в это время, Полонский противопоставлял возможность плодотворного сотрудничества, выгодного для обеих сторон: «Газете нужна «литература». Литературе нужна газета» [24, 234]. Обозначая «целевую разницу» [25, 234], разделяющую писателей и журналистов, Полонский делает попытку найти возможные формы их интеграции, обозначить новый тип художника, востребованного и в литературе, и в журналистике. По его мнению, советской литературе и журналистике нужны «писатель-газетчик» и «поэт-газетчик», которые смогли бы объединить в своей работе современность и стремительность газеты с мастерством и образностью литературы.

В «Листках из блокнота» нашли отражение наиболее яркие страницы литературного процесса 1928-1929 гг., это стало возможным благодаря форме кратких заметок, выбранной Вяч. Полонским. Изучение цикла публикаций позволяет обозначить круг проблем, волновавших одного из виднейших критиков и редакторов эпохи, составить представление о литературных нравах этого времени, методах полемики между представителями различных литературных группировок. Очевидно, пришла пора собрать воедино и опубликовать полный текст «Листков из блокнота» Вяч. Павловича Полонского.

Литература

1. Полонский В.П. На литературные темы. М., 1968.
2. Полонский В.П. О литературе. М.: Советский писатель, 1988.
3. РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 52.
4. Елина Е.Г. Литературная критика и общественное сознание Советской России 1920-х годов. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1994. С. 180.
5. Полонский В.П.. Листки из блокнота // Печать и революция. 1928. № 1. С. 108.
6. Полонский В.П.. Листки из блокнота // Печать и революция. 1928. № 4. С. 97.
7. Там же. С. 96.
8. Там же. С. 98.
9. Полонский В.П. Листки из блокнота // Печать и революция. 1928. № 3. С. 87.
10. Кремнев. По журналам // Читатель и писатель, 1928, № 4-5, с. 9.
11. А.С. Полонский в халате // На литературном посту. 1928. № 6. С. 8, 11.
12. Полонский В.П.. Листки из блокнота // Печать и революция. 1928. № 4. С. 97.
13. Там же. С. 99.
14. Полонский В.П.. Листки из блокнота // Новый мир. 1928. № 11. с. 244.
15. Полонский В.П.. Листки из блокнота // Печать и революция. 1928. № 1. С. 106.
16. Полонский В.П.. Листки из блокнота // Печать и революция. 1928. № 4. С. 97.
17. Там же. С. 96.
18. РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 52. Л. 23.
19. РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 52. Л. 78-101.
20. Полонский В.П. Листки из блокнота // Печать и революция. 1928. № 3. С. 87.
21. Полонский В.П.. Листки из блокнота // Печать и революция. 1928. № 1. С. 112.
22. РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 52. Л. 25.
23. Полонский В.П. Листки из блокнота // Печать и революция. 1928. № 3. С. 89.
24. Полонский В.П. Листки из блокнота // Новый мир. 1929. № 2. С. 234.
25. Там же. С. 234.

Носарева Т.Г. ©

Заместитель директора по учебно-воспитательной работе, учитель английского языка
высшей категории МОУ СОШ № 18 с углублённым изучением отдельных предметов г.о.
Орехово-Зуево Московской области

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ СТАРШЕЙ ШКОЛЫ ЧЕРЕЗ РЕАЛИЗАЦИЮ ВНЕУРОЧНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Понятия «компетентностный подход» и «ключевые компетенции» получили распространение сравнительно недавно в связи с дискуссиями о проблемах и путях модернизации российского образования, разработкой и внедрением новых стандартов образования (ФГОС), а также в связи с участием российских школьников в Программе международной оценки учащихся (PISA). Основным и непосредственным результатом образовательной деятельности становится формирование компетенций учащихся, эффективная и творческая демонстрация использования знаний, умений, навыков и опыта в различных ситуациях, включая социальные, усиление практического характера школьного образования. В рекомендациях Европейского Парламента выделяются 8 ключевых компетенций, основанных на знаниях и необходимых для граждан в обществе: способность к коммуникации на родном языке; способность к коммуникации на иностранных языках; математическая компетенция и базовые компетенции в науке и технологии; цифровые компетенции; способность учиться; социальные и гражданские компетенции, способность к инициативе и предпринимательству; культурная компетенция. Компетентностный подход не отрицает значение знаний, но акцентирует внимание на способности использовать полученные знания, именно поэтому способность к коммуникации на иностранных языках является ключевой динамической компетенцией.

Мы живем в такое время, когда международные программы, телекоммуникационные проекты уже заняли особое место не только в системе обучения английскому языку, но и в учебно-воспитательной деятельности школы. Создается реальная языковая среда, формируются условия для межкультурного общения, диалога культур, сотрудничества учащихся и педагогов разных стран, развития базовых компетенций учащихся, глубокой интеграции предметов, привлечения знания из других областей. Международный проект, о котором мне хотелось бы рассказать, занял четыре года, выполнялся во внеурочное время небольшой разновозрастной группой учащихся из шести человек (3:3 в гендерном соотношении) 7-9 классов (на стартовом этапе) с использованием персональных компьютеров и с применением медиатехнологий, которые были необходимы для участия в программе. Если точнее, это была совместная работа учителя, учащихся, их родителей, сверстников и каунселов из других стран, это было участие в международной программе «Юные лидеры мира», которая была создана в США.

Миссия данной программы - в развитии интеллектуального и лидерского потенциала растущей и развивающейся личности для успешной интеграции в мировое сообщество, в осознании своей национальной идентичности в сочетании с уважением к правам окружающих и наследовании мировых культурных ценностей и традиций для развития международного диалога и сотрудничества. Девизом программы служат слова: «Будущее начинается сегодня», что подразумевает «мыслить глобально, действовать локально, взаимодействовать интернационально».

Основной целью программы является обучение лидерству, гражданской активности со стороны молодежи всего мира на благо своих стран и народов. Программа была рассчитана на 2 академических года (три лета). Первое лето – «Международная лидерская конфе-

ренция» в Вашингтоне (США, округ Колумбия), второе – «Мировой культурный опыт» в европейской стране (Чехия), третье лето – «Тренинг жизненно важных навыков и планирование карьерного роста» (Великобритания). Россию представляли 2 группы - из Волгограда и Подмосковья: группа из 2 преподавателей английского языка и 12 старшеклассников. При запуске программы в школе я координировала все этапы конкурсного отбора учащихся - кандидатов, желающих участвовать в Международной программе «Юные лидеры мира».

В самом начале был создан банк электронных адресов учащихся, вся информация от национального координатора рассылалась по электронной почте. Некоторым ребятам я помогла открыть и подобрать благозвучный электронный адрес для официальной последующей переписки. Чтобы сформировать деловой и доверительный фон нашего общения для дальнейшей совместной работы, регулярно проводились собрания, встречи для участников и их родителей в Москве.

На стартовом этапе необходимо было заполнить анкету, рассказать о себе, написать автобиографию, сочинение по предложенной теме, приложить характеристику из школы, пройти собеседование - всё на английском языке. После отборочного тура всем участникам необходимо было зарегистрироваться на сайте программы, заполнить формы (Application Forms), разрешения, в том числе и на съемку детей, юридические и медицинские формы для участия, оформить страховку, открыть визу и приобрести билеты. Работа проводилась через e-mail переписку на английском языке, выход в он-лайн режим в строго обозначенное для российской группы время. В результате трое учащихся из моей школы и трое учащихся из других подмосковных городов вышли в финал. Получилась группа из шести старшеклассников из разных городов Подмосковья и педагога, которые отправились в Вашингтон на Международную лидерскую конференцию, проходившую в Вашингтоне (округ Колумбия).

В рамках подготовки к поездке в Соединенные Штаты мы подготовили 10-минутный DVD фильм о России, разработали и приобрели форму для национальной команды, приобрели сувениры, предметы национальной символики для достойного представления страны и создания положительного образа России. Мы также присоединились к детско-юношескому движению «Дети России против терроризма» и от имени российской детской организации вручили «Колокол мира и тревоги» руководителям программы в США. Приступая к созданию фильма о стране, наша команда обратилась с открытым вопросом: «Какие ассоциации появляются у молодых людей из других стран, когда говорят о России, что думают они о нашей стране?» к молодым людям из разных стран (микро-Интернет-исследование). Нам очень хотелось начать презентацию «от» сложившихся стереотипов и попытаться показать современную Россию такой, какой мы видим ее сегодня, нашими глазами. В работе конференции принимали участие 12 стран мира: Франция, Кения, Израиль, Молдова, Румыния, Филиппины, Австралия, Турция, США, Россия, Китай, Гондурас. Программа является очень привлекательной для молодых людей из разных стран, это программа активного взаимодействия культур, межкультурной коммуникации.

Три конференции, в которых мы имели честь участвовать как российский чаптер, создали неповторимую иницирующую образовательную среду, включавшую научную и экскурсионную части, ролевые игры, лекции ведущих преподавателей Гарвардского и Кембриджского университетов, встречи с политиками разных уровней, тренинги по развитию лидерских качеств, командному и личному взаимодействию участников друг с другом и домашние задания. По правилам программы ни один участник не проживал в отеле с представителями своей страны. Это был первый и уникальный для старшеклассников опыт того, что называется погружением в языковую среду и «melting pot». По возвращении домой участники написали сочинение-отзыв «Мое открытие Америки» о своей поездке в США, впечатлениях на английском языке для электронного журнала «EZINE». Нашим «домашним заданием» в течение года было выполнение «сервисных» и «рекреационных» проектов по программе «Юных лидеров мира». Для этого была создана программа реализации собственных добровольческих проектов - социальных, ориентированных на помощь людям с

ограниченными возможностями; экологических и творческих (как разновидность волонтерства).

Следует отметить, что «адреса» для личных и командных проектов мы искали и находили как в родном городе, так и в Интернете, читали информацию, вступали в контакты, писали электронные письма и взаимодействовали. Один раз в месяц встречались для обсуждения и реализации своих проектов. Вместе посетили Немецкий Культурный Центр имени Гете, Государственный Исторический музей в Москве, краеведческие музеи подмосковных городов, где проживали участники программы, лыжную базу нашего города для проведения лыжного кросса. В течение года смогли организовать встречу с депутатами Московской областной думы, дать интервью радио «Озон», местной газете «Вести». Статья «Поколение, которое спасет мир» была переведена на английский язык и вместе с Благодарственным письмом руководителю Программы были отправлены в США.

Каждый участник группы в течение одного месяца выполнял обязанности вице-президента и президента чаттера, активно помогая руководителю группы в реализации намеченных стратегических целей и задач. Учились планировать и описывать свои действия, траекторию достижения конкретных результатов на английском языке и отправляли их по электронной почте в США. Это стало еще одним мотивом и ресурсом для более углубленного изучения английского языка, приобщения к культуре электронного этикета и культуре письменного и устного общения, деловой аккуратности в виде соблюдения графиков работ. В условиях общеобразовательной школы участие детей в международной программе и международных проектах является практически единственной возможностью общения с англоязычными сверстниками (хотя, конечно, можно предложить языковые стажировки для учащихся в каникулярное время или общение при помощи программы Скайп). Каждый участник нашей группы имел пароль, доступ к своей персональной страничке, периодически обновлял профиль участника, выполнял предлагаемые задания в строго отведенное время. Для каждого вида деятельности и отчета существовал строгий график. Предлагались интересные викторины по знанию культуры, этикета, традиций других стран (элементы дистанционного интерактивного обучения), расширяющие границы интеллектуальных познаний учащихся.

Региональное и международное взаимодействие осуществлялось посредством электронной и мобильной связи. Согласно положению об участии каждый студент должен хотя бы один раз в месяц написать письмо любому представителю любой страны, участвовать в работе форумов, и это находило отражение на сайте на моей учительской страничке. Постепенно накапливался уникальный опыт сетевого взаимодействия в рамках международного проекта, между ребятами подмосковного и волгоградского чаттера и разных стран. Каждый каунсел, отслеживая на своей страничке активность своего участника (active, very active etc), должен был написать комментарии по поводу выполненной работы. По завершении выполнения проектов на сайте проставлялся рейтинг качества и активности каждого участника и группы в баллах. По результатам рейтинга осуществлялся «перевод» на второй, третий год обучения, высылались приглашения на группу для участия в следующем этапе. По окончании программы каждый студент, выполнивший её и активно участвующий в трёх международных конференциях, получил сертификат об успешном участии в программе.

Стоит отметить, что один проект предполагал оформление как минимум двух форм (Pre-Project и Post-Project) каждым участником; тематические проекты по стране и построению карьеры потребовали заполнения трех форм (Outline, Draft, Final), которые визировались каунселем и отправлялись в определенные сроки.

Участие в сетевых проектах – это всегда диалог культур, это:

- глобальный уровень по взаимодействию, глубине, социальной направленности (уметь отдавать людям, обществу, стране, видеть иные ценности);
- использование передовых информационных технологий (в частности, поисковые системы, системы электронной почты), аутентичных ресурсов через взаимодействие с представителями других стран для учебной деятельности, метапредметная интеграция;

- формирование навыков групповой работы и сотрудничества участников как при организации совместной работы в чате, так и во взаимодействии в компьютерной сети, на тренингах, культурно-массовых мероприятиях;
- вовлечение в уникальный образовательный, воспитательный, информационный, развивающий и практический контент для всех участников программы;
- развитие всех ключевых компетенций всех участников программы;
- обеспечение информационного, организационно – методического сопровождения каждого этапа проекта учителем, который выступает в роли методиста-координатора, фасилитатора, коммуниканта.

В течение четырёх лет проводилась большая работа по развитию коммуникативной компетенции учащихся. Один раз в неделю (после уроков) и несколько раз в неделю в каникулярное время мы встречались, чтобы подготовиться к летнему участию в международных конференциях. Примерные программы конференций, которые проходили в формате 7 дней, тематика занятий были известны и поэтому служили и точкой отсчета, и «программой действий». Особенно для меня, учителя, знающего, в чем слабые стороны ребят, что изучается в российских школах, и что нужно сделать, чтобы быть успешными.

Несмотря на то, что в школе есть учебные предметы и элективные курсы «Культура речевого общения», «Духовное краеведение Подмосковья», требовались знания, умения и навыки на английском языке. Мы много читали, работали с текстами, составляли и пополняли Resource Packs по темам, организовывали дискуссии, играли, моделировали ситуации, запрашивали информацию и делились ей, писали отчеты, учились планировать и думать на языке. Перед своей первой поездкой познакомились детально со всеми приглашенными странами-участницами, изучили карту мира, перед поездкой в Прагу и Кембридж много работали над лексическим материалом, устраивали разговорные практикумы, фотосессии, активно привлекая родителей старшеклассников, особенно готовясь к участию в «City Challenge». Педагогические техники были простыми: сотрудничество, сотворчество, сопереживание, действия на опережение и поддержка - человеческая, коммуникативная, презентационная. Перед поездкой в Великобританию пришло сообщение, что будут проводиться дебаты по трём темам, и организаторы конференции настоятельно просили все чартеры добросовестно подготовиться к участию в них. Темы были не из легких: “Free trade helps to reduce poverty”, “Nuclear power is the answer to the world’s energy and environmental problems”, and “Patents for AIDS drugs should not exist in poor countries”.

Погрузились в Интернет, нашли материалы на родном и английском языках, изучили предмет дискуссии и лексику по темам; после сдачи летних школьных экзаменов каждый день готовились к дебатам. Уже в Кембридже, когда шли реальные дебаты, мне было приятно видеть, что каждый из российских участников вносил свой солидный вклад в построение системы аргументации и понимал англоязычных «native speakers».

Результаты: взгляд на другую страну и других людей изнутри, познание культур других народов, соотнесение «себя» на фоне других, осознание себя как представителя, посла доброй воли;

- возможность показать особенности своей страны и культуры;
- участие в социально-значимых проектах, освоение новых видов деятельности, реализация собственного творческого и человеческого потенциала;
- эмоциональная сфера, яркие впечатления, дружба, контакты;
- преодоление языкового и психологического барьера, общение;
- совершенствование коммуникативных навыков, поведенческой модели, умения работать в команде, сопоставительный анализ;
- более продвинутый уровень владения английским языком, стойкое желание свободно говорить как минимум на двух иностранных языках
- гражданская позиция, ответственность и инициатива, высокая мотивация в учении, более свободное письмо на родном и иностранном языке, освоение способов работы с информацией (поисковый, аналитический, практический, презентационный);

- опыт участия в международных конференциях (подготовка материалов, навыки презентаций, общения, сопереживания, планирования);
- приобщение к волонтерскому движению;
- сертификат финалиста международной программы «Юные лидеры мира» для портфолио выпускника.

Четыре года пролетели незаметно. Сегодня выпускники программы стали студентами престижных Московских вузов. Бесспорно одно: приобретенный опыт, знания, умения, практика являются бесценными для каждого из нас и делающими нас компетентными на всю жизнь. Понимать-говорить-общаться – это шаги к успеху. Планировать свое будущее, думать о нем – это особая культура, которую мы пока только осваиваем. Иностранный язык стал реально необходимым в интеллектуальной и практической деятельности человека. Он стал технологией успешного становления и развития личности. Поэтому от того, как мы научим наших учеников общаться, зависит будущее страны. «Будущее начинается сегодня».

Нуруллина А.Г. ©

Аспирант, Казанский федеральный университет, г. Набережные Челны

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФЕ, КАК САМЫЙ МНОГОЧИСЛЕННЫЙ КЛАСС КОМПОНЕНТА «ДЬЯВОЛ» ВО ФРАЗЕОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Фразеологический фонд национального языка заслуживает особое внимание в языкознании. В рамках нашего исследования, вслед за В.Н. Телия, Е.Ф. Арсентьевой и Л.Р. Сакаевой, мы придерживаемся широкого понимания фразеологической единицы (ФЕ) и включаем в их состав пословицы, поговорки и крылатые выражения.

Тема зла существенна для всякого мировоззрения. Синонимы у компонента «Дьявол»: *Сатана, Люцифер, Вельзевул, черт, бес, злой дух нечистая /темная,/ черная сила* в русском языке; *devil, Satan, Prince of darkness, fallen angel, Minister of hell* в английском языке. Появлению широкого синонимического ряда способствовала многовековая история дьявола и многогранность его образа и в ряде случаев могут заменять друг друга: *Как черта /беса/ ни крести, а он все кричит: «пусти»;* *Дьявол /черт/ сатана/ гордился, да с неба свалился;* *Дьявол /черт/ стар, да празднества ему нет.*

Этимологический анализ подтверждает, что общеславянское слово *черт* восходит, вероятно, к праславян. *čьrt* «проклятый», в славянской мифологии злой дух, а *дьявол* – заимствовано из старославянского *диаволь*, *дияволь*, который является переоформлением греч. *diabolos* [4, 207]. Также важно отметить, что в языческую эпоху это слово означало всего лишь «клеветник», а значение «сатана», «враг рода человеческого» появилось на заре христианства [7].

В толковых словарях дьявол определяется следующим образом: *the spirit of evil, wicked spirit* [9, 239] [дух зла, злобный дух]; *the most powerful evil spirit* [8, 213]. Одной из функций определенного артикля, как отмечается в грамматических справочниках, является функция указания на уникальные предметы или сущности, единственные в своем роде [10, 144; 3, 185].

Глагольными считается ФЕ, функционально соотносимые с глаголом, т.е. ФЕ стрелецким компонентом которых является глагол. Данная группа интересует таких ученых, как Е.Ф. Арсентьева, А.В. Жуков, А.В. Кунин, А.М. Чепасова, Л.Р. Сакаева, Н.М. Шанский и др.

Л.Р. Сакаева говорит, что глагольные ФЕ «выделяются более свободно, поскольку доминирующая роль глагольного компонента в таких ФЕ давно уже была отмечена специа-

листами в этой области» [5, 111]. Согласно Е.Ф. Арсентьевой, взаимосвязь между глаголом и зависимыми компонентами – объектная [2]. Так, В.Д. Аракин полагает «для объектных словосочетаний особое значение имеет валентность глагола, под которой понимается способность глагола вступать в сочетания с другими словами в предложении. В современном языкознании обнаружены следующие виды валентности: субъектная валентность, если имеется в виду способность глагола сочетаться с подлежащим предложения; объектная валентность, под которой понимается способность глагола сочетаться с одним, двумя или несколькими объектами; предикативная валентность, означающая способность стержневого компонента сочетаться с другим глаголом и вместе с ним образовывать составное сказуемое, некоторые другие. Для определения типов объектных словосочетаний важное значение имеет именно объектная и предикативная валентности, поскольку она имеет прямое отношение к составу и структуре словосочетаний» [1, 171].

Категория вида является основной грамматической категорией глагола, определяющая состав и употребление остальных грамматических категорий. Как и в свободном употреблении, большинство ГФЕ русского языка могут иметь формы обоих видов или употребляться только в форме одного из видов – совершенного и несовершенного. Исходя из этого, все ГФЕ русского языка можно разбить на две группы: 1) ФЕ, в которых глаголы употребляются в форме обоих видов и 2) ФЕ, в которых глаголы представлены в форме совершенного и несовершенного видов [6, 162].

Анализ проявления категории вида у ГФЕ показывает, что значительное количество исследуемых ФЕ составляют глаголы несовершенного вида: *Ангел помогает, а бес подстрекает; Бес качает горами, не только нами; Бес несет; Бес носит; Бес сидит; Богу молится, а черту кланяется; В тихом омуте черти водятся; Внутри ребенка прячется дьявол; Господь умудряет слепца, а дьявол искушает чернеца; Даже дьявол прислуживает за богатство*. ГФЕ имеющие в своем составе глаголы совершенного вида представлены ФЕ: *Бог кажет путь, а черт вкинул крюк; Бес дернул; Бес вселился; Вселился черт в боярский дом*. Способность или неспособность образовывать вдовую пару зависит от характера фразеологического значения.

Самой многочисленной группой ФЕ со структурой «V+N». В английском языке встречается объектно-постпозитивный тип с примыканием: «*A politician imitates the devil* — политик подражает дьявола»; «*Better keep the devil at the door than turn him out of the house*» — лучше не впускать дьявола, чем выгонять; «*He that serve God for money, will serve the devil for better wages* - тот, кто служит Богу за деньги, будет служить дьяволу за больше жалование»; «*He that takes the devil into his boat must carry him over the sound* - тот, кто взял дьявола в свою лодку, должен перевезти его через пролив».

Исследование фразеологии английского и русского языков является одним из аспектов сложной лингвокультурологической проблемы. Сейчас, в результате развития и прогресса и сопоставительного языкознания, настало время для всестороннего и глубокого исследования ФЕ различных языков, главным при этом является изучение истории развития ФЕ и национальных особенностей. Таким образом, в результате применения сопоставительного анализа в английском и русском языках выделены как общие и дифференциальные модели. Для каждого изучаемого языка характерны грамматические модели, отличающиеся от других языков.

Литература

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. Пособие для пед. Вузов. / Под ред. М.Д. Резвевой. – 4-е изд. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2008. – 232с.
2. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (На материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках) / Е.Ф. Арсентьева. – Казань: Издательство Казанского университета, 1989. – 123с.
3. Дроздова, 2002: Дроздова Т.Ю., Берестова А.И., Маилова В.Г. English Grammar: Reference and Practice. – СПб.: антология, 2004. – 400 с.

4. Орлова Н.М., Черепанов М.В. Книга книг. Филологический комментарий библейских текстов. – Саратов: Научная книга, 2006. – 380 с.
5. Сакаева Л.Р. Сопоставительный анализ фразеологических единиц антропоцентрической направленности: на материале русского, английского татарского и таджикского языков: дис...д-ра филол.наук / Сакаева Л.Р. – Казань 2009. – 408 с.
6. Тихонов А.Н. О грамматических формах, вариантах и дериватах фразеологических оборотов. // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967. – С. 220-231.
7. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.Н. Шанского. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 647 с.
8. Coubild: Collins Essential English Dictionary/ - London and Glasgow: Collins, 1988. - 948 p.
9. OAD: Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. – Oxford University Press, 1974. – 1055 p.
10. Murphy, 1988: Murphy R. English grammar in USE. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 328 p.

Пронникова Н.В. ©

Старший преподаватель кафедры иностранных языков, Марийский государственный университет

ТИПЫ РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫХ ФОНЕМ АНГЛИЙСКОГО И МАРИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Известно, что основной единицей фонетического уровня языка является фонема. Понятие фонемы связано с развитием понимания языка как целостной системы. Профессор Казанского университета И. А. Бодуэн де Куртенэ, первым разработавший понятие фонемы, подчеркивал, что выделение фонемы возможно лишь при учете всей системы фонем данного языка. [3, 11]

Описание системы фонем языка опирается на противопоставления (оппозиции) фонем по различительным признакам (глухость-звонкость, твёрдость-мягкость и т. п.). Можно сказать, что фонема состоит только из этих признаков. [1, 22] Фонологическая система невозможна без оппозиций: если в языке (например, французском) нет понятия мягких согласных фонем, то там нет и твёрдых согласных фонем, хотя произносимые звуки речи могут расцениваться носителями другого языка (например, русского) как твёрдые или мягкие.

Чаще всего, однако, различительные признаки, не влияющие на смысл, не осознаются носителями языка. Таковы, например, закрытые-открытые гласные в русском языке: в словах *тесть* [т'эс'т'] - *тест* [тэст] разные гласные звуки, но мы различаем слова *тесть* и *тест* не по закрытости-открытости звука [э], а по твёрдости-мягкости согласных. В русском языке открытые и закрытые гласные никогда не встречаются в одной и той же позиции (закрытые – всегда только перед мягкими согласными); не существует ни одной пары слов, различающихся только закрытым-открытым гласным; закрытость-открытость гласного является лишь сопутствующим признаком мягкости-твёрдости согласного. В марийском же языке, например, имеются огубленные и неогубленные гласные, поэтому носители марийского языка четко воспринимают различия в закрытости и открытости гласных звуков, напр.: у – новый, үй – масло; *шераш* – расчесывать, *шо́раш* – развинчивать; *нераш* – дремать, *но́раш* – мокнуть и др., то есть эти слова различаются только открытостью-закрытостью первого гласного звука (данный признак является смысловозначительным). [6, 43]

Фонема – минимальная фонетическая единица языка, служащая для различения слов и форм слов. Так, русские слова *дам* – *дом* – *дым* – *дум* (род. п. мн. ч. от слова *дума*) отлича-

ются разными гласными фонемами, а слова дом – том – сом – ком – лом – ром – разными начальными согласными фонемами, угол и уголь, стал и сталь, дет и деть противопоставлены конечной фонемой. Так традиционно в марийском языке лишь в разговорном стиле при выпадении гласного *ы* между сонантами слогообразующими, например, могут быть например л и р: тол[ы]н – пришел, кол[ы]н – услышал. Тем не менее, различие согласных и гласных по их роли в слогообразовании имеет некоторое основание. [6, 42]

Фонемы различают не только слова, но и формы слов. Прибавление или изменение фонемы меняет форму слова, напр. в русском языке: дом - дома - дому; читал - читала; книга - книги - книге - книгу и т. п. В марийском же языке гласные противопоставляются согласным тем, что они в отличие от согласных, оказываются связанными с сингармонизмом. Сингармонизм – это (греч.) гармония гласных, уподобление последующих гласных в аффиксах какого-либо слова предшествующим гласным корня того же слова (явление, характерное для тюркских языков). Это - единообразное по составу гласных (иногда согласных) оформление слова как морфологической. Так, например, суффикс множественного числа в венгерском языке: *leves* – суп, *levesek* – супы; *saldto* – салат, *saldtdk* – салаты.

Свою функцию различителя слов или форм слов фонемы выполняют на основе наличия у них дифференциальных, т. е. различительных, признаков. Эти признаки выделяются у фонем в результате их противопоставления друг другу в системе того или иного языка. Поэтому в разных языках дифференциальные признаки фонем могут быть различными. Так, для русского языка очень важно противопоставление согласных фонем по твердости - мягкости (ср.: был - бил, тазы - вязы, сад - сядь и под.). В английском, немецком и французском языках такого противопоставления нет. В русском языке нет противопоставления гласных по долготе - краткости, а, например, для английского языка такое противопоставление очень существенно. В финно-угорских языках очень распространена в этом плане палатализация (от лат. *palatum* – *среднее нёбо*) – это смягчение согласных, возникающее в результате поднятия средней спинки языка к твёрдому нёбу. Таким образом, признаки, необходимые и достаточные для определения данной фонемы в сигнификативно сильных позициях, называются дифференциальными.

Дифференциальные признаки фонем связаны с различием акустических признаков звуков, что, в свою очередь, связано с различиями в их артикуляции, т. е. с разницей в работе органов речи. Звонкость – наличие в звуке не только шума, но и тона, создаваемого работой голосовых связок; мягкость – большая высота звука, вызванная изменением формы ротового резонатора в результате дополнительной артикуляции - подъема средней части спинки языка к твердому нёбу.

Но для выделения фонем важны не сами артикуляционная и акустическая стороны этих признаков, а их противопоставленность, их использование для различения других языковых единиц. Гласные звуки [а], [о], [и] могут быть произнесены в русском языке с различной длительностью (ср. продление гласных в словах при выражении удивления, сомнения, возмущения и т. п.; [та:м?], [кн'и.га?], [во:н!] и под.), но длительность произношения в русском языке не используется для различения слов и форм слов, а следовательно, различия звуков [о] и [о:], [и] и [и:] не перерастают в фонемные различия. В английском языке мы можем четко наблюдать такую закономерность, где долгота гласного влияет и на значение слова, и на перевод: *pool* [u:] – *pull* [u], *bid* [i] – *bead* [i:], *tin* [i] – *teen* [i:]. В марийском же языке нет фонематически противопоставленных долгих и кратких гласных, хотя марийский язык не безразличен к долготе гласных. В нем существуют определенные пределы длительности гласных, соответственно длительности слов. Нарушение этих пределов приводит к тому, что то или иное слово при чрезмерном удлинении гласных распадается на слоги, а при чрезмерном сокращении изменится до неузнаваемости. [6, 44]

Фонемы, которые отличаются лишь одним дифференциальным признаком, называются парными. Парными в русском языке, например, являются фонемы [б] и [б'], [б] и [п], [д] и [д'], [д] и [т] и т. д. Непарными оказываются, например, фонемы [ц] и [ч'], так как нет фонемы, которая отличалась бы от [ц] или от [ч'] только одним признаком. В английском языке парные на-

чальнослоговые консонансы строятся по двум моделям. Одна из них соединяет несонорный согласный с сонорным: за / p /, / t /, / k /, / b /, / d /, / g /, / f / или // следует / l /, / r / или / w /, если сочетающиеся согласные не артикулируются в одном и том же месте – поэтому / w / не следует за губными, а / l / за переднеязычными. Другая модель специфична для шумного проточного согласного / s /: только после него могут следовать смычные согласные / m /, / n /, / p /, / t /, / k /. Согласные / s / и // участвуют также в консонансах, построенных по первой модели – за / s / следует / l / или / w /, а / r / следует за / b /.

Количество фонем в разных языках колеблется от 13 - 14 (в некоторых языках Австралии и Океании) до 70 и более (в кавказских языках), но обычно число фонем близко к 36 - 40. В английском языке 44 звука (т.к. в нем есть еще и дифтонги), в марийском 8 гласных и 23 согласных фонемы. Для сравнения, в финском - 8 гласных и 13 согласных фонем, а в русском – 42 звука, из них 6 гласных и 36 согласных. Различие в дифференциальных признаках фонем приводит к разному соотношению гласных и согласных в том или ином языке. Так, в русском языке у гласных меньше различительных признаков, поэтому выделяется лишь 6 гласных фонем; а в языках, где таких признаков больше, например во французском, английском, немецком, гласных фонем больше.

Фонемы употребляются только в составе слова, где они оказываются в разных позициях (положениях). В одной позиции характерные признаки фонемы выявляются наиболее отчетливо, в другой ослабляются и могут утрачиваться. Позиция, в которой различительные признаки фонемы проступают отчетливо, называется сильной. Для разных типов фонем в разных языках сильные позиции не одинаковы.

Для гласных сильная позиция – положение под ударением, где фонемы наиболее отчетливо противопоставлены друг другу. Ср. противопоставление фонем в словах стол - стул - стол - стыл. При определении сильной позиции для фонем русского языка надо учитывать и твердость или мягкость предшествующего согласного (после мягких согласных произношение гласного меняется, ср. рад и ряд, лук и люк и под.), для ряда других языков это различие не существенно. В английской подсистеме гласных существуют следующие 6 оппозиции гласных по признаку ряда: [i: - u:] – beat – boot; [I - u] kick – cook; [e - ɜ:] bed – bird; [æ - a:] cat – cart; [a: - o] heart – hot; [ʌ - ɔ:] truck - talk [2, 74]

Для согласных сильная позиция – положение перед гласными и сонорными согласными, а в русском языке и перед [в]. Для согласных в марийском языке характерна ненапряженная артикуляция. Твердые согласные в марийском языке никогда не смягчаются перед гласными переднего ряда, напр.: *теле* [tele] – зима, *тиде* [tide] – этот.

Позиции, в которых фонемы полностью или частично теряют свои различительные признаки, называются слабыми. Для гласных слабой позицией оказывается безударный слог, ср. русские слова *дрова* и *травы*, *собор* и *забор*, *сома* и *сама*, в произношении которых утрачиваются дифференциальные признаки фонем [o] и [a] - [дрлва - трлва, слббр - злббр, слма - слма]. Мари в русских заимствованиях произносят все мягкие согласные, существующие в русском языке: *тигр* [t'igr], *надеж* [rad'ež], и т.д. В английском языке слабой фонемой можно назвать *a*, которая используется самостоятельно, как артикль, например в словах: *a lady* [ə lædi], *a city* [ə siti].

Для согласных в большинстве языков слабой позицией оказывается положение перед несонорными согласными или на конце слова. В этих случаях в русском языке теряется различие по глухости - звонкости. Ср.: [прут] - прут и пруд, [сток] - стог и сток, [вас] - вас и ваз, [збор] - сбор и [избој]- избой, [лѣхѣт] - отход и [плѣхѣт] - подход, и т. п. В английском языке часто такое происходит в противопоставлениях: bad – bat; sat-sad, log-lock, seed – seat и т.п. В марийском же языке согласные произносятся как соответствующие русские, и “подстановка” русских согласных не режет слух. Однако возможны некоторые варианты произношения, такие как: *л* может иметь более мягкий оттенок, чем русский звук (в английском языке он не смягчается вообще), или *г* между двумя гласными может произноситься как южнорусское [7, 8]. В английском же языке фонема *г* вообще имеет один вариант произношения.

Различение сильной и слабой позиций фонем имеет не только теоретическое значение, но и практическое. На различении сильной и слабой позиций основан ряд важных орфографических правил, например написание безударных гласных и согласных, стоящих перед несонорными согласными, непронизносимых согласных. Учет различий соотношения сильных и слабых позиций важен при изучении других языков, он может предостеречь от многих ошибок в произношении слов изучаемого языка.

Фонемы как единицы языковой системы в процессе речи реализуются в разных звуковых вариантах. В сильной позиции фонемы представлены основными вариантами, в слабой – видоизмененными, с частичной утратой дифференциальных признаков. Например, в конечном положении фонемы [б], [д], [г] и др. утрачивают звонкость (ср.: [столп], [плук]), но сохраняют другие признаки – взрывность, твердость и т. д. В словах вода, нога и под. фонема [о] утрачивает лабиализованность, но сохраняет противопоставленность другим фонемам по ряду (непередний ряд в отличие от [е], [и]) и подъему (неверхний подъем в отличие от [у]). Как, например, в английском языке фонема s в интервокальном положении будет произноситься как звонкий z. Звонкие согласные б, в, г, д в марийском языке в конце слова и внутри слова перед согласной оглушаются: кид [kit] рука, кидше [kitʂe] – его рука.

Таким образом, в разных условиях (позициях) и в разных языках фонема представлена одним из своих вариантов. Но во всех вариантах одной и той же фонемы есть нечто общее, что позволяет объединять все варианты одной фонемы в один класс.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М.: 1966. – 305 с.
2. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. Пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» – 2-е изд.: – М.: Просвещение, 1989. – 254 с.
3. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Том II. – М.: АН СССР, 1963. – 376 с.
4. Бонк Н. А., Котий Г. А., Лукьянова Н. А. Учебник английского языка. Часть первая. Книга 1. – стереотипное издание. – М.: МП «ФИРМА АРТ», 1992. – 352 с.
5. Бурова З. И. Английский язык для гуманитарных специальностей вузов: Учеб. для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1987 – 463 с.
6. Грузов Л. П. Современный марийский язык. Фонетика. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. – 163 с.
7. Зорина З. Г. и др. Марийский язык для всех. Часть 1 / З. Г. Зорина, Г. С. Крылова, Э. С. Якимова. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990.-224 с.

Ражева Е. С. ©

ВЛИЯНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНОГО СЛОВА И ЗВУКООБОЗНАЧЕНИЯ

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме выявления факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических, оказывающих влияние на формирование основных компонентов звукоподражательных слов и звукообозначений.

Как показывает анализ, можно выделить ряд обстоятельств, влияющих на формирование звукоподражательного слова или звукообозначения, в том числе:

1) акустические особенности денотата (звук работающей машины существенно отличается от стрекота кузнечика или жужжания мухи);

2) артикуляционно-акустические свойства самой фонемы (так ассоциативно-семантический звукоэффект от русской фонемы [ж] или английской [z] обозначает быстрый удар, поэтому в словах *жужжать* и *buzz* показана серия быстрых ударов с большой частотой (на самом деле насекомые производят подобный звук при помощи ударов крыльев, либо других частей экзоскелета)).

Кроме того, на создание звукообозначения оказывают влияние следующие факторы:

3) различия в речевом опыте носителя языка (например, речь детей). Восприятие у человека тесно связано с называнием. Уже доказано, что «детский язык не вторичное по отношению к взрослому языку явление» [1, 135]. Изучая процесс становления детской речи проанализировать становление человеческого языка (звукоподражательная теория происхождения языка). В детском лексиконе звукоподражательные слова рус. *мяу*, англ. *mew*, *miaul* обозначают кошку, рус. *жжу-жжу* и англ. *bzz-bzz* – жука или любого насекомого, издающего жужжащие звуки. Существует предположение, что слово *бабочка* скорее всего произошло от детского «ба-ба». Дети такими звуками-слогами могли восхищено назвать это насекомое. Соответственно языковой и речевой опыт играет здесь огромную роль);

4) восприятие (о восприятии чуть ниже);

5) слабые имитаторские способности человека (из-за того, что звук обладает сложной природой, а человеческая артикуляционная система и система восприятия не так развиты, чтобы достаточно точно передавать звуки окружающего мира, поэтому человек аппроксимативно воспроизводит звуковые сигналы);

6) выбор разных аспектов звучания (в этом кроется еще одна причина различия звукообозначений в разных языках). Слова *кlop* и *bug* имеют звукоподражательное происхождение, но в то же время обладают разным планом выражения. *Bug* происходит из древнеанглийского – *budda* использовавшееся для обозначения "beetle" (cf. Low Ger. *budde* "louse, grub," M.L.G. *buddech* "thick, swollen") [10]. *Кlop* искон. производное (с перегласовкой *e* — *o*) от *кленати* "ударять расплющивая" "бить, стучать" [9]. В английском варианте был выбран компонент «звук, издаваемый насекомым», а в русском эквиваленте слово произошло от «звука, производимого при уничтожении насекомого».

Основой понятия «звукообозначение» является звук, обладающий объективными чертами (особенностями, присутствующими в реальном мире) и субъективными чертами (особенностями, обусловленными восприятием). Объективная природа звука незначительно влияет на разницу звукообозначений в разных языках, тогда как восприятие оказывает огромное влияние.

Понятие «звук» имеет двойственную природу, так как звук, в широком смысле – упругие волны, продольно распространяющиеся в какой-либо среде и создающие механические колебания; в узком смысле – субъективное восприятие этих колебаний специальными органами чувств животных и человека. То есть «звук» – «это волновые колебания упругой среды – воздуха, воды и т.д., которые могут вызывать слуховые ощущения» [2, 292]. Согласно вышеизложенному физическому определению, звук можно рассматривать как физическое объективное явление (распространение колебаний в воздухе), которое действительно существует в окружающем мире, с другой стороны, звук – это результат слухового восприятия, то есть субъективное ощущение. Первое – по существу – является причиной, второе – следствием; первое определение – объективное, второе – субъективное. В первом случае звук представляет собой поток энергии, текущий подобно речевому потоку. Во втором случае под звуком понимается те ощущения, которые возникают у слушателя в результате действия звуковой волны через органы слуха на мозг [8, 7].

В акустике основными физическими характеристиками звука являются: интенсивность, высота, тембр и длительность. Интенсивность звука – характеристика, которая зависит от амплитуды звукового давления, от свойств среды и формы волны. С интенсивностью связана громкость – величина, характеризующая слуховое ощущение данного звука, мера

силы звукового ощущения, представленная в зависимости от интенсивности стимула. Высота звука – качество звука, определяемое человеком субъективно на слух и зависящее от частоты звука (чем выше частота колебаний в единицу времени, тем выше звук). За единицу частоты звука принят Гц. Человеческое ухо способно воспринимать звуки в диапазоне от 16 до 20000 Гц. Звук ниже 16 Гц – инфразвуки, а выше 20000 Гц – ультразвуки; под тембром понимают особый характер или окраску звука, зависящую от взаимоотношений его частичных тонов. Тембр отражает акустическую составляющую сложного звука, - число, порядок и относительную силу, входящую в его состав частичных тонов (гармонических и негармонических) [6, 249]. Тембр звука – его индивидуальная особенность, окраска звука, определяемая его спектром, соотношением между основным тоном и обертонами [2, 293].

Другая, субъективная сторона звука – восприятие. Звук как субъективное явление более сложен и менее изучен, чем его объективная сущность. В психологии приводится такое определение восприятию – «процесс формирования при помощи активных действий субъективного образа целостного предмета, непосредственно воздействующего на анализаторы» [5, 77]. С.Л. Рубенштейн определяет восприятие следующим образом: «это чувственное отражение предмета или явления объективной действительности, воздействие на наши органы чувств» и одновременно это «не только чувственный образ, но и осознание выделяющегося из окружения противостоящего субъекту объекта» [6, с.275-276]. Восприятие вместе с ощущениями обеспечивает ориентацию в окружающем мире.

Восприятием речи слушающим, установлением соотношения между произнесенными звуками и услышанными занимается перцептивная фонетика (от лат. *perceptio*). Существуют несколько факторов, которые оказывают влияние на восприятие речи:

- ограниченная способность слухового восприятия человека. При этом восприятие зависит от характера звука. Повторим, что человеческое ухо способно улавливать звуки в диапазоне от 16 до 20000 Гц;
- языковой опыт слушающего. Звуки родного языка с легкостью распознаются носителями. Если же звуки чужого языка или диалекта своего языка, отличаются от привычных звуков, они могут с трудом распознаваться или не распознаваться вообще;
- наличие посторонних звуков (шумов);
- смысловой контекст. Если слово произнесено нечетко, например, с отсутствующими звуками или с другими похожими звуками, оно тем не менее распознается [2, 297-299].

Рождение звука происходит при движении объекта и его взаимодействия с другим объектом. Так как число движущихся объектов бесконечно, то, и число звукообозначений бесконечно. Но из-за ограниченности слухового восприятия человека число звукообозначений сокращается, и они становятся антропометричными [4, 48].

Вышеперечисленные особенности звука находят отражение в семантике звукообозначений, так как, когда человек характеризует звук по силе, тембру и т.д., это в первую очередь, связано с тем, что человек связывает эти значения с тем, как этот звук им воспринимается. На основании проводимых звуками впечатлений можно определить их сходство и различие. Эти впечатления попадают в зависимость от условий коммуникации. По мнению И.В. Лисицыной, «к данным условиям, которые одновременно являются и смысловыми признаками в семантике звукообозначений, относятся»:

- среда, в которой распространяется звук;
- материал звучащего предмета: металл, стекло, дерево и т.д.
- характер контакта между объектами, участвующими в образовании звука: например, удар, трение;
- повторяемость звука;
- прерывность/непрерывность звука [4, 49]

Ученые единодушно утверждают, что в акустике сложно выделить критерии, по которым звуки можно было бы разделить. Поэтому основания для выделения физических моделей музыки, шумов, речи являются гипотетическими. По мнению Б.Н. Сулова, можно выделить звуки организованные и неорганизованные. Таким образом, по действию, производи-

мому на нас, все звуки делятся на две группы: музыкальные звуки и шумы. [7, 15]. Отличие одного от другого заключается в следующем: чистый музыкальный звук всегда имеет определенную высоту, это организованная звуковая волна; в шуме, напротив, царит полнейший беспорядок, так как «шум – это множество различных, одновременно несущихся звуков, и чем быстрее и резче изменяются их высота и сила, тем неприятнее действует шум» [7, 15-16]. Однако, согласно С.Л. Рубенштейну, не существует резкой границы между музыкальными звуками и шумами. «Акустическая составная часть шума часто носит ярко выраженный музыкальный характер и содержит разнообразные тоны, которые легко улавливаются опытным ухом» [6, 244]. Еще одним доказательством того, что не существует резкой границы между тонами (музыкальными звуками) и шумами, является то, что многие композиторы прекрасно передают при помощи музыкальных звуков различные природные шумы, например журчание ручья у Ф. Шуберта, и шум моря у Н.А. Римского-Корсакова [6, 245]. Что касается речи человека, то в ней представлены шумы, и музыкальные звуки. Гласные – это чисто тоновые звуки, тогда как согласные характеризуются наличием шума. Например, в русском языке по участию шума и голоса согласные делятся на шумные и сонорные. Сонорными называются согласные, образуемые при помощи голоса и незначительного шума: [м], [м'], [н], [н'], [л], [л'], [р], [р']. Шумные согласные делятся на звонкие и глухие. Шумными звонкими согласными являются [б], [б'], [в], [в'], [г], [г'], [д], [д'], [ж], [Ж], [з], [з'], [ж], [ж], [дз], [дж], образуемые шумом с участием голоса. К шумным глухим согласным относятся: [п], [п'], [ф], [ф'], [к], [к'], [т], [т'], [с], [с'], [ш], [Ш], [х], [х'], [ц], [ч'], образуемые только при помощи одного шума, без участия голоса. Например, для образования согласных нам необходим и голос и шум. Но только одни образуются при помощи шума и голоса одновременно ([в], [г], [д], [з]), а другие только при помощи шума ([ф], [к], [т], [с]).

При описании звука обязательно учитывается и его соотношенность с источником звучания. Так, И.В. Лисицына выделяет несколько основных источников звука, которые соотносятся с современными концепциями психологии восприятия и отражают целостную картину мира: живые существа (животные и человек) и неодушевленные артефакты и объекты неживой природы. [4, с.49].

Согласно другой классификации звуки можно разделить по источнику происхождения на естественные и искусственные, а по информационному содержанию – на коммуникативные и характеризующие окружающую среду. Критерием такого деления звуков по происхождению является характеристика предметности слухового образа. К естественным звукам можно отнести все звуки, которые улавливает человеческое ухо. Это звуки как биологического, так и небιологического происхождения. В группу естественных звуков биологического происхождения входят звуки человека и животных, которые создаются при помощи специальных органов и в большинстве своем обладают коммуникативной функцией. К естественным звукам небιологического происхождения можно отнести всякого рода шумы, источниками которых не являются животные и человек. В группу искусственных звуков входят специально производимые человеком звуковые сигналы, не связанные с действием естественных источников звучания [3].

По информационному содержанию можно определить две группы звуков: «1) звуки, выступающие как средство коммуникации у человека (большинство сигналов, образованных в результате человеческой деятельности, а также основная часть биоакустических сигналов животных); 2) звуки, несущие информацию только об окружающей среде (природные звуки, а также разного рода технические шумы) [3, 16].

Анализ критериев классификации и специфики природы звука показывает, что звукообозначения непосредственно связаны со слуховым восприятием человека, а так как слух человека неразрывно связан с речью, то в этом и кроется причина того, что звуковой строй родного языка влияет на развитие слуха человека. Это и есть один из критериев несовпадения некоторых компонентов звукообозначений в словах - эквивалентах в различных языках.

Литература

1. Воронин С.В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2009, 248 с.
2. Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Крысин Л.П. Русский язык: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. Под редакцией Л.Л. Касаткина. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 768 с.
3. Курашкина Н.А. Звукообозначения как репрезентация звукофонемы в языке // Дисс. канд. филол. наук. – Уфа, 2007. – 194 с.
4. Лисицына И.В. Звукообозначения в аспекте семантической деривации: на материале глаголов французского языка. // Дисс. канд. филол. наук. – Воронеж, 2007. – 142 с.
5. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. – М.: Прайм – Еврознак, 2003. – 672 с.
6. Рубенштейн С.Л. Основы общей психологии. – Питер, 2002. – 720 с.
7. Сулов Б.Н. Звук и слух. – М., Военное издательство министерства вооруженных сил союза ССР, 1948. – 55 с.
8. Чедд Г. Звук. Пер. с англ. Г.И. Кузнецова. – М., «Мир», 1976. – 206 с.
9. Школьный этимологический словарь русского языка [электронный ресурс] URL: <http://slovari.yandex.ru/~%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%AD%D1%82%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/~%D0%9A/10/> (дата обращения 19.07.2012.)
10. Online Etymology Dictionary [электронный ресурс] URL: <http://www.etymonline.com/index.php?term=bug> (дата обращения 19.07.2012)

Садыхова Г.Р. ©

Доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка,
Азербайджанский университет языков

ОБРАЗЫ «ПЧЕЛЫ» И «МУРАВЬЯ» В БИБЛИИ И КОРАНЕ

Фразеологизмы с названиями насекомых широко представлены в языках мира. По мнению учёных, фразеологическая система любого языка является носителем культурных мировоззренческих концептов народа, представляющих сложные понятия в виде образов [5, 6]. Каждый из них, в свою очередь, несёт в себе огромную этнокультурную информацию, морально-эстетическую оценку явлений жизни, характеризует национальные черты этноса, поэтому особо следует отметить актуальность сопоставительных исследований в области фразеологии, результаты которых позволят определить универсальные и специфические языковые отражения духовного мира народа.

Как известно, большое количество фразеологических оборотов этимологически связаны с книгами Священного Писания. Библия и Коран являются источниками изречений и цитат, впоследствии ставшими популярными у многих народов мира, вне зависимости от их вероисповедания. В данной статье мы рассмотрим образы «пчелы» и «муравья», послужившими компонентами фразеологических оборотов во многих языках мира, в том числе, и в исследуемых нами русском, французском и азербайджанском. Эти насекомые неоднократно упомянуты в Священных Книгах. Начнем с образа «пчелы» в Ветхом Завете. Нет ни одного насекомого более обширно распространенного, как пчела, которую можно найти в каждой стране света. Ее способности, трудолюбие и ценный продукт ее деятельности с самых отдаленных времен обращали на это насекомое всеобщее внимание. Цицерон и Плиний указывают на одного философа Аристомага, который посвятил почти 60 лет изучению жизни пчелы, и на другого - Фелиска, который, как говорят, удалился в пустыню, чтобы удобнее производить свои исследования относительно означенного насекомого. В Свящ. Писании нахо-

дится много указаний на пчел и их образ жизни. В львином трупе, убитом Самсоном, он нашел рой пчел (Суд 14:8) [1,275], следовательно пчелы водились в Палестине не только в дуплах деревьев и расселинах скал, но и в телах умерших больших хищных животных. Аллегорические выражения Ветхого Завета могут несколько уяснить способ вызывать пчел из их ульев при налете нового роя свистом или бряцанием (Ис 7:18) [1,685].

Премудрый Соломон отзывается о пчеле в следующих замечательных словах: *"Пойди к пчеле и познай как она трудолюбива, какую почтенную работу она производит; ее труды употребляют во здравие и цари и простолюдины; любима же она всеми и славна; хотя силою она слаба, но мудростью почтена"* (Прит. 6:8) [1,640]. Отсюда, очевидно и фразеологический оборот: *«Трудолюбив(а) как пчелка»*. Другим библейским текстом, могут быть слова из Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова: *«Мала пчела между летающими, но плод ее - лучший из сластей»* (Сир. 11:3). Пчела, также как и муравей, являют примеры усердия, а также своими действиями показывают знание мудрости, чему люди должны учиться от них. Мёд, столь любимый сегодня нами, был известен и в библейские времена, о чем неоднократно упоминается в Ветхом Завете: *«Ешь, сын мой, мёд, потому что он приятен, и сот, который сладок для гортани твоей»* (Прит. 24:13). [1,659]. Однако образность мёда и пчел в текстах Священного Писания очень богата и многогранна. Ханаан, называемый землёй, где «течет молоко и мёд», пожалуй, является самым известным образом, где упоминается этот сладкий продукт. Здесь мёд выступает в качестве символа изобилия: земля, принадлежащая Господу и изобилующая Божиими дарами, описывается как *«земля хорошая и просторная, где течет молоко и мёд»* (Исх. 3:8; Чис. 14:7; Втор. 1:25; 6:3; 11: 9; 26:9, 15; 27:3; Иер. 11:5; 32:22) [1]. Использование метафор характерно для языка Ветхого Завета, и коллективный труд пчел, их трудолюбие, превращение подчас горьких цветов в сладчайший мед стало предметом для сравнения у многих библейских авторов. При этом отмечались не только положительные по человеческим представлениям качества. В Ветхом Завете, пророк Моисей разительным образом указывает на жестокое мщение, с которым пчелы преследуют своих врагов израильтян - аморреев: *«И выступил против вас Аморрей, живший на горе той, и преследовали вас так, как делают пчелы, и поражали вас на Сеуре до самой Хормы»* (Втор. 1:44) [1,190]. Беспомощность человека перед соединенными нападениями этих насекомых хороша известна. Фразеологизм *"окружили меня, как пчелы (сот)"* (Пс 117:12), объясняет также ту ярость, с которой пчелы нападают на намеченного ими человека. Далее, хочется заметить, что «Пчела» в Ветхом Завете использовалось и как имя собственное. Воинственная пророчица Девора («Пчела») *«жила под Пальмою Девориною, между Рамою и Вефилем, на горе Ефремовой; и приходили к ней [туда] сыны Израилевы на суд»* (Суд. 4:5) [1,261]. Именно она подняла израильские племена на борьбу с врагами, и в битве израильтян против Сисары у потока Киссон враг иудеев был поражен (Суд. 4:15). В Новом Завете пчелы не упоминаются, но о мёде говорится. Мёдом диких пчел питался Иоанн Креститель: *«Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, а пищею его были акриды и дикий мед»* (Мф. 3:4) [1,2]. Отсюда и фразеологизм в русском языке: *«Питаться акридами и диким медом»*, что означает «жить впроголодь». С образом пчелы существует определенное количество фразеологизмов и во французском языке. Несомненно, что Священное Писание оказало влияние на их образование. Например:

Во французском языке:

Перевод:

abeille forcée ne fait pas bon miel	Если заставить пчелу, то хорошего меда она не даст (никого не надо заставлять делать что-либо насильно)
l'abeille qui reste au nid n'amasse pas de miel	Пчела, не вылетающая из улья, меда не соберет (подлежащий камень вода не течет)
la bonne abeille ne se pose pas sur une fleur fanée	Хорошая пчела не сядет на увядший цветок (не надо брать подпорченный товар)

la douceur du miel ne console pas de la piqûre de l'abeille	Сладость меда не уберет пчелинного укуса(сладкие речи не уберегут от дурных поступков)
la reine des abeilles n'a pas d'aiguillon	У королевы пчел нет иглы (благородный человек не сделает ничего дурного)
si tu aimes le miel ne crains pas les abeilles	Любишь мед,- не бойся пчел (хочешь кататься, умей и саночки возить)
si tu vois des fourmis aux escaliers, sache qu'il y a de la mauvaise odeur à la maison et si tu y vois des abeilles, apprends qu'il y a du miel en haut	Если ты видишь муравьев на лестнице, знай, что дома дурной запах, если видишь пчел,- знай, что там мед
si tu veux du miel, tu dois supporter la douleur des piqûres des abeilles	Хочешь мед, терпи боль от укуса пчел
suivez les abeilles et vous mangerez le miel (A)	Следуйте за пчелами и вы вкусите мед
<u>une poignée d'abeilles vaut mieux qu'un sac de mouches</u>	Горсть пчел стоит мешка мух

Пчела является очень почитаемым и ценным насекомым в Коране. Это насекомое настолько значимо, что одна из 114 Сур Корана носит ее имя «аль Нахль»- «Пчела». Состоит эта Сура из 128 аятов.

«И твой Господь вменил (внушил) пчеле: Устраивай себе жилище

В горах, в деревьях и в людских постройках,

Питайся всякими плодами,

Летай смиренно по путям,

Проложенным твоим Владыкой.

Из внутренностей их питье выходит,

Что различается по цвету,-

В котором врачеванье для людей,

И здесь, поистине, знамение для тех,

Кто размысленным предается» (Сура 16 аяты 68-69).) [3,303].

В этих аятах сокрыта очень примечательная особенность, которая становится понятной в свете морфологии арабского языка. В арабском языке из формы употребляемого глагола можно отличить мужской и женский род подлежащего. В кораническом аяте : «Устраивай себе жилище в горах, и на деревьях, и в людских постройках», присутствует элемент чуда и значимости, обращающей на себя внимание словом “иттахизи”(устраивай). Употребленная здесь форма императива указывает на то, что к пчелам обращаются как к особям женского рода. Пчелы-имя собирательное, то есть может быть как мужского, так и женского рода, но с другой стороны, употребленное здесь обращение к ним как к особям женского рода может соответствовать характеру жизни пчел: ведь только самки выполняют всю работу в своих популяциях, самцы же нужны только для оплодотворения и появляются они только перед брачным периодом, а затем умирают и исчезают. Однако напомним, что определение пола насекомого стало возможным, пожалуй, только в наши дни, при помощи биологических наблюдений. Тот факт, что в ульях пчел работают только самки, был экспериментально обнаружен только в нашем столетии, тогда как в Коран был ниспослан человечеству за 1400 лет до этого открытия и уже тогда содержал в себе это уникальное знание. Действительно, название целой суры Священного Корана именем насекомых, а затем и содержащееся в ряде аятов этой суры точное и достаточно подробное описание их природы, поведения и вырабатываемого ими продукта не столько имеет целью возвеличить пчел, сколько служит само по себе указанием на наличие чуда.

Далее рассмотрим образ «муравья» в Библии и Коране. В Коране есть Сура «Аль Намль» («Муравьи»). Состоит она из 93 аятов. Название Суры взято из 18-го аята: *«Со временем, когда они пришли в долину муравьев, Одна из муравьих сказала: «О, муравьи! Скорее прячьтесь по своим домам, Чтоб Сулейман и воинства его не растоптали вас, сами того не замечая!» (Сура XXVII, аят 18) [3,407].* Исследования энтомологов, проводившиеся на протяжении 20-го века, выявили, что муравьи обладают несравнимо более высокой, нежели люди, социальной организацией жизни и, как необходимое условие такой организации, обладают еще и комплексной сетью передачи информации, то есть сообщением. В одной из статей, посвященной этим маленьким насекомым, опубликованной в журнале *«National Geographic»* приводились следующие наблюдения: «Каждый муравей, независимо от того, большой он или маленький, посредством сложных органов восприятия, расположенных на его голове, принимает миллионы и даже больше различных химических и зрительных сигналов. Мозг муравья содержит 500.000 нервных клеток, глаза соединены, усики-антенны действуют, как нос и кончики пальцев человека. "Прожекторы", расположенные под ротовым отверстием, выполняют функцию вкусовых рецепторов, а волоски реагируют на любое прикосновение»[4,777]. Муравьи, благодаря сверхчувствительным органам чувств, создают различные виды сообщения между собой. Каждый миг жизни, от нахождения добычи до следования друг за другом в пути, создания муравейника и защиты себя и муравейника от нападения, муравьи используют органы чувств. Благодаря 500.000-чам нервных клеток, размещенным в 2–3-х миллиметровом тельце, у муравьев существует поражающая человеческое воображение совершенная и сложнейшая система сообщений. Сообщения, передаваемые этими насекомыми, делятся на несколько основных категорий: сигнал тревоги, сигнал всеобщего сбора, сигнал о месте нахождения пищи, призыв к началу уборки в муравейнике, сигнал к группировке, сигнал узнавания, определения групповой принадлежности... [2,227]. Муравьи, создавшие посредством этих сигналов строго упорядоченную социальную систему, постоянно общаются друг с другом. Причем система передачи данных у муравьев подчас превосходит по эффективности даже человеческое речевое общение (например, в случаях необходимости быстрого всеобщего сбора, разделения пищи и обязанностей, уборки муравейника, обороны своего жилища и т.д.), мгновенно решая вопросы, на которые человеку понадобятся многие часы. Сообщение между муравьями происходит более на уровне химических реакций. Химические вещества, которые муравьи используются для сообщения, – это так называемые полухимические (семиохимические) "феромоны". Жидкое вещество феромон выделяется железой внутренней секреции и воспринимается другими муравьями как запах, играя главную роль в организации колоний муравьев. Когда один муравей выделяет эту жидкость, другие муравьи посредством органов обоняния или вкусовых рецепторов получают сообщение и отвечают на послание. Исследования, проводившиеся по феромонам муравья, показали, что все сигналы вырабатываются в соответствии с потребностями колонии на тот момент. Кроме того, густота выделяемого муравьями феромона также меняется в зависимости от экстренности ситуации, в которой они находятся. [2,224]. Очевидно, что для передачи сигналов, производимых муравьями, им требуются масштабные познания в химии и анатомии. Трудно предположить, что люди могли знать о существовании системы передачи данных у муравьев в 7-м веке нашей эры, когда был ниспослан Коран. И тот факт, что в Коране, за 14 веков до открытия учеными столь удивительных фактов о системе сообщения муравьев особо сообщалось верующим, являет нам еще один научный феномен Корана. В Коране упоминается Сулейман-Соломон, который понимает язык животных и услышав слова муравья улыбается. О муравьях упоминается и в Библии, в Притчах Соломона, где они выставляются как пример прилежания и умения использовать жизнь при всех обстоятельствах. Они особенно заботятся о своем потомстве, мудро распределяют свои работы и соблюдают удивительный порядок в своем общежитии: *«Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни привратника, ни повелителя, но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою.» (Ветхий Завет.Притч.6:6-8;30:24-25)[1,644].*

Таким образом, можно сказать, что муравей является символом трудолюбия и организованности согласно Священным Книгам Библии и Корану. Во французском языке есть такие фразеологизмы с компонентом «муравей»:

Во французском языке:	Перевод:
être une vraie fourmi	Это настоящий муравей (о работяге и экономном человеке)
avoir des fourmis dans une main (un pied, un bras, une jambe, etc.)	Так говорят, когда занемет какой-то орган (рука, нога)
avoir des fourmis dans le ventre	Мурашки в животе (когда человек испытывает стеснение, не в своей тарелке)
écrire comme une fourmi, des pattes de fourmis	Писать как муравей, муравьиные лапки (мелким почерком)
la petite fourmi noire peut entrer chez l'homme, mais cet homme ne peut entrer chez elle	Маленький черный муравей может зайти к человеку, но человек не может зайти к нему.
se faire plus petit qu'une fourmi	Сделаться меньше чем муравей (унизиться)
travail de fourmi	Работа муравья (кропотливая работа)
une fourmi sur le sol, tu l'écrases; une fourmi sur ton bras, tu la pousSES doucement	Муравья на земле ты раздавишь, а муравья на твоей руке легонько сдуешь (никто не хочет причинить боль себе)
Les fourmis assemblées peuvent vaincre le lion	Муравьи, собравшись вместе, могут победить льва

В азербайджанском языке существует такое выражение как *Qarısqanın uğıdığını heç kəs uğa bilməz*. (Никто не сможет собрать столько сколько муравей). *Qarısqadan ibrət al, yaz ikən qışa hazırlaş !* (Бери пример с муравья, готовься к зиме с весны!). В русском языке есть фразеологизм: *Трудиться как муравей*.

В заключении можно сказать, что образы «пчелы» и «муравья» одинаково задействованы и в Библии и в Коране, фразеологизмы с названиями насекомых имеют одинаковую смысловую нагрузку в разных языках мира,

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва, 2008.
2. Bert Helldobler-Edward O. Wilson, *The Ants*, Harvard University Press, 1990
3. Коран. Перевод смыслов и комментарии В. Пороховой. Москва, 2005.
4. National Geographic с. 165, no. 6.
5. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология, Высшая школа, Москва, 1980.
6. Солодуб, Ю. Л. Современный русский язык. Лексика и фразеология современного русского литературного языка, Высшая школа, Москва. 2002.

Сафронова А.А. ©

Поволжская государственная социально - гуманитарная академия

ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТОСТРОЕНИЯ В РОМАНЕ Е.ГРИШКОВЦА «АСФАЛЬТ»

Важным элементом любого произведения является сюжет в современной литературе. Так роман «Асфальт» начинается нетипично для жанра романа, он открывается диалогом, нет никаких предварительных замечаний, подступов к теме, читатель сразу включается в событийный ряд:

«- Ну и что?

- Как ну что?! Миша, родной! Он же законченный, понимаешь, законченный подлец! Он же гнилой насквозь! С ним не то, что поздороваться...

- Ну и что? Зато он умеет себя вести». [1, 5]

Данный фрагмент можно считать экспозицией - этот разговор героев «запускает» сюжетный конфликт.

«Главное – чтобы человек умел себя вести», - это правило о том, что Миша вырабатывал в себе на протяжении продолжительного времени.

И долго бы еще герой следовал своему правилу, если бы не смерть его друга Юли. Она не попадала в аварию, не страдала от неизлечимой болезни. Ничего такого не было, Юля просто покончила с собой. И это событие никак не укладывалось в Мишино понятие об умении себя вести: «То, что случилось, было неожиданным и необъяснимым. Ему немедленно хотелось узнать подробности, чтобы понять причину или хотя бы узнать, что всё это случайность, несчастный случай, роковая нелепость какая –нибудь, да хоть результат болезни, но только не то, что случилось на самом деле».

На протяжении романа мы будем видеть, что мнение о людях Миша будет менять по принципу «умеет – не умеет себя вести». Например, резко не совпадает его представление о должном с поведением друга в момент похорон. Это заметно в следующем диалоге главного героя и его секретарши:

«- Владимир Николаевич сказал, что завещания Юля не оставила...

- И что? - удивился Миша.

- А то, что Владимир Николаевич сказал, что он в таких вопросах не разбирается. И он спросил, нет ли у тебя или у нас толкового юриста, чтобы ему помочь или хотя бы проконсультировать.

У Миши побелело в глазах от гнева». [1, 97]

Данный фрагмент указывает нам на то, что между Мишей и его другом Володей начинает расти стена непонимания. И если Миша погружен в свои внутренние переживания, то Володю интересует только материальная сторона происходящего. Под материальной стороной понимается не только вопрос с наследством, но также с другими вещами, которые от него остались. На фоне таких героев, как Сергей и Степа, которые в жизни Миши начинают играть важную роль, фигура Володи как бы отходит на второй план. Об этом в романе свидетельствует и количество разговоров между героями.

Если рассматривать «Асфальт» как роман – испытание, то смерть Юли – это именно то испытание, которое выпадает на долю героя. Причем через это испытание проходит не только Миша, но и все те люди, которые его окружают. Все герои – главные, второстепенные, эпизодические – связаны этой смертью. Также все события, происходящие в романе, как бы говорят о том, что Мишина теория «главное, чтобы люди умели себя вести» не совсем применима к тем людям, которых он считает своими друзьями.

Отличительной особенностью произведения является довольно «сухая» фабула и очень насыщенный сюжет. Фабула представлена нам цепью однообразных событий в жизни

героя. События, происходящие с героем в художественном настоящем, описаны сухо, как правило, простыми предложениями: «Он мог только не спать», «Стоял на балконе...», «захотел курить...» и т.д. То есть предпочтение в тексте отдается размышлениям героя, его воспоминаниям, его внутренним процессам, а не внешним. В романе «Асфальт» мы видим проявления такого понятия, как «Ретроспекция», которая на уровне композиции проясняет какой – либо элемент текущего действия. Например, сцена, когда Миша летит с родителями и братом на юг и неожиданно видит перед глазами какие – то соринки. Он пытается их убрать, но черточки и точки не исчезают. И тогда узнает, что эти черточки и точки есть у всех. И что они навсегда. Этот момент проясняет нам то, что творится в душе у Миши в настоящий момент. А он понимает, что Юля умерла навсегда:

«А теперь Юля умерла. Умерла не надолго, и не на очень долго, а НАВСЕГДА. И Миша очень ясно увидел себя сидящим на кухне своей московской квартиры». [1,259]

Такие фрагменты создают чувство единения времени в романе. Также ретроспективные элементы обычно сужают хронологическое время, но из-за обилия таких конструкций, нам кажется, что события в романе протекают на протяжении долгого времени, хотя все происходящее занимает примерно всего неделю. То есть мы имеем дело с адинамическим сюжетом – таким сюжетом, при котором в общей композиции произведения много внефабульных элементов, которые часто перемещают на себя центр тяжести читательского внимания. К таким внефабульным элементам относятся воспоминания героя о его прошлом. Воспоминания можно поделить на несколько групп, причем их можно поделить на две группы: воспоминания, касающиеся жизни в Архангельске и воспоминания, посвященные жизни в Москве.

Все воспоминания в романе сопоставляются с событиями, происходящими с героем. Они таят в себе сопоставительную и разъяснительную функцию.

Кроме ретроспективных элементов в романе можно наблюдать несколько вставных конструкций. Например, о необычном устройстве газовых труб в Англии, которое заметили в просмотренном фильме и рассказ младшего брата Миши – Димы, повествующего о зверском убийстве молодой девушки.

В результате, в романе противопоставляется та жизнь, которая укладывается в Мишину теорию, и та, которая не поддается ей. И по ходу движения сюжета герой понимает, что формула «умение себя вести» применима не ко всему. Сигналом того, что Мишино мировоззрение изменилось, становится снятие со стены кабинета знака «бесконечность».

Таким образом, в романе «Асфальт» ключевым событием является смерть Юли, через которую, так или иначе, проходят все герои романа. Гришковец обращается к адиномическому сюжету, поэтому в романе много ретроспективных элементов. Они выполняют определенную функцию, иногда начиная «говорить» за героев.

Литература

1. Гришковец Е.В. Асфальт. – Москва: издательство «Махаон», 2010

Селиванова С.И. ©

Кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ (белый-красный-золотой)

Эстетическое и сакральное значение цвета в фольклорной и мифо-поэтической традиции неоспоримо; в национальной картине мира цветовосприятие выполняет важнейшие функции, находя выражение в хроматической гамме государственных гербов и флагов; к символике цвета обращаются первобытная магия и религия; медицина и психология рассматривают категорию цвета с точки зрения воздействия на духовное и физиологическое состояние личности, т.е. цвет является важнейшим компонентом категории персуазивности, - таким образом, любая лексическая единица, обозначающая цвет, - не просто бытийная реальность, но концепт, предмет изучения многих фундаментальных наук и составляющая многих искусств, в том числе прикладных.

Проблема цветовых предпочтений народов, находящихся на разных ступенях культурно-исторического развития, долгое время рассматривалась в контексте концепции Сепира и Уорфа [1] как обоснование ментальных различий между представителями разных языковых групп; позже в лингвокультурологии и культурантропологии появились работы, связанные с этногенезисом цветообозначений (Б.Берлин, П.Кей) и был обоснован критерий семантической универсальности отдельных колоронимов; работы последних десятилетий связаны с когнитивным аспектом языковой деятельности, проведению концептуального анализа языковых явлений (А.Вежицкая, Е. Рахилина).

Семантическое поле цветообозначений в лингвокультурологии в разное время рассматривалось с точки зрения статистического и гендерного методов, в сопоставительно-описательном и историческом планах, но концепция лингвистики цвета как самостоятельной научной парадигмы в современном языкознании еще не приобрела достаточно четко выраженного описания.

Даже в рамках единой этнической культуры с течением времени (по темпоральной оси пространственно-временного континуума) возможно смещение и/или замещение культурологически значимой семантики колоронима, что препятствует адекватной его рецепции при изучении исторических документов, древних рукописей, памятников древнерусской литературы, произведений устного народного творчества.

Принимая систему цветовых универсалий Б.Берлина и П.Кей [2], находя ей подтверждение в истории происхождения цветообозначений русского народа, дополним и скорректируем предлагаемую структуру собственными наблюдениями.

Черный и *белый*, которые, строго говоря, относятся к ахроматическому ряду, и являются не **цвето-**, а, скорее, **светообозначениями**: *черный* - отсутствие светового потока от объекта, *белый* - собственно световой поток, связанный со сложным для лингвистического описания спектром электромагнитного излучения и восприятием сетчаткой глаза определенных волн.

Бинарный концепт *свет/тьма*, обладающий наибольшей значимостью для жизни человека, тесно связан с представлениями древних о мире; *белый* (солнечный, дневной, *наш*, *этот*) свет/мир противопоставлен *тому*, чужому, *по-ту-сторон*-нему миру, где света как такового, нет вообще (подземное/подводное царство, ад и проч), а, следовательно, не может быть жизни.

На фоне множества птиц и животных, наиболее четко выделялись *белый лебедь* и *чёрный ворон*, *белый (белогривый) конь* и *черный кот*, за которыми легко было наблюдать, и образы которых подверглись известной сакрализации и мистификации.

Лингвокультурный пласт *белого/черного* чрезвычайно богат: *Белая Русь, Белый Город, Черногорье/Белогорье, Белая барыня* (этикет., петербург.)/*девка-чернавка, белое/черное духовенство, белый/черный гриб, белое (белодубово)/черное крыльцо, белянка/чернушка* и проч.

Русская литература зафиксировала ласковое и/или почтительное обращение *свет, светик, свет мой ясный, светлейший (князь)*: «Спой, **светик**, не стыдись!» (И.Крылов, басня); «**Свет мой** зеркальце! Скажи, да всю правду доложи, я ль на свете всех *белее...*?» (А.Пушкин, Сказка о мёртвой царевне).

Новая, сияющая на фоне серых и терракотовых повседневных красок (зданий, утвари, одежды) **белизна** до сих пор воспринимается как яркий нарядный цвет. В торжественные моменты своей жизни (свадьба, смерть) крестьяне надевали самые нарядные рубашки – **белые** [3, 152-153]. Домотканые (серовато-желтые) холсты «**красили**» – отбеливали, в средневековье глагол **красить** имел значение «светить, делать белым, видимым»: «*погляди-ка в восточную сторонушку, не красит ли красное солнышко?*» - здесь речь идет не о заре ярко-розовых оттенков, а о том предрассветном часе, когда небо становится светлее; в некоторых российских губерниях ясный, солнечный день называли *украшлывым*.

Красным углом в избе первоначально называли восточный угол в честь солнца и солнечных божеств, угол богато декорировался *белыми* полотенцами, расшитыми обережными солярными знаками.

В фольклоре обыгрываются омонимы *крашенина* и *крошенина* (хлеб с квасом и луком), когда проголодавшаяся невеста, приехав впервые в дом мужа, плачет: «**свет-то моя крошенина** на печке у матушки осталась!», на что следует резонный вопрос «а много ли холста?», так как свекровь решает, что молодая девушка сожалеет о забытом, выбеленном холсте – **крашенине** (ср.: краса-краше-украсить-украшение). [4, 39-42]

Красивой в сознании русского народа могла быть только *белая* девушка, т.е. с *белой* (чистой и здоровой) кожей, что объясняет древнейшую популярность косметических средств: «*на базар скорей сходить да белил, румян купить*» (русская народная песня).

В «Поучении Владимира Мономаха» синонимом *белому* выступает *красный* свет, *светлая, белая* изба называется *красной*. [5, 456]

Таким образом, одним из семантических компонентов в лексеме *красный* был компонент *белый, выбеленный, отбеленный*. Этот факт необходимо учитывать при художественном воссоздании исторического прошлого, что особенно важно для творческих профессий (современных молодых режиссеров, постановщиков разного рода шоу, художников и т.д.), понимающих некоторые реалии древней Руси и средневековой России буквально: так, «красный сарафан», «красна девица» зачастую связываются с палитрой алого цвета, в то время как ткань, имеющая *красный* (в современном значении) цвет, называлась *червленной* (черленой), *кумачовой* или *алой* (позднейшее), что обязательно подчеркивалось в тексте:

1. «... жена ходит по двору
При такой белой рубашке,
Во кумачных ферезах!

Уж я брошу лозу, поцелую жену!» (народная песня);

2. «За плечами видны гусли, а в ногах **червлёный** щит»,
«...плыл Садко на **черлёном** корабле» (былины)

3. Сам **алый**, сахарный, кафтан зеленый, бархатный (загадка)

Первоначально все компоненты хроматического ряда *белый-красный-золотой* эквивалентны по отношению к семе **солнечный, сияющий**: «По лугу, лугу вода со льдом, По *зелёну золота* струя струит» (лирическая песня); в известной заличке («Петушок, петушок, *золотой гребешок...*») *красный* гребень петуха называется *золотым*.

Диахронический подход позволяет раскрыть идентичность семантики глаголов *красить* (делать белым) и *кресить* (высекать огонь, освещать). **Кресинами** называлось время поворота зимнего солнца, *кресником* – июнь, когда этот поворот совершался (ср. **воскресенье** – буквально *день солнца*). В этом смысле и *Весна* – *красна*, ибо весной резко прибавляет-

ся световой день, и *красно золото* – это не золото красного оттенка, а белое, сияющее, блестящее, как солнце. Синонимичны семы *краса* (отсюда: крас+ив+ый) и *блеск, свет*: девичьей «*красой*» (*красотой*) называли елочку с зажженными свечами, которую девушки на девичнике наряжали перед свадьбой [6, 130-131].

В одном из памятников древнерусской литературы «Хождение Игнатия Смольянина в Царьград в 1389 году», певцы «*стояху украшены чудно. Старейший из них бе дивен и **красен** зело яка снег **бел***» [7,102], иными словами, у него были необыкновенно **красивые**, то есть **седые** (белые) длинные волосы.

Метафорическое осмысление блестящей речи собеседника зафиксировано в выражениях *красное слово*, *краснобай* и проч.

В то же время ядро семантического пространства анализируемого слова включало в качестве отдельных компонентов представления о комфорте: «*говорит Олешенька Поповичот: - Да сяду я в место, куды сам хочу, ... Под **красно-хорошо**, под трубно окно!*» (былина); содержало оценку предметов и явлений, представление о положительном вообще: *красно гумно стогами, а обед пирогами; красота граду старые мужья; на миру и смерть красна*.

Утратив приблизительно к XVI веку большинство вышеприведенных значений, лексема «красный» стала все чаще употребляться в качестве колоронима, вместе с тем значительно расширяя круг своих значений в качестве субстантивированного прилагательного: *красный – белый* (принадлежность к Армии во время Гражданской войны), *красный* (большевик), *красное – белое* (вино), *Красный* (название моста в Санкт-Петербурге), *красненькая* (кредитный билет достоинством в 10 рублей), *красненький* (красный гриб, подосиновик), и т.п.

Современное ассоциативное мышление семантему «красный» привязывает в первую очередь к «флагу» (*красный флаг*), «шапочке» (*красная шапочка*) и «свету» (*красный свет*), и лишь затем следуют ассоциации «*цвет, площадь и заря*» [8,80], что наглядно свидетельствует о ревизии связей между объектами и явлениями реального мира, культурной интерференции и возрастающей роли технических инноваций, - факторах, неизбежно и перманентно меняющих строение лексико-семантической системы языка.

Литература

1. Whorf B. L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. - New York: Wiley, 1956, p.278
2. Berlin B. and Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution: - Berkeley: University of California Press, 1969, p. 520
3. Толстой Н.И. Белый цвет //Славянские древности/ под ред. Толстого Н.И.Т.1, А-Г, М.,1995; с. – 577 – С.152-153
4. Селиванова С.И., Метаморфозы семантики некоторых цветообозначений в русском языке (на материале фольклорных текстов и текстов древнерусской литературы). International Conference “Issues and Perspectives on Studies of the Russian Literature, Language and History”. Korean Association of Rusists, Korea University, Seoul, Korea, 2001, с. 91. – С.39-42
5. Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси: т.1. - СПб., Наука, 1997, с.543 - С.456
6. Русский фольклор: основные жанры и персонажи. – Логос, 200с. – С.130-131
7. Полное собрание русских летописей. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. - СПб., Типография И.Н.Скороходова, Т.11, 1897, 263с. - С. 102
8. Русский Ассоциативный Словарь, Книга 3.- М., 1996, 211 с. - С. 80

Соркомова А.Г. ©

Северо-Восточный федеральный университет Института зарубежной филологии и
регионоведения

РОЛЬ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ

В последние годы всё чаще поднимается вопрос о применении новых информационных технологий в средней школе. Это не только современные технические средства, но и новые формы и методы преподавания, новый подход к процессу обучения. Использование новых информационных технологий в преподавании английского языка обусловлено не только стремлением к новизне, данное обучение также позволяет реализовать личностно ориентированный подход. Использование компьютера в обучении иностранному языку существенно влияет на эффективность образовательного процесса.

Существуют две основные области применения компьютеров в обучающей деятельности: компьютерная поддержка традиционного обучения и обучение, реализуемое с помощью компьютера. Персональный компьютер может применяться учителем для решения личных дидактических задач в течение урока:

- предъявление информации в различных формах;
- контроль, оценка и коррекция результатов обучения;
- организация индивидуального и группового обучения;
- управление процессом обучения.

Компьютер может использоваться на всех этапах процесса обучения: при объяснении нового материала, закреплении, повторении и контроле.

Обучение иностранному языку с использованием компьютера отличается рядом преимуществ:

- интерес учащихся к компьютеру приводит к высокой мотивации процесса обучения;
- ученики охотно ведут диалог с компьютером;
- индивидуализация обучения;
- возможность обеспечения непосредственной обратной связи;
- компьютер не проявляет отрицательных эмоций при повторении ошибок;
- обеспечивается эффективное выполнение упражнений и тренировок. [1]

Компьютерные обучающие программы имеют много преимуществ перед традиционными методами обучения. Их потенциал заключается в том, что они позволяют тренировать различные виды речевой деятельности и сочетать их в разных комбинациях; помогают осознать языковые явления; сформировать лингвистические способности; создавать коммуникативные ситуации; автоматизировать языковые и речевые навыки; а также обеспечивают возможность учёта ведущей репрезентативной системы; реализацию индивидуального подхода и интенсификацию самостоятельной работы учащегося; способствуют повышению познавательной активности, мотивации и качества знаний обучаемых.

Одним из наиболее революционных достижений за последние десятилетия, которое значительно повлияло на образовательный процесс во всем мире, стало создание всемирной компьютерной сети, получившей название Интернет, что буквально означает "международная сеть". Использование кибернетического пространства в учебных целях является абсолютно новым направлением общей дидактики и частной методики, так как происходящие изменения затрагивают все стороны учебного процесса, начиная от выбора приемов и стиля работы, заканчивая изменением требований к академическому уровню обучающихся.

Обучать языку – значит обучать общению, передаче и восприятию информации. Существуют три области, в которых Интернет может вывести обучение английского языка на новый уровень. Это коммуникация, информация и публикация. Коммуникация осуществля-

ется с помощью электронной почты, огромные пласты информации заключены во всемирной паутине публикация может осуществляться путём создания собственной страницы в Интернете.

Самое простое применения Интернета – это использовать его как источник дополнительных материалов для преподавателя при подготовке к занятию. Материалы могут распечатываться и использоваться затем в ходе традиционного занятия. Конечно, в этом случае используется только часть возможностей Интернета. Но даже при таком применении Интернета обучение иностранному языку меняется: пользователь Интернета получает доступ к актуальной и аутентичной информации, которую трудно отобрать из других источников.

Можно заключить, что использование компьютерных технологий предоставляют возможность освободить преподавателя от значительной части рутинной работы, такой, как проверка выполнения отдельных упражнений, фронтального опроса и других рутинных действий. Применение компьютерной техники делает занятие привлекательным и по-настоящему современным, происходит индивидуализация обучения, контроль и подведение итогов проходят объективно и своевременно.

Литература

1. Апатова Н.В. Информационные технологии в школьном образовании.- М.: изд-во РАО., 1994.- 228 с.

Старостин В.П. ©

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Якутская государственная академия

ДУША ДОЛЖНА СОСТРАДАТЬ (ЭТИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)

Тема моей кандидатской диссертации касалась темы сострадания, рассмотрения его как нравственной проблемы в истории философии: начиная с глубокой древности до сегодняшнего дня. Вряд ли его можно назвать модной для науки, а тем более актуальной для молодежи. Хотя она не сползает с эзопова метаязыка больших начальников, признаемся честно, наступившая новая жизнь в меньшей степени выглядит сострадательной. Советское прошлое в некоторой мере было более милосердным, несмотря на то, что сами понятия сострадание, благотворительность были под официальным запретом. Но это не было запретом жить по-человечески. Ведь синонимом сострадательности может быть и человечность, требование в высшей степени жить по-людски.

Меня часто спрашивают, узнав, что занимаюсь данной проблемой: а как воспитать сострадание? Как привить детям чувство милосердия? Честно отвечу – не знаю. Потому что не могу сказать, как лучше поступить по отношению к бездомной собачке: приласкать его и, таким образом, приучить к иждивенчеству, подать ложную надежду, так как домой всех собак не возьмешь или как следует пнуть его, чтобы он с младенчества познал суровую правду жизни и почем фунт лиха. Но всегда советую прочитать детям малоизвестный широкой публике, но не потерявшей своей злободневности рассказ великого писателя России Федора Михайловича Достоевского – человека познавшего всю глубину человеческого сострадания – под названием «Неточка Незванова».

Может быть, прочитав и поразмыслив над ним, кто-нибудь из «племени молодого, зеленого» поймет, что настоящая жизнь не в бесконечных телевизионных шоу и сериалах, что настоящая любовь – не в обожании очередной модной поп-куклы.

В предисловии к Достоевскому [1, 5] С.Е. Шаталов пишет, что «история несостоявшегося скрипача Ефимова – это история гибели таланта в крепостной России»; о том, что «Ефимов – это незаурядная личность»...

Вряд ли можно согласиться с такими утверждениями. Вряд ли «Неточку» молодой Достоевский писал для столь узко-полемической публицистической (а сегодня бы добавили «популистской») цели. Я думаю, смысл данного сочинения, его нравственный заряд намного шире и богаче.

Начнем, пожалуй, с Ефимова. Любил ли он? Да, несомненно. Он понимал искусство. Следовательно, понимал, в чем сила и дух прекрасного. И если в нем с самого начала были задатки гениального таланта, стало быть, он понимал, что такое добро.

Но что приносила любовь, эта любовь его к искусству? Если он знал, что такое прекрасное, то он явно представлял себе, насколько возвышенным, духовно богатым должна делать человека его любовь к искусству. И вот тут-то, я думаю, и зарыта главная мысль Ф.М. Достоевский. Ибо, дав своему герою, казалось бы, все начальные для возвышения, вознесения его к вершинам, он его топил, и топил его.

И даже маленькая, не по годам испытывавшая и вынесшая на себе столько горя и страданий Неточка, вынесла из биографии отчима главное, ключевое значение в жизни любви.

Отчим и не любил в жизни никого – ни мать, ни Неточку. Он даже не любил искусство как таковое, если на то пошло. Он любил только себя, только свое место в искусстве. И этот миф, созданный им самим с помощью окружающих его людей (не всех конечно), в очередной раз губил его, тянул его вниз. Он понимал, что такое зло и что такое добро, но представлял людям, сознательно ли, бессознательно ли, только зло. Он и не пытался сделать шага к другому и сделать другому добро, даже из-за своего эгоизма. Сама Неточка, по-детски восприняв жизненный критерий своего опустившегося отчима, попыталась жить по нему, попыталась оправдать его.

Она любит отчима?... Да, по-детски наивно; но любовь ее и должна была выразиться в таком виде в ее возрасте. Ибо она любила отчима только за тот миф, за свое место в этом мифе. Она выглядит маленькой эгоисткой, но вряд ли ее можно обвинять в том. Она связала свою любовь с мыслью уйти из этого темного, сырого мира, от всех окружающей тупости и серости. Но условием ухода в другой светлый мир с красными занавесями должно быть кощунственное действие – смерть ее матери.

То, что Ефимов не любил мать Неточки, становится понятно всем. Что это за любовь, если перед двумя любящими сердцами стоят деньги. Те 1000 рублей, в которые и «влюбился» Ефимов.

А любила ли мать Неточки Ефимова? Конечно, любила. Но больше она любила опять же вовсе не человека, а его, Ефимова место в искусстве, его место в светлой жизни, которая должна была когда-то наступить. И обманулась... И в самый последний момент, когда она увидела как бы действительные признаки того, как воплощается в жизнь ее мечта... она, видимо, инстинктивно поняла, что это крах. Крах всей их мечты, мифа, в котором жила все это время. И я думаю, поэтому она тихо-тихо ушла в мир иной.

А Неточка... Бедная Неточка! Она поняла (именно тогда), поняла свою истую любовь к матери. Так как даже для осуществления своей самой светлой мечты она не согласна выбросить свою мать, как ненужную вещь. Она хотела ненавидеть в этом мире все и вся. Хотела уйти от этого мерзкого мира. Но не смогла преступить через труп матери своей. Ее детское сознание не дало сил на такое кощунство.

И видимо, этим Достоевский хотел показать не врожденность зла, ненависти. Все это – суть усвояемое. Ее, Неточкина, душа, еще детская, неустоявшаяся, подавленная бытовыми жизненными и духовными неурядицами, не наполнилась злостью, ненавистью к людям. Если до того времени, как появилась чудом в доме князя, она умела подавлять свою душу априорно ненавистью отца, то теперь ее душа более не могла томиться. Она желала выхода. Она желала любви, требовала любви, сколь бы болезненно ни происходил этот процесс.

И она опять же по-детски, наивно влюбляется в первое идеально выглядевшее личико. Да. Вначале, по-моему, по опыту отца, она любит только это личико Катеньки – идеальное, упитанное, румяное. Разве не такой она хотела бы себя видеть? Разве не это могло быть идеалом для болезненной, худенькой, постоянно недоедавшей девочки?

Но Катенька не отвечает ей взаимностью. Вначале, правда, она привязывается к ней. Она хочет ее себе, как подружку для игр, для развлечений, для проказ. Как овруч, как мяч, как игрушку. И увидев, что она не может быть таковой, охладевает к ней. Ее она в ином виде не желает. И ненависть, злость, заполняет сердце маленькой Катеньки.

Пока не увидела, не поняла, что любовь Неточки, ее не по годам взрослой души не требует от Катеньки ничего взамен. Эта любовь не оказалась разменной. Неточка не требует этой любви, ни кукол, ни игр, ни мифа. Ее детское сердце наполняется любовью при одном присутствии рядом некоего напоминания о подружке – ленточки, бантика. И это чувство заполняет детскую душу взаимностью. Катенька также начинает любить в подружке маленькую личность. Любить в ней ее. Ее воспоминания об отце, о матери, ее восприятие мира, ее отношение к ней самой. Неточка теперь для Катеньки – это не «не-Я». Катенькино маленькое «я» становится «Я» повзрослевшей худенькой и болезненной Неточки.

Девочки, еще не понимая подлинного смысла любви, добра, сострадания, своими инстинктивно врожденными свойствами души поняли истинное предназначение любви в жизни человека. Это то, чего не смог понять отчим Неточки, чего не могли понять родители Катеньки, желавшие как бы ей только добра, добра и еще раз добра.

Неточка начинает понимать, что любовь всегда слепа, наивна. И она может приносить не только добро. Она может вызвать и злость, спровоцировать зло и становится антиподом добра – ненавистью. И придя в новую семью, ее душа начинает усиленно работать. Ни Александре Михайловне, ни Петру Александровичу не удастся скрыть от Неточки фальшивости своих отношений, ибо у нее в руках ключ. Ключ к пониманию добра и зла, любви и ненависти. Она умеет любить, если есть в мире такое умение. И умеет ненавидеть и ненавидит Петра Александровича. И какую бы маску он ни одевал, она сможет отличить истинное от фальши. Начинает работать ее сознание. Она соприкасается к тому сокровищу, что хранят в себе книги, кладезь разума и познания. Теперь не только собственный опыт, но и чужой опыт становится ей ближе, и она переживает этот опыт со своей колокольни, но он становится тем самым и ее опытом.

Говорят, один из великих сказал, что умный учится на чужих ошибках, а дурак – на своих. Вряд ли можно принять это высказывание как теорему.

Душа должна страдать. Узнавая чужую ошибку, душа должна сострадать. Ибо иначе вряд ли мы уберемся от своих ошибок. Мы должны переживать чужое горе и чужое страдание. И только такое подлинное, мистическое в каком-то отношении сострадание и есть настоящая, подлинная любовь, исходящая не от нашего эгоизма. И как ни уберегали, словно в монастыре, Неточку, она, ее душа не перестает любить и умеет страдать из-за чужого горя и чужого несчастья.

Она со всей обличительной силой срывает маску с Петра Александровича. Петр Александрович ...дцать лет назад поступил нечестно: не любя, объявил себя любящим. Ему удалось убедить своего соперника в своей любви к Александре Михайловне. Он руководствовался только своим эгоизмом, инстинктом самосохранения. Но на самом деле он просто сконцентрировал, вообрал в себя все обвинения, клевету и злость общества к связи Александры Михайловны и С. А. Единожды солгав, он все время сохранял, приумножал всю свою злость к жене. Его злость ждала выхода и вырвалась наружу. Вряд ли своим сочинением Достоевский хотел только «изобличить существующее общество, общество богатых и бедных», как пишет тот же С.Е. Шаталов...

Видимо, более всего Достоевский хотел показать, что независимо от того, богат человек или беден, у него всегда будет нравственное начало, которое нельзя погубить. Это нравственное начало – любовь. И только любовь, это прекрасное чувство человека, сможет спасти людей. Только она всесильна над нами. И – ненависть, как не-любовь. Но ненависть не

нравственное начало, оно не врожденное чувство души. Оно может проявляться лишь в наших отношениях с окружающим миром. Они, эти любовь и не-любовь всегда будут сосуществовать и проявляться в течение всей нашей сознательной жизни, как неизбежное двуединство человеческой души.

И поэтому как невозможно погубить любовь, невозможно уничтожить ненависть. А значит, нельзя изжить и зло, коварство, унижения, зависть; богатых и бедных, людей возвышенных и низких. Это невозможно, ибо из этого и состоит наша жизнь: из боли и мук, из страдания и любви.

Как ни парадоксально, но уничтожить боль и страдания, значит уничтожить саму жизнь. От человека несострадательного, не страдающего уходит понятие сознательной жизни. Он становится животным (хотя вряд ли столь благородные создания божьи достойны такого о них понимания) и начинает жить одними только инстинктами. Достаточно вспомнить толстяка из чеховской «Палаты № 6»: вряд ли это даже животное, ибо животному тоже присущи и боль, и радость. Это, скорее всего, некая вещь, неодушевленная одушевленность.

Своей «Неточкой Незвановой» Ф.М. хотел наглядно показать жизненность золотого правила этики, нравственности, морали – никогда не желай того, чего не желаешь себе. Это не есть общественный договор или сговор эгоистов что, мол, давайте я – тебе, ты – мне. Нет. Всей своей жизнью Неточка, следуя своему признаку, поняла, что такое зло, что такое добро. Мы никогда не сможем до конца узнать и того, и другого, не приняв золотого правила. Ибо человек только интуитивно, полагаясь на свои человеческие чувства и жизненный опыт, может воспринять нечто за добро или зло. Лишь это правило может нам хоть как-то помочь в этой ситуации: не делай другому зла, а зло это то, что ты не хочешь себе.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Бедные люди; Белые ночи; Неточка Незванова / Ф. М. Достоевский. – М.: Правда, 1981. - 381 с.

Сысоева Н.А. ©

Магистрант, Институт филологии и языковой коммуникации
Сибирского Федерального университета

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «БОГ» В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА В.П. АСТАФЬЕВА

(на материале романа «Прокляты и убиты»)

Объектом настоящего исследования является концепт «БОГ» - многомерное ментально-вербальное образование полевой структуры с инвариантной коллективно выработанной и понятийно структурированной, оформленной ядерной частью и индивидуальной ассоциативно-мерцающей периферийной. Он включает в себя, помимо знаний понятийного характера, образную и ценностную составляющие [3,165].

Предметом исследования являются способы вербализации данного концепта в ИЯКМ В.П. Астафьева.

Новизна исследования определяется тем, что впервые рассматриваются средства вербализации и специфические признаки концепта «Бог», свойственные ИЯКМ В.П. Астафьева.

В качестве источника исследования особенностей вербализации концепта «Бог» в ИЯКМ В. П. Астафьева нами использован роман «Прокляты и убиты» (1990 - 1995), который В.П. Астафьев считал своим главным произведением и связывал с его написанием выполнение Божьей воли. Роман «Прокляты и убиты» имеет четко выраженный религиозный

план и длительную историю создания, которая позволяет проследить мировоззренческую эволюцию писателя.

О значимости концепта «Бог» в ИЯКМ В.П. Астафьева свидетельствует его богатая вербализация (знаковая составляющая): **Бог** «Он к Богу отправился, Богу хорошие люди, тем более отчаянные бойцы, во как нужны!» [1,568]; **Человеколюбец Бог** «...яко благ и Человеколюбец Бог, прости, яко несть человек, иже жив будет, и не согрешит» [1,173]; **Милостивец** «...Он, Он, Милостивец, отпустил ему еще какой-то срок жизни» [1,99]; **Избавитель, Фюрер, Мессия, Спаситель** «Но тут с неба свалился избавитель от всех бед и напастей - фюрер, мессия, спаситель...» [1,567]; **Главный Утешитель** «Пусть Главный Утешитель этим займется, он Его попросит: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...» [1,44]; **Создатель** «...Создатель снарядил в жизнь» [1,401]; **Господь Бог** «...он способен сразить любого врага и обмануть самого Господа Бога» [1,461]; **Господь Судья** «А блаженным — Господь Судья» [1,52]; **Господь** «Господь не велел ближних мучить» [1,92].

Рассмотрим понятийную составляющую современного концепта «Бог», которая формируется основными признаками, поэтому мы выделяем в качестве основных признаков: *Бог как всеобщее мировое начало, Бог как верховное всемогущее существо, Бог как Создатель и Творец мира, Бог как правитель мира, Бог как всеведущий высший разум, управляющий миром, Бог как одно из сверхъестественных существ, управляющих какой-л. частью мирового целого, покровительствующих кому-л., чему-л., Бог как объект поклонения.*

Отметим, что сочетание лексических единиц, вербализующих концепт «Бог» в ИЯКМ В.П. Астафьева, с прилагательными и глаголами мужского рода в единственном числе, репрезентирует еще один признак Бога – уникальность, единичность. Этот же признак выявляется через использование заглавной буквы в написании имен концепта. Заглавная буква при написании лексических единиц *Бог, Господь, Всемогуций* используется только при вербализации монотеистического Божества, т.е. Божества такой религии, которая признает только одного Бога [2,111].

Рассмотрев вербализацию концепта «Бог», мы выяснили, что лексические единицы, номинирующие этот концепт, употребляются для обозначения субъекта действия и для обозначения объекта действия. Являясь субъектом действия, Бог совершает различные действия, которые достаточно разнообразны. Так, в качестве сказуемого при подлежащем, вербализующим концепт «Бог» в ИЯКМ В.П. Астафьева, часто употребляются глаголы созидания. Например: «Долго они были неподвижны, ничего не говорили, еще не зная, не ведая, что это были самые великие, самые светлые минуты, те самые минуты, которыми Господь изредка одаривает добрых людей, не подбирая для этого подходящего места и времени» [1,119]; «А Бог иногда создает красоту, чтобы на нее смотреть и отдыхать от ратных подвигов. Не разучился еще Создатель творить» [1,519]; «Бох для молитвы головы очищает, память укрепляет, оттого даже совсем неграмотные хрестьяне завсегда молитвы помнят» [1,58]; «...сам Господь Бог перстами своими трепетными вложил ему в руки такую дивную книжку» [1,534]; «Бог послал им в награду любимого всеми мальчика» [1,73]; «...какой дивный, какой могучий, какой необходимый инструмент вложил Господь в человека!» [1,392]. На данном этапе творческого пути мировоззрение писателя вполне соответствует мировоззренческой концепции христианина: «Бог и природа предоставили человеку одну единственную возможность явиться к жизни и со дня сотворения мира способ его рождения не изменялся» [1,357]. Глаголы созидания, употребляемые с концептом «Бог» в романе «Прокляты и убиты» В.П. Астафьева, помогают представить Бога как некую создающую силу. Данные глаголы репрезентируют признак «создатель, творец», который является основным в структуре данного концепта, поскольку формирует его понятийную составляющую.

Являясь «верховным всемогущим существом» и «правителем мира», Бог у Астафьева обладает безграничной силой и властью. Бог может распорядиться, покарать, наказать, помочь: «На этом Он, Милостивец, не остановится, как совершенно верно сказано в Божьем Писании, бросит еще всех в гиюну огненную...» [1,90]; «Выродок из выродков, вылутившийся из семьи чужеродных шляпников и цареубийц, до второго распятия Бога и детоубийства

дошедший, будучи наказан Господом за тяжкие грехи бесплодием» [1,502]; «Так распорядился Бог...» [1,99]; «...все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты» [1,91]; «Не зря, не зря переворот был, не зря Господь отвернулся и от этих землю русскую населяющих людей» [1,177]; «Бог нам поможет» [1,418]; «Бог над миром склонился...» [1,196]; «...сестер не выбирают, сестер Бог посылает, сестер полагается жалеть, беречь и любить» [1,230]. Сочетаемость лексической единицы Бог и её синонимов с данными глаголами говорит о том, что писателю Бог видится судьёй, который судит, милует и карает.

В функции сказуемого употребляются и другие глаголы, показывающие превосходство Бога над миром и человеком: повелел (велит), ведает, располагает, даёт, не даёт. Например, «Бог велел ловчить и мухлевать» [1,237].

Самым частотным глаголом из них является глагол давать. Бог может давать: живые существа («Почитай, человек, родителей своих, каких Бог дал, таких и почитай» [1,117]); конкретные предметы («Телочку Бог дал!» [1,205]); абстрактные сущности («Бог даст туману» [1,66], «Бог даст... связь...» [1,175], «Бог даст тебе лучшей доли» [1,138], «...даст ему Бог жизни и здоровья...» [1,164]). Однако Господь не только даёт, но может и не дать: брата («Бог не дал ему рожденного брата, так вот он его на войне сам нашел» [1,220]). Бог может и наградить «И наградит же Господь человека именем, назначению его и качеству соответствующим» [1,531]. Таким образом, Бог наделяется признаком «даритель».

Также Бог предстает и как «существо, видящее и слышащее», «существо всезнающее», на что указывает сочетаемость лексических единиц, вербализующих концепт, с глаголами физического восприятия. Приведем примеры: «...Бог услышал его и успокоит горе русского человека» [1,44]; «...Господь-то все равно все ведает и молитву слышит...» [1,30]; «Бог услышал его, соединил на гибельном краю с Сабельниковым...» [1,337]; «...война идет нешуточная, когда она кончится — одному Богу известно...» [1,151].

С концептом «Бог» в качестве сказуемого употребляются глаголы подсоблять, помогать, надоумить, миловать, репрезентирующие признак «защитник, заступник, помощник». Например, «...поевши чего Бог послал» [1,133]; «...если судьба тебя не оставила и Господь Бог не забыл...» [1,278]; «...и Бог миловал - ни одной гранаты на уступ не залетело...» [1,67]; «...Бог ему должен подсоблять...» [1,411]; «И всечасно связист должен помнить: в случае драпа никто ему, кроме Бога и собственных ног, помочь не сможет» [1,411]; «Может, Бог нам поможет» [1,418]; «Бог смилуется над ними...» [1,618]; «Бог - защитник всех страждущих...» [1,419]; «За младенцев Бог первый заступник, не гневите Его!» [1,391]; «...Бог его надоумил...» [1,426].

Бог у В.П. Астафьева разный – это вседобрая и всемилостивейшая («...земля даровалась Создателем как награда для жизни и свершения на ней добрых дел» [1,342]) сила, которая вознаграждает, дарует, создает красоту, склоняется над миром, связывает людей «Господь связал с тобой», помнит добрые дела: «Господь не только помнит добрые дела, но и отмечает места, где они сделаны» [1,562]. С другой стороны, Бог может отвернуться от человека: посылает испытания человеку, дает ему волю, право выбора («Господь оставил кусочек тьмы»; «Господь укрывает людские грехи»; «Вот здесь наша последняя пристань, здесь мы все, Богом забытые, и погибнем» [1,367]).

В.П. Астафьев акцентирует мысль на том, что действия Бога не всегда понятны человеку: «Боже милостивый! Зачем ты дал неразумному существу в руки такую страшную силу? Зачем сунул ему в руки огонь? Зачем ты наделил его такой волей? Зачем ты научил его убивать, но не дал возможности воскресать?» [1,231]; «Был бы Бог, разве допустил бы такое?» [1,174]; «Боженька, милый, за что, почему Ты выбрал этих людей и бросил их сюда, в огненно кипящее земное пекло, ими же сотворенное? Зачем Ты отворотил от них Лик Свой и оставил сатане на растерзание? Неужели вина всего человечества пала на головы этих несчастных, чуждой волей гонимых на гибель?» [1,45].

О ценности концепта «Бог» в ИЯКМ В.П. Астафьева говорит тот факт, что в тексте его последнего романа «Прокляты и убиты» используются паремии, фразеологические еди-

ницы, включающие лексему «Бог», а также устойчивые сочетания. Например: «*Бога нет, царя не надо, мы на кочке проживем!*» [1,160], «*За Богом молитва, за царем служба не пропадет*» [1,205], «*Бог не выдаст, свинья не съест*» [1,221], «*Против Бога никто не устоит*» [1,91], «*Оборони Бог*» [1,114], «*Унес Бог добытчика перышком, залег он в дебрях сибирских камешком*» [1,48], «*...всякая пища от Бога*» [1,381], «*...измордуют, как Бог черепаху*» [1,69] и др.

В тексте романа встречаются также прецедентные тексты и прямые цитаты из Библии: «*Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас...*» [1,29]; из православных молитв: «*Да воскреснет Бог, расточатся врази его, и да бежит от лица его ненавидящие его, яко исчезает дым, яко исчезает дым, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси...*» [1,44]; из Псалтири: «*И да будет благодать твоя на мне, Господи, яко огонь пополай нечистые во мне силы... И да будет благодать твоя на мне...*» [1,62].

В качестве объекта действия Бог представляется как сущность, воспринимаемая человеческим разумом и чувствами, а не самостоятельно действующее лицо. Действия, объектом которых может быть Бог, менее разнообразны, чем действия, совершаемые самим Божеством. Обычно они связаны с «взаимоотношениями» Бога и человека. Поскольку Бог есть сущность, как и человек, обладающее разумом, с ним можно говорить, к нему можно обращаться с молитвой, его можно просить, призывать и беспокоить: «*...он Богу молится, стало быть, морально неустойчивый, мимо танка стрельнет*» [1,37]; «*...все эти молитвы, обращенные к Богу...*» [1,90]; «*...Бога попросить о милости к служивым...*» [1,90]; «*Вот опять Бога все помянул*» [1,357]; «*...крестя украдкой служивого, вознося молчаливую молитву Богу, вновь в сердце вернувшемуся...*» [1,292]; «*Пытался молиться, призывать к Богу...*» [1,337]; «*...просить Господа простить за них*» [1,307]; «*вину-то человечью перед Богом ему вот и суждено отомолить?*» [1,115]. Вера в Бога пронизана эмоциями. Верующий человек относится к Богу с любовью, с почитанием и даже страхом. Человек думает о Боге, верит в него, просит помощи и ищет его. В функции сказуемого употребляются такие глаголы, как: верить, надеяться, бояться «*Люди тогда старомодные были, в Бога веровали, не бросали друг дружку в беде, не предавали походя*» [1,72]; «*Лешка боялся Бога*» [1,408]; «*...надо надеяться только на себя, иногда, уж при самой крайней нужде, на Бога...*» [1,99]. В данных контекстах репрезентируется такой признак концепта «Бог», как «объект поклонения».

Таким образом, концепт «Бог» является важнейшей художественной константой в творчестве В.П. Астафьева, оказываясь едва ли не самым значимым в ИЯКМ писателя. С ним связаны представления о духовных и нравственных ценностях. Бог как объект и субъект веры занимает важное место на страницах романа В.П. Астафьева.

Литература

1. Астафьев В. П. Избранное: Прокляты и убиты: Роман: В 2 кн./ Коммент. В. Астафьева. - Москва: Издательство «Терра», 1999, 640с.
2. Гринбаум С., Уиткат Дж. Словарь трудностей английского языка. - Москва: Издательство «Русский язык», 1990, 786 с.
3. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: Монография / Л.А. Шестак. - Волгоград: Издательство «Перемена», 2003, 312 с.

Тайлакова Е.С. ©

Аспирант, Сургутский государственный педагогический университет

АНТИНОМИЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ В.Я. БРЮСОВА

Разрабатывая *тринитарную систему* («содержание» - «форма» - «материал») вместо романтической бинарной, Брюсов снимает проблему противостояния оппозиций, что приводит к новому пониманию ценности художественного текста. Для творчества Брюсова категорическую важность несут лишь две оппозиции: «внешнее/ внутреннее» и «действительное/ недействительное». Средством верификации «прожитого» и «непрожитого» служит только *субъективный опыт*. Действительность героя может оказаться менее действительной, чем его собственные воспоминания. И, наоборот, реальное может верифицировать воспоминания и служить критерием различия между существующим и вымышленным.

Брюсов настаивает на необходимости *новаторства в искусстве*, т.к. индивидуальная душа несёт отличную от всех интерпретацию мира. Любая форма замыкает содержание в статичные рамки, что упраздняет различие душ создателей. *Подражания* в искусстве им полностью отрицается, потому что равно воспроизводству психо-поэтических стереотипов [1]. Брюсов видел свободу творческих действий для своего времени в наложении зарубежных форм (содержаний) на русское содержание (русскую форму), которое бы несомненно вызвало цепную реакцию в трансформации этих же форм (содержаний) [2, 70-74; 3, 210-214; 4, 54-59]. Новаторство для Брюсова не самоцель: «задача поэта вовсе не сводится к тому, чтобы выискивать новые, ещё небывалые образы и сочетания слов» [5, 535], наоборот: «поскольку нов будет общий замысел произведения, постольку невольно будут новы, иногда непривычны, его образы» [5, 536].

Важно то, что своеобразной формой может выступать внутренняя дисциплина. Творец сосуществует со своими моральными и нравственными принципами, периодически проверяя благонадёжность собственных норм. Разум и рассудок оказываются не меньше значимыми для Брюсова, чем вдохновение и творческая интуиция, хотя бы в системе постоянного теоретического обсуждения. Он постоянно дискутирует на тему непрременной доминанты мыслительной деятельности поэзии в поиске истины, которая и есть *разум*, тогда как *рассудок* для него нечто профанное: «бессилен рассудок, и немощны все его гордые доводы и злобные проприцания...» [6, 41].

И, тем не менее, «мысль» не тождественна «чувству». В статье «Литературная жизнь Франции. Научная поэзия» (1910) сказано, что «поэзия есть верховный акт мысли», в котором *поэтический образ* - результат синтеза разума. Поэзия, как и наука, есть «проявление смысла, только выраженного не в отвлечённой схеме, а в живом образе» [7, 167]. Мысль - единица душевной жизни познающего субъекта. Надо отметить, что изучение концептов «ума» и «чувства» заслуживает отдельного исследования, т.к. здесь возможен выход на философию *платоников* и *неоплатоников*: их всеобъемлющий «нус» - это «звёздные сны» и «звёздный свет» в таких книгах Брюсова как «Последние мечты», «В такие дни», «Миг», «Дали», «Меа». В исследовании «Учители учителей. Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношение» ясно просматривается идея *Плотина*, рассматривающая «ум» - «нус» в виде света, «благодаря которому первоединый видит самого себя». Душа, стремится к «нусу» и создаёт повсюду свой образ, она вместилище всех «пути и перепутья» каждой личности.

Мир для Брюсова познаваем, хотя бесконечен сам процесс познания, т.к. его сложность состоит в отсутствии одновременного погружения внутрь себя и во вне мира. В этом концептуальном противоречии и находится брюсовская аксиома *множественности истин*. Каждая истина абсолютна, завершена, осмыслена и противопоставлена другой истине: «Всё в мире имеет свою причину - вот истина; но и противоположное утверждение: причина есть

категория рассудка – тоже истина. Мало того, ценная истина непременно имеет прямо противоположную, соответствующую её истину; иначе сказать – суждение, прямо противоположное истине, в свою очередь истинно» (1901) [8, 57]. «Множественность начал – вот третья аксиома мышления» [8, 56] – как неопозитивист говорит Брюсов. Другое дело – человек сам создаёт для себя неоспоримую истину, в которой видит основу своего поведения, у нашего символиста она была субъективно импрессионистична и психологически эгоистична: «Я пришёл ко взгляду, что цель творчества не общение, а только самоудовлетворение и самопостижение. И слово первоначально создано не для общения между людьми, а для усвоения себя своей мысли.... Поэт творит, чтобы самому себе уяснить свои думы и волнения, возвести их в определённости» [8, 60].

Статья «Истины. Начало и намёки» представляет собой особенную ценность в деле исследования комплекса теоретических размышлений Брюсова. Она начинается с описания личностной природы мышления: «Начиная мыслить о чём бы то ни было, я должен, во-первых, верить, что это мыслю я, по своей воле, по своему свободному желанию» [8, 55]. Историческая причинность понимается Брюсовым как *causa finalis* в *аристотелевском* смысле, т.е. как тотальная детерминированность мышления. *Свобода воли* оказывается главенствующей в индивидуальном, напоминаемом *декартовское*, рационалистическом *мышлении*, условием познания которого является *саморефлексия «я»*. Однако если у Декарта «я мыслю» как константа, то у Брюсова «если бы я стал мыслить» как допущение; у Декарта – доказательство *cogito*, у Брюсова – необходимость веры. Не мало значимой оказывается и вера в возможность постижения сущности вещей, во множественность начал: Брюсов движется не от рационалистического «я», а от «мира», стимулирующего мышление. Свобода воли при мышлении перемежается у него с детерминированностью мышления миром. Это не противостояние, т.к. для Брюсова нет смысла разграничивать отражение в тексте души художника и его собственная открытость миру. Мир, как таковой, не постижим, но возможность постижения всегда есть, поэтому символист и отрицает абсолют истины: «единство истины есть безмыслие», «В истине ценно лишь то, в чём можно сомневаться» [8, 56], что напоминает *принцип фальсифицируемости К. Поппера*, противостоящий *принципу верифицируемости венского кружка*.

На протяжении всей жизни Брюсов не принадлежал к числу людей с одним стилем мышления, поэтому его произведения идентифицируют с каких угодно позиций: декадентства, символизма, романтизма, реализма и т.д., хотя стоило бы прислушаться к самому Брюсову, человеку с постмодернистическим сознанием, родившемуся в модернистическую эпоху: «Истинной философии предлежит задача проследить все возможные типы мирозерцаний» [8, 56-57]. Главное здесь – осознать, что Брюсов представляет собой совершенно новый тип сознания учёного-исследователя [9, 3-8]. Математическая логика в нём вполне уживается с литературной художественностью [10, 516-519], а его *антиномичное мышление* таково в силу огромной выращенной эрудиции и психологических особенностей личности.

Литература

1. Даниелян Э.С. Валерий Брюсов. Проблемы творчества. - Ереван: Лингва, 2002.
2. Калениченко О.Н. Жанр «таинственной» новеллы в творчестве В.Я. Брюсова // Российское литературоведение в новом тысячелетии. – М., 2003. – Т. II. – С. 70-74.
3. Стерликова В.В. Стилистическое своеобразие «интеллектуальной» новеллы В.Я. Брюсова «Элули, сын Элули» // Филологический поиск. – Волгоград, 2006. – Вып. 5. – С. 210-214.
4. Егорова О.Г. Типы и формы прозаического цикла в творчестве В. Брюсова // Учёные заметки. - Астрахань, 2003. - №2. – С. 54-59.
5. Брюсов В. Погоня за образами // В. Брюсов. Собрание сочинений в 7 т. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. VI.
6. Брюсов В. Мироззрение Баратынского // В. Брюсов. Собрание сочинений в 7 т. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. VI.
7. Брюсов В. Литературная жизнь Франции // В. Брюсов. Собрание сочинений в 7 т. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. VI.

8. Брюсов В. Истины. Начала и намеки // В. Брюсов. Собрание сочинений в 7 т. – М.: Художественная литература, 1975. – Т. VI.
9. Ничипоров И. Спор о типах художественного мышления (В. Брюсов о Чехове) // Молодёжное исследование человека. – М., 2005. – Вып. 5. – С. 3-8.
10. Пуришев Б.И. Воспоминания об учителе // Брюсовские чтения, 1963. – С. 516-519.

Таркинская П.О. ©

Аспирант кафедры литературы народов Дагестана филологического факультета ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Литература должна занимать достойное место в жизни общества в любой период истории. В советское время влияние литературы, значимость слова были гораздо выше, чем сегодня. В наше время литература и народ как бы шагают отдельно, сами по себе. Нет тесной связи, взаимопонимания между обществом и творческой интеллигенцией. Литература словно живёт и идёт мимо современного человека, подавленного неразрешимостью социальных проблем. Влияние социальных проблем и неустойчивость в общественной жизни также оказали воздействие на литературу в деле поиска новых ценностей в творчестве современных поэтов.

Литературоведение так же меняет свой стиль и профиль. Профиль становится строже, личностнее, и если подчас он выражает озабоченность, напряжённость и даже растерянность, то ведь это тоже приметы жизни. Что касается стиля, то в нашей ситуации едва ли до академической невозмутимости, – такова реальность, да и внутрилитературные факторы стимулируют поисковый динамизм [1, 6].

Дагестанский народ помнит Ирчи Казака, Омарла Батырая, Етима Эмина и др. Каждая национальная литература жила и живёт по законам своего исторического развития, своего эстетического выбора. У каждой национальной литературы, своя оригинальная поэзия, созданная мастерами слова в самые разные исторические периоды. Это культурное достояние народа, его богатство. Мы должны заботиться о нашей литературе, глубоко изучать её, гордиться ею.

Но современность требует новых лиц, продолжения развития литературы. Неужели современность – это вызов, с которым национальная литература не смогла справиться?

Отмечая состояние общества, отсутствие устоявшихся моральных основ, член Союза писателей России, доктор филологических наук, профессор Казбек Камилович Султанов говорит: «Нередко сталкиваешься с нашими номенклатурными современниками, «сила» которых в полнейшем отчуждении от духовных импульсов нашей истории и культуры. Тотальная зависимость от материального успеха, беспредел в методах его достижения обернулись не столько закономерной в новых условиях «переоценкой ценностей», сколько их обвалом и утратой авторитетных моральных ориентиров, роль которых в исторической судьбе Дагестана всегда была значительной [2, 3].

В этой связи является закономерным задаться вопросом о том, какими же будут последствия этого обесценивания? Что будет с литературой через 10 или через 30 лет?

Вот что говорит в одном из интервью по поводу состояния современной литературы известный дагестанский писатель и критик Камал Абуков: «Я давно ничего не пишу, зачем писать? Кто сегодня читает литературу? Литература уходит в небытие. И те немногие, кто сегодня ещё издаётся, не чета великим писателям прошлого. Думаю, литературе приходит конец. И ничего с этим не поделать. Это происходит стихийно, само собой, естественно. Но

развивается публицистика. Она оказалась живучее, чем литература. Сегодня в Союз писателей мало кто ходит. А редакции газет полны посетителей. Раньше было наоборот» [3, 10].

Да, время, когда люди с нетерпением ждали выхода из печати новой книги, неустанно обсуждали между собой свежие произведения, не отрываясь от книги, читали везде: в транспорте, в парке на скамье и т.д. - прошло. Сегодня читать не модно. С одной стороны, у людей нет времени на чтение книг: они заняты зарабатыванием денег. С другой стороны, писателей, обладающих истинным талантом, умеющих писать интересно, оригинально, очень мало. Однако, не смотря на уменьшение количества читателей, писателей меньше не становится.

Ушли в прошлое времена, когда в литературу приходили молодые люди, несущие свежую струю во всех жанрах и на всех языках, когда ежегодно читатели знакомились с новыми именами. Рождение писателя было праздником для всего Дагестана.

Что же происходит в русской литературе? Тут естественный процесс развития литературы также приостановлен. По данным социологов, 97% литературного потока составляет так называемая массовая литература. Это маленькие книжки в мягких обложках, чаще всего это детективы с мудрёным сюжетом, любовные романы, богатые пикантными моментами, фантастика, которые издаются огромными тиражами [4, 82].

Общаясь с читающей молодёжью, а так же с людьми старшего поколения, я прихожу к выводу, что современный читатель предпочитает перечитать классику, нежели тратить время на низкосортную литературу наших дней. Кроме того, как отметил талантливый кумыкский поэт и драматург Атав Атаев, «литературу обогнали Интернет, телевидение, пресса. Несмотря ни на что, литература бессмертна, особенно классика, так как телевидение, газеты, журналы и даже интернет опираются на литературу» [5, 18].

Считаем, что в наше нелёгкое время литература должна вплотную заняться воспитанием подрастающего поколения, формированием в человеке качеств патриота, создать образ героя нашего времени, воплощающего в себе моральную чистоту, высокие общественные идеалы и глубину чувств, способствовать интеллектуально-духовному развитию людей. Нельзя сказать, что нет пишущих людей. Они есть. Это Бадрутдин Магомедов, Жават Закавов, Багаутдин Аджиев, Шейт-ханум Алишева, Магомед Атабаев, Ахмед Джачаев, Исрапил Исаев, Гебек Конакбиев, Зулейха Атагишиева и др. Но дело в том, что все они в большей степени являются представителями литературы XX века, пришедшие в литературу более 30-40 лет назад. Мало молодых поэтов, отвечающих требованиям времени или способных увеличить наше духовное богатство. Пишут о легендарных героях, но нет в них связи с современностью. О ней не пишут. А надо бы искать материал для произведений не в музеях истории, а обратить свой взор на жизнь народа, его повседневные будни должны быть неиссякаемым источником для наших писателей.

Конечно, писать о современности гораздо сложнее, чем о прошлом. Современная тема – это проверка зрелости писателя, это экзамен его мастерства, проверка его самобытности. Гораздо легче писать на историческую тему, а самому найти героя из реальной жизни и писать о нём трудно. Это проверка глубины мышления писателя, умения его сердца чувствовать, а глаза – видеть. Ведь, как писал Гесиод, «истинно велик тот человек, который сумел овладеть своим временем».

О прошлом всё ясно из стихотворений (если говорить о кумыкской литературе) И.Казака, М.-А. Османова, З.Батырмурзаева, Т.Бейбулатова, наконец, Анвара Аджиева. Они создали большую общественно полезную литературу, однако стремление писать в их стиле и использовать их приёмы в радикально изменившейся реальности обречены на провал. По мнению поэта А.Атаева, «писателям советского времени сейчас следует забыть о том, чему их научили в то время, надо научиться писать по-новому, надо освободиться от внутреннего цензора; писатель должен силой выразительного слова создавать образы, помогать рождению чего-то нового, и тем самым удивлять, восхищать читателя. Тогда народ вновь потянется к поэзии, и к литературе вообще» [5, 18].

Каждая эпоха в жизни человечества требует своего искусства. Пусть каждый поэт пишет о своём времени и в своём оригинальном стиле, чтобы у читателя не возникало мучи-

тельного ощущения вторичности, будто читаешь бледную копию творений любимого писателя. Темы того периода могут быть неактуальны для современного читателя.

Хорошей традицией было издание в 80-х годах молодёжных сборников с красочными названиями «Радуга», «Соцветие», если говорить о кумыкской поэзии – замечательный сборник «Чираг», у которых наряду с надёжными сторонниками, находилось немало яростных противников. Плодотворно развивалась её величество критика. Например, литературный критик Камиль Султанов подверг жёсткой критике один из таких молодёжных сборников – «Крылья на взлёте». Он проделал подробный анализ книги. Пусть не было тёплых слов о стихах молодых поэтов, пусть они обвинялись в отсутствии свежей мысли, глубокого волнения, пусть доказывалась несостоятельность большинства включённых в неё стихотворений, зато эта молодёжь знала требование своего времени к искусству, имела великолепную возможность пройти хорошую литературную школу в лице критики.

Критика - это ещё одна проблема современной литературы, так как с ней дело обстоит ещё сложнее. Её, можно сказать, нет. Не исключено, что начинает действовать принцип «нет критики - нет литературы».

Вернёмся к молодой литературе. Так неужели она не нуждается в своём, пусть небольшом, но регулярно выходящем альманахе или она вполне может обойтись случайными публикациями в периодике? Где же имена, без которых немыслима современная дагестанская литература? Ныне все они 60-70 летние члены СП РД, которые заняты работой в журналах и газетах. Получается, молодым творческим силам не у кого воспитываться. Их мало, но они есть. Это и Герейхан Гаджиев, и Гёгюрчюн Атаева, и Нюрьяна Арсланова и другие. Они творят, пытаются продолжить историю родной литературы, их сердца не молчат, а перо не отдыхает.

На наш взгляд, росту популярности наиболее одарённых писателей Дагестана должна способствовать атмосфера подлинного расцвета национальных литератур, отличающихся многообразием художественных форм и единством основополагающих принципов, их взаимовлияние и взаимообогащение. Именно этот процесс и шёл в советское время, результатом чего и было появление множества талантливых писателей в национальной литературе. Был открыт широкий простор для творческой активности масс, для развития и расцвета личности. Литература достигла таких высот в искусстве слова, на развитие которых требовались века.

Сейчас вся литература ориентирована на коммерческий рынок. Это не жанровая, а развлекательная, рыночная литература. Её не сравнить с подлинной литературой, которой, при отсутствии каких-либо мер со стороны власти и, главным образом, общества, в скором времени может и не быть совсем.

Считаем, что в вымирании литературы отчасти виновно отсутствие в Дагестане рынка современной национальной литературы. Может быть, проблема не в том, что не пишут, а в том, что не издают или не могут распространить изданное? Рынок полон книг на религиозную тематику, модно писать на тему войны горцев с Царской Россией или о какой-либо исторической личности. Но эту категорию книг нельзя назвать литературой. Литература – это поэзия, это проза, это нечто глубокое по содержанию, это игра со словом, от которой приходишь в восторг. Таким образом, если судить по вышеизложенным мотивам, можно прийти к выводу о том, что литературы у нас нет.

Ещё одной причиной постепенного исчезновения национальных литератур можно назвать неумолимое уменьшение количества носителей языка. Эта острая проблема как никогда актуальна, ведь на родном языке не говорит и 25% городских школьников. Читать некому, а значит, и писать не для кого. Наверное, известный казахский поэт, тюрколог Ахмет Байтурсынов, сказавший когда-то, что «только народ, сумевший создать собственную литературу на родном языке, имеет право на независимое существование», даже не догадывался о том, что спустя одно столетие национальная литература окажется мало кем читаемой и мало кому нужной.

В наше время, когда государство находится в стадии правового, экономического и социального роста, считаем важным и первостепенным обратить внимание, как государствен-

ных органов, так и общественности к вопросу нравственного и культурного состояния, а именно вопросу развития национальной литературы, культуры и искусства.

Ведь даже самое прекрасное в жизни, если оно не получает продолжения и развития, остаётся в области прошлого, равносильно тому, как дерево, если на нём весной не появятся новые листья, превращается в голый засохший ствол.

Литература

1. Надъярных Н.С. Время перечтений. // Способность к диалогу(часть 1)- Москва, 1993г. С. 6.
2. Султанов К. О Современной дагестанской литературе и действительности// Новое дело. Выпуск №1 (989) от 14 января 2011 года. http://www.ndelo.ru/one_stat.php?id=4077
3. Абуков К. Интервью с Гаруновым Р. // Ёлдаш.- 20мая 2011г.
4. Гудков Л.Д. Массовая литература, как проблема. Для кого? // Новое литературное обозрение №22, 1996 – С. 78-100
5. А.Атаев. Чего нам не хватает для подъёма. (Интервью Р.Гарунова) // Ёлдаш от 14 сент. 2012г., стр. 18.

Туманова Е.О. ©

Ассистент кафедры лексики и фонетики немецкого языка,
Московский педагогический государственный университет

КЛАССИФИКАЦИЯ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ НЕАФОРИСТИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Фонд крылатых выражений немецкого языка, как и многих других европейских языков – это фонд культурного наследия народа, в который вошли изречения выдающихся мировых деятелей, политиков, цитаты из всемирно известных литературных и музыкальных произведений. Последнее время фонд крылатых выражений немецкого языка активно пополняется цитатами из рекламы, выражениями из мира спорта.

Актуальность настоящего исследования обусловлена частотностью использования крылатых выражений в речи носителей языка и многократным воспроизведением в различного рода литературных и публицистических произведениях как в исходном, так и трансформированном виде.

К фонду крылатых выражений, т.е. завершённых в структурном и содержательном плане высказываний и изречений, принадлежат в первую очередь афоризмы и афористические выражения, вошедшие в немецкоязычную культуру не только из немецкого, но и из латинского, греческого, английского, французского, итальянского, испанского языков. Однако в сборниках крылатых выражений встречаются не только мудрые и лаконичные изречения, отражающие глубинную мысль, но и выражения, не обладающие характерными для речевого жанра «афоризм» признаками: обобщённостью, глубиной мысли, образностью и красотой формы и содержания.

Целью настоящего исследования стало изучение фонда крылатых выражений немецкого языка неафористического происхождения. Таким образом, объектом исследования стал фонд немецкоязычных крылатых выражений, а предметом – анализ выражений неафористического происхождения, принадлежащих к данному фонду.

По нашим подсчётам в сборнике цитат и высказываний ДУДЕН, описывающем происхождение и употребление в речи многих известных цитат и фраз в немецком языке содержится 2712 крылатых единиц [1].

Под крылатыми единицами понимается совокупность крылатых слов (устойчивых словосочетаний) и крылатых выражений (устойчивых изречений).

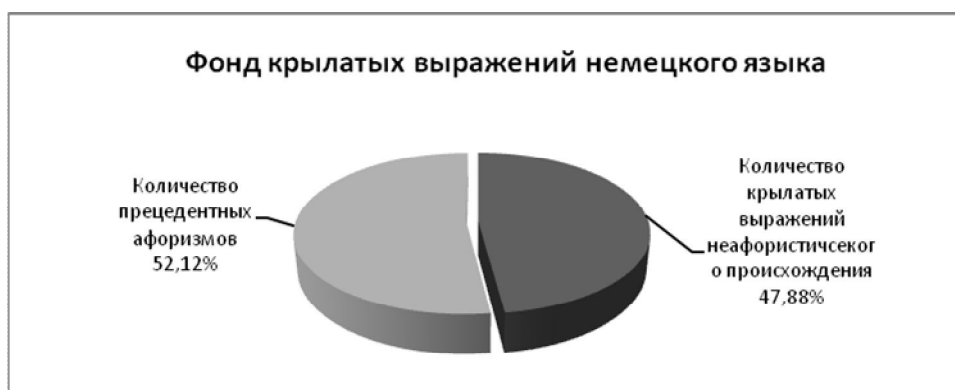
В русско-немецкий словарь крылатых слов Ю.Н. Афонькина включены 1 205 русскоязычных крылатых единиц с их немецкоязычными аналогами, указаниями на источник происхождения и истолкованиями [2].

На электронном портале «Academic dictionaries and encyclopedias» в разделе «Liste geflügelter Worte» представлены около 2 000 крылатых единиц, если быть точнее, то 1 999, со ссылками на их источники, варианты и описанием особенностей функционирования в речи [3].

Таким образом, сравнивая представленные данные и опираясь на проанализированный материал, мы приходим к выводу о том, что общая численность активно употребляемых крылатых выражений в немецком языке составляет **1 297 крылатых выражений**.

Данная группа крылатых выражений была разделена нами на две подгруппы: группу выражений афористического происхождения, т.е. мудрых изречений, зафиксированных не только в указанных сборниках крылатых единиц, но и в сборниках афоризмов и мудрых изречений, и группу крылатых выражений, не зафиксированных ни в одном из печатных или электронных сборников афоризмов.

Крылатые выражения неафористического происхождения составляют 47,88 % (621 единица) от общего числа крылатых выражений в немецком языке. Наглядно данное соотношение может быть представлено в следующей диаграмме.

Исходя из данной диаграммы, мы можем сделать вывод о том, что в немецком языке фонд крылатых выражений представлен практически в равных долях крылатыми выражениями афористического и неафористического происхождения.

Классифицировать отобранные нами крылатые выражения неафористического происхождения представляется возможным по следующим подгруппам:

1. Высказывания из мира спорта

Практически все высказывания, пришедшие из спортивного дискурса, принадлежат футболистам, например, известному игроку сборной Германии по футболу, выигравшей чемпионат мира в 1974 году, Францу Беккенбауэру: *Abseits ist, wenn der Schiedsrichter pfeift. Schau'n mer mal!*

В обиход вошла цитата из интервью с величайшим футболистом в истории Германии (по опросу немецких специалистов и болельщиков) Фрицом Вальтером: «*Der Jürgen Klinsmann und ich, wir sind ein gutes Trio*». Позднее Вальтер поправился и сказал: «*Ich meinte: ein Quartett*».

Йозефу «Зеппу» Хербергеру, немецкому футболисту и тренеру, дважды тренировавшему сборную Германии, с которой в 1954 году он выиграл чемпионат мира, рекордсмену по числу появлений на чемпионатах мира в качестве главного тренера сборных команд, принадлежат следующие выражения: *Das nächste Spiel ist immer das schwerste Spiel! Das Runde muss in das Eckige. Der Ball ist rund.*

2. Названия и строки из популярных оперных представлений, оперетт, мюзиклов, шлягеров и песен

Из шлягеров и песен появились следующие устойчивые фразы в обиходе носителей немецкого языка:

Berlin bleibt doch Berlin. – поговорка пришла из песни «Heimweh nach dem Kurfürstendam» Гюнтера Швенна.

Der Mörder ist immer der Gärtner – название и строка из песни Райнхарда Мая.

See you later alligator. See You Later Alligator = deutsch: bis später, Alligator! – название песни в стиле рок Билла Хейли.

Из текстов известных и часто представляемых опер и оперетт пришли следующие высказывания:

Das macht die Berliner Luft. – из оперетты Пауля Линке «Фрау Луна» (1899) немецкого композитора легкой музыки, автора марша «Берлинский воздух» (Berliner Luft), ставшего неофициальным гимном немецкой столицы.

Schwamm drüber! – цитата из оперы Карла Миллёкера, австрийского композитора и дирижера «Нищий студент» (Der Bettelstudent) (1882). Выражение существовало в языке и до появления в музыкальном произведении, но именно благодаря опере стало популярным.

Verachtet mir die Meister nicht! – фраза из оперы Рихарда Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры» (Die Meistersinger von Nürnberg). Оригинальное высказывание звучит следующим образом: «Verachtet mir die Meister nicht, und ehrt mir ihre Kunst».

3. Названия и цитаты из известных немецких и зарубежных фильмов, теле- и радиопередач, ток-шоу

Dem Ingeniör ist nichts zu schwör. – излюбленная цитата персонажа мультфильма «Утиные Истории» Винта Разболтайло, появившаяся в результате перевода американского сериала на немецкий язык Эрикой Фукс.

Ich glaube, dies ist der Beginn einer wunderbaren Freundschaft. = englisch: I think this is the beginning of a beautiful friendship – цитата из кинофильма «Касабланка».

Die Bombardierung Russlands beginnt in fünf Minuten. – фраза американского президента Рональда Рейгана, сказанная им 11 августа 1984 года при тесте микрофона незадолго до радиозэфира. Выражение стало предпосылкой появления наисложнейшего в истории дипломатического кризиса.

4. Слоганы и лозунги политических движений и партий

Denn eins ist sicher: die Rente. – слоган предвыборной компании 1986 года министра труда Норберта Блюма, который на протяжении 16 лет возглавлял кабинет министров Гельмута Коля.

Deutsche Arbeiter, die SPD will euch eure Villen im Tessin wegnehmen! – иронический политический плакат, созданный Клаусом Штайеком перед выборами в Бундестаг 1972 года.

I Have a Dream = deutsch: Ich habe einen Traum – название речи самого известного афроамериканского баптистского проповедника, красноречивого оратора Мартина Лютера Кинга, произнесенной 28 августа 1963 года со ступеней Мемориала Линкольна во время Марша на Вашингтон за рабочие места и свободу.

5. Цитаты из рекламной продукции

Ich bin doch nicht blöd! и *Geiz ist geil.* – рекламные слоганы, способствовавшие популяризации сети немецких магазинов бытовой техники и электроники «Media-Saturn-Holding», известной в России с 2006 года под названием «Media Markt».

Er läuft und läuft und läuft... – из рекламы модели автомобиля «Жук» немецкой автомобильной группы компаний «Volkswagen Konzern».

Der nächste Winter kommt bestimmt. – такой лозунг использовался компанией «Rheinische Braunkohlenbrikett-Verkauf GmbH» по производству угля в 1960 году для агитации покупателей закупать летом топливо для зимнего сезона. У цитаты существовали следующие продолжения: «Jetzt Briketts einkellern» или «Wer Briketts im Sommer nimmt, sorgt vor».

6. Цитаты, связанные с конкретными историческими событиями

Die Garde stirbt und ergibt sich nicht. = französisch: La garde meurt et ne se rend pas. – изречение французского генерала Пьера Камбронна во время битвы при Ватерлоо. На русский язык выражение переводится как «Гвардия умирает, но не сдается».

Das Pferd frisst keinen Gurkensalat. – фраза, использованная немецким физиком и изобретателем Филиппом Рейсом для проверки в 1860 году первого сконструированного исследователем электрического телефона. В целях того, чтобы его собеседник на другом конце провода не смог угадать высказывание, Рейс придумал абсурдное, на первый взгляд, утверждение.

Deutschlands Zukunft liegt auf dem Wasser. – цитата из речи немецкого кайзера Вильгельма II по случаю торжественного открытия порта-франко в городе Штеттине в сентябре 1898 года.

Die Augen der Welt sind auf euch gerichtet. = englisch: The eyes of the world are on you. – цитата из обращения генерала американских войск Дуайта Д. Эйзенхауэра к солдатам по поводу высадки в Нормандии 6 июня 1944 года.

Ich dacht', mich tritt ein Pferd. – фраза принадлежит министру финансов Германии конца XX века Гансу Апелю, высказывавшего таким образом во время интервью с крупнейшей телерадиокомпанией Германии «ARD» свою озадаченность негативным отношением к налоговой реформе.

Der Kongress tanzt – цитата связана с Венским Конгрессом 1814 года, целью которого было выработать систему договоров, направленных на восстановление феодально-абсолютистских монархий, разрушенных французской революцией 1789 года и наполеоновскими войнами, и определение новых границ европейских государств.

7. Устойчивые выражения, используемые в сказках

Обратим внимание, что основным источником крылатых выражений данной группы стали цитаты из знакомых всем детям, в том числе и русским, сказок братьев Гримм:

Ach, wie gut, dass niemand weiß, dass ich Rumpelstilzchen hei! – Brüder Grimm «Rumpelstilzchen».

Hannemann, geh du voran! – Brüder Grimm «Die sieben Schwaben».

Heinrich, der Wagen bricht. – Brüder Grimm «Der Froschkönig oder der eiserne Heinrich».

Ich bin so satt, ich mag kein Blatt. – Brüder Grimm «Tischchen deck dich, Goldesel und Knüppel aus dem Sack».

Высказывание, ставшее крылатым «*Das Schicksal setzt den Hobel an*» впервые встречается в волшебной сказке Фердинанда Раймунда «Расточитель» (Der Verschwender) (1834), рассказывающей историю великодушного мота Юлиуса фон Флоттвела, сначала лишившегося состояния, но сохранившего веру в человечество благодаря порядочности своего слуги Валентина.

8. Названия комедий, театральных постановок, литературных произведений

Es führt kein Weg zurück. – рассказ американского писателя Томаса Вульфа, опубликованный в 1940 году на английском языке под названием «You can't go home again».

Eine Frau ohne Mann ist wie ein Fisch ohne Fahrrad. – знаменитый лозунг представительниц движения за женскую независимость в 1970 годах послужил для перевода названия романа американской писательницы Елизаветы Дункель на немецкий язык: «Das Frauenbuch Der Fisch ohne Fahrrad» (оригинальное название на английском языке: «Every Woman Loves a Russian Poet»).

Die Hölle, das sind die anderen. – пьеса «За закрытыми дверями» Жана-Поля Сартра (1943), действие в которой происходит в замкнутом пространстве – в гостиной без окон и зеркал. Три персонажа пьесы умирают один за другим в «номере», расположенном в аду.

Bäume sterben aufrecht. = spanisch: Los arboles mueren de pie – заглавие комедии Алахандро Касона (1949), испанского поэта и драматурга.

Отметим, что выделяемые нами в особую группу крылатые выражения неафористического происхождения наравне с языковыми афоризмами (крылатыми выражениями афористического происхождения) являются единицами языковой системы и могут быть включены

в классификацию фразеологических единиц, однако, данные фразеологизмы характеризуются меньшей оригинальностью и образностью содержания, меньшей красотой и тонкостью построения в отличие языковых афоризмов.

Литература

1. Duden Zitate und Aussprüche; Band 12. – 2., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. – Mannheim, Dudenverlag, 2002. – 960 S.
2. Афонькин, Ю.Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов: Ок. 1200 единиц. – М.: Рус. яз., 1990. – 288 с.
3. Сайт «Academic dictionaries and encyclopedias» – <http://de.academic.ru>

Филиппова М.Ф. ©

Учитель русского языка и литературы МБОУ «Хагынская средняя общеобразовательная школа» Вилюйского района Республики Саха (Якутия)

МЕТОД ПРОЕКТОВ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ УЧАЩИХСЯ

Научно-исследовательская деятельность подразумевает понятие «проект». Во многих статьях и книгах учебный проект характеризуется как форма обучения, наиболее адекватная требованиям современного обучения, прежде всего профильного. Проект также рассматривается как эффективный способ развивающего и проблемного обучения, как педагогическая технология.

Использование метода проектов в учебной деятельности школьников имеет социальную и личностную значимость, **актуальность** как с точки зрения подготовки квалифицированных кадров, так и для личностного развития учащихся.

Ознакомившись со статьями методической литературы о методе проектов, определила **цели** работы: изучить данную современную технологию с дальнейшим использованием ее в своей педагогической практике – в научно-исследовательской деятельности школьников.

При этом нужно было решить следующие **задачи**:

- способствовать социализации и адаптации учащихся, предоставить возможность для выбора индивидуальной образовательной траектории;
- развивать творческий потенциал;
- способствовать развитию общеучебных, интеллектуальных и профессиональных навыков.

Объект исследования – процесс использования метода проектов в научно-исследовательской работе учащихся во внеурочной деятельности.

Предмет исследования – технология проектной деятельности, творческое применение ее в практической деятельности учащихся.

Методы и формы:

- обучение через сотрудничество;
- интерактивность (работа в малых группах, метод проектов);
- личностно-деятельностный и субъектно-субъектный подход (больше внимание к личности учащегося, а не к целям учителя, равноправие их взаимодействия).

Основная ценность метода проектов состоит в том, что он ориентирует учеников не на простое изучение темы, а на создание конкретного образовательного продукта. Школьники индивидуально или по группам за определенное время выполняют познавательную, исследовательскую работу на выбранную тему.

Технология научно-исследовательской деятельности такова:

Этап I. Мотивация.

Именно на этой стадии каждый участник будущей работы должен увидеть вполне конкретные выгоды. Очень важно наряду с моральными увидеть и материальные стимулы – от хорошей оценки до защиты доклада на экзаменах.

Этап II. Выбор направлений исследования.

Это наиболее сложный этап. Здесь все определяется специализацией, кругозором и компетенцией научного руководителя. Основное требование – актуальность, новизна темы будущего проекта, практическая значимость результатов, логическая завершенность работы. Объем исследования должен быть таким, чтобы учащиеся завершили его в сроки, ограниченные одним, максимум – тремя годами.

Этап III. Постановка задачи.

На этом этапе особенно важно, чтобы дети самостоятельно ознакомились и составили обзор литературных данных и сформировали подробную и цельную картину состояния предмета и будущих исследований. Список литературы должен быть представлен руководителю. Этап заканчивается обсуждением в творческом коллективе формулировки понятий, целей предстоящей работы.

Этап IV. Фиксация и предварительная обработка данных.

На этой стадии проводятся непосредственные наблюдения и их результаты фиксируются. Предварительная обработка данных, заполнение журнала наблюдений, группировка, сопоставление, отбраковка и анализ проводятся с целью выдвижения гипотез. Позиция научного руководителя – активно-наблюдательная.

Этап V. Обсуждение результатов исследований, выдвижение и проверка гипотез.

Учитель отклоняет написанное, если ученик отошел от темы проекта, добавляет необходимое, осуществляет редакторскую правку.

Этап VI. Оформление результатов.

Результаты оформляются в виде доклада (реферата) на компьютере. Прежде всего оформление должно отвечать стандартным требованиям. Особое внимание уделяется культуре цитирования и оформления сносок.

Стенд должен отражать все содержание проекта. Работа должна быть выполнена с дизайном, чтобы было хорошее восприятие у читателей и слушателей.

Этап VII. Представление исследовательской работы, анализ.

Считается очень полезным предварительное представление исследовательской работы сначала в узком творческом коллективе, а затем в расширенной аудитории научно-практической конференции. Этот этап – не просто тренировка, а программирование авторов работы на успех.

В технологии проектной деятельности проект может быть не только монопредметным, но и межпредметным. Мои ученики выполнили проекты по русской литературе («Образ Царского Села в одах А.С.Пушкина и М.В. Ломоносова» и др.), по истории («Матвей Иванович Муравьев-Апостол – первый просветитель Вилюйского округа» и др.), по технике («Военная авиация. Самолеты времен Великой Отечественной войны» и др.), по сопоставлению произведений русской и якутской литературы, по переводческой деятельности, что сейчас особенно актуально («Пушкинские произведения на языке саха», «Поэтические параллели лирики Марины Цветаевой и Варвары Потаповой», «Образ «маленького человека» в прозе А.П.Чехова и А.И.Кундэ», «Трансформация как способ передачи смысла текста оригинала при переводе с русского на якутский язык» и др.).

Среди юных исследователей – победители и призеры улусных олимпиад по русскому языку и литературе, участники республиканских олимпиад; победители и призеры «Окоемовских», «Пушкинских чтений», конкурсов сочинений, рефератов «Мир техники», общественно-политических чтений к 60-летию Победы; лауреаты и дипломанты региональных и республиканских туров «Шаг в будущее», российских НПК.

В целом по организации проектной деятельности учащихся можно сделать следующие **выводы:**

- В научно-исследовательской работе школьников определенная роль принадлежит учителю. Требуется творческий подход с его стороны, увлеченность работой вместе с детьми.

- Учащиеся, занимаясь исследовательской деятельностью, получают навыки работы с научной литературой, первоисточниками.

- Совершенствуют навыки работы на компьютере.

- Юные исследователи учатся выделять актуальность темы, определять предмет, объект проекта, поставить перед собой цели и задачи, выдвигать гипотезу, составлять план работы.

- Получают умение выступать перед аудиторией, общаться с другими детьми, убеждать слушателей (развитие устной монологической речи).

- Метод проектов позволяет формировать личностные качества. В первую очередь это относится к таким волевым качествам, как умение брать на себя ответственность за выбор и решение идти до конца, преодолевая трудности.

- Исследовательская работа призвана обеспечить творческое применение знаний, дает возможность расширить образовательное пространство.

Метод проектов, несомненно, **перспективен** как эффективная форма научного творчества учащихся. Научно-исследовательская работа ориентирована на развитие и саморазвитие личности.

Чайникова Н.Ю. ©

Муниципальное казенное общеобразовательное учреждение Средняя Общеобразовательная школа №6 города Кушвы

ФИТОМОРФНАЯ МЕТАФОРА У Ж.-Ж. РУССО НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА-ТРАКТАТА «ЭМИЛЬ, ИЛИ О ВОСПИТАНИИ»

В педагогическом дискурсе существуют метафоры для обозначения ведущих концептов. В современной педагогике метафоры все чаще рассматриваются с точки зрения функций педагогической коммуникации и осознание значимости той или иной педагогической системы. Образность метафоры позволяет рассмотреть систему образования с точки зрения социальной психологии и личности автора.

ВОСПИТАННИК образно обозначается РАСТЕНИЕМ, которое может увядать, вращаться, давать ростки. Соответственно ВОСПИТАТЕЛЬ метафорически представляется как РАСТЕНИЕИВОД, занимающийся разведением культурного растения, который ухаживает за своим растением, следовательно, весь процесс ВОСПИТАНИЯ предстает как РАСТЕНИЕВОДСТВО, отраслью которого является плодоводство. Анализ метафор в отечественном педагогическом дискурсе представлен в серии публикаций Е. Г. Кабаченко [2004, 2005, 2006], а характеристика традиционных и современных метафор в зарубежных педагогических публикациях представлена в статье Э. В. Будаева и А. П. Чудинова [2006].

Метафора – это способ общения, имеющий определенные преимущества перед прямым выражением мнений, точек зрения, и даже иногда фактической информации. Именно поэтому метафоры часто используются опытными коммуникаторами. Каждый новый этап развития педагогики начинается с обновления системы концептуальных метафор. Выявление и описание основных метафорических моделей, употребляемых в процессе обучения, представляет собой актуальную задачу для современной лингвистики. Материал для подобного анализа дает роман-трактат Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или о Воспитании», идеи которого заставили говорить и спорить о педагогике весь мир.

Взяв за основу классификацию А. П. Чудинова [Чудинов, 2001], мы выделили в данном романе три основных сферы-мишени: «Воспитанник», «Воспитатель» и «Воспитание». Как показал анализ, для осмысления этих сфер-мишеней Ж.-Ж. Руссо использовал метафоры из сфер-истоников «Физиология», «Болезнь», «Животные», «Растения», «Театр», «Игра», но особенно активно актуализируются метафоры из субсферы «Растения», которые отражают взгляды писателя на процесс воспитания, а также его участников. Поэтому фитоморфная метафора требует более детального анализа и ее описания.

Анализ показал, что образ ВОСПИТАННИКА выступает как культурное молодое и юное РАСТЕНИЕ, у которого есть свои корни – сила, характер, индивидуальность, а также свои особенности. Результат деятельности воспитателя употребляется плодам, которые могут быть с одной стороны усладой, его гордостью, а с другой стороны скороспелыми плодами в следствии поспешных действий, в результате которых он не может собрать хороший урожай. Среди анализируемого корпуса попадают метафоры, подчеркивающие его оригинальный вид, требующий индивидуального и определенного ухода, и отличающие его от себе подобных, определенными признаками и свойствами. У каждого воспитанника, как и у растения, есть свои зачатки, характеризующие первые этапы взросления, следовательно, этапы его формирования, как личности. Как и у растения, каждый воспитанник наделен жизненным циклом, указывающим на динамику его развития. Он, как и растение может подрастать, давать ростки, а в случае неподобающего и неразумного ухода может портиться.

Анализ метафор в речи педагога показал, что Ж.-Ж. Руссо на основе принципа природосообразности создал свою теорию «естественного воспитания». В процессе воспитания он обратился к природе самого ребенка. ВОСПИТАНИЕ – РАСТЕНИЕВОДСТВО, это процесс естественного развития ребенка, воспитания в одиночку, вот, по его мнению, что больше принесет результатов и плодов, а также предоставит больше времени для развития своего воспитанника. Педагогическая концепция Руссо рассчитана на систему: один воспитатель и один воспитанник. Процесс воспитания, по мысли педагога, должен происходить естественным путем, где воспитатель не должен ускорять события, стремиться к быстрому и поспешному результату, стараясь опередить возраст своего воспитанника. В противном случае он произведет скороспелые плоды и не получит хороший результат своего труда.

ВОСПИТАТЕЛЬ – РАСТЕНИЕВОД, который ухаживает, помогает и содействует в развитии своего растения, воздействует на него всяческими методами и приемами, вырашивает их силы, а также обеспечивает рост и его развитие. Функция педагога, согласно Ж.-Ж. Руссо, не мешать развитию природы ребенка, дать ему возможность развиваться естественным путем, а вмешательство воспитателя в естественное развитие ребенка принесет ему плоды, у которых не будет ни зрелости, ни вкуса.

Рассмотрим более детально фитоморфную метафору у Ж.-Ж. Руссо **Фрейм 1. «Состав царства растений»**

В педагогическом дискурсе Ж.-Ж. Руссо встречается такое метафорическое использование родовых наименований, как *l'arbrisseau* (деревце), *la jeune plante* (молодое растение), связанных с образом воспитанника. Одной из важных характеристик, являющих базисными для представления воспитуемого – это, конечно же, его возраст. Педагог видит деревце и растение в своем воспитаннике, которое в расцвете сил, молодое и подрастающее (*jeune, naissant*). Ср.:

C'est à toi que je m'adresse, tendre et prévoyante mère, qui sus t'écarter de la grande route, et garantir l'arbrisseau naissant du choc des opinions humaines! К тебе обращаюсь я, нежная и предусмотрительная мать, сумевшая уклониться от такой дороги и предохранить подрастающее деревце от столкновений с людскими мнениями

Фрейм 2. «Части растений»

Базой для описания данного фрейма стали такие метафоры, как: *les raciness* (корни), *ses fruits* (плоды), *le germe* (зачаток).

Слот 2.1. «Корни»

Воспитанник, как и растение, имеет свои корни, которые обеспечивают жизнь всего растения. У Руссо воспитанники, обладающие корнями, имеют силу. В педагогической метафоре создается образ воспитанника сильного, с твердым характером, со своими индивидуальными особенностями. Ср.:

C'est le temps où germent les erreurs et les vices, sans qu'on ait encore aucun instrument pour les détruire; et quand l'instrument vient, les racines sont si profondes, qu'il n'est plus temps de les arracher. Это — время, когда зарождаются заблуждения и пороки, а нет еще никакого орудия для их уничтожения; когда же является орудие, корни бывают уже столь глубоки, что поздно их вырывать.

Слот 2.3. «Плоды, цветы, семена, зерна»

Ses fruits (плоды) вообще чаще всего указывают на символ результатов. Типовой для педагогической метафоры образ воспитанника стал образ плода. Плод метафорически обозначает символ результатов, произрастания растения. Воспитанник предстает не только как плод деятельности обучающего, который будет усладой для него и вызывающий у него интерес, но и как плод союза между мужчиной и женщиной. Ср.:

Cultive, arrose la jeune plante avant qu'elle meure: ses fruits feront un jour tes délices. Ухаживай, поливай молодое растение, пока оно не увяло, — плоды его будут однажды твоей усладой.

Ниже представлена метафорическая модель, где метафора с образом произведения скороспелых плодов указывает на вмешательство воспитателя в естественное развитие своего воспитанника. Быстрая динамика развития плодов не обеспечивает растениям свою оригинальность. Приложение всех сил для поспешного произрастания плодов не приведет к получению хорошего урожая. Ср.:

Si nous voulons pervertir cet ordre, nous produirons des fruits précoces, qui n'auront ni maturité ni saveur, et ne tarderont pas à se corrompre; nous aurons de jeunes docteurs et de vieux enfants. Если мы хотим нарушить этот порядок, мы произведем скороспелые плоды, которые не будут иметь ни зрелости, ни вкуса и не замедлят испортиться: у нас получатся юные ученые и старые дети.

Первых результатов прораствания развивают образы *le germe* (зачатков) у воспитанников. Зачатки указывают на причину предоставления полной свободы воспитанникам, в целях обнаружения их характеров, а также на развитие искусственных задатков у воспитанников воспитателем. Ср.:

Homme prudent, épiez longtemps la nature, observez bien votre élève avant de lui dire le premier mot; laissez d'abord le germe de son caractère en pleine liberté de se montrer, ne le contraignez en quoi que ce puisse être, afin de le mieux voir tout entier. Благоразумный наставник! изучай дольше природу, хорошо наблюдай за своим воспитанником, прежде чем сказать ему первое слово; дай прежде всего на полной свободе обнаружиться зачаткам его характера; не принуждай его в чем бы то ни было, чтобы лучше видеть его во всей целости.

Фрейм 3. «Жизненный цикл растений и участие в нем человека»

Слот 3.1. «Жизненный цикл растений»

Жизненный цикл любого растения обозначает динамику его развития. Так и метафорически указывает на динамику развития воспитанника, которое, как и растение, может *naissant, murir, si profondes, faire, se corrompre* (подрастать, увядать, вращать, давать ростки, портиться). Ср.:

Cultive, arrose la jeune plante avant qu'elle meure: ses fruits feront un jour tes délices. Ухаживай, поливай молодое растение, пока оно не увяло: плоды его будут однажды твоей усладой.

Подобные метафоры акцентируют идею естественности развития жизни. Руссо акцентирует внимание на то, что каждому воспитаннику необходимо свое время, ему нужен покой, т.к. его физиологическое состояние выражается в задержке прораствания. Ведь именно созревание указывает на заключительный этап развития семян и плодов, который не должен

торопить воспитатель для того, чтобы воспитанник быстрыми темпами не приобрел окраску, вкус и аромат, свойственные спелому плоду. Воспитание, как выращивание плода, должно, по его мнению, проходить без участия других лиц по причине того, что воспитание в одиночку принесет больше результатов, предоставит больше времени для его развития. Ср.:

laissez mûrir l'enfance dans les enfants. Дайте детству созреть в детях.

Cette éducation solitaire serait donc préférable, quand elle ne ferait que donner à l'enfance le temps de mûrir. Значит, подобное воспитание в одиночку было бы предпочтительнее уже потому, что оно давало бы ребенку время созреть.

Слот 3.2. «Уход за растениями и уборка урожая»

Культурное растение необходимо *garantir, cultiver, arroser, , garder, conservez, recueillir, produire, arracher, écarter* (предохранять, ухаживать, поливать, беречь, собирать и т.д). Соответствующий уход за растениями обозначает помощь в развитии воспитанника, а также создание благоприятных условий для его успешного развития. Ж.-Ж. Руссо подчеркивает оригинальный вид воспитанника, который указывает на разновидность культурных растений, отличающиеся от других разновидностей того же вида определенными свойствами и признаками, которые требуют определенного ухода и нуждаются в попечении. Ср.:

Voulez-vous donc qu'il garde sa forme originelle, conservez-la dès l'instant qu'il vient au monde. Sitôt qu'il naît, emparez-vous de lui, et ne le quittez plus qu'il ne soit homme : vous ne réussirez jamais sans cela. Итак, если вы хотите, чтоб он сохранил свой оригинальный вид, берегите этот вид с той самой минуты, как ребенок является в мир, лишь только он родится, завладейте им и не покидайте его, пока он не станет взрослым: без этого вы никогда не добьетесь успеха.

В педагогической речи образ воспитателя предстает перед читателем в образе РАСТЕНИЕВОДА, который также как ухаживает за своим РАСТЕНИЕМ, заботится о нем, принимает участие в его жизни, пересаживает, докапчивает развитие искусственных задатков, прилагает все свои усилия и заботу, выращивая его. И в случае морального неудовлетворения после произрастания растения, он может вырвать его с корнями, уничтожить источник криков у ребенка ни к чему не ведущим. Ср.:

Si l'enfant est délicat, sensible, que naturellement il se mette à crier pour rien, en rendant ces cris inutiles et sans effet, j'en taris bientôt la source. Tant qu'il pleure, je ne vais point à lui : j'y cours sitôt qu'il s'est tu. Если ребенок слаб и чувствителен, если от природы склонен кричать ни с того, ни с сего, то, делая эти крики бесполезными и ни к чему не ведущими, я скоро уничтожаю и самый их источник.

Известно, что многие растения произрастают сами по себе, но культурные растения необходимо обрабатывать, подвергать их выделке. Так и в процессе воспитания необходим подобный уход за воспитуемыми, обозначающий помощь и содействие в их развитии со стороны воспитателя, который воздействует на них, создает условия для успешного развития. Подобно тому, как, выращивая растение, растениевод ухаживает за ним, обеспечивая ему, рост и развитие, так и в воспитании необходимо, если хотите развивать ум вашего воспитанника, выращивать его силы. Ср.:

Voulez-vous donc cultiver l'intelligence de votre élève; cultivez les forces qu'elle doit gouverner. Поэтому, если хотите развить ум вашего воспитанника, развивайте силы, которыми ум должен управлять.

Использование фитоморфной метафоры в педагогическом дискурсе свидетельствует о том, что метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Мир растений» служит средством метафорической образности для концептуализации процесса воспитания между Эпохой Возрождения и временем, называемым эпохой Просвещения. Но необходимо отметить тот факт, что наблюдается неравномерное распределение метафор по фреймам и слотам.

По мнению А. П. Чудинова, при анализе метафорической модели важно учитывать три ее основные характеристики: продуктивность, частотность и эмотивный потенциал [Чудинов 2001].

Таблица 1

Сфера - мишень	Ж. -Ж. Руссо	ИП	Ж. -Ж. Руссо	Частотность
Фрейм 1. «Состав царства растений»		2		2
ВОСПИТАННИК	arbrisseau, (m), jeune plante (f),	2	arbrisseau, (m),	1
			jeune plante (f),	1
ВОСПИТАТЕЛЬ				
ВОСПИТАНИЕ				
Фрейм 2 «Части растения»		3		8
Слот 2.1. «Корни»		1		1
ВОСПИТАННИК	raciness, (pl),	1	raciness, (pl),	1
ВОСПИТАТЕЛЬ				
ВОСПИТАНИЕ				
Слот 2.3. «Плоды, цветы, семена и зерна»				
ВОСПИТАННИК	fruit, (m) , germe, (m)	2	fruit, (m)	5
			germe, (m)	2
ВОСПИТАТЕЛЬ				
ВОСПИТАНИЕ				
Фрейм 3 «Жизненный цикл растений и участие в нем человека»		24		27
Слот 3.1. «Жизненный цикл растений»		12		14
ВОСПИТАТЕЛЬ	ne plus détruire,	1	ne plus détruire,	1
ВОСПИТАНИЕ	Mûrir, perdre,	2	Mûrir	3
			perdre,	
ВОСПИТАННИК	Naissant, mourir, n’avoir ni maturité, ni saveur, profondes, se corrompre, s’enraciner, roduire, germer	9	Naissant	1
			mourir	1
			n’avoir ni maturité,	1
			n’avoir ni saveur	1
			profondes,	1
			se corrompre	1
			s’enraciner	1
			roduire	1
			germer	1
Слот 3.2. «Уход за растениями и уборка урожая»		12		13
ВОСПИТАТЕЛЬ	Garantir, Cultiver, arroser, garder, conserver, recueillir, arracher, écarter, se tuer,	9	Garantir	1
			Cultiver	1
			arroser,	1
			garder	1
			conserver	1
			recueillir	1
			arracher	1
			écarter	1
			se tuer	1
ВОСПИТАНИЕ	Planter, soins, cultiver	3	Planter	1
			soins, (pl)	2

			<i>cultiver</i>	1
ВОСПИТАННИК				

В представленной фитоморфной метафоре наиболее продуктивны слоты «Жизненный цикл растений» и «Уход за растениями и уборка урожая». В педагогическом дискурсе суммарный ИП ММ выше для сфер-мишеней Воспитанник, чем для сфер-мишеней ВОСПИТАТЕЛЬ И ВОСПИТАНИЕ, это очевидно, из названия произведения, которое обращено к воспитаннику или его воспитания.

Таблица 2

Суммарные индексы продуктивности фитоморфной метафоры

№/п	Сфера-мишень	Суммарный ИП	Частотность
1.	ВОСПИТАННИК	14	19
2.	ВОСПИТАТЕЛЬ	10	10
3.	ВОСПИТАНИЕ	5	7
	Итого:	29	36

Анализ частотности педагогического дискурса показывает, что для Воспитанника характерно осмыслять сферы-мишени во фрейме «Жизненный цикл растения, а при характеристике ВОСПИТАТЕЛЯ предпочтение отдается фрейму «Уход за растениями и уборка урожая». Большая частотность подобных метафор была направлена к сфере-мишени Воспитанника. Почетное третье место по ИП занимает процесс ВОСПИТАНИЯ. В фитоморфной метафоре предпочтение процессу ВОСПИТАНИЯ отдается слоту «Уход за растениями и уборка урожая».

Однако эти слоты и фреймы не относятся к самым частотным когнитивным структурам. Лидером по частотности стал малопродуктивный слот «Плоды, цветы, семена, зерна», характеризующий ВОСПИТАННИКА.

Отсюда следует, что фитоморфная метафора для Ж.Ж. Руссо оказывается продуктивной. На основе этой метафоры он последовательно развертывает модель с основным фреймом сферы-источника: «Жизненный цикл растения», которая включает в себя разнообразные слоты.

Сама же, фитоморфная метафора позволяет подчеркнуть индивидуальный характер деятельности воспитателя и рост, развитие воспитанника. Метафоры Ж.Ж. Руссо отражали его идеи и сформировали историческое самосознание существующей системы образования той эпохи.

Литература

1. Будаев Э. В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы / Э.В. Будаев. – Нижний Тагил : Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2007. – 149 с.
2. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2001. – 237 с.
3. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2003. – 248 с.

Шаркунова О.В. ©

Аспирант ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

ИДИОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВТОРНЫХ НОМИНАЦИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЛЕНГА В ПОВЕСТИ J.K. JEROME «THREE MEN IN A BOAT» И В РОМАНЕ P.G. WODEHOUSE «JEEVES IN THE OFFING»

П.Г. Вудхауз и Дж.К. Джером являются одними из знаковых писателей конца XIX начала XX в, идиостилии которых мало исследованы. Они еще не рассматривались через сравнение особенностей повторных номинаций с использованием сленга на примере отдельно взятого произведения каждого писателя. Дж.К. Джером, выдающийся драматург, автор юмористических эссе и рассказов, писатель-романист, в одном из самых популярных своих произведений – повести «Three Men in A Boat» раскрывает образ жизни, мысли и времяпрепровождение англичан [5]. По А.Звереву, для представителей среднего класса викторианской эпохи характерна усталость от практицизма и повседневности, что заставляет Джея, Гарриса и Джорджа совершить путешествие по Темзе [5]. Важное место в тексте занимают описания самого общества, его представителей, их речи [5]. П.Г.Вудхауз – автор коротких рассказов, романов, либретто и пьес. Н. Трауберг, Е.Ваулина отмечают, что наиболее популярным из его романов оказалась серия романов о молодом аристократе Вустере и его камердинере Дживзе. Одним из данной серии является роман «Jeeves In The Offing». В нем писатель представляет современное ему высшее общество, его достоинства и недостатки, особенности поведения и речи в юмористическом ключе [6, 19]. Главный герой Вустер обладает талантом попадать в сложные ситуации, а его камердинер Дживз, – способностью легко их распутывать [4, 4-15]. Общими критериями для сравнения идиостилистических особенностей текстов являются: временной отрезок, социальная основа, особенности репрезентации персонажей посредством их речи.

Рассмотрим повторную номинацию с использованием сленга в речи главных героев. Для этого уточним необходимые теоретические положения. Под повторной номинацией, вслед за В.Г. Гаком, З.Я. Тураевой, Е.С. Кубряковой, мы понимаем систему отбираемых автором в соответствии с его замыслом наименований экстратекстового объекта, соотносящихся между собой и с объектом реальности, являющимся их прототипом. Объекты экстратекстовой действительности в тексте бывают репрезентированы именами собственными, личными местоимениями, лексическими обозначениями в указательной функции [3, 35-48].

По Г.В. Гаку, каждая номинация имеет внешнюю и внутреннюю структуру. Во внешней структуре номинации есть три элемента: объект (сам автор как источник интенциональности), субъект (лица, понятия, события, предметы, признаки, предметы с признаками), языковые средства [3, 38]. Внутренняя структура номинации, по Б.А. Серебренникову, Г.В. Гаку, включает сигнификат (план содержания), связанный с авторской интенцией, и денотат (план выражения), зависящий от идиостиля и замысла [9, 271-273].

По Н.С. Валгиной, О.А. Мельничуку, цепочка номинаций одного объекта имеет один и тот же сигнификат, но денотаты могут быть различными, т.к. с каждой номинацией идет приращение смысла и его выражение языковыми средствами. Сигнификат реализуется через языковые средства денотата, т.е. структура номинации задана авторским замыслом [2, 227]. Т.о. один и тот же объект получает разные названия по разным признакам и с помощью разных языковых средств.

Вслед за Ю.Н. Карауловым, Салимовским В.А., Болотновой Н.С., Бабенко И.И., Васильевой А.А., под идиостилем мы будем понимать актуализацию языковой личности писателя в отборе текстовых номинаций и их языковых особенностей, (в т.ч. лексических) [7, 92-94].

Рассмотрим использование сленга для обозначения объектов как один из наиболее частотных лексических особенностей номинации в идиостиле П.Г. Вудхауза и Дж.К. Джерома в соответствующих художественных текстах. Вслед И.В. Арнольд, И.Р. Гальпериным, В.А. Кухаренко, под номинациями с использованием сленга мы понимаем наименования текстовых объектов, в которых используется «специальная разговорная лексика, не соответствующая языковой норме, характеризующаяся эмотивностью и экспрессивностью [1, 37], и являющаяся относительно нестабильным образованием, имеющим тенденцию к синонимичности» [10, 157].

Среди повторных номинаций со специальной разговорной лексикой самыми частотными по встречаемости в выбранных романе и повести являются номинации с использованием сленга. А. Зверев, Н.Д. Садомская, М.Ю. Мысоченко подчеркивают, что они придают повествованию субъективизированность и заданность авторским мнением об объекте речи и о говорящем [4, 14], [7, 94]. Номинации с использованием сленга способствуют созданию комического эффекта. Он возникает, по Е.А. Пигаркиной, Н.Н. Савченко, Б.М. Эйхенбауму, на основе несоответствия планов содержания и выражения каждой последующей номинации объекта [6, 19].

Выясним сходные особенности авторского использования номинаций со сленгом в повести «Three Men in A Boat» и в романе «Jeeves in The Offing»: структурные особенности: 1) несоответствие планов выражения плану содержания объекта, 2) соответствие планов содержания собственно сленговых повторных номинаций различных объектов; идиолектические особенности: 1) переосмысление и трансформация на уровне фразеологических единиц или словосочетаний в составе номинаций [10, 157], 2) собственно лексическая трансформация номинаций; стилистические особенности: 1) эмоционально окрашенные номинации; 2) слова широкого семантического спектра [1, 37], [5].

Используемые персонажами обоих текстов номинации объектов, содержащие сленг часто не соответствуют их социальному статусу и уровню образования, т.к. главные герои обоих произведений являются представителями «intermediate» / «upper-intermediate classes» [8]. Для создания комического эффекта оба автора часто используют несоответствие планов выражения плану содержания объекта. Наименования вещей, ожидаемые от образованных людей, приобретают оттенок неформальности и разговорности. Аристократ Вустер и его тетушка Далия в романе «Jeeves in The Offing» общаются друг с другом на сленге: «Sir Roderick Glossop, the loony-doctor...», «the eminent brain specialist». В повести «Three Men in A Boat» отметим номинации главных героев: «You cuckoo standing there like a stuffed mummy», «You dummy», «A couple of lazy skulks» [11, 3-240].

Соответствие планов содержания сленговых номинаций различных объектов в обоих текстах позволяет разделить их общие сигнификаты на выражающие оценку умственных способностей или черт характера «дурак / глупец» или «лентяй», дружеские отношения «друг, приятель / дружить». Среди повторных номинаций романа, маркирующих идиостиль П.Г. Вудхауза, часто встречаются номинации со схожим сигнификатом для наименования различных объектов [8]. Для обозначения объектов с подразумеваемым планом содержания «дурак» / «глупец» автор в речи персонажей прибегает к таким номинациям как «goofy», «guffin», «an abysmal chump». Именные и глагольные номинации с сигнификатом «дружище» / «дружить»: «relations with him have not been too chummy», «a lifelong buddy of mine», и т.п. [12, 5-143]. Идиостиллю Дж.К. Джерома характерны следующие номинации со сленгом, соответствующие русскому «глупец», «тупица», которыми называют друг друга главные герои: номинации с компонентами «chunk», «chuckle», «cuckoo», «dummy» («you fat-headed chunk!», «you chuckle-head!»), или «старина» / «дружище»: «...I've done more than old J!», «he is the old chum of mine», «steady old man», а также «лентяй» («a couple of lazy skulks») [11, 56-89].

К идиолектическим особенностям номинаций данных авторов в выбранных текстах относится переосмысление и трансформация на уровне фразеологических единиц или словосочетаний в составе повторных номинаций или собственно лексическая трансформация номинаций [5], [10, 157]. Перифраза номинаций с использованием фразеологизмов, принадле-

жащих к сленгу, является наиболее частотной среди идиостилистических особенностей лексики романа П.Г. Вудхауза: «*this very formidable loony-doctor to chew the mid-day chop with*» [12, 5-143]. Данная номинация является производной от выражения «*to chew the fat with somebody*», которое переосмысливается в аспекте того, что тетушка Далия собирается поужинать и поболтать с сэром Р. Глоссопом, т.о. выражение приобретает новый дополнительный смысл. Берти Вустер, говоря о своей несостоявшейся невесте, подчеркивает ее талант впутывать всех во что-нибудь, отмечает, что она – «*an enterprising girl for landing her nearest and dearest in the mulligatawny*», т.о. переосмысливается выражение «*to get into soup*» [12, 15]. За счет повторного наименования объекта данным выражением становится ясным отношение персонажа к описываемому объекту, отсюда и «*mulligatawny*» вместо «*soup*»). Обращаясь к трансформации собственно лексических единиц, рассмотрим примеры сокращений из романа П.Г. Вудхауза, – сокращения устойчивых выражений, которые, по С.С. Беркнеру и Я. Свиридову, являются авторскими окказиональными образованиями, («*this occ. was that occ.*», от «*occasion*») [6, с. 24], а также из повести Дж.К. Джерома: «*to get your baccy*», от «*tobacco*», говоря о королевских особах, главный герой Джей употребляет «*a weak-minded king Edwy*», вместо «*Edward*». Имеют место в идиостиле писателя и фонетические сращения («*blendings*») глаголов, глаголов и личных местоимений или целых предложений: «*Leggo, can't you?*», «*Gimme the half-crown*», «*Waser marrer?*» [11, 3-240].

Стилистические особенности «*Three Men in A Boat*» и «*Jeeves in The Offing*» выражены в преобладании в идиостилях эмоционально окрашенных сленговых номинаций. Некоторые из повторных номинаций с использованием сленга наиболее эмотивны, особенно восклицания в романе П.Г. Вудхауза: «*Right-ho*», «*What ho*», [12, 32, 190].»; у Джерома местоимение «*you*» превращается в «*ye*» для усиления эмотивности, – «*ye miserable ... scoundrel!*», сращение «*Waser marrer?*» маркирует эмоциональную речь.

К словам широкого семантического спектра [1, 37] в выбранных текстах относятся номинации объектов с компонентами «*thing*», «*matter*», «*stuff*» и дескриптивные выражения «*a kind of*» / «*a sort of*». Для идиостиля П.Г. Вудхауза такие номинации, обозначающие в различных контекстах разные вещи, свойственны, особенно с компонентом «*stuff*», по О.Боссону, («*this Wilbert-Cream-Phyllis-Mills thing*») [12, 88]. Сюда же относятся и описательные выражения «*a kind of*» / «*a sort of*», («*the same sort of thing*»). Для Дж.К. Джерома также характерна данная особенность: «*leave the whole matter to me*» и т.д. [11, 3-240].

Т.о. идиостили П.Г. Вудхауза и Дж.К. Джерома имеют сходные идиостилистические особенности употребления повторных номинаций со сленгом, которые обусловлены использованием одного языка, и принадлежности писателей к одному литературному направлению (реализм), общей временной и социальной основы текстов, в т.ч. сходных особенностей в комическом представлении персонажей как представителей определенных слоев общества посредством их речи, что создает комический эффект [8].

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Издательство «Флинта», 2002, 384 с. – С. 37.
2. Валгина Н. С. Текст семантика и структура – М.: Издательство «Логос», 1983. 286 с. – С. 227.
3. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология на материале французского и русского языков: учеб. для вузов. – М.: Издательство «Международные отношения», 1977. 264 с. – С. 35-48.
4. Зверев А. Вудхауз, Берти, Дживс и я. Книжное обозрение. Выпуск первый. 1999. – С. 4-15.
5. Зверев А. Улыбка Джерома. – Электронный ресурс. – URL: http://www.belousenko.com/wr_Jerome.htm
6. Садомская Н.Д. Типология малых жанров в прозе Дж.К. Джерома: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1984. – 19 С.
7. Салимовский В.А., Болотнова Н.С. Лексическая структура и идиостиль. – Гуманитарные науки. Выпуск первый. 2004. –С. 92-94.

8. Свиридов Я. Приемы комического в языке произведений П.Г. Вудхауса // [электронный ресурс] – URL: – http://www.yqyp/38345-Priemy_komiceskogo_v_yazyke_proizvedeniyy_P_G_Vudhausa.html
9. Серебренников Б.А., Уфимцева А.А. Языковая номинация. – М.: Издательство «Наука», 1977. – 294 с. – С. 271-273.
10. Galperin. I. R. Stylistics: a textbook for higher educational institutions – М.: Higher School, 1977. – 332 pp. – P. 157.
11. Jerome J.K. Three men in a boat (to say nothing of the dog). – М.: «ВК», 2010. – 240 с.
12. Wodehouse P.G. Jeeves in the offing – Harmondsworth: Penguin books, 1963. – 215 pp.

Шацкая М. С. ©

Заместитель директора по УВР, учитель английского языка,
МБОУ лицей №4 г. Воронеж

КОННОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Новые формы литературного выражения, созданные Ф. М. Достоевским, во многом подготовили путь развития лексики, а также стилистики языка русской литературы.

Рассмотрим прежде всего теоретические основания проблемы функционирования колоративной лексики в ее коннотативном значении на примере романа «Бедные люди» Ф.М. Достоевского.

В лексическом значении выделяют два основных компонента – денотативный (денотат) и коннотативный (коннотат) [4, 166].

Денотат – мыслительное отображение определенного явления действительности, предмета, явления, признака, действия, чувства и понятия о нем, а также предметно-понятийное содержание слова, которое позволяет ему выполнять номинативную функцию [4, 167].

Дополнительный элемент значения, содержащий эмоционально-экспрессивно-стилевое, оценочное наполнение слова, называется **коннотативным** [4, 167].

Денотативный компонент (обычно говорят просто о денотативном значении) передает общее логическое понятие, заключенное в слове (от лат. «ilenotare» - «отмечать, указывать»), а коннотативное значение («со-значение», от лат. *con* «вместе» + *notare* «отмечать, обозначать») — его дополнительные оттенки [4, 167]

Колоративная лексика - это группа слов, выражающая значение цвета. Под колоризмом мы понимаем языковую или речевую единицу, в состав которой входит корневой морф, семантически или этимологически связанный с цветонаименованием [4, 168].

Колоративная лексика в художественном произведении является выражением мысли автора; она указывает не только на смысловые значения, но и «позволяет проникнуть в психологию писателя, понять его эмоциональное состояние в момент написания произведения» [2, 39].

Колоративная лексика исследована достаточно широко: описывался ее состав (А. П. Василевич), семантическая структура (А. А. Брагина, Е. А. Дивина, И. В. Макеенко), стилистические функции (Л. А. Качаева, Г. Г. Полищук). Цветообозначения изучались на основе психолингвистического эксперимента (А. П. Василевич, Р. М. Фрумкина). В ряде работ был проведен сопоставительный, этнолингвистический (А. И. Белов, В. Г. Гак, А. А. Залевская) и сравнительно-исторический анализ (Н. Б. Бахилина, Л. С. Грановская).

В произведении «Бедные люди» ученые-статисты выявили всего 65 лексем со

значением цвета: (пунсовый (1), розовый (3), красный (3), румяный (1), рыжий (1), седой (5), жёлтый (5), чахоточный (1), ржавый (1), синий (3), белый (2), чёрный (8)). Всего 34 употребления [2, 12].

Конкретизируем наиболее выразительные из них.

Красный цвет и производные от него – розовый, пунцовый: *«А вот теперь весна, так и мысли все такие приятные, острые, затейливые, и мечтания приходят нежные; все в розовом цвете»* (Макар Деушкин) [1, 40], *«Что за прелесть на ней цветы! Пунсовые крестиками»* (Варвара Доброселова) [1, 65] (Пунсовый (пунцовый) –ая, –ое; –ов. Ярко-красный, багровый [6]).

В образе Макара Деушкина автор особо выделяет цвет его волос – «седой»: *«Дожил до седых волос; греха за собою большого не знаю»* [1, 60]. Здесь «седой», «седина» употребляются в прямом значении, но имеют и коннотацию: седина – это символ прожитых лет, обретенного жизненного опыта, а не только возраста.

В романе «Бедные люди» кроме цветообозначений встречаются светообозначения: *«Уж такое дело темное, маточка!»* [1, 39]. Данный колоризм имеет непосредственно яркую коннотативную окраску и употребляется в переносном значении: «темный» – «вызывающий сомнение, подозрительный». К данному прилагательному в приведенном значении относится глагол «темнить», то есть «путать, обманывать» [6].

При помощи колоризмов герои выражают свое мироощущение: *«Я так живо, так живо все припомнила, так ярко стало передо мною все прошедшее, а настоящее так тускло, так темно!...»* [1, 43] или *«На сердце холодно, на душе темно; в памяти все были, моя бедная ясочка»* [1, 67].

Словарь на этот счет выдает еще несколько коннотативно окрашенных значений слова: «темный» – неясный, смутный, непонятный; печальный, мрачный, безрадостный» [5]. Далее по тексту настроение меняется также с использованием «цветных» прилагательных: *«Солнце светит кругом яркими лучами, и лучи разбивают, как стекло, тонкий лед. Светло, ярко, весело»* [1, 68]. Наслаждение видом за окном возвращает Вареньку к жизни, и она получает способность видеть светлые тона. Настроение выливается в общий восторг, поэтому выделенные прилагательные «светло, ярко весело» в данном контексте являются синонимами.

Следуя за приверженцами натуральной школы, Достоевский правдиво и ярко рисует мрачные картины унылой рутинной обстановки бедности и упадка. Дом, в котором находится квартира Макара Деушкина, наводит тоску: *«Ну уж квартира! <...> длинный коридор, совершенно темный и нечистый»* [1, 23]. В данном случае лексические значения колоризмов «темный» и «нечистый» являются синонимичными.

Приход Макара на службу не приносит ему душевного равновесия и улучшения настроения. Там *«...так все стало по-прежнему – и серенько и темненько. Все те же чернильные пятна, все те же столы и бумаги»* [1, 59]. Если взять из приведенных отрывков однородные прилагательные, то к явно колоративным словам «темненький», «серенький», «чернильные» можно прибавить «нечистый» и, следовательно, получить одно семантическое поле «грязь», несущее определенную коннотативную окраску. От темноты, черноты, а конкретно, грязи, Деушкину никогда не избавиться.

Макар не может меняться, живет одним чувством. Это отражается на его письмах. Варвара Доброселова же рисует яркие, светлые тона. Цветовая симметрия позволяет увидеть, что главные герои по-разному ощущают мир. Автор заставляет читателя с особой силой почувствовать, насколько различна «цветовая сущность» у каждого из них, а значит, насколько различны они сами.

Анализ цвето- и светообозначений в «Бедных людях» Ф. М. Достоевского позволяет по-новому увидеть героев, приблизиться к пониманию его глубокого смысла. Парадигма света и цвета развёртывает в текстах авторскую концепцию бытия [3, 59]. Цвето-световые номинации в текстах произведений представляют собой языковое выражение социальной, культурологической, исторической позиции писателя.

В результате наблюдений можно выявить следующую классификацию колоративной лексики в произведении «Бедные люди»:

1. Цветообозначения. Сквозной нитью Достоевский настойчиво навязывает вниманию читателя следующие основные спектральные цвета: желтый, серый, красный. Компонент лексического значения – денотат. Коннотативное же значение колоративной лексики может проявлять себя на следующих уровнях:

-грамматики (денотат + уменьшительно-ласкательный суффикс: такие лексемы, как «бледненький», «серенький»);

-стилистики (изображение предмета с описанием его внешних цветовых свойств: «пунсовый», «седой»).

2. Светообозначения делятся при исследовании семантической ткани повествований традиционно: темное и светлое. Данные группы колоризмов могут проявлять себя при описаниях внешности героев, но больше всего – при описании атмосферы, окружающей обстановки. Так, для писателя очень важно было показать, насколько нищета затянула обывателей Петербурга, как повлияла на характеры, поступки, мировоззрение людей.

В исследовании данной темы осталось еще много «белых пятен», постижение которых представляется возможным при более детальной постановке цели и задач к теме. Требуют также анализа в соответствии с данной проблемой другие произведения Ф. М. Достоевского, такие как «Идиот», «Братья Карамазовы», «Двойник», «Белые ночи», «Униженные и оскорбленные».

Литература

1. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 12-ти т. / Ф. М. Достоевский. – М.: Правда, 1982. Т.1. – 383 с.
2. Буслакова Т. П. Русская литература XIX века / Т. П. Буслакова. - М.: Высшая школа, 2003. – 294 с.
3. Клар Р. Тест Люшера. Психология цвета / Р. Клар. – М.: Вагриус, 2001. – 293 с.
4. Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта, Л. Л. Касаткина и др. – М.: Высшая школа, 2009. – 766 с.
5. Толковый словарь русского языка // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. – электронный ресурс.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1964. – 855 с.

Шевцова А.Ю. ©

Старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета

ТРЕБОВАНИЯ К СОСТАВЛЕНИЮ СЛОВАРЕЙ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СОВРЕМЕННЫМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ И ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПРИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ

Современная лексикография отличается не только большим числом классических и новаторских типов словарей, но и богатым теоретическим потенциалом, накопленным за последние десятилетия [1, 43]. В последнее время в лексикографии сформировалось направление, получившее название *перспектива пользователя* (*user's perspective*), которое нацелено на изучение нужд и требований читателя [2, 14]. Перспектива пользователя – это подход, который рассматривает лексикографию с точки зрения пользователя. В данном случае во вни-

вание принимаются статус пользователя, его предыдущий опыт и образование, владение определенными стратегиями поиска и знаниями о данной предметной области.

Сегодня в лексикографии наряду с термином *перспектива пользователя* используется и более широкое понятие – *исследование перспективы пользователя (user's research)*. Это собирательный термин для обозначения набора методов для исследования потребностей и навыков пользователей справочных материалов. В настоящее время *исследование перспективы пользователя* является новым специализированным направлением лексикографии, требующего междисциплинарного подхода и сочетания различных методов. От использования непрямого анкетирования и опроса общественного мнения до более объективного тестирования и апробации по методам *удобства использования (thinking-aloud и usability testing)* [3, 67].

Следовательно, исследование нужд и требований адресата предполагает проведение опросов различных групп информантов по использованию определенных типов общих и специальных словарей для конкретных теоретических и прикладных целей, по стратегии информационного поиска, по критериям отбора лексики в словник, пометах и других информационных категориях словарной статьи [4, 112]. Кроме того, исследование перспективы пользователя осуществляется и на базе результатов лексикографического анализа словарей данной предметной области. Иными словами, в свете современной парадигмы лексикографической науки, при моделировании специального словаря критерий адресата или пользователя является определяющим. Учитывать данный критерий необходимо уже на начальном этапе проектирования словаря, при выборе его типа, объема и структуры.

Говоря о других новых тенденциях лексикографии, отметим, что начало 21 века характеризуется огромным темпом технического прогресса, особенно в области инновационных компьютерных и интернет технологий, которые начинают диктовать свои условия в различных сферах деятельности человека, в том числе и в области составления специальных словарей. Рассмотрим новые тенденции, появившиеся в лексикографии на рубеже 20-21 веков, которые просто необходимо принять во внимание при моделировании любого терминографического продукта сегодня.

Объектом описания для большинства опубликованных в конце 20 – начале 21 века словарей для общих и специальных целей являются определенные группы лексики. Отличительной чертой словарей в настоящее время является тот факт, что они в основном базируются на электронных корпусах, которые появились в авторитетных европейских издательствах в середине – конце 20 века [5, 90]. Благодаря электронным банкам данных современные словари обеспечены богатым аутентичным языковым материалом. Кроме того, электронный формат позволяет поместить в корпусе словаря больше информации, облегчает систематическое обновление его состава и совершенствует поисковые стратегии пользователя [6, 78].

Иными словами, достижения информационных технологий предоставляют обширные возможности в сфере проектирования словарей в прикладной лексикографии. Компьютерные технологии облегчили как работу лексикографа по созданию словаря, так и работу конечного пользователя со словарем. Электронные словари имеют самую оптимальную скорость получения справки. Они сами ведут поиск, мгновенно выдавая запрашиваемые данные. Б. Свенсен в своей работе упоминает две, на наш взгляд, принципиально важные характеристики электронных словарей: возможность полнотекстового поиска и потенциально неограниченный объем [7, 263]. Другие преимущества электронных словарей перед печатными изданиями также неоспоримы - динамичность, компактность, высокая информативность, оперативность корректировки. Электронные словари имеют самую оптимальную скорость получения справки. Они сами ведут поиск, мгновенно выдавая запрашиваемые данные.

Терминологические электронные словари весьма востребованы сегодня, поскольку в них регистрируются и обрабатываются термины из различных отраслей знаний. Таким образом, можно сказать, что современный лексикографический продукт необходимо заключить в качественную электронную оболочку, ориентированную на определенную группы пользователей, обладающих различными интересами, знаниями и уровнем подготовки. Только при

выполнении перечисленных выше условий современный терминологический словарь может считаться перспективным.

Принимая во внимание всё сказанное выше, однако, заметим, что при разработке специальных электронных словарей необходимо реализовывать не только новые идеи, которые были немыслимы для печатных изданий, но и учитывать разработанные принципы и достижения традиционной «бумажной» лексикографии. Теория и практика в лексикографии неразрывно связаны, ведь, как верно заметил Б.Ю. Городецкий, «словарь является одновременно и объектом лексикографической деятельности, и предметом изучения в лексикографической теории». [8, 5]. При создании словаря могут привлекаться методы лексикологии, семантики, лингводидактики, теории перевода и других смежных с лексикографией дисциплин в зависимости от направленности словаря.

Литература

1. Green J. Chasing the Sun. Dictionary-Makers and the Dictionaries They Made. – L., 1996.
2. Using Dictionaries: Studies of Dictionary Use by Language Learners and Translators// *Lexicographica* / ed. B.T. Sue Atkins. – Tübingen, 1998.
3. Hartmann R.R.K. Lexicography. Critical concepts. – L.: N.Y., 2004.
4. Varantola K. Linguistic Corpora (Databases) and the Compilation of Dictionaries // *A practical Guide to Lexicography* / P. van Sterkenburg. – Amsterdam; Philadelphia, 2003.
5. Ooi V. Computer Corpus Lexicography. – Edinburgh, 1998.
6. Згуста Л. Пути развития лексикографии будущего// *Русская историческая лексикография на современном этапе*. – М., 2000.
7. Svensen B. Practical lexicography: Principles and Methods of Dictionary-Making. – Oxford, N.Y., 1993.
8. Городецкий Б.Ю. Проблемы и методы современной лексикографии. // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 14. – М.: Прогресс, 1983.

Шитова В. В. ©

Аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики,
Московский городской педагогический университет

ФАУСТИАНСКИЙ СЮЖЕТ ПОВЕСТЕЙ Н.В. ГОГОЛЯ

Фаустианский мотив, или сюжет о заключении сделки человека с дьяволом, стал вхож в литературу с эпохи Средневековья и претерпел с того времени значительные трансформации. Читателю интересен герой, который идёт на договор с чёртом, интересна мотивация, причины, побудившие персонажа сделать это. Безусловно, интригует и финал, чем же закончится история, насколько окажется дорогой расплата. Сюжет, наполненный архетипическими смыслами, которые уходят своими корнями в миф, в первую очередь, библейский, увлекает не только читателей, но и авторов. Многие из писателей, в течение долгого существования данного мифа, создавали различные вариации на его тематику. Отечественный писатель Н.В. Гоголь не стал исключением, в цикле гоголевских повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» можно выделить черты фаустианского сюжета.

«Первая часть «Вечеров» вышла в свет в сентябре 1831 года. В неё вошли четыре повести: «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь» и «Пропавшая грамота». Через шесть месяцев, в начале марта 1832 года, появилась в печати и вторая часть («Ночь перед Рождеством», «Страшная месть», «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка», «Заколдованное место») [6, 67].

В двух повестях «Вечер» фаустианский сюжет хорошо просматривается – это «Вечер накануне Ивана Купала» и «Ночь перед Рождеством». Среди персонажей данных произведений присутствует нечистая сила, герой, который прибегает к нечисти за помощью, в финале показаны последствия взаимодействия героя с чёртом для обоих. Фабула сюжета о Фаусте ложится на гоголевские творения, но претерпевает существенные трансформации.

Главные герои повестей «Вечер накануне Ивана Купала» и «Ночь перед Рождеством» – Петро и Вакула обращаются за помощью к чёрту из-за любовных злоключений. Оба встречают трудности в стремлении добиться руки своих возлюбленных – Пидорки и Оксаны, но если в случае с Петро у жениха нет денег, то Вакуле невеста ставит практически невыполнимое условие – достать царские черевички.

Кузнец Вакула сознательно идёт к Пацюку: «Ты, говорят, не во гнев будь сказано... — сказал, собираясь с духом, кузнец, — я веду об этом речь не для того, чтобы тебе нанести какую обиду, — приходишься немного сродни черту» [2, 165].

Пацюк, выступающий в роли посредника между Вакулой и чёртом, помогает кузнецу, знакомя его с потусторонним обитателем.

«Фантастическое и реальное смешано у Гоголя в каком-то причудливом гротеске. Фантастическим перипетиям удивляются не только читатель, но и сами персонажи – как в «Ночи перед Рождеством» Вакула недоуменно глядит на искусство Пацюка, глотающего вареники, предварительно окупающиеся в сметану. Гоголь как бы перенимает у народной сказки присущие ей простодушность, доверчивость, наивную непосредственность, всегда оказывающиеся источником истинной поэзии» [6, 76].

Стоит отметить, что Вакулу чёрт недолюбливал, так как кузнец написал картину «Страшного суда», где нечисть была посрамлена. Чёрт несказанно обрадовался возможности поработить душу Вакулы и попросил сразу заключения сделки с кузнецом. Данная сцена апеллирует к сделке между Фаустом и Мефистофелем. Но Вакула не пошёл на этот шаг, вместо этого изобразил в воздухе крестное знамение, показав тем самым, что он с Богом.

«Человек не только не боится «нечистой силы», он заставляет её служить себе. Так кузнец Вакула заставляет чёрта выполнять всевозможные свои требования. Однако в иных случаях Гоголь отступает от народнопоэтической традиции, основательно трансформируя тот или иной мотив, сознательно идя на его усложнение». [6, 76].

Но всё-таки кузнец пользуется чёртом ради достижения своей цели: «... немец проклятый! Теперь я знаю, что делать! Вези меня сей же час на себе, слышишь, неси, как птица!» [2, 169]. Название чёрта «немцем», безусловно, указывает на традицию данного образа в повести.

Несколько по-другому обстоят дела в повести «Накануне Ивана Купала». Басаврюк, или «дьявол в человеческом образе» как указывает Гоголь, взамен материального благосостояния просит Петруся служить ему. Автор напрямую указывает на принадлежность Басаврюка к тёмному миру: «Тут брякнул он с бесовскою усмешкою кожаным, висевшим у него возле пояса, кошельком. Вздрыгнул Петро. «Ге-ге-ге! Да как горит! – заревел он, пересыпая на руку червонцы. – Ге-ге-ге! Да как звенит! А ведь и дела только одного потребую за целую гору таких цацек». – «Дьявол! – закричал Петро. – Давай его! На всё готов!» [3, 61].

Петро в отличие от Вакулы попадает под влияние чёрта и закрепляет свою сделку кровью невинного Ивася. Стоит сказать, что образы нечистой силы, созданные Гоголем, сильно отличаются. Если чёрт Пацюка из «Ночи перед Рождеством» глуп, неказист и смешон, то Басаврюк рисуется ужасающим демоном.

«Тенденция изображения «глупого чёрта» отчётливо прослеживается в ранних произведениях Гоголя. Прежде всего в «Ночи перед Рождеством», где чёрт занят своим традиционным делом – охотой за душой – и где он также традиционно терпит полную неудачу и посрамляется. Хитрости его столь наивны, выражение чувств столь непосредственно, что «враг человеческого рода» больше походит на мелкого проказника, к тому же гораздо более неудачливого, чем «злорадный чертёнок» Хогарта – Гофмана» [5, 25].

Интересно, как в «Ночи перед рождеством» кузнец «благодарит» чёрта за помощь: «Тут, схвативши хворостину, отвесил он ему три удара, и бедный черт припустил бежать, как мужик, которого только что выпарил заседатель. Итак, вместо того чтобы провесть, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен» [2, 184].

Здесь автор ещё раз делает акцент на поражении нечистой силы, невозможности поработить душу человека, победе Бога над чёртом. Обратим внимание на «три удара», цифра «три» – атрибут православной религии.

Герой «Вечера накануне Ивана Купала», как уже отмечалось выше, вступив в сделку с дьяволом, был им порабо́щён. Чёрт забрал священное – память Петруся. Символичен и финал повести, когда вместо червонцев в мешках оказываются лишь битые черепки.

«Приметы чужаков, тонко отмеченные А. Белым применительно к гоголевским «отщепенцам», сплошь и рядом вкраплены в портреты демонов – «немцев», нехристей и пришельцев, и хотя в духе простейшей семиотики чужого, иноземное происхождение демона действительно получает нередко негативную трактовку, оно вместе с тем обладает и весьма положительным семантическим потенциалом» [1, 105].

Сравнивая гоголевских героев – своеобразных «простонародных Фаустов», стоит заметить, что персонаж «Ночи перед Рождеством» воцерковлённый и верующий герой. Вакула не идёт на сделку с дьяволом, так как кузнец являет собой тип «природного» человека – чистого помыслами. Образ глумящегося героя над глупым чёртом апеллирует к немецким религиозным драмам и мистификациям.

Совершенно иным представляется Петро, охотно вступающий в сговор с лукавым, он готов на всё ради достижения материального блага.

«Мотив использования чёрта человеком иногда обретает в народной сказке трагедийную окраску. У Гоголя этот «фаустианский» мотив (продажа души чёрту) значительно трансформируется. Грехопадение Петра, завершающееся катастрофой, результат не наивной беспечности героя, а его порочной жадности денег» [6, 76]

Таким образом, в данном контексте мы можем рассматривать образы гоголевских героев Петро и Вакулы как своеобразный «простонародный» тип русского Фауста. Безусловно, данные образы трансформированы и видоизменены, в какой-то степени это фольклорные варианты русифицированного Фауста. В повестях «Вечер накануне Ивана Купала» и «Ночь перед Рождеством» Н.В. Гоголя прослеживаются атрибуты, отсылающие нас к фаустианскому сюжету – это, прежде всего, обращение героев к чёрту, взаимодействие героя с лукавым на протяжении произведения и, в заключении, поражение нечистой силы. Вакула – религиозный герой, он изначально настроен к «духам зла» отрицательно, враждебно, с долей иронии. Это морально-устойчивый и сильный человек, не поддающийся на всякого рода провокации. Интересно то, что кузнец прибегает к помощи чёрта, но это становится дополнительной возможностью указать нечистой силе на её место в этом мире. Гоголь вслед за немецким гением Гёте показывает, что «духи зла» слабее и ничтожнее человека. Ярким тому доказательством служит финальная сцена повести, где показан дом Вакулы с Оксаной и картина с чёртом, горящим в аду.

Персонаж Петруся смело можно назвать антагонистом Вакулы. Петро сгубила порочная жажда денег, вследствие чего он не устоял перед искушителем. Но тем не менее, несмотря на кажущуюся победу дьявола, в «Вечере накануне Ивана Купала» не всё так однозначно. В конце повести мы узнаём о том, что Пидорка стала «беспреданно молящийся монахиней», а чёрта видим жалобно всхлипывающим в своей конуре.

«Фаустовская проблема – это проблема совести, ответственности человека за свои поступки перед собой и другими людьми. Мы знаем её как очень давнюю тему русской литературы, но не без оснований находим её и у Гёте: «Хотя автор и отрицал возможность однозначно сформулировать идею своего многопланового произведения, богатого, как сама жизнь, но идея всё же просматривается: будь чист в своих помыслах, и тогда не страшна тебе никакая «нечистая сила»», – писал А.В. Гулыга в юбилейной статье о «Фаусте» [4, 4].

Проанализировав две повести Н.В. Гоголя из цикла «Вечеров на хуторе близ Диканьки», имеющие в своей основе трансформированный фаустианский сюжет, можно сделать вывод о том, что так разнящиеся и в то же время такие схожие гоголевские персонажи представляют собой тип русского Фауста. Вакула, используя чёрта и тем самым ставя его в разные ситуации, восходит к немецкой средневековой мистификации. Петро, прибегнувший к помощи чёрта исключительно из меркантильных соображений, примыкает к литературной традиции доктора Иоганна Фаустуса.

Литература

1. Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. М., 2002, 686 с. – С. 105.
2. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. М., 1998, 288 с. – С. 165-184.
3. Гоголь Н.В. «Вий» и другие мистические повести. Донецк, 2007, 320 с. – С. 61.
4. Гулыга А.В. «Фауст»: Вечная книга. Комс. Правда, 1982, № 136, 4 с. – С. 4.
5. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. М., 1978, 398 с. – С. 25.
6. Машинский С.И. Художественный мир Гоголя. М., 1971, 512 с. – С. 67-76.

Шуменко О. А. ©

Преподаватель, Сумский государственный университет

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Наряду с числительными в английском языке используются и счетные слова типа *brace*, *pair*, *couple*, исследование которых имеет значение для осознания основных этапов когнитивной количественных отношений. В современном английском языке категория двойственного числа отсутствует [2, 27]. Слова, выражающие понятия двойственного числа, относятся к разным частям речи, например: adj. – *double*; verb – *to double*; pron. – *both*; noun. – *brace*. Для номинации двойственного числа среди существительных выделяется целая парадигма простых по своей структуре слов, имеющих в своей семантике сему числа. Слово *brace* относится к романским заимствованиям, отражает роль руки в процессе количественных оценок реального мира. В английский язык это слово пришло со значением *две руки*. Предметное значение этого слова было выходным, потому что сначала его связывали с обозначением животных. Семантическая структура слова *brace* в диахроническом срезе включает сему четности. Это слово употребляется также как количественный атрибут перед названиями неодушевленных предметов и при счете, напр.: англ. – *A brace of hundred pounds, a brace of thousands*. Слово *brace* может употребляться в иронической форме типа англ. *a brace of two, a brace of duke, thirty brace of grouse*.

В английском языке значение четности реализуется словами *couple* и *pair*. Лексема *couple* относится к романским заимствованиям и связана со значением «упряжка» и «приспособление к животным». С течением времени слово приобретает сему четности, как и слово *brace*, и начинает употребляться в значении «того, что объединяет двух», «быть в паре», напр.: англ. – *A couple of girls, a couple of partners*. В агрокультурной лексике слово обозначает «овца с ягненком». Для слова *couple* присуща омонимичность формы единственного и множественного числа, напр.: англ. – *A twenty couple of dogs, a couple of eggs, three couple of dollars*. Слово *couple* указывает на пару различных предметов, людей, животных [6].

Слово *pair* выступает синонимом *couple* и номинирует определенное соответствие предметов. Как отмечает профессор Швачко Светлана Алексеевна, слово *pair* сочетается со словами для обозначения парных частей [5], напр.: англ. – *Pair of ears, pair of lips, pair of arms, pair of hands, pair of legs, pair of shoes, pair of sleeves, pair of trousers*. Для слова *pair*

присуща омонимия форм единственного и множественного числа. Различаются слова *couple* и *pair* по семантическому содержанию: *couple* обозначает пару различных по характеру и по качеству предметов, животных и людей; *pair* указывает на определенное соответствие, напр.: англ. – *We got some eggs - would you like a couple?* (Ben Elton, p. 327). *A couple of children were playing marbles* (Donald E. Westlake, p. 163). *She resolved to buy him a new pair of jeans* (Jill Mansell, p. 111). *Students work alone or in pairs* (Linda Warren, p. 174).

Слова *brace*, *couple* и *pair* употребляются в английском языке для обозначения двойственного числа, четности, образуя синонимический ряд. Эти слова вступают в гипонимичные отношения с числительным *two*, который может взаимозаменяться с каждым из этих слов. Но счетные слова с семой четности ограничены в своей дистрибуции. Слово *brace* употребляется, в основном, для номинации числовых характеристик животных, слова *couple* и *pair* употребляются для обозначения числовых характеристик животных и людей, при этом они имеют широкий спектр функционирования.

Понятие двойственного числа также выражается словосочетаниями – свободными и устойчивыми [1]. К свободным словосочетаниям относятся языковые единицы следующих моделей: *Pr + Noun, Adj. + Noun, V. + Adv.*, напр.: англ. – *Double love; both members; to read twice*. К устойчивым сочетаниям можно отнести единицы типа *a brace of two, two minds are better than one, two by four*. Среди них выделяются языковые единицы, которые находятся на грани синтаксиса и фразеологии [3]. Устойчивые сочетания отходят от прямого значения, что прослеживается в таких единицах, как *in two twos, two by four*. В этих сочетаниях происходит десемантизация – потеря семантического значения: лексема *two* реализует свое прямое назначение и используется для обозначения неопределенного количества и малого числа [4, 37-39].

Наряду со счетными словами, обозначающими четность, существуют количественные детерминативы, обозначающие неопределенное количество, типа *a school of fish, a team of dogs, a bale of cotton, a nest of ducks, a pile of books*. Со счетными существительными для обозначения понятий *много* и *мало* употребляются квантификаторы *a few, many*, а с неисчисляемыми существительными – *little, much*. Это явление присуще более ранним периодам английского языка [4]. Предметное значение реализуют также и слова меры и веса, которые своим происхождением обязаны названиям частей тела человека (*nail, foot*), орудий труда (*pole, chain, rod*), земельных участков (*hide, acre*), посуды (*pint, ton, gollon*). Слова меры и веса возникли позднее числительных, поэтому в их смысловых структурах прослеживается генезис от предметного значения до количественного. Но когда слова меры и веса не происходят от числительных (*mile, hundredweight*), то в их смысловой структуре не прослеживается предметное значение [5, 24-29].

Слово *dozen* было заимствовано из латинского языка и семантизирует «два» (*duo*) и «десять» (*decim*), которые образовали сложное слово со значением «двенадцать» по аддитивному принципу. Это слово и сейчас часто используется в языке, особенно во фразеологизмах типа *devil's dozen, to have dozen things to do, to give dozens smile*. Слово *score* было заимствовано из скандинавского языка для обозначения группы овец, которых считали по 20 штук. Если провести параллели языковых обозначений, то можно заметить, что в каждом языке выделяются слова счета, функционирование которых обусловлено характером объекта. Например, для счета животных используется обозначение головы, для каналов – источников, для деревьев – корня [5, 58-68]. Счетные слова выступают не основными обозначениями количества, они не выражают абстрактных числовых понятий, но синкретично реализуют предметное и количественное значение. Слова счета не отражаются цифрами, их сфера применения ограничена. Но словам счета и числительным присущи общие тенденции. Количественные слова, которые реализуют сему числа, обозначенные бифункциональностью, реализуют как точное, так и неопределенное число, напр.: англ. – *Two dozen apples :: dozens of apples, a hundred people :: hundreds of people, four score years :: score of years*. Слова счета в своей эволюции сближаются с числительными, они реализуют омонимические формы единственного и множественного числа, своими формами «напоминают» порядковые числитель-

ные (*dozen-dozen-th*). В современном английском языке числительные, слова счета, меры и веса открытые похожим модификациям на их пути становления и функционирования.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. — М. : Наука, 1974. — 367 с.
2. Арутюнова Н.Д. Проблема числа / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка — М. : Индрик, 2005. — С. 5–21.
3. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. — М. : Просвещение, 1973. — 304 с.
4. Швачко С. А. Средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках : [монография] / С. О. Швачко. — К. : Вища школа, 1981. — 144 с.
5. Швачко С. О. Слова міри та ваги : лінгвокогнітивні аспекти : [монографія] / С. О. Швачко. — Суми : Вид-во СумДУ, 2008. — 132 с.
6. Шуменко О. А. Валентнісні характеристики нумеральних слів (на матеріалі англомовного художнього дискурсу) / О. А. Шуменко // Знак — сознание — знание : [сб. науч. работ / ответств. ред. В. И. Теркулов]. — Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 2011. — Вып. 2. — С. 189–193.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

*МАТЕРИАЛЫ
IX МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ*

2–3 октября 2012 г.

Под ред. А.Ф. Долматова

Подписано в печать 23.10.2012 г. Выход из печати 17.11.2012 г.
Формат 60х90/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 16,28. Тираж 100 экз. Заказ 190.

Отпечатано в типографии «ФЕНИКС».
Издательство «Спецкнига».

Издатель «Институт Стратегических Исследований».
Цена свободная.